ОТЕКА
Е. ВЪ Р.
8-78
Шкс I
Полка 4А
№ 10

ГОДЪ 1882 ВТОРОЙ

ВОСХОДЪ

Іюль—Августъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ. Невозможность управленія колоніями безъ содѣйствія Министерства.—Сборы къ передачѣ колоній Новороссійскому Генералъ-Губернатору; его выжидательное положеніе; предложеніе уступить ихъ Палатѣ государственныхъ имуществъ и отказъ въ этомъ.—Заступничество за собравшихся къ переселенію жандармскаго начальства.—Споры объ ускореніи переселенія —Путевыя страданія переселенцевъ и помощь имъ.—Нарѣканія жандармскаго начальства на колоніальное.—Тщетное желаніе Генералъ-Губернатора избавиться отъ завѣдыванія колоніями. — Жалобы переселенцевъ и безърезультатныя разслѣдованія. — Болѣзни и смертность новоприбывшихъ и облегченіе ихъ участи.—Открытіе новыхъ колоній.—Изобличеніе жандармскимъ начальствомъ колоніальнаго; отрѣшеніе отъ должности и преданіе уголовному суду управлявшаго колоніями. II. 1

II. СЕМЕЙСТВО ГИЛЛЕЛЯ. Историческій романъ изъ временъ разрушенія Іерусалима. Часть третья и послѣдняя. Гл. XI—XV. *Окончаніе.* **Макса Ринга**. 38

III. ПРИВИЛЕГІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВИТОВТА ЛИТОВСКИМЪ ЕВРЕЯМЪ. Отрывокъ изъ изслѣдованія о юридическомъ и общественномъ положеніи евреевъ въ Литвѣ отъ временъ Витовта до Люблинской уніи. **С. А. Бершадскаго**. 89

IV. ДВѢ КАРТИНЫ. Стихотвореніе. **С. Г. Фруга**. 121

(На оборотѣ).

Стр.

V. ОТРЫВКИ. I. Ребъ-Залменъ Лемешке. II. Тиша-Беабъ въ рендарской семьѣ. **Бенъ-Ами** 125
VI. САББАТАЙ ЦЕВИ И ПСЕВДОМЕССІАНИЗМЪ ВЪ XVII ВѢКѢ. **С. Дубнова**. 136
VII. БОГЪ. Стихотвореніе. **В. Бегака** 164
VIII. ДЯДЯ МОИСЕЙ. Картина нравовъ въ одномъ дѣйствіи. Гуго Миллера. Перев. **Л. Шварца** 165
IX. РАЗНЫЯ ТЕЧЕНІЯ. Повѣсть. **С. Я.** 189
X. ОСТАТКИ СТѢНЪ, РАЗБИТЫЯ КОЛОННЫ. Стихотвореніе. **В. Жуковскаго** 230

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ПОПЫТКИ РЕЛИГІОЗНОЙ РЕФОРМЫ У ЕВРЕЕВЪ. По поводу книги «Евреи-Реформаторы». Эм. Бенъ-Сіона. Спб. 1882. **Н. Н.** 1
XII. ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА. **Г.** 30
XIII. СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Балтскій погромъ 61
XIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Jerusalem, Jahrbuch zur Beförderung einer wissenschaftlich genauen Kenntniss des jetztigen u. d. alten Palästina, v. A. M. Lunz. (Іерусалимъ, ежегодное изданіе для распространенія точныхъ научныхъ свѣдѣній о древней и нынѣшней Палестинѣ, изд. А. М. Лунца. Выпускъ I, Вѣна, 1882 г.). 2) Синьáть олàмъ ле-àмъ олàмъ (Вѣчная ненависть къ вѣчному народу) Н. Соколова. Варшава, 1882 г. 3) Autoemancipation. Mahnruf an seine Stammesgenossen, von einem russischen Juden. (Самоэмансипація. Воззваніе русскаго еврея къ своимъ единоплеменникамъ). Berlin, 1882. **Меваккера**. 79

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Іюль—Августъ.

АЛУПКІНСЬКИЙ
ПАЛАЦ-МУЗЕЙ
в м. Алупці
БІБЛІОТЕКА
Інв. № 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1882.

ЖИ 6447
ИП 14421

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ.

X.

Невозможность управленія колоніями безъ содѣйствія Министерства.—Сборы къ передачѣ колоній Новороссійскому Генералъ-Губернатору; его выжидательное положеніе; предложеніе уступить ихъ Палатѣ государственныхъ имуществъ и отказъ въ этомъ.—Заступничество за собравшихся къ переселенію жандармскаго начальства.—Споры объ ускореніи переселенія.—Путевыя страданія переселенцевъ и помощь имъ.—Нарѣканія жандармскаго начальства на колоніальное.—Тщетное желаніе Генералъ-Губернатора избавиться отъ завѣдыванія колоніями.—Жалобы переселенцевъ и безъ результатныя разслѣдованія.—Болѣзни и смертность новоприбывшихъ и облегченіе ихъ участи.—Открытіе новыхъ колоній.—Изобличеніе жандармскимъ начальствомъ колоніальнаго; отрѣшеніе отъ должности и преданіе уголовному суду управлявшаго колоніями.

Изъ предъидущей главы читателямъ извѣстно, что передачею колоній въ единоличное и безотчетное распоряженіе новороссійскаго генералъ-губернатора, Киселевъ надѣялся избавить, на время, свое новое министерство государственныхъ имуществъ отъ всякихъ заботъ и занятій по колоніямъ. Надежда эта, однако, противорѣчила основному принципу существованія министерствъ вообще, а государственныхъ имуществъ въ частности, по данному предмету. По дѣйствовавшему тогда закону (онъ и теперь еще въ силѣ) въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ вносили всѣ представленія, безразлично по какимъ бы то ни было случаямъ,—исключительно министерства. Такимъ образомъ и возникавшіе на мѣстѣ по колоніямъ законодательные или важные административные вопросы, требовавшіе разрѣшенія совѣта или комитета,—ново-

россійскій генералъ-губернаторъ просто обязывался направлять именно въ министерство государственныхъ имуществъ, потому что колоніи принадлежали къ его вѣдомству. Точно также и министерству неизбѣжно предстояло разсматривать эти вопросы, а при неясностяхъ или вслѣдствіе какой либо связи ихъ съ дѣятельностью вѣдомствъ другихъ министерствъ,—спрашивать заключенія какъ ихъ, такъ и генералъ-губернаторовъ южнаго и западнаго края и попечительнаго комитета, по прежней его практикѣ, и, лишь кончивъ все это—представлять совѣту или комитету. Наконецъ, поступавшія отъ нихъ высочайше утвержденныя мнѣнія министерству же надлежало сообщать сенату, министерствамъ, генералъ-губернаторамъ и пр., которыхъ это касалось. Ясно, слѣдовательно, что министерство государственныхъ имуществъ ни въ какомъ случаѣ не могло освободиться отъ труда по колоніямъ. Мало того, графъ М. С. Воронцовъ, не взирая на приведенное нами повелѣніе о порученіи собственно ему устройства судьбы колоній,—смотрѣлъ на свои къ нимъ отношенія только какъ посредника между колоніальнымъ начальствомъ и министерствомъ. Оттого онъ съ одной стороны считалъ себя вправѣ обращаться къ послѣднему за всякими разъясненіями и наставленіями, а съ другой стороны—не спѣшилъ проявлять ни своего взгляда на колоніи, ни какихъ либо мѣропріятій къ ихъ упорядоченію, разсчитывая также, какъ и Киселевъ, свалить съ себя отвѣтственность на другихъ.

Результатомъ указаннаго страннаго образа дѣйствія министерства и генералъ-губернатора было то, что колоніальное начальство около года приготовлялось къ переходу изъ вѣдѣнія попечительнаго комитета въ подчиненіе генералъ-губернатора. Затѣмъ, видя, что выжидательная система не оправдываетъ цѣли,—Воронцовъ поручилъ управленіе колоніями подполковнику Демидову, а когда онъ приступилъ къ ихъ пріему, замѣнявшій Воронцова (часто и по долгу) генералъ Федоровъ донесъ объ этомъ ничтожномъ событіи Киселеву, а спустя два мѣсяца, «убѣдившись въ трудности самостоятельнаго завѣды-

ванія колоніями»,—Федоровъ уже спрашивалъ разрѣшенія Киселева на вступленіе въ непосредственное руководительство ими открывавшейся тогда (въ 1839 г.) херсонской палаты государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы она посредничала между начальствомъ колоній и управленіемъ генералъ-губернатора. Мысль эту Федоровъ мотивировалъ тѣмъ, что она «вполнѣ соотвѣтствовала цѣли учрежденія палатъ и повелѣнію о *временномъ* распоряженіи колоніями генералъ-губернатора»; что «только содѣйствіемъ палаты удастся достигнуть надлежащаго успѣха въ этомъ важномъ дѣлѣ»; что «самъ графъ М. С. Воронцовъ ждалъ лишь открытія палаты, дабы именно чрезъ нее направить дѣло еврейскаго поселенія», ибо «слѣдя за нимъ сначала—она постепенно съ нимъ ознакомится, а это принесетъ ей пользу впослѣдствіи, когда она вступитъ въ самостоятельное управленіе колоніями». Въ заключеніе Федоровъ настаивалъ на учрежденіи въ канцеляріи генералъ-губернатора особаго стола для веденія переписки по колоніямъ и на ассигнованіе на содержаніе чиновниковъ этого стола 2750 рублей въ годъ, потому что «дѣломъ этимъ некому заниматься, по недостатку чиновниковъ». Киселевъ рѣшительно отвергъ все представленіе Федорова, отвѣтивъ ему, что колоніи переданы генералъ-губернатору съ единственною цѣлью не обременять палаты, при самомъ ея основаніи, разнородными предметами»; что посредничество палаты «усложнило бы дѣло, причинило бы разныя проволочки», да и «было бы противно повелѣнію о передачѣ колоній въ исключительное вѣдѣніе генералъ-губернатора». Касательно же увеличенія штата канцеляріи генералъ-губернатора, для переписки по колоніямъ, Киселевъ совѣтовалъ Федорову адресоваться къ министру внутреннихъ дѣлъ, къ вѣдомству котораго канцелярія относится. Киселевъ сообщилъ Федорову, кстати, для свѣдѣнія и въ чемъ понадобится исполненія, что по возбужденному волынскою казенною палатою вопросу о томъ, въ какомъ именно благосостояніи еврей долженъ считаться прочно водвореннымъ земледѣльцемъ,—послѣдовало, по его, Киселева, представленію, высочайше утвер-

жденное положеніе комитета министровъ (3 января 1839 г.), что «прочно водворенными земледѣльцами могутъ признаваться тѣ лишь евреи, которые будутъ имѣть на каждую ревизскую мужскую душу не менѣе 5 дес. земли, безразлично казенной ли, купленной или арендуемой ими въ Витебской, Могилевской, Гродненской, Минской, Кіевской, Виленской, Подольской, Волынской губерніяхъ и въ Бѣлостокской области».

Вслѣдъ затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ прислалъ Киселеву, на «дальнѣйшее усмотрѣніе», донесеніе Бенкендорфу начальника 4 округа корпуса жандармовъ, генералъ-маіора Дребуша, который излагалъ, что 50 еврейскихъ семействъ м. Шкудъ Виленской губерніи распродали всѣ свои пожитки, въ ожиданіи отправки ихъ въ Сибирь, но были остановлены, по случаю воспрещенія имъ переселяться туда, впредь до уясненія: вправѣ ли они разсчитывать при водвореніи ихъ въ Новороссіи на дарованныя для предназначенныхъ въ Сибирь льготы? Дѣло ихъ остается не рѣшеннымъ, писалъ Дребушъ, а они находятся въ самомъ крайнемъ положеніи: безъ пріюта и пропитанія; кагалы же въ ожиданіи ихъ отправки,— не даютъ имъ паспортовъ для снисканія заработковъ и взыскиваютъ съ нихъ недоимки за прошлое время. Дребушъ прибавилъ при этомъ, что «цѣлыхъ три семейства единственно отъ нищеты *умерли*, а остальные просятся въ Новороссію, хоть безъ пособія». Доводы Дребуша побудили Киселева предложить виленскому генералъ-губернатору остановить взысканіе съ приготовившихся въ путь евреевъ недоимокъ, воспретить кагаламъ стѣснять евреевъ, а о скорѣйшемъ переселеніи ихъ въ Новороссію адресоваться къ Федорову. Все это Долгоруковъ исполнилъ и ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Тѣмъ временемъ смоленскій генералъ-губернаторъ Дьяковъ доставилъ Киселеву же копію съ отношенія къ нему Федорова, по поводу желанія въ Новороссію: изъ Могилевской— 141 и Витебской губерн.—281 семейство. Выше мы говорили, что ушедшихъ въ Сибирь и только собравшихся туда слѣдовало принимать въ Херсонскую губернію съ привиллегіями и посо-

біями отъ казны, а желавшихъ прямо въ Новороссію—съ одними лишь привиллегіями. Ссылаясь на эти правила, Федоровъ просилъ Дьякова разсортировать просителей на двѣ опредѣленныя категоріи, но отправкою ихъ повременить, такъ какъ «вселеніе вообще замедлилось отъ неизвѣстности: по сколько отводить переселенцамъ земли, которой, изъ считавшейся при колоніяхъ свободною, недостаточно для всѣхъ желающихъ». Неопредѣленность отзыва Федорова не удовлетворяла Дьякова. Онъ и домогался *приказанія* Киселева о переселеніи евреевъ на «совокупныхъ условіяхъ, изложенныхъ въ правахъ 1835 и 1836 г., т. е., чтобы снабдить хотя нѣкоторыми пособіями, но всѣхъ, во вниманіе къ ихъ крайней бѣдности».

Съ своей стороны Долгоруковъ тщетно убѣждалъ Федорова принять скорѣе виленскихъ, гродненскихъ и бѣлостокскихъ 1467 семействъ: Федоровъ повторялъ ему тоже самое, что писалъ Дьякову. Долгоруковъ признавалъ соображенія Федорова также несообразными съ насущною потребностью, почему уговаривалъ Федорова ходатайствовать скорѣе предъ Киселевымъ о разрѣшеніи всѣхъ сомнѣній. На это Федоровъ возражалъ Долгорукову, что просители, какъ гласила переписка, не приготовлялись въ Сибирь, потому и не вправѣ разсчитывать на пособія, а безъ него могутъ, если желаютъ, явиться въ Херсонскую губернію, гдѣ имъ отведутъ землю, а устроиться они должны на свой счетъ. Обо всемъ этомъ Федоровъ рапортовалъ и Киселеву, который разъяснитъ ему и Дьякову, что поселить съ пособіями слѣдуетъ только остановленныхъ на пути въ Сибирь и приготовившихся туда: курляндскихъ—350, могилевскихъ—33, витебскихъ—79 и плоцкихъ—163, итого—625 семействъ.

Между тѣмъ безъ всякаго пособія явились на мѣсто и поселились: минскихъ—65 и подольскихъ—70 семействъ *. Этотъ фактъ стремленія евреевъ въ колонисты и безъ матеріальной

* По документамъ отъ 31 октября, 22 и 23 декабря 1838 г., 23 и 27 января, 7 и 11 февраля, 10 и 20 апрѣля, 11 мая, 9 и 27 іюня, 29 іюля, 31 августа и 8 сентября 1839 г.

казенной поддержки, — послужилъ Киселеву основаніемъ настоять, для большаго привлеченія евреевъ въ земледѣльцы, на включеніи въ положеніи о коробочномъ сборѣ (25 октября 1839 г.) особаго примѣчанія (къ § 2) о томъ, что «между евреями-земледѣльцами, кои живутъ въ селеніяхъ, коробочный сборъ учреждается только тогда, когда признано будетъ нужнымъ по особому распоряженію начальства», т. е. они и навсегда могли избавиться отъ этого сбора. Кромѣ того, ссылаясь на мнѣнія Дьякова, что евреи расположены къ земледѣлію, — Киселевъ провелъ чрезъ государственный совѣтъ, въ видѣ моральной субсидіи евреямъ—два новыхъ закона (25 октября 1839 г.). Первымъ изъ нихъ установлялось: 1) для облегченія перехода евреевъ въ земледѣльцы—дозволять поступать и состоящимъ на рекрутской очереди, но непремѣнно цѣлыми семействами, какъ значились въ ревизскихъ сказкахъ; 2) переходящихъ въ числѣ 80 и болѣе душъ (вдвое противъ того числа, какое признавалось обществомъ) считать значительнымъ обществомъ и при переселеніи такого числа на казенныя, купленныя, или арендованныя земли на 50 лѣтъ—освобождать ихъ отъ рекрутства на 50 же лѣтъ; ежели же будутъ переходить на снятыя земли на меньшіе сроки—на обусловленное договоромъ время и даже долѣе 50 лѣтъ, буде и потомъ останутся земледѣльцами; 3) мѣстнымъ начальникамъ строго наблюдать, чтобы освобождаемые отъ рекрутства непремѣнно переселялись въ земледѣльцы и занимались хлѣбопашествомъ, а не промыслами. А по послѣднему закону евреямъ дозволялось пріобрѣтать земли въ собственность и аренду, для селенія и хлѣбопашества въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, не иначе, впрочемъ, какъ въ 3-хъ верстномъ разстояніи отъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеній (27 декабря 1839 г.). Отдаленіе евреевъ отъ христіанъ предписывалось съ двоякаго рода цѣлью, т. е., чтобы, во 1-хъ, не смѣшивать разныя народности, во избѣжаніе религіозныхъ столкновеній между ними, а во 2-хъ, чтобы нагляднѣе видѣть плоды самостоятельной работы евреевъ.

Покамѣсть изложенные нами законы разсматривались и утверждались, Воронцовъ успѣлъ устранить всѣ недоразумѣнія относительно земли, причемъ огласилъ, чрезъ генералъ-губернаторовъ, что всѣ, желающіе переселиться на свой счетъ, — смѣло могутъ прибыть и безпрепятственно воспользоваться землею. Съ этихъ поръ начались усиленныя переселенія. Такъ, Дьяковъ, отправилъ съ пособіями на счетъ казны: люценскихъ—26, невельскихъ—53 и полоцкихъ—163 семейства, предназначавшіяся въ Сибирь и потому располагавшихъ правомъ на вспомоществованіе. Кромѣ этихъ еще многіе изъ желавшихъ: сперва—въ Сибирь, а потомъ—въ Новороссію, увѣряли Дьякова, что тоже распродали свое имущество, въ предположеніи идти въ Сибирь. Дьяковъ распорядился провѣрить ихъ показанія, и въ то же время писалъ Киселеву, что они «не имѣютъ никакихъ способовъ къ пропитанію и служатъ бременемъ мѣстнымъ обществамъ», поэтому «весьма справедливо и ихъ всѣхъ принять на казенный счетъ». Управлявшій министерствомъ вмѣсто Киселева, тайный совѣтникъ Гамалея уважилъ настояніе Дьякова не въ примѣръ другимъ евреямъ, находившимся въ вѣдѣніи прочихъ генералъ-губернаторовъ.

Читатели помнятъ, конечно, что въ Сибирь собрались евреи изъ лифляндской, эстляндской и курляндской губерній, и что ихъ тоже велѣно было направить въ Новороссію. Генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Паленъ, получивъ объ этомъ окончательныя свѣдѣнія, обратился съ ходатайствомъ о назначеніи: во 1-хъ, гарнизонныхъ офицеровъ, для сопровожденія еврейскихъ партій; во 2-хъ, подводъ для перевозки имущества, дряхлыхъ, больныхъ, женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей,—по подводѣ на каждое семейство, и въ 3-хъ, конвойныхъ солдатъ, для охраненія въ пути какъ значительныхъ суммъ, которыя причитались на прогоны и продовольствіе людей, такъ и для надзора за послѣдними.

Обо всемъ этомъ завязалась переписка между министерствами: государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и военнымъ, причемъ состоялось частное предвари-

тельное соглашеніе—давать подводы отъ казны по арестантскому только положенію. Но покуда и объ этомъ велась рѣчь, Паленъ собственною властію поступилъ во всемъ такъ, какъ предполагалъ, снарядилъ партіи и слѣдомъ одну за другою отправилъ ихъ до Вильно, подъ начальствомъ сперва чиновниковъ:

	семействъ.	м.	ж.	итого.
Фонъ Мирбаха.	50	192	162	354
Барона Бистрома	50	208	206	414
» Медема	50	202	203	405
Фонъ-Большвингома	48	193	184	377
А потомъ гарнизонныхъ офицеровъ:				
Капитана Кузьминскаго. . .	50	179	157	336
Маіора Трипольскаго. . . .	46	155	127	282
Поручика Кузьмина	52	192	192	384
	346	1321	1231	2552

Къ показанному числу прибалтійскихъ евреевъ прибавилось отосланныхъ разнообразными способами витебскихъ и могилевскихъ 275 семействъ въ 625 человѣкъ, т. е. всего значитъ ушло 621 семейство въ 3177 чел.

Киселевъ по предшествовавшей службѣ своей въ арміи долго жилъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ евреями, поэтому считалъ себя знатокомъ ихъ міросозерцанія, а евреевъ—способными сдѣлаться осѣдлыми земледѣльцами только по крайности и принужденію. Узнавъ, что въ короткое время *добровольно* отправилось на поселеніе до 700 семействъ, да желало туда же болѣе 1000 семействъ,—онъ принялъ это явленіе за коренной поворотъ въ понятіяхъ евреевъ, потому, между прочимъ, рѣшился воспользоваться имъ и для большаго прикрѣпленія къ земледѣлію и тѣхъ, которые въ разбродѣ принялись за него, въ разныхъ губерніяхъ, независимо херсонской. Въ этихъ видахъ онъ представилъ государственному совѣту проектъ еще болѣе прежняго стѣсняющій перечисленіе этихъ земледѣльцевъ въ мѣщане. Совѣтъ одобрилъ, а Николай I утвер-

дилъ эту мѣру въ слѣдующихъ суровыхъ пунктахъ: 1) евреи, поселившіеся въ разныхъ губерніяхъ на нанятыхъ, купленныхъ, или казною отведенныхъ земляхъ, могутъ (кромѣ херсонскихъ колонистовъ) переходить въ прежнее званіе. 2) Они обязаны: во-первыхъ — внести въ казну податную недоимку, какая, по этому званію, на нихъ числилась и при поступленіи въ земледѣльцы была сложена, а сверхъ того заплатить и всѣ, за льготное время, подати, коими воспользовались; во-вторыхъ—переходить не по одиночкѣ, а цѣлыми семьями, какъ по ревизскимъ сказкамъ значатся. 3) Перечисляемое семейство вступаетъ въ тотъ же номеръ, подъ которымъ до перехода въ земледѣльцы значилось по очередному рекрутскому списку; обязано немедленно исполнить рекрутскую повинность, буде очередь до него доходила во время нахожденія его въ земледѣльческомъ состояніи. 4) Если еврей, бывъ по лѣтамъ годенъ въ рекруты,—перешелъ въ земледѣльцы изъ семейства, состоявшаго на рекрутской очереди, а въ бытность земледѣльцемъ сдѣлался неспособнымъ, то можетъ перечислиться въ прежнее званіе не прежде, какъ поставивъ вмѣсто себя наемника. 5) Евреевъ, вернувшихся въ мѣщане — вновь въ земледѣльцы не принимать, какъ неблагонадежныхъ. 6) Правила эти распространяются на земледѣльцевъ, пробывшихъ въ этомъ состояніи менѣе 20 лѣтъ; пробывшіе же 20 лѣтъ могутъ свободно переходить въ другія сословія (18 іюня 1840 г.).

Оказалъ ли этотъ законъ вліяніе на развитіе земледѣлія среди поселившихся на арендованныхъ и купленныхъ земляхъ, — судить не беремся: объ этихъ земледѣльцахъ ни за прежнее, ни за данное время никакихъ документовъ мы не могли доискаться. Оттого, по необходимости, вернемся къ херсонскимъ, о преуспѣяніи которыхъ на бумагѣ прилагалось чрезвычайно много заботъ и хлопотъ; въ дѣйствительности же оказывались невообразимыя неурядицы.

Такъ, читатели помнятъ, разумѣется, о лишеніяхъ, какимъ подвергались евреи преимущественно вслѣдствіе воспрещенія

имъ слѣдовать въ Сибирь, куда они было собрались. Потомъ въ Новороссію выступили они въ концѣ августа и въ сентябрѣ, а шли медленно съ установленными, для партій, ночлегами и дневками, гдѣ и какъ попало. Слякотная, обыкновенно, осень настигла ихъ въ дорогѣ. Для сокращенія путешествія и тяжести пѣшаго пути, курляндскіе евреи были отправлены: изъ Минска—четыре, а изъ Бобруйска—три партіи водою на байдакахъ (баржахъ) до Кременчуга, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы они заплатили судовщикамъ за свой проѣздъ изъ кормовыхъ, причитавшихся имъ по сухопутному разсчету за разстояніе по минской губерніи, а продовольствовались бы до Кременчуга на счетъ кормовыхъ же, полагавшихся имъ по черниговской и полтавской губерніямъ. По прибытіи въ Кременчугъ они были размѣщены по обывательскимъ квартирамъ, потому что херсонское начальство неуспѣло ассигновать имъ кормовыхъ на дальнѣйшую дорогу, да и наступили еврейскіе праздники. Въ Кременчугѣ прожили они цѣлый мѣсяцъ безъ кормовыхъ, причемъ особенно нуждавшимся помогали мѣстные ихъ единовѣрцы. Надъ ихъ горестнымъ положеніемъ сжалился уѣздный штабъ-лекарь Шиндлеръ, который донесъ харьковскому генералъ-губернатору князю Долгорукову (бывшій виленскій), что «изъ 610 челов. 173 больныхъ простудою, поносомъ и горячкою отъ тѣсноты на байдакахъ, на которыхъ они ѣхали, отъ недостатка пищи и отъ худого качества съѣстныхъ припасовъ, какими они довольствовались дорогою».

Вслѣдствіе этого донесенія, Долгоруковъ тотчасъ же предписалъ полтавскимъ: губернатору — озаботиться призрѣніемъ больныхъ, а вице-губернатору Гессе (случайно находившемуся въ Кременчугѣ)—постараться облегчить участь евреевъ. Гессе убѣдился, что 215 чел. помѣщены были въ городскомъ зданіи, называвшемся сахарнымъ заводомъ, «въ тѣснотѣ, сырости, при дурномъ, спертомъ воздухѣ, смѣшеніи разнородныхъ болѣзней и безъ медицинскаго присмотра, а отъ этихъ недостатковъ нетолько не подаютъ надежды на скорое выздоровленіе, но еще

представляютъ опасность въ порожденіи заразительности». Картина эта побудила Гессе образовать, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ предводителя дворянства, полиціймейстера, городского головы и медиковъ: Чернивецкаго, Никифоренко, Филиппова и Визеля комитетъ, для «опредѣленія средствъ къ улучшенію положенія евреевъ къ оказанію имъ ближайшей и немедленной помощи».

Открывъ засѣданіе комитета, Гессе предложилъ ему обсудить: 1) о размѣщеніи тяжело больныхъ въ богоугодномъ заведеніи, гдѣ мѣста казалось ему достаточно; но если бы не достало кроватей, то нельзя ли размѣстить нѣкоторыхъ на полу, давъ имъ тюфяки, отдѣливъ ихъ по одному отъ двухъ, имѣющихся на каждой кровати; 2) объ отводѣ свободныхъ въ заведеніи комнатъ для временного помѣщенія богадѣльщиковъ, дабы ихъ мѣста занять тяжело больными; 3) объ изысканіи средствъ къ содержанію больныхъ безъ особыхъ издержекъ отъ казны, кромѣ ассигнованныхъ 25 к. въ день на человѣка, такъ какъ мѣстный аптекарь Герике, по просьбѣ его, Гессе, согласился безплатно отпускать лекарства для больныхъ; 4) объ удобнѣйшемъ размѣщеніи тѣхъ, которыхъ не для чего содержать въ богоугодномъ заведеніи; 5) о составленіи правилъ о порядкѣ дальнѣйшаго отправленія выздоравливающихъ. Однимъ словомъ комитетъ, заключилъ Гессе, приметъ «предложенныя отъ меня начала къ изысканію способовъ къ облегченію участи евреевъ, оставленныхъ, за болѣзнію, въ Кременчугѣ, по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ и сдѣлаетъ рѣшительныя распоряженія и исполнитъ все съ благоразуміемъ и поспѣшностію, какихъ требуетъ важность предмета, а въ отсутствіи моемъ предводитель дворянства приметъ обязанность предсѣдателя».

Комитетъ, выслушавъ это предложеніе, съ своей стороны заключилъ: *первое*—поручить медикамъ, участвующимъ въ комитетѣ, освидѣтельствовать всѣхъ больныхъ, находящихся въ сахарномъ заводѣ, отдѣлить здоровыхъ отъ больныхъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ здоровыхъ, которыхъ нужнымъ найдутъ

оставить при больныхъ малолѣтнихъ дѣтяхъ и употребить для присмотра и необходимой прислуги,—отправить больныхъ въ богоугодное заведеніе, тамъ раздѣлить ихъ по роду болѣзней, доставлять имъ всѣ возможныя пособія къ скорѣйшему выздоровленію, совмѣстно съ врачемъ заведенія и пригласить отъ комитета медиковъ Никифоренка и Масляникова. *Второе*—изъ получаемаго евреями 25-копѣечнаго суточнаго содержанія, приготовлять пищу, сообразную назначеніямъ врачей, для чего отдѣлить особую кухню, опредѣлить кухарокъ изъ выздоровѣвшихъ евреекъ, съ тѣмъ, чтобы расходованіе денегъ производилось при *избранномъ* отъ евреевъ довѣренномъ лицѣ. *Третье*—для удобнаго размѣщенія больныхъ въ заведеніи—очистить флигель, занимаемый богадѣльщиками, коихъ временно помѣстить въ свободныхъ при заведеніяхъ комнатахъ, со всѣми удобствами, какія дозволятъ средства заведенія, отдѣлить по одному тюфяку отъ каждой больничной и богадѣльной кровати, и съ имѣющимися въ экономіи излишними,—распредѣлить ихъ для больныхъ евреевъ, а въ случаѣ недостатка кроватей—помѣщать на полу на однихъ тюфякахъ. *Четвертое*—во все время пребыванія больныхъ евреевъ въ заведеніи, по многочисленности больныхъ, сверхъ комплекта находящихся,—сдѣлать отъ комитета распоряженіе, чтобы при перемѣнѣ больными бѣлья, оно, всякій разъ тщательно было пересматриваемо, перечиняемо, вымыто и доставляемо въ свое время въ заведеніе, для предназначеннаго употребленія, на что издержки принимаетъ на себя общество здѣшняго еврейскаго сословія. *Пятое*—пользовать больныхъ изъ аптеки провизора Герике медикаментами. *Шестое*—имѣть трехъ лекарскихъ учениковъ, которыхъ немедленно вытребовать чрезъ губернатора отъ врачебной управы. *Седьмое*—по мѣрѣ выздоровленія больныхъ—отправлять ихъ, посредствомъ земской полиціи цѣлыми семействами, снабжая всѣхъ необходимымъ, по времени года, вещами, на счетъ остатковъ отъ продовольствія и отъ пожертвованій, которыхъ, по увѣренію предводителя дворянства и градского головы, можно ожидать отъ *русскихъ* жителей горо-

да, такъ же, какъ отъ еврейскаго общества,—уже оказавшаго значительныя для больныхъ пожертвованія. *Восьмое*—здоровые евреи должны получать назначенное отъ правительства продовольствіе, и *девятое*—малолѣтнихъ, родители коихъ больны, а для отдѣльнаго присмотра нѣтъ въ семействахъ взрослыхъ,—отдѣлить въ заведеніи въ особую камору, въ родѣ дѣтскаго пріюта, а также пріискать въ еврейскомъ обществѣ кормилицъ, для грудныхъ младенцевъ, буде укажетъ къ тому надобность. Все это комитетъ опредѣлилъ привести въ немедленное исполненіе.

Энергія комитета, выразившаяся не только на бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ, спасла многихъ евреевъ отъ преждевременной смерти. По приглашенію предводителя дворянства и градского головы, русскіе несли больнымъ провизію, вещи и деньги, которыхъ насчитали до 1000 руб., по тогдашнему составлявшихъ значительную сумму. Независимо указанныхъ больныхъ, они нашлись, въ изрядномъ количествѣ, и изъ прибывшихъ въ Черниговскую губернію, гдѣ тамошній губернаторъ также приложилъ серьезныя усилія къ облегченію участи евреевъ.

Пока кременчугское начальство и само общество заботилось о курляндскихъ евреяхъ,—туда же прибыла на байдакахъ же партія витебскихъ евреевъ въ 250 душъ, среди которыхъ тоже равномѣрно свирѣпствовали болѣзни. Старшина этой партіи подалъ кременчугскому же полиціймейстеру прошеніе, въ которомъ изложилъ, что при отправленіи люцинскимъ исправникомъ этой партіи, ей «выдали кормовыхъ (съ 14 августа по 29 октября) 1081 р. 22 к., но отъ происшедшихъ въ пути остановокъ, отъ неснабженія подводами и уплаты за проѣздъ на байдакахъ,—они издержали всѣ деньги и дальше слѣдовать имъ положительно не съ чѣмъ». Поэтому старшина просилъ о снабженіи партіи кормовыми еще на 3 недѣли, на проѣздъ до мѣста остальныхъ 300 верстъ. Полиціймейстеръ размѣстилъ партію по квартирамъ и передалъ ее попеченію комитета, а просьбу ихъ старшины—послалъ губернатору съ поясненіемъ,

что во-1-хъ, по маршруту партіи она должна была проходить чрезъ Кіевскую губернію сухимъ путемъ, что было бы ближе но какъ она ѣхала водою гораздо дольше, то кормовыхъ у нея и не хватило; во-2-хъ, отправить въ путь нельзя: больныхъ—до выздоровленія, а здоровыхъ—вслѣдствіе прекращенія переправы чрезъ Днѣпръ и по ихъ безденежью. Слѣдомъ за полиціймейстеромъ и комитетъ написалъ губернатору, что витебскимъ евреямъ ничѣмъ не въ состояніи пособить, потому что пожертвованія собраны въ пользу курляндскихъ евреевъ и употребляются на нихъ, сообразно ихъ нуждамъ, а въ заведеніи всѣ мѣста заняты, такъ что помѣстить витебскихъ евреевъ можно развѣ только въ еврейской больницѣ, о чемъ и предложено мѣстному кагалу. Губернаторъ поручилъ комитету: всѣхъ витебскихъ евреевъ освидѣтельвовать и здоровыхъ немедленно отправить въ Херсонскую губернію, снабдивъ ихъ кормовыми по числу дней, какіе имъ предстоитъ пройти по маршруту; деньги же на кормовыя взять изъ наличныхъ пожертвованій, для курляндскихъ евреевъ собранныхъ, а если ихъ мало—постараться вновь собрать; буде же это не удастся—вытребовать изъ уѣзднаго казначейства, но по разсчету: на взрослыхъ—по $6^6/_7$ к,, а на малолѣтнихъ до 15-лѣтняго возраста—по $3^1/_2$ к. въ сутки. Отослать людей губернаторъ просилъ съ полицейскимъ чиновникомъ, котораго снабдить: деньгами—на раздачу кормовыхъ; книгою—для правильной записки ихъ, съ тѣмъ, чтобы представилъ потомъ точный отчетъ, и инструкцію—какъ обращаться съ людьми и наблюдать за ними въ дорогѣ. Наконецъ, дѣйствительно больныхъ губернаторъ разрѣшилъ размѣстить въ городской больницѣ, или гдѣ комитетъ признаетъ за лучшее. Наконецъ, губернаторъ совѣтовалъ комитету принять мѣры къ пользованію ихъ также, какъ курляндскихъ евреевъ, а по выздоровленіи—препровождать по назначенію. Короче, «дѣйствовать такъ, какъ требуется въ семъ крайнемъ и человѣколюбивомъ случаѣ».

Обо всемъ разсказанномъ губернаторъ донесъ, въ свою очередь, министру внутреннихъ дѣлъ, а онъ передалъ донесеніе

по принадлежности, министру государственныхъ имуществъ. Описанное критическое положеніе евреевъ побудило Киселева, съ согласія Канкрина, адресоваться въ комитетъ министровъ за разрѣшеніемъ полтавскому губернатору «по уваженію крайней надобности» евреевъ, находившихся въ Кременчугѣ, купить имъ, на счетъ казны, теплую одежду и обувь и отослать ихъ съ дополнительными кормовыми, по назначенію, ибо «не располагая приличными времени года вещами,—они не могутъ дальше слѣдовать, а оставлять ихъ въ Кременчугѣ до весны сопряжено съ крайнимъ для нихъ неудобствомъ по немалочисленности ихъ и по неисправности зданія, въ которомъ они помѣщены». Снисхожденія евреи заслуживали, по словамъ Киселева, и по тому еще, что достаточно «*претерпѣли отъ сырой и холодной погоды*». Кромѣ того, въ отвращеніе въ будущемъ происшедшихъ затрудненій,—Киселевъ полагалъ вмѣнить генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ въ обязанность отправлять евреевъ на поселеніе непремѣнно въ маѣ, чтобы являлись на мѣсто лѣтомъ же *. Комитетъ министровъ согласился на все. (1 января 1841 г.).

Къ этому самому времени былъ обнародованъ законъ, проведенный Киселевымъ, чрезъ тотъ же комитетъ министровъ, по настоянію Дьякова, въ пользу лишь намѣревавшихся переселиться въ Сибирь, но не тронувшихся еще съ мѣста и не вполнѣ доказавшихъ своего раззоренія, а потомъ пожелавшихъ въ Новороссію. Именно, евреямъ этимъ предоставлялось право и на подводы по рекрутскому положенію, для больныхъ, дряхлыхъ и малолѣтнихъ, тогда какъ доселѣ даже возвращавшимся *съ пути* въ Сибирь—подводы давались гораздо въ меньшемъ числѣ, какъ арестантамъ (7 января 1841 г.). Законъ этотъ засталъ въ дорогѣ многихъ изъ шедшихъ въ колонисты, во всѣхъ отношеніяхъ на собственный счетъ, т. е. такихъ, на которыхъ означенный законъ ничуть не распространялся. Тѣмъ

* По документамъ отъ 8 апрѣля, 9, 25 и 26 іюня; 3, 23 и 31 іюля, 5, 9 и 23 августа, 14, 26, 29 и 30 ноября, 5, 7, 14, 17, 20, 24 и 31 декабря 1840 г.

не менѣе разныя власти поняли этотъ законъ въ самомъ широкомъ смыслѣ и, по просьбамъ путешественниковъ,—снабжали ихъ кормовыми и подводами, а вслѣдствіе этой помощи наплывъ въ колоніи еще больше усилился, такъ что по заявленію херсонскаго губернатора, въ одномъ «селѣ Яновкѣ евреевъ скопилось болѣе 400 семействъ, въ числѣ которыхъ 44 семейства явились *въ самомъ жалостномъ видѣ*». Не зная, что предпринять съ массою народа, ежедневно увеличивавшагося числомъ,—губернаторъ распредѣлилъ, сколько могъ, квартировать къ обывателямъ, съ платою послѣднимъ за содержаніе отъ казны; разрѣшилъ сформировать 4 новыхъ колоніи, но затруднился разобрать пришельцевъ по категоріямъ, ибо «обо многихъ неизвѣстно: ни откуда, ни какимъ путемъ явились они въ колоніи въ лохмотьяхъ, безъ всякихъ признаковъ какого либо состоянія».

Каково было это состояніе евреевъ рельефно характеризуется письмомъ Бенкендорфа къ Киселеву. До свѣдѣнія III отдѣленія дошло, гласитъ письмо, что «курляндскіе евреи въ пути претерпѣвали самое *жестокое обращеніе* отъ провожавшихъ ихъ чиновниковъ и офицеровъ, а прибывъ на мѣсто, не получили обѣщанныхъ правительствомъ хлѣба, скота и не нашли покровительства ближайшаго начальства, на которое вполнѣ надѣялись. Многіе члены ихъ семействъ *лишились жизни* отъ тягости и дальняго пути, *умираютъ съ голода, ежедневно заняты погребаніемъ* своихъ *собратій*. Извѣстіе сіе поселило между оставшимися въ Курляндіи евреями такой страхъ и ропотъ, что вѣроятно мало охотниковъ найдется переселиться». Въ подкрѣпленіе своихъ словъ, Бенкендорфъ приложилъ полученныя имъ частныя письма изъ разныхъ мѣстъ (писемъ этихъ въ дѣлѣ однако не сохранилось).

Еврейскія жалобы на бывшихъ ихъ партіонныхъ и различныя притѣсненія, какимъ они въ дорогѣ подвергались, дошли также и до Воронцова, какъ непосредственно, такъ и черезъ того же Бенкендорфа, который именемъ Николая I поручилъ ему, Воронцову, «*строжайше* все *разслѣдовать*, съ тѣмъ,

ПАЛАЦ-МУЗЕЙ
в м. Алупці
БІБЛІОТЕКА

чтобы виновные подверглись за это наказаніямъ». Воронцовъ сдѣлалъ соотвѣтствующее повелѣнію распоряженіе, а, чтобы прекратить всѣ претензіи,—просилъ Киселева провести, законодательнымъ порядкомъ, слѣдующія мѣры: а) чтобы изъ каждой губерніи, изъ которыхъ евреи будутъ переселяться, ихъ партіи сопровождали особые чиновники, съ нужными для переселенцевъ содержаніемъ и открытыми листами *до мѣста* поселенія, гдѣ сдавали-бы ихъ начальству; б) чтобы губернскія правленія прежде отсылки еврейскихъ партій—сообщали правленіямъ, лежащимъ по пути слѣдованія партій, о незадерживаніи ихъ и объ оказаніи имъ помощи въ продовольственномъ и медицинскомъ отношеніяхъ; в) чтобы партіи съ мѣстъ составлялись и направлялись отдѣльно по губерніямъ: слѣдующія изъ верхнихъ частей губерній—соединялись бы въ губернскихъ городахъ, а остальныя — приставали бы къ партіямъ на пути; г) чтобы въ партіонныхъ маршрутахъ по возможности настолько сокращалось разстояніе, чтобы партіи не заходили въ города, внѣ прямого ихъ тракта.

Вслѣдствіе письма Бенкендорфа и представленія Воронцова, Киселевъ въ докладѣ въ комитетъ министровъ изложилъ, что «для переселяющихся евреевъ безъ сомнѣнія полезнѣе имѣть во все продолженіе пути одного попечителя: жалобы переселенцевъ въ случаѣ какихъ либо притѣсненій, — удобнѣе будетъ изслѣдовать и удовлетворить, если исправное доставленіе партій будетъ лежать на отвѣтственности одного, а не многихъ. Порядокъ этотъ облегчитъ и отчетность въ деньгахъ, отпускаемыхъ на продовольствіе евреевъ въ пути. Но, чтобы въ партіяхъ, пожелавшихъ переселиться на свой счетъ, не оказывалось семействъ, неимѣющихъ достаточныхъ средствъ къ осуществленію своего предпріятія, и, чтобы эти семейства, по прибытіи на мѣсто переселенія, не могли затруднять начальство устройствомъ ихъ осѣдлости, или же въ самомъ пути еще навлечь затрудненія сопровождающимъ ихъ чиновникамъ, необходимо, чтобы мѣстныя начальства, прежде отправленія въ путь евреевъ, пожелавшихъ селиться на собственномъ иждивеніи

веніи, удостовѣрялись: въ состояніи-ли они будутъ переселиться на свой счетъ».

Исходя изъ приведенныхъ соображеній, Киселевъ полагалъ поставить губернскимъ начальствамъ въ обязанность, чтобы они при отправленіи въ Херсонскія еврейскія колоніи, по добровольному желанію, какъ тѣхъ евреевъ, которые имѣютъ право на полученіе отъ казны пособія (предполагавшіе идти въ Сибирь), такъ и обязанныхъ переселиться на собственномъ иждивеніи, удостовѣрялись, что они имѣютъ достаточныя къ тому средства, командировали, для препровожденія ихъ, особыхъ чиновниковъ, съ тѣмъ, чтобы они находились при нихъ ни до сосѣдственной только губерніи и тамъ смѣнялись другими, какъ дотолѣ, большею частію, дѣлалось, но до самыхъ колоній съ ними слѣдовали по маршрутамъ; имѣли объ нихъ во время пути всякое попеченіе, сдавали ихъ, по прибытіи, учрежденному надъ евреями-поселенцами особому управленію и не прежде возвращались, какъ по полученіи отъ того управленія квитанцій въ принятіи приведенныхъ ими еврейскихъ партій. Чиновники сіи, по мнѣнію Киселева, должны были быть снабжаемы слѣдующею на продовольствіе евреевъ до мѣста суммою, если партіи состоятъ изъ евреевъ, переселяемыхъ съ пособіемъ отъ казны. Во всякомъ случаѣ они должны быть снабжены на счетъ казны какъ прогонными, такъ и суточными, собственно для нихъ, деньгами и открытыми листами на полученіе въ пути законныхъ пособій; отправляющія-же евреевъ съ мѣстъ жительства губернскія правленія—обязаны извѣщать о томъ прочія губернскія правленія по трактамъ слѣдованія евреевъ и предувѣдомлять херсонское губернское правленіе.

Комитетъ министровъ одобрилъ, а Николай I утвердилъ этотъ порядокъ (4 марта 1841 г.).

Киселевъ, извѣщая объ этомъ положеніи комитета министровъ Воронцова, кстати просилъ его принять мѣры къ оказанію помощи какъ здоровымъ, такъ и больнымъ, потому что и херсонская палата государственныхъ имуществъ подтвер-

ждала о ихъ несчастномъ положеніи, объясняя, что въ селеніяхъ Явкиномъ, Сниги, Ровнѣ и Калужскомъ помѣщены 47 семействъ, да ожидается еще 221 семейство, изъ которыхъ не мало больныхъ, а потому крестьянамъ приказано не препятствовать евреямъ при селеніяхъ хоронить умирающихъ ихъ единовѣрцевъ.

И дѣйствительно, развившіяся среди новоприбывшихъ болѣзни и смертность, а равно общая ихъ безпріютность, — вынудили Воронцова образовать «временный комитетъ для призрѣнія поселенцевъ». Комитету этому Воронцовъ преподалъ наставленіе, въ которомъ знакомилъ комитетъ съ правами и положеніемъ переселенцевъ и преподалъ ему правила какъ поступать. Вотъ, въ извлеченіи, это любопытное наставленіе.

«Переселенцы дѣлятся на два разряда, гласитъ наставленіе. Одни—отправляемые на свой счетъ, должны перейдти въ херсонскую губернію на свои средства, а тамъ поселиться безъ всякаго, отъ казны, денежнаго пособія; имъ предоставляются лишь разныя льготы по правиламъ положенія объ евреяхъ 1835 г. Другіе—переселяемые и водворяемые съ пособіемъ отъ казны,—это уже ушедшіе было въ Сибирь, или собравшіеся туда и распродавшіе свое имущество, но потомъ направленные въ херсонскую губернію. Къ этому же разряду причислены и полоцкіе евреи, пострадавшіе отъ бывшаго тамъ пожара. Весь послѣдній разрядъ при водвореніи снабжается избами, скотомъ, земледѣльческими орудіями и проч., на что полагается по 600 р. ассигн. на каждое семейство; получаетъ до новаго урожая провіантъ (взрослые — цѣлый, а малолѣтніе до 15-ти лѣтняго возраста — половинный солдатскій паекъ) и пользуется льготами по положенію 1835 и указу 20 ноября 1836 г.»

«Новые переселенцы, прибывшіе во многомъ числѣ осенью (1840 г.) расположены большею частію — на квартирахъ у старожиловъ колонистовъ, а частію—по болѣзнямъ и неимѣнію теплой одежды—въ русскихъ казенныхъ селеніяхъ. Между ними *сильныя болѣзни*: горячки и поносы *отъ лишеній долгаго*

пути въ суровое время; отъ нечистоты и неопрятности, евреямъ присущей, а быть можетъ и отъ нужды или недоброкачественности пищи, которую они употребляли. Управляющему колоніями поручено удобнѣе размѣстить евреевъ, отдѣлить больныхъ; на мѣсто посланы медики Андреевскій, Бобешевскій и Протопоповъ и 3 лекарскихъ ученика съ медикаментами. Не взирая на все это, болѣзни распространяются и есть опасность переселенія ихъ въ сосѣднія казенныя селенія».

Учредилъ Воронцовъ комитетъ изъ управляющаго колоніями подполковника Демидова, своего личнаго адъютанта капитана Сафонова, доктора Демиденкова и чиновника отъ губернатора. Обязанности комитета Воронцовъ формулировалъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Безотлагательно подать больнымъ медицинское пособіе. По медицинской части дивизіонному доктору Андріевскому преподать медику Давыденкову особую инструкцію. Лекарства пріобрѣтать, по ближайшему усмотрѣнію комитета, больныхъ отдѣлять отъ здоровыхъ и помѣщать въ открываемыхъ временныхъ госпиталяхъ. Медики и лекарскіе ученики обязаны исполнять всѣ требованія комитета. 2) Комитетъ не долженъ допустить распространиться болѣзни за предѣлы тѣхъ мѣстъ, гдѣ она проявилась. 3) Переселенцамъ, пользующимся правомъ на казенное продовольствіе—отпускать его безостановочно и въ надлежащемъ количествѣ и добротѣ, а заготовленіе припасовъ оставить на обязанности управленія колоніями. 4) Изъ переселившихся на свой счетъ: неимущихъ — продовольствовать, какъ дѣлалось въ неурожайный 1832 г., т. е., давать въ мѣсяцъ по четверику муки и крупы на каждую наличную душу. 5) Всѣхъ переселенцевъ, находящихся безъ одежды и обуви, снабдить таковыми на казенный счетъ. 6) Размѣстить всѣхъ удобнѣе и лучше, но избѣгать занимать ими русскія селенія, а разселять евреевъ преимущественно въ пустые дома, если найдутся, а съ наступленіемъ теплаго времени — въ хозяйственныя постройки. 7) Деньги на леченіе, провіантъ и вещи требовать отъ губернатора; на первыхъ же порахъ взять изъ наличнаго общественнаго колоніальнаго ка-

питала, но всѣмъ издержкамъ вести аккуратный счетъ, а деньги тратить со строгою бережливостью и экономіею. 8) Врачебной управѣ присоединить, по медицинской части, всѣ свои усилія и подъ строгою отвѣтственностію исполнять всѣ требованія комитета. 9) Относительно размѣщенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ сноситься съ палатою государственныхъ имуществъ и окружными начальниками, которымъ оказывать комитету всевозможное содѣйствіе. 10) Комитету подчиняться губернатору и генералъ-губернатору, обоимъ доносить о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а въ экстренныхъ случаяхъ обращаться прямо къ послѣднему.

Всѣмъ подлежащимъ властямъ Воронцовъ предписалъ въ точности исполнять всѣ требованія комитета, а обращаясь къ нему, выразилъ увѣренность, что «члены исполнять свои обязанности, къ которымъ призываетъ ихъ долгъ службы и человѣчества, съ усердіемъ и дѣятельностію, которыхъ важность предмета требуетъ и тѣмъ самымъ доставятъ ему пріятный случай свидѣтельствовать о ихъ трудахъ предъ высшимъ начальствомъ».

Медикъ Давыденковъ полученною имъ особою инструкціею уполномочивался настаивать: 1) чтобы медики и фельдшера отнюдь не находились въ одномъ мѣстѣ, а были-бы немедленно распредѣлены по ревирамъ; 2) чтобы каждый ревиръ имѣлъ ровное число жителей и соединялъ мѣстныя удобства для присмотра за ними; 3) въ случаѣ недостатка медиковъ — надзоръ за больными поручался бы опытнымъ фельдшерамъ, но за ихъ дѣйствіями былъ бы надлежащій присмотръ; 4) чтобы медики усердно пользовали больныхъ, а главное—предохраняли отъ заразы здоровыхъ, лично изслѣдовали болѣзни для узнанія средствъ къ ихъ излеченію; 5) чтобы здоровые не имѣли сношеній съ больными, для избѣжанія заразы, 6) чтобы больныхъ отнюдь не переносили съ мѣста на мѣсто, а пользовали тамъ, гдѣ находятся; 7) чтобы около больныхъ никто кромѣ прислуги, не жилъ; 8) чтобы здоровые пребывали на чистомъ воздухѣ, спали въ сараяхъ, амбарахъ или ялуняхъ; 9) чтобы

употребляли сытную пищу, приправленную чеснокомъ, лукомъ и перцомъ, пили квасъ, а зажиточнымъ совѣтовали-бы выпивать утромъ по рюмкѣ водки, а вечеромъ по стакану чаю; 10) чтобы въ домахъ, въ которыхъ были больные, провѣтривали и окуривали комнаты хлоромъ, жженымъ сѣномъ или кирпичемъ, стѣны выбѣлили известкою, или вымазали глиною, вещи также окуривали хлоромъ въ теченіи 24-хъ часовъ и въ продолженіи 3-хъ сутокъ провѣтривали, а въ крайнихъ случахъ сжигались бы. Наконецъ, трупы чтобы хоронили въ глубокихъ ямахъ.

Комитетъ столь ревностно принялся приводить въ исполненіе наставленіе, а медики—инструкцію, что болѣзнь вскорѣ же ослабла. Объ этомъ подтвердилъ, между прочимъ, Херсонскій жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Ожиговъ, въ докладной запискѣ Бенкендорфу о колоніяхъ вообще.

«Тридцать пять лѣтъ какъ еврейскія колоніи введены, писалъ Ожиговъ. Качество народа Израиля всѣмъ извѣстно: не облекшись вѣрою въ Христа Спасителя, онъ существовалъ въ пустынѣ, въ которую Моисей привелъ его изъ Египта. Народъ этотъ не сродный къ земледѣлію и не пріученный къ трудолюбію, — до сихъ поръ не оказываетъ существенной пользы. Сравнивать бытъ колонистовъ—евреевъ и нѣмцевъ—нельзя: евреи въ *нищетѣ*, никто изъ нихъ ничего не имѣетъ и даже дома ихъ въ разстройствѣ. У старыхъ колонистовъ въ малыхъ избахъ размѣщены по 20 и болѣе душъ новоприбывшіе изъ дальнихъ разныхъ губерній, болѣе 500 семействъ. Эти люди *изнурены*, *истощены* дорогою *отъ недостатка одежды*, *пищи*, отъ непривычки къ климату и водѣ,—легко могли быть расположены къ болѣзнямъ, а отъ неудаленія тотчасъ причинъ—болѣзнь приняла видъ эпидемической тифозной горячки, занесенной новоприбывшими въ разныя селенія, гдѣ и другіе заболѣваютъ и угрожаютъ всѣмъ опасностью. Но благодаря попеченію комитета больные отдѣлены отъ здоровыхъ въ особые дома, высланы медики, медикаменты, пища улучшена, чистота соблюдается, присмотръ въ порядкѣ и болѣзнь

начала уменьшаться, но пока все это устроилось — была и смертность».

Охарактеризовавъ положеніе переселенцевъ, Ожиговъ перешелъ къ изобличенію погрѣшностей начальства. «Благовременная постройка домовъ для новоприбывающихъ была важнымъ предметомъ, говоритъ онъ; но почему не совершилось и не приготовлено хозяйственныхъ снадобій — неизвѣстно, а сумма для того ассигнована. Въ пособіе новоприбывшимъ, по уваженію терпимыхъ ими нуждъ, выдается провіантъ по солдатскому положенію на одну только душу самого хозяина семейства, а на женъ и дѣтей—не отпускается. Евреи платятъ и за отопку, судя по семейству, отъ 2-хъ до 4-хъ р. ассигн. въ мѣсяцъ, а для уравненія тягости постойной повинности—перебираются съ одной квартиры на другую. Постройка домовъ, имѣющая еще только начаться — предположена хозяйственнымъ способомъ, съ употребленіемъ въ работу самихъ колонистовъ и ихъ воловъ съ повозками. Трудно согласиться, чтобы тутъ былъ какой успѣхъ: старожилые,—съ наступленіемъ теплаго времени должны заняться приготовленіемъ полей для яровыхъ хлѣбовъ, посѣвомъ ихъ, а едва успѣютъ кончить—наступитъ сѣнокосъ, послѣ самая жатва, а затѣмъ и не будутъ имѣть времени производить какія-либо стороннія работы. Ктомужъ вялость и лѣнь не поспособствуютъ успѣху, а время критическое въ пріуготовленіи домовъ и продовольствіи. Нужно обратить особенное вниманіе и на смотрителей колоній; изъ нихъ Караевскій несоотвѣтствуетъ своему назначенію и человѣкъ неблагонадежный. По слухамъ извѣстно, что якобы отъ безпорядковъ и неустройства колоній нѣкоторые новоприбывшіе, съ лучшимъ состояніемъ, возвратились обратно. Весьма, кажется, полезнымъ отправлять желающихъ въ колонисты тогда, когда получатся свѣдѣнія отъ колоніальнаго управленія, что все для нихъ нужное уже приготовлено; въ этомъ разѣ не встрѣтится вредной тѣсноты, обременяющей какъ старыхъ, такъ и вновь прибывшихъ колонистовъ евреевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сохранять себя обоюдно отъ заразы въ болѣзняхъ».

Жандармская критика дѣйствій администраціи вообще никому, понятно, не нравилась, тѣмъ болѣе, что Бенкендорфъ докладывалъ объ ней Императору. Киселевъ послалъ приведенную нами, въ выдержкахъ, записку Ожигова на дальнѣйшее распоряженіе Воронцова, а самъ рѣшился избавиться хотя отъ части еврейскихъ земледѣльцевъ, чтобы жандармы меньше тыкали ему въ глаза неурядицами. Съ этою цѣлью онъ внесъ въ комитетъ министровъ коротенькій, безъ всякихъ мотивовъ, докладъ о передачѣ земледѣльцевъ, поселившихся въ разныхъ губерніяхъ на купленныхъ и арендованныхъ земляхъ— въ полное, во всѣхъ отношеніяхъ, вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Комитетъ одобрилъ, а Николай I утвердилъ этотъ докладъ (25 марта 1841 г.). Когда обнародовали этотъ законъ, Воронцовъ, еще сильнѣе обижавшійся безпрерывными отовсюду замѣчаніями о разстройствѣ колоній, отношеніемъ на имя Киселева рѣшительно *отказывался* завѣдывать этими колоніями, которыя предпочиталъ ввѣрить палатѣ государственныхъ имуществъ, или опять попечительному комитету, или же кому угодно, такъ какъ самому ему заниматься ими, дескать, некогда. Херсонское губернское правленіе, которому онъ поручилъ эти колоніи, и безъ того было, по словамъ Воронцова, завалено различными дѣлами, а иными подходящими чиновниками онъ не располагаетъ. Киселевъ отвѣтилъ Воронцову, что совершенно раздѣляетъ всѣ его распоряженія, находитъ ихъ вполнѣ цѣлесообразными, но на нѣкоторое еще время убѣдительно проситъ его продолжить завѣдываніе колоніями. При этомъ, на случай появленія новыхъ жандармскихъ записокъ, пожелалъ узнать о ходѣ разслѣдованія по жалобамъ курляндскихъ евреевъ, переселившихся въ земледѣльцы.

Жалобы заключались въ томъ, что во время пути: а) имъ не наряжали подводъ въ достаточномъ числѣ; б) не удовлетворяли ихъ кормовыми за просрочки противъ маршрута; в) при переправѣ чрезъ Днѣпръ ихъ продержали на водѣ 4 сутокъ, при чемъ русскіе рабочіе влѣзали съ лодокъ на байдаки и били ихъ сваями; г) кормовыхъ давали имъ меньше, нежели слѣ-

довало по правиламъ; д) сопровождавшіе ихъ чиновники обращались съ нимъ, въ пути, худо, принуждали ихъ слѣдовать ночами, отчего беременныя женщины и дѣти претерпѣвали невзгоды; и е) били ихъ, вмѣстѣ съ байдачниками, отчего многіе заболѣвали и умирали. Разслѣдованія этихъ жалобъ производились въ нѣсколькихъ губерніяхъ, чрезъ которыя партіи проходили, при чемъ по собраннымъ, безъ обвинителей, свѣдѣніямъ, губернаторы отозвались слѣдующимъ образомъ. *Виленскій*,—что партіи проходили одна за другою черезъ день, а какъ о предстоявшемъ ихъ проходѣ не получалось *заблаговременно* изъ Курляндіи извѣстій, то они дѣйствительно задерживались въ Родзевичахъ, потому что нельзя было успѣть выставить для нихъ сразу до тысячи подводъ. *Кіевскій*, — что въ теченіи 1840 г. чрезъ Днѣпръ проплыло много байдаковъ съ евреями, но когда именно и были ли они гдѣ задержаны — неизвѣстно: при переправахъ книгъ не ведется, для записки времени переправъ; по словамъ же смотрителей дамбъ евреи переправлены безъ всякихъ остановокъ и никто никакихъ насилій имъ не причинялъ. *Полтавскій*, — что по прибытіи евреевъ въ Кременчугъ — здоровые изъ нихъ были переданы александрійскому исправнику, который и препроводилъ ихъ по назначенію. *Херсонскій*, — что по полученіи извѣстія о прибытіи евреевъ въ Кременчугъ, александрійскій исправникъ отправился туда за ними, но они сами остались тамъ до окончанія ихъ праздниковъ, а потомъ онъ доставилъ ихъ въ колоніи, удовлетворивъ всѣхъ положенными кормовыми. *Минскій* же губернаторъ счелъ для себя просто обидою еврейскія жалобы, такъ какъ онъ «*лично распоряжался ихъ переселеніемъ и сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло*». Оттого онъ прислалъ Воронцову пространный, обо всемъ, рапортъ, изъ котораго извлечемъ наиболѣе существенныя обстоятельства дѣла.

Громада въ 353 семейства и 2569 душъ требовала ближайшаго и постояннаго наблюденія за ними въ пути, говоритъ губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сушковъ;

слѣдовательно должно было назначить чиновниковъ и кормовыхъ на весь путь, но курляндское начальство требовало чиновниковъ и кормовыхъ отъ одной губерніи до другой, почему и не могло не случиться задержекъ, ибо вездѣ требовалось время для сдачи и пріема партій, для разсчетовъ въ суммѣ и для полученія новыхъ денегъ. Подводы, по правиламъ, надлежало давать только по одной на 12 малолѣтнихъ и на 25 больныхъ взрослыхъ, но курляндское начальство, пренебрегая правилами, опредѣляло по подводѣ на каждое семейство. Для евреевъ требовалось также хорошихъ ночлеговъ, приготовленія жизненныхъ припасовъ, и даже дровъ для варенія пищи. Еврейскія партіи выступили 11, а бумагу курляндскаго губернатора минскій получилъ 19 іюля, когда партіи начали достигать предѣловъ минской губерніи. Хотя я, говоритъ Сушковъ, и распорядился приготовленіемъ для нихъ подводъ по положенію и чиновниковъ, но предвидя остановки, двукратно сносился съ курляндскимъ губернаторомъ, но онъ ошибки своей неуспѣлъ уже исправить. Между тѣмъ евреи, вступившіе въ минскую губернію, считали закономъ ошибочное опредѣленіе въ Курляндіи по подводѣ на семейство, почему рѣшительно домогались наряда таковыхъ, презирали всѣми объясненіями о невозможности исполнить этого и до такой степени «*ожесточились*, что *нанесли* мѣстнымъ *властямъ грубости*, *бросали въ полицейскихъ камнями* и не соглашались отправиться въ путь». Возмущеніе это кончилось растолкованіемъ евреямъ неосновательности ихъ требованія и предвареніемъ объ отвѣтственности за дальнѣйшее неповиновеніе; главнѣйшіе же изъ зачинщиковъ, подстрекателей и наносившихъ побои, на точномъ основаніи 8 § инструкціи, были арестованы въ Минскѣ (Леликъ Монашевичъ, Лапидусъ, Ицка и Менцель Левенштейны и Лахманъ Гольдингеръ) и о поступкѣ ихъ тогда же начаты изслѣдованія для преданія ихъ суду по закону, но прекращены съ освобожденіемъ виновныхъ, по убѣдительной лишь просьбѣ семействъ и старшинъ, которые принесли чистосердечное раскаяніе, дали подписки и ручательство

за сохраненіе впредь тишины и спокойствія. Упорствуя и оставаясь въ Вилейкѣ, — евреи сами виновны въ просрочкѣ нѣсколькихъ дней противъ маршрута, потому не имѣли никакого права на полученіе за это время кормовыхъ; другіе же незначительныя просрочки въ разныхъ мѣстахъ допускались единственно въ уваженіе ихъ просьбъ по усталости и для продажи громоздкихъ вещей, съ предвареніемъ, однакожъ, что казна не обязана давать кормовыхъ во все время, какое будетъ употреблено на роздыхи, сверхъ назначенныхъ по маршруту дневокъ, на что они съ благодарностію и согласились. Къ просрочкамъ служило и то причиною, что евреи забрали съ собою, кромѣ необходимыхъ пожитковъ, чугуны, котлы, кадки, ведра, ящики и проч. вещи, не составлявшія дѣйствительной надобности, накопляли лишь тягость такъ, что для помѣщенія всего требовались подводы въ значительномъ числѣ, а мелкой породы скотъ мѣстныхъ жителей, будучи безсиленъ,—изнемогалъ на половинѣ дороги; лѣнивые же евреи вмѣсто того, чтобы идти пѣшкомъ — обременяли и собою подводы. Все сіе крайне стѣсняло жителей, обязанныхъ нести подводную повинность, а давъ, какъ выше сказано, подводы по положенію, по одной на 12 малолѣтнихъ и по одной для больныхъ на 25 взрослыхъ, Сушковъ не имѣлъ ни малѣйшаго права назначать лишнихъ подводъ, тѣмъ болѣе, что еврейскія партіи настигали одна другую, даже собирались къ ночлегамъ въ одни мѣста, чрезъ которыя, сверхъ того, проходили воинскія команды, также требовавшія подводъ, нарядъ коихъ простирался, по инымъ пунктамъ, до 200, несмотря на то, что жители должны были терять время на самую рабочую, для хлѣбопашества (іюль, августъ) пору, когда отвлеченіе хозяина на сутки и болѣе могло лишить его возможности собрать хлѣбъ, подвергавшійся и порчѣ, и совершенному истребленію отъ вліянія погоды.

Въ отправленіи евреевъ сухопутно предстояли, по объясненію Сушкова, рѣшительныя неудобства, какъ они сами въ этомъ убѣдились, ибо, судя по маршруту, они прибыли бы только

до границы Черниговской губерніи въ октябрѣ мѣсяцѣ. Слѣдовательно, глубокая осень, сопровождающаяся всегда холодною и ненастною погодою, могла бы имѣть гибельное вліяніе на ихъ здоровье, въ продолженіи значительнаго еще пути изъ Чернигова до мѣста назначенія. «Старшины, раввины, головы и десятскіе партій съ семействами лично неотступно просили меня, излагалъ Сушковъ, нанять для сплава ихъ байдаковъ. Мысль эту родилъ примѣръ отправленія мною минскихъ евреевъ въ 1839 г. водою, о чемъ они узнали здѣсь. Засимъ, по моему предложенію, не только словесно изъявили полную готовность удовлетворить судовщиковъ за байдаки изъ кормовыхъ денегъ, отпущенныхъ для пути по Минской губерніи, а остатками продовольствоваться до Кременчуга, но даже подали мнѣ о томъ формальныя просьбы, по которымъ я и исполнилъ ихъ желаніе, имѣя въ виду, что: а) казна сократитъ свои расходы на кормовыя; б) жители Минской губерніи освободятся, въ самое необходимое время, отъ дачи нѣсколькихъ тысячъ подводъ; в) полицейскіе чиновники не отвлекутся по всему протяженію губерніи, а займутся взысканіемъ податей и настояніемъ къ своевременному исполненію рекрутской повинности; г) евреи спокойно и скорѣе совершатъ путь, безъ остановокъ, неизбѣжныхъ на сухомъ пути, не подвергаясь вліянію погоды и д) не отстанутъ и не сбѣгутъ съ байдаковъ, тогда какъ на сухомъ пути: одни—могли скрыться, а другіе, бѣглые и бродяги,—могли присоединиться къ партіямъ, подъ чужими именами. Для найма байдаковъ я послалъ чиновниковъ обще съ довѣренными отъ еврейскихъ партій, но судовщики, ведущіе торговлю съ Кременчугомъ, едва, по усиленнымъ убѣжденіямъ, согласились принять доставку евреевъ. Договоръ зависѣлъ отъ послѣднихъ, почему опроверженіе ими теперь настоящей мѣры — есть хитрая уловка алчности, чтобы описаніемъ мнимыхъ стѣсненій,—получить деньги, отъ коихъ сами отказались. Доказательствомъ непремѣннаго желанія евреевъ слѣдовать водою служитъ и то, что когда въ Игуменскомъ уѣздѣ не нашлось свободныхъ байдаковъ, то 5-я, 6-я и

7-я партіи, идя далѣе пѣшкомъ, старались пріискать байдаки въ Бобруйскѣ на однихъ и тѣхъ же условіяхъ, откуда по моему разрѣшенію и отправлены подъ наблюденіемъ надежнѣйшаго засѣдателя земскаго суда Василевскаго. Партіи же (1-я, 2-я, 3-я и 4-я) сплавлялись въ мѣстечкѣ Якимцахъ Игуменскаго уѣзда по мѣрѣ найма байдаковъ, съ тремя чиновниками: Сущинскимъ, Фальковскимъ и Витковскимъ. Отъ направленія водою евреи вовсе были избавлены, переходы по Черниговской и Кіевской губерніямъ, и по увѣдомленію тамошнихъ губернаторовъ, независимо Минской губерніи, были слѣдующія выгоды: 1) сбереженіе казною расхода на кормовыя, который былъ бы неизбѣженъ при слѣдованіи евреевъ сухопутно; 2) облегченіе обывателей въ подводной повинности, весьма обременительной, по случаю безпрестанныхъ переходовъ войскъ; 3) совершеніе евреями предназначеннаго пути удобнѣе и съ устраненіемъ препятствій и даже остановокъ, могущихъ часто возникать отъ невозможности наряда, въ рабочее для поселянъ время, огромнаго числа подводъ; 4) значительное сбереженіе времени чиновниками, препровождавшими партіи для отстраненія разныхъ непріятныхъ случаевъ, и 5) облегченіе жителей отъ квартиръ и проч., въ особенности при возвышеніи цѣнъ на всѣ вообще жизненныя потребности». Подводъ слѣдовало бы дать евреямъ въ обѣихъ губерніяхъ 6,543 и денегъ на кормовыя 3,980 р. $99^{3}/_{7}$ к. сер., а отпущено только въ Кіевѣ для продовольствія бѣднѣйшихъ, по ихъ просьбѣ, 71 р. $42^{6}/_{7}$ к. сер., такъ что сбережено 3,909 р. $56^{4}/_{7}$ к. сер.

Кормовыя деньги отпущены на число взрослыхъ и малолѣтнихъ не по произвольному исчисленію, а по табели для продовольствія рекрутскихъ партій. Въ табели опредѣлены цѣны каждой губерніи не одинаково, а въ Виленской губерніи—болѣе, въ Минской—менѣе; увеличить же ихъ никто не имѣлъ права. Удержать изъ отпущенныхъ суммъ невозможно было ни копѣйки: приходъ и расходъ записывался въ шнуровыя книги, которыя съ документами и разсчетами подвержены ревизіи, контроля, отъ котораго не могли сокрыться не только

злоупотребленія, но даже малѣйшее несоблюденіе правилъ отчетности. Чиновники, сопровождавшіе евреевъ, сдали ихъ благополучно, получили квитанціи отъ александрійскаго исправника, съ присовокупленіемъ, что *никакихъ претензій евреями на чиновниковъ не объявлено*, а въ одной изъ нихъ (за вторую партію) сказано еще, что евреи остались *благодарными* за препровожденіе. Квитанціи по закону такіе факты, которыхъ никакія жалобы впослѣдствіи опровергнуть не могутъ. Впрочемъ, еслибы чиновники дѣлали кому-либо предваренія, выговоры, наказанія и т. д., то въ этомъ состояла ихъ обязанность, для удержанія порядка въ партіяхъ евреевъ, которые по неспокойному и затѣйливому характеру, рѣшась упорствовать противъ начальства и полицейскихъ командъ, тѣмъ болѣе могли дозволить себѣ буйство на байдакѣ, гдѣ надзирало за ними одно только лицо. Изъ донесеній Василевскаго, который сопровождалъ три партіи на 4 байдакахъ, видно, что медленность слѣдованія произошла отъ противныхъ вѣтровъ и по болѣзни и смерти лоцмана. Ни хозяева байдаковъ, ни Василевскій не имѣли повода медлить, а напротивъ ихъ собственная польза требовала скораго окончанія пути: первый — спѣшилъ по видамъ своей торговли, а послѣдній — самъ подвергался вліянію погоды и непріятностямъ жизни. «Предметы жалобъ евреевъ суть явныя выдумки. Напр. въ прошеніи говорится, что гдѣ-то въ Кіевской губерніи за то, что байдакомъ задѣли пловучую мельницу на рѣкѣ, работники били ихъ сваями, тогда какъ сваи, деревянныя бревна значительной величины и тяжести въ нѣсколько пудовъ, во 1-хъ, однимъ прикосновеніемъ причинили бы неминуемо смерть всякому, даже сильнѣйшему изъ животныхъ, и во 2-хъ, требовали бы особенныхъ машинъ къ движенію своему при дракѣ».

За дерзость слѣдовало бы предать евреевъ суду, объяснялъ Сушковъ, но вина ихъ покрывается манифестомъ отъ 16 апрѣля сего года. Если же и засимъ признается нужнымъ формальное слѣдствіе, то не благоугодно ли дозволить высылку жалобщиковъ сюда, для доказательства и отвѣта ихъ по зако-

намъ, какъ за прежнее буйство, такъ и за настоящую клевету. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Сушковъ приложилъ копіи: а) съ прошеній и подписки объ освобожденіи задержанныхъ было евреевъ; б) съ прошеній о дозволеніи отправить ихъ водою и съ условій на наемъ байдаковъ и в) 18 квитанцій, выданныхъ александрійскимъ исправникомъ въ пріемѣ партій. «Обо всѣхъ моихъ мѣрахъ по сопровожденію курляндскихъ евреевъ, я доводилъ до свѣдѣнія виленскаго военнаго, гродненскаго, бѣлостокскаго и минскаго генералъ-губернатора», прибавилъ Сушковъ, а также «имѣлъ счастіе повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1840 годъ». Сушковъ заключилъ рапортъ надеждою, что Воронцовъ лично зная его «правила и строгую справедливость въ дѣлахъ службы», которую онъ продолжалъ въ Крыму и Бессарабіи подъ его, Воронцова, начальствомъ, «не усумнится въ правильности дѣйствій чиновниковъ, коихъ противъ совѣсти онъ не сталъ бы защищать».

Воронцовъ, разсмотрѣвъ краткіе и длинный отзывы губернаторовъ,—рѣшилъ прекратить дальнѣйшую переписку по жалобамъ евреевъ, такъ какъ высылка жалобщиковъ на мѣста произшествій казалась ему неудобною и сопряженною съ значительными казенными расходами, а также и съ большими затрудненіями, а послѣднихъ и безъ того явилось множество по самымъ разнороднымъ предметамъ, относительно всѣхъ новоприбывшихъ.

Такъ, для искорененія заразы и устраненія тѣсноты пришлось здоровыхъ новоприбывшихъ выселить подальше отъ колоній въ крестьянскія селенія, откуда ежемѣсячно посылали крестьянъ съ подводами въ Нагартавъ за продовольствіемъ для ихъ постояльцевъ, причемъ неизбѣжно было оплачивать трудъ какъ крестьянъ, такъ и ихъ лошадей, на счетъ казны. Точное обозначеніе въ спискахъ переселенцевъ о томъ, кто изъ нихъ долженъ быть поселенъ на казенный, а кто на собственный счетъ, — лежало на обязанности начальствъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ присылались въ Херсонскую евреи и

списки объ нихъ. Между тѣмъ многія явились какъ-бы на свои средства, а въ дѣйствительности ничего не имѣли и домогались поселенія ихъ на казенный счетъ, увѣряя, что начальство на родинѣ объявляло имъ, что ихъ водворятъ на казенный счетъ, а какъ они были совершенно нищіе и голодали, то начальство становилось просто въ тупикъ!... Да и понятно отчего: всѣхъ переселенцевъ набралось болѣе 1800 семействъ, а изъ нихъ цѣлыя сотни не располагали ни документами, ни сколько нибудь основательными доказательствами: откуда они и по какимъ причинамъ очутились въ Новороссіи? Хотя генералъ-губернаторамъ и задавался вопросъ: почему они, вопреки предостереженіямъ, выпустили на поселеніе массу голышей,— но генералъ-губернаторы оправдывались коротко и логично. Именно всѣмъ, желавшимъ въ колонисты своевременно объявлялось, что отъ казны ничего не получатъ, они дали подписки, что ничего даже и просить не будутъ, а потому и состоятельность ихъ казалась правдоподобною; убѣждаться же въ этомъ посредствомъ обысковъ просителей, — признавалось нерезоннымъ, неумѣстнымъ. Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ неудачъ Кіевскій генералъ-губернаторъ горячо настаивалъ взять скорѣе въ колонисты временно проживавшіе въ г. Васильковѣ, Радомыслѣ и Каневѣ 140 семейств., ибо «мѣстные кагалы роптали на обременительность для нихъ содержать, неопредѣленный срокъ, этихъ пришельцевъ, а они, въ свою очередь, претендовали на отказъ имъ кагалами въ прокормленіи и помѣщеніи, что угрожало имъ холодною и голодною смертью».

Въ борьбѣ со всѣми разсказанными фактами Воронцовъ рѣшился сразу разрубить весь гордіевъ узелъ. Онъ написалъ Киселеву, что въ предупрежденіе появленія такихъ евреевъ, которые не въ состояніи были водвориться на собственный счетъ, а на казенный не имѣли права,—онъ убѣждалъ генералъ-губернаторовъ отпускать только состоятельныхъ. Тѣмъ не менѣе многіе изъ прибывшихъ объяснили, что у нихъ нѣтъ денегъ на водвореніе. Тогда Херсонское губернское правленіе повторило правленіямъ западныхъ губерній объ отпускѣ исклю-

чительно лишь такихъ, которые принесли-бы на мѣсто по 600 р. ассигн. на обзаведеніе, да еще нѣкоторыя суммы на прокормленіе до урожая; губернаторовъ же всѣхъ губерній, чрезъ которыя лежалъ евреямъ путь въ Новороссію, тоже правленіе просило внушить идущимъ, чтобы нисколько не надѣялись на казенную помощь, а тѣмъ изъ нихъ, которые, будучи безъ денегъ, предпочли-бы вернуться назадъ,—не препятсвовали-бы это сдѣлать. Не взирая, однакожъ, и на эту мѣру евреи все-таки безпрерывно продолжали прибывать и умолять не оставить ихъ въ бѣдственномъ положеніи, а надѣлить хозяйствомъ отъ казны. Такихъ насчитано, дескать, покуда 267 семействъ «*въ самомъ жалкомъ состояніи*». Все это Воронцовъ изложилъ Киселеву «на тотъ конецъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ какъ уже прибывшихъ, такъ и тѣхъ, которые еще шли и навѣрное прибудутъ въ теченіи 1841 г., поселить, на счетъ казны-же?» На нихъ предстояло затратить на обзведеніе по 600 р. и до урожая на провіантъ, сколько онъ будетъ стоить. Если же на это не послѣдуетъ разрѣшенія, присовокупилъ Воронцовъ, то «всѣ евреи неминуемо будутъ подлежать или отправкѣ обратно на свои мѣста, или перечисленію въ городское сословіе».

Такимъ образомъ Воронцовъ угрожалъ: возвратомъ бѣдствовавшихъ евреевъ на родину,—израсходовать на ихъ странствіе еще казенныхъ нѣсколько тысячъ рублей, а обращеніемъ ихъ въ новороссійскіе мѣщане — увеличить тысячью человѣками праздношатающихся нищихъ. Оба эти исхода положительно противорѣчили задачамъ правительства. Оттого, поставленный Воронцовымъ вопросъ, что называется ребромъ,—вызвалъ со стороны Киселева (въ комитетѣ министровъ) докладъ, въ которомъ онъ къ разсказанному отъ себя изложилъ, что «по самой необходимости слѣдуетъ оказать евреямъ пособіе, дабы избавить ихъ отъ нищеты и бѣдствія, ибо несомнѣнно, что отправиться въ Херсонскую губернію на удачу понудила ихъ крайность: не безъизвѣстны затрудненія западныхъ губерній содержать себя промыслами, при многочисленности, въ тѣхъ

губерніяхъ, мѣщанъ-евреевъ. Причины, заставившія ихъ сдѣлаться земледѣльцами, должны и поддерживать расположеніе ихъ къ этому занятію, котораго евреи всегда чуждались и къ которому при другихъ обстоятельствахъ едва ли можно бы ихъ пріохотить, сколь ни желательно было бы уменьшеніе числа ихъ, занимающихся мелочною торговлею, для которой они болѣе вредны, нежели полезны». Исходя изъ этого взгляда, Киселевъ полагалъ: «еврейскія семейства, прибывшія въ Херсонскую губернію для поселенія на свой счетъ, но не имѣющія къ тому средствъ,—водворить съ заимообразнымъ пособіемъ отъ казны, какъ водворяются распродавшіе свою собственность въ намѣреніи переселиться въ Сибирь; на томъ же основаніи продовольствовать ихъ до урожая; равныя же съ ними пособія оказать и семействамъ, могущимъ прибыть въ теченіи 1841 г., а въ продолженіи пути прокармливать ихъ и давать имъ подводы по примѣру рекрутскихъ партій». Вмѣстѣ съ тѣмъ Киселевъ считалъ нужнымъ поставить начальникамъ губерній, откуда евреи переселяются, въ «непремѣнную обязанность: не иначе дозволять имъ переселеніе, какъ по представленіи ими и по отсылкѣ къ новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору по 171 р. 43 к. сер. отъ каждой семьи на издержки собственно водворенія и по удостовѣреніи, что они имѣютъ, сверхъ того, достаточную сумму на продовольствіе себя въ пути и на мѣстѣ поселенія». Все это комитетъ одобрилъ, а Николай I утвердилъ (2 іюля 1841 г.).

Добившись обезпеченія названныхъ семействъ, Воронцовъ предстательствовалъ объ отпускѣ до урожая 1842 г. продовольствія и другимъ семействамъ (1989 взрослымъ и 1370 малолѣтнимъ), въ томъ вниманіи, что они вслѣдствіе поздняго прибытія осенью 1840 г., не могли посѣять озимаго хлѣба, а для яроваго не были надѣлены скотомъ, который опасно было покупать по случаю бывшей суровой зимы и свирѣпствовавшей болѣзни, препятствовавшей людямъ сдѣлать запашку. При этомъ онъ оговорился, что «безъ этой помощи безцѣльно будетъ и самое ихъ поселеніе». Министръ финансовъ

Ѳ. П. Вронченко, на запросъ объ этомъ Киселева, отозвался, что за выдачею на водвореніе и продовольствіе переселенцевъ въ 1839—1841 гг. 127,000 р., не находитъ возможнымъ отнести этотъ новый расходъ на государственное же казначейство, а согласенъ на употребленіе нужныхъ средствъ изъ суммы, ассигнованной министерству государственныхъ имуществъ вообще на переселенцевъ, безъ различія ихъ племени. Киселевъ велѣлъ исполнить мнѣніе Вронченко *.

Заручившись матеріальными средствами, Воронцовъ распорядился употребленіемъ ихъ по назначенію на водвореніе, обмундированіе и прокормленіе переселенцевъ, а потомъ открылъ 4 новыхъ колоніи, назвавъ ихъ по желанію обитателей: Новый Бериславъ, Львово, Романовское и Новополтавка. Въ 1842 г. считалось готовыми вновь выстроенныхъ домовъ: въ Львовѣ—119, въ Бериславѣ—92, въ Романовкѣ—132, въ Полтавкѣ—150, въ Маломъ Нагартавѣ—3, въ Сейдеминухѣ—40, въ Бобровомъ-Кутѣ—47, да приспособленныхъ пустовавшихъ съ 1839 г.—48, итого 631 домъ. Въ эти дома было водворено изъ прибывшихъ: въ 1840 г.—481, а въ 1841 г.—83, всего 564 семейства, кромѣ того приготовленные 67 домовъ оставлены были для 100 семействъ изъ ожидавшихъ, изъ задержанныхъ въ Кіевской губерніи, переселенцевъ. Наконецъ, на собственный счетъ приселились: при Бобровомъ-Кутѣ—2 и при Израилевкѣ—17, всего 19 семействъ. Такимъ образомъ вполнѣ обезпеченными предполагались 684 семейства, такъ какъ ихъ снабдили, какъ гласили бумаги, всѣми принадлежностями для начатія жизни земледѣльцевъ, по положенію.

И Воронцовъ, посылая всѣ эти свѣдѣнія Киселеву, а онъ, получивъ ихъ, равномѣрно мечтали, по своей честности, что евреи прославляютъ ихъ имя за спасеніе отъ всѣхъ невзгодъ, за предоставленіе имъ полнаго матеріальнаго и моральнаго благополучія, которымъ они уже и начинаютъ наслаждаться.

---

* По документамъ отъ 1, 13, 15, 22, 26, 28 и 31 января; 3, 11 и 24 февраля; 4 и 26 марта; 7, 9, 11, 23, 25 и 26 мая; 5 и 21 іюня; 2, 14, 19, 25 и 31 іюля; 1 и 27 августа; 15 сентября и 17 ноября 1841 г.

Ставъ на эту идиллическую точку зрѣнія, оба, въ ожиданіи отрадныхъ плодовъ, на цѣлый годъ успокоились, прекратили даже между собою переписку, въ увѣренности, что внутренній распорядокъ въ колоніяхъ окончательно введенъ, прививается и процвѣтаетъ. Но увы! имъ суждено было горько разочароваться... Бенкендорфъ, зорко за всѣмъ и всѣми слѣдившій, внезапно разрушилъ всѣ ихъ иллюзіи. Онъ, чрезъ своихъ агентовъ, дознался, что управлявшій колоніями подполковникъ Демидовъ: а) на хлѣбъ для колонистовъ получалъ по справочнымъ цѣнамъ по 15 р. на четверть, а покупалъ четверть по 9 р.; б) на дома ему было отпущено по 600 р. на каждый, а онъ лепилъ ихъ изъ глины со слабымъ лѣсомъ, отчего они ему обошлись по 100 р.; в) на пару воловъ ему давалось по 150 р., а онъ пріобрѣталъ плохихъ по 100 и по 90 р. пару, г) на возы вытребовалъ онъ по 15 р., а ихъ дѣлали ему по 6 и 7 р., причемъ всю разницу между ассигнованными и издержанными деньгами присвоилъ себѣ. Мало того: со всѣхъ 14 колоній взималъ онъ въ свою же пользу, въ видѣ налога, по 1000 р. въ годъ; прожитіе его и его помощниковъ въ колоніяхъ обходилось послѣднимъ отъ 80 до 100 руб. въ недѣлю. На израилевскихъ 329 душахъ колонистовъ считалась недоимка въ 24.000 р.. а земли у нихъ было только 3600 десятинъ, потому что «богатымъ евреямъ роздано за мзду по многу земли, слѣдовавшей бѣднымъ, лишеннымъ и казенной пропорціи. Состоятельные колонисты распускаются за деньги на постоянную торговлю по городамъ, а курляндскіе евреи въ самомъ худшемъ положеніи». Все это Бенкендорфъ сообщилъ нежданнымъ сюрпризомъ Киселеву и Воронцову, прибавивъ имъ, что *«нуженъ справедливѣйшій человѣкъ для секретнаго, тщательнаго обслѣдованія колоній, безъ чего благодѣтельное стремленіе правительства не достигнетъ рѣшительно никакой цѣли»*.

Сюрпризъ этотъ вызвалъ новую работу. Замѣнявшій Воронцова генералъ Федоровъ послалъ состоявшаго при Воронцовѣ статскаго совѣтника Чирковича въ колоніи, а когда онъ

вернулся, то, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, Федоровъ образовалъ комиссію для подробнаго разслѣдованія всей системы управленія колоніями, а Демидова—отчислилъ отъ должности. Демидовъ доказывалъ, что всѣ жалобы на него—ни что иное, какъ результатъ тѣхъ «строгихъ мѣръ, какія онъ принялъ противъ бродяжничества евреевъ-колонистовъ», такъ какъ хотя еще въ 1840 г. комиссія «убѣдилась въ несправедливости жалобъ евреевъ, но они остались безнаказанными, а потому и усилили клеветы» на него; что въ 1842 г. колоніи объѣзжала новая комиссія, а въ ней былъ и архитекторъ, но она «признала всѣ постройки хорошими»; что Чириковичъ, въ «пять дней осмотрѣвъ поверхностно 14 колоній, на разстояніи 600 верстъ, донесъ неправильно»; что онъ, Демидовъ, «поселилъ болѣе 700 семействъ самымъ экономнымъ способомъ» что если и были какіе нибудь «мелкіе недостатки, то они произошли отъ того, что на долю его одного выпалъ весь многосложный трудъ, который прежде несли многіе чиновники, члены конторы и попечительный комитетъ». Поэтому онъ, какъ «незапятнанный офицеръ», просилъ возстановленія его чести. Однако вмѣсто удовлетворенія этой просьбы его вскорѣ же предали суду, согласно свѣдѣніямъ комиссіи, «за допущенные безпорядки и злоупотребленія при постройкѣ домовъ, продовольствіи колонистовъ и заготовленіи хозяйственныхъ принадлежностей». Все это дѣло цѣликомъ своевременно перешло въ распоряженіе уголовной палаты, а отъ нея—въ сенатъ, потому мы не можемъ подробнѣе передать существа обвиненій, ибо въ источникахъ, которыми мы пользовались для нашего труда, не сохранилось никакихъ фактовъ изъ уголовнаго производства о Демидовѣ *.

П.

(Продолженіе будетъ).

---

* По документамъ отъ 23 февраля 1842 г., 22 и 27 іюня и 17 сентября 1843 г. и 17 января 1844 г.

СЕМЕЙСТВО ГИЛЛЕЛЯ

Историческій романъ изъ временъ разрушенія Іерусалима. *

(Окончаніе третьей и послѣдней части).

XI.

Все болѣе и болѣе приближался рѣшительный часъ для священнаго города. Подобно зловѣщей грозовой тучѣ, Титъ приближался къ Іерусалиму съ свѣжимъ войскомъ изъ Александріи, гдѣ пока оставался Веспасіанъ. Къ нему присоединились оставшіяся въ Палестинѣ и Сиріи легіоны, сгоравшіе нетерпѣніемъ отмстить за пораженіе Цестія, и кромѣ того войска союзниковъ римлянъ, — Агриппы, Согема Эмезскаго и Антіоха Коммагенскаго, а также дикіе, враждебно расположенные къ евреямъ арабскіе племена, подъ предводительствомъ вождя своего Малха. Въ свитѣ молодого полководца находились ренегатъ Тиберій Александръ, извѣстный своей воинской опытностью и личною храбростью, начальникъ обоихъ египетскихъ легіоновъ Литерній Фронтонъ, новый прокураторъ Іудеи Маркъ-Антоній Юліанъ и измѣнникъ Іосифъ, служившій римлянамъ проводникомъ, толмачомъ и парламентеромъ. Береникѣ же пришлось противъ воли остаться въ Цезареѣ, гдѣ она дожидалась исхода кампаніи. Нигдѣ не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, Титъ быстрыми переходами приближался къ Іерусалиму **.

При первомъ извѣстіи о приближеніи римлянъ враждовавшія доселѣ между собою партіи примирились; крайніе и

---

* См. «Восходъ» кн. 6-я.

** Флавій, «Еврейская война», кн. 5, гл. 2, 4—5.

умѣренные, аристократы и демократы соединились противъ общаго врага, съ твердой рѣшимостью скорѣе умереть, чѣмъ сдаться. Весь народъ, юноши, люди зрѣлаго возраста и старики схватились за оружіе, видя, что дѣло идетъ о защитѣ Іерусалима и ихъ національной святыни. Даже женщинами овладѣлъ патріотическій энтузіазмъ и онѣ поощряли своихъ мужей и братьевъ къ борьбѣ за родину, свободу и вѣру. Рувимъ также поспѣшилъ присоединиться къ своимъ мужественнымъ единовѣрцамъ, хотя онъ и не въ состояніи былъ раздѣлить ихъ воодушевленіе и увѣренность ихъ въ побѣдѣ. Но, не раздѣляя взглядовъ Іоанна Гишалы и его приверженцевъ, онъ сталъ въ ряды своихъ вавилонскихъ единоплеменниковъ, которыми предводительствовали храбрые князья Адіабенскіе, Монобазъ и Кенедаи.

Сгоря воинственнымъ пыломъ и будучи очень невысокаго мнѣнія о храбрости евреевъ, Титъ съ 600 всадниковъ отдѣлился отъ остальной арміи и поспѣшилъ къ Іерусалиму, чтобы лично ознакомиться съ силою городскихъ укрѣпленій и съ настроеніемъ жителей. Онъ полагалъ въ своемъ высокомѣріи, что достаточно будетъ одного появленія его, чтобъ напугать непріятеля и заставить его сдать городъ, причемъ онъ особенно разсчитывалъ на партію друзей мира. Въ этой увѣренности его еще болѣе укрѣпило то обстоятельство, что онъ ни на пути своемъ, ни у городскихъ воротъ не встрѣтилъ никакихъ слѣдовъ непріятеля. Но когда онъ приблизился къ башнѣ Псефины, осажденные съ значительными силами выступили изъ воротъ и напали на его небольшой отрядъ. Неосторожный полководецъ очутился въ величайшей опасности; двое изъ его тѣлохранителей были убиты въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Титъ былъ вынужденъ обнажить свой мечъ и отбиваться отъ нападающихъ, и только благодаря быстротѣ своего коня, онъ съ величайшимъ трудомъ, избѣгнулъ позорнаго плѣна или смерти.

Ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, евреи на слѣдующій же день остановили солдатъ 10-го легіона, раскидывавшихъ на Масличной горѣ свой лагерь и поэтому снявшихъ съ себя оружіе. Римляне смѣшались и обратились въ поспѣшное бѣгство. Лишь съ трудомъ, при помощи угрозъ,

подоспѣвшему съ подкрѣпленіями Титу удалось остановить бѣгущихъ и отразить евреевъ. Но тѣ, въ свою очередь получивъ подкрѣпленія, возобновили нападеніе съ такою стремительностью, что ряды римлянъ смѣшались. Титъ, не обращавшій вниманія на предостереженія своей свиты, опять подвергался серьезной опасности, и ему стоило немалаго труда отразить евреевъ. Однако послѣдніе, вмѣсто того чтобы бѣжать въ городъ, снова произвели внезапное нападеніе на римскій лагерь и едва не обратили въ бѣгство римлянъ. Опять понадобилось личное вмѣшательство самого Тита, чтобъ оттѣснить евреевъ отъ Масличной горы, которою они успѣли овладѣть. Обѣ стороны понесли значительныя потери. Титъ долженъ былъ сознаться, что онъ ошибался и что ему приходится имѣть дѣло съ столь же храбрымъ, какъ и предпріимчивымъ непріятелемъ, и что побѣда надъ ними потребуетъ большихъ усилій и времени, чѣмъ онъ первоначально предполагалъ. Самый городъ былъ отлично укрѣпленъ, окруженъ тройной стѣною и многочисленными башнями, а защитники его выказывали храбрость, граничившую съ совершеннымъ презрѣніемъ къ смерти.

Убѣдившись въ томъ, что Іерусалимъ удастся взять только путемъ продолжительной, правильной осады, Титъ сдѣлалъ необходимыя къ тому приготовленія. Вокругъ города онъ велѣлъ насыпать высокіе земляные валы и построить деревянныя туры, съ которыхъ онъ бросалъ въ осажденный городъ метательные снаряды, стараясь въ то же время поколебать стѣны города громадными таранами. Евреи, съ своей стороны, съ изумительной храбростью нападали на римлянъ и разрушали ихъ осадныя работы, обрушивая на нихъ обломки скалъ, обливая штурмующихъ кипящимъ масломъ и поджигая деревянныя туры.

Пятнадцать дней къ ряду борьба велась съ обѣихъ сторонъ съ одинаковымъ мужествомъ и съ перемѣннымъ счастіемъ, пока римлянамъ наконецъ удалось взять приступомъ внѣшнюю стѣну и утвердиться въ сравнительно слабо защищенномъ предмѣстьи Безеѳу. Тамъ съ большею храбростью защищали осаждаемые нижній городъ и улицы, ведущія къ храму. Здѣсь римлянамъ пришлось покупать каждый шагъ

цѣною крови, здѣсь каждая площадь становилась полемъ сраженія, каждый домъ—крѣпостью, и на первый разъ римлянамъ, несмотря на всю ихъ храбрость, пришлось отступить послѣ кровопролитной рукопашной схватки, во время которой Титъ подвергался даже личной опасности. Но вскорѣ они возобновили приступъ съ удвоенными силами, и, несмотря на отчаянное сопротивленіе евреевъ, овладѣли второю стѣною *.

Съ цѣлью еще болѣе застращать побѣжденныхъ евреевъ, Титъ произвелъ большой смотръ всему своему войску на равнинѣ передъ городскими воротами. Всадники на разубранныхъ лошадяхъ своихъ и пѣхотинцы въ блестящемъ своемъ вооруженіи проходили мимо молодого полководца, привѣтствуя его восторженными криками. Хотя всѣ плоскіе крыши домовъ, городскія стѣны и скалы храмовой горы были усѣяны многочисленными зрителями, величественное зрѣлище это не произвело однако того впечатлѣнія, котораго ожидалъ отъ него Титъ. Осажденные, вмѣсто того, чтобъ устрашиться при видѣ римскаго могущества, стали, напротивъ, нетерпѣливо ждать случая еще разъ помѣряться съ врагами, въ твердой надеждѣ, что Іегова совершитъ чудо и спасетъ свой городъ и храмъ отъ невѣрныхъ.

Тогда Титъ поручилъ находившемуся въ свитѣ его Іосифу пригласить упрямыхъ евреевъ къ изъявленію покорности и къ сдачѣ города. Трусливый перебѣжчикъ очень неохотно взялся за исполненіе этого порученія. Выбравъ мѣсто, до котораго не долетали стрѣлы осажденныхъ, онъ обратился къ своимъ единовѣрцамъ съ рѣчью, но тѣ встрѣтили измѣнника проклятіями и кидали въ него каменьями, между тѣмъ какъ стоявшія позади него римскія войска не позволяли ему бѣжать съ опаснаго поста. Бѣдный ораторъ старался напомнить возмутившимся своимъ единовѣрцамъ о послушаніи и покорности ихъ предковъ, о томъ, какъ Авраамъ когда-то безропотно дозволилъ египетскому царю отнять у него жену, какъ сыны Израиля въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ покорно выносили владычество фараоновъ и подчиня-

* Флавій, „Еврейская война“, кн. 5, гл. 8, 1—2.

лись владычеству ассиріянъ, вавилонянъ и персовъ. Далѣе Іосифъ восхвалялъ кротость, снисходительность и великодушіе римлянъ, которымъ Господь Богъ очевидно покровительствуетъ и которымъ онъ далъ владычество надъ цѣлымъ міромъ, и доказывалъ на этомъ основаніи, что не только безразсудно, но и преступно противиться имъ. „Ничто“ — съ паѳосомъ говорилъ Іосифъ — „не ушло отъ руки римлянъ, кромѣ тѣхъ странъ, которыя не стоютъ завоеванія. Всюду по стопамъ ихъ слѣдуетъ счастіе и Господь очевидно благоволитъ имъ. Еслибы Богъ желалъ избавитъ насъ отъ нихъ, то онъ разразилъ бы своими громами Помпея, когда тотъ шелъ на насъ походомъ, Веспасіана, когда онъ опустошалъ Галилею, и Тита, который угрожаетъ въ настоящее время священному городу. Но Помпей остался невредимъ, а Веспасіанъ сдѣлался даже въ то же самое время, когда онъ воевалъ противъ насъ, римскимъ императоромъ. Да и Титъ, какъ по всему видно, находится подъ особымъ покровительствомъ неба *.

Но стоявшіе на городскихъ стѣнахъ евреи проклинали вѣроломнаго Іосифа, и даже по временамъ посылали въ него стрѣлы, не попадая однако въ него. „Неразумные!“ — кричалъ онъ имъ жалобнымъ голосомъ, „Положите оружіе, раскайтесь въ грѣхахъ вашихъ, устыдитесь вашихъ преступленій и молите римлянъ о пощадѣ. Титъ, по свойственному ему великодушію, быть можетъ, помилуетъ васъ, если вы покоритесь. Только подъ этимъ условіемъ вы можете разсчитывать на то, что будетъ помилована ваша жизнь и жизнь вашихъ женъ и дѣтей, и что останутся неприкосновенными нашъ славный городъ и священный храмъ нашъ“.

— Мы не боимся смерти,—крикнулъ ему со стѣны Іоаннъ Гишала—и предпочитаемъ ее рабству. Мы будемъ бороться съ римлянами на жизнь и на смерть. Люди, которые, подобно намъ, умѣютъ умирать, не заботятся объ участи своего родного города. Господь, создавшій міръ, создалъ себѣ этимъ прекраснѣйшій и большій храмъ, чѣмъ нашъ.

---

* Флавій, „Еврейская война“, кн. 5, гл. 9, 3—4.

Въ союзѣ съ нимъ мы не боимся твоихъ угрозъ, ибо судьба наша—въ руцѣ Господней.

— Онъ поможетъ намъ, Онъ защититъ насъ!—раздался единогласный крикъ.

При такихъ обстоятельствахъ Іосифъ заключилъ свою безполезную рѣчь. Однако, повинуясь желанію покровителя своего Тита, онъ нашелъ нужнымъ возобновить нѣсколько дней спустя свою попытку, но на этотъ разъ мѣтко пущенный камень положилъ конецъ его ораторскимъ упражненіямъ. Тяжело раненнаго перебѣжчика замертво унесли въ его палатку, среди громкихъ ликованій іерусалимскихъ гражданъ. Его родная мать, которая послѣ его измѣны заключена была въ тюрьму, объявила, что ей пріятнѣе узнать, что онъ умеръ, такъ какъ все равно при жизни онъ не можетъ доставить ей ни малѣйшей радости *.

Раздраженный упорствомъ евреевъ, Титъ рѣшился заставить осажденныхъ сдаться съ помощью голода. Въ этихъ видахъ онъ велѣлъ обвести весь городъ валомъ, верстъ семь въ окружности. Всѣ поля и сады въ ближайшихъ окрестностяхъ Іерусалима были опустошены римлянами и вся страна, на двѣ мили въ окрестности, превращена въ пустыню. Дѣйствительно, вскорѣ въ Іерусалимѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и нужда среди бѣднѣйшихъ классовъ достигла крайнихъ предѣловъ. Мужчины и женщины, старики и дѣти бродили, подобно призракамъ, по городскимъ улицамъ. Голодъ доводилъ несчастныхъ до отчаянія и заглушалъ всякое человѣческое чувство. За мѣрку пшеницы или ячменя отдавали цѣлый домъ, а подобранные на улицахъ остатки мяса взвѣшивались цѣною золота. Иные питались исключительно сырыми кореньями и травой, и даже просто сѣномъ и соломой. Дѣти вырывали изъ рукъ родителей скудную пищу и нѣжныя матери не задумывались отнимать у грудныхъ дѣтей молоко. Всюду, гдѣ только находилось подобіе съѣстнаго, происходила изъ-за этого ожесточенная борьба. Закадычные друзья готовы были вступить въ драку изъ-за черствой и заплѣснѣвшей корки хлѣба. Сика-

* Тамъ же, кн. 5, гл. 13, 3.

рійцы вламывались въ дома и отнимали у гражданъ послѣднее, что у тѣхъ оставалось. Съ каждымъ днемъ нужда росла и увеличивались бѣдствія. Деньги утратили всякую цѣнность и даже богачи не могли покупать хлѣба. Богатая Марѳа, надменная вдова убитаго идумейцами первосвященника Іошуа-бенъ-Гамалы, которая когда-то шла изъ своего дома въ храмъ не иначе, какъ по драгоцѣнному ковру, чтобы не запачкать своихъ башмаковъ, розъискивала теперь по улицамъ разные объѣдки, для того чтобъ утолить свой голодъ. Дѣло дошло до того, что одна женщина, спасшаяся изъ Переи въ Іерусалимъ съ своими сокровищами, убила свое собственное дитя и съѣла его. Даже разбойниками-сикарійцами овладѣлъ ужасъ и они съ содроганіемъ отворачивались отъ полуумной дѣтоубійцы *. Для того, чтобъ избѣжать голодной смерти, многіе евреи нарочно отдавались въ плѣнъ римлянамъ. Но несправедливо прославленный за свое милосердіе Титъ велѣлъ бить сдавшихся кнутами и распинать ихъ въ виду осажденныхъ, чтобы побудить послѣднихъ къ сдачѣ.

Однако всѣ эти ужасныя страданія и лишенія не въ состояніи были сломить мужество осажденныхъ. Съ замѣчательной твердостью не только воины, но и мирные граждане, и даже женщины, переносили всѣ ужасы осады. Сами римляне до того были поражены геройскимъ презрѣніемъ къ смерти, пламеннымъ патріотизмомъ и непоколебимою твердостью жителей Іерусалима, что они прониклись даже какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ передъ этимъ страннымъ народомъ, съ которымъ не могъ сравниться ни одинъ другой народъ въ мірѣ. Мессіанское предсказаніе о конечномъ торжествѣ Израиля нашло вѣрующихъ и въ рядахъ римскихъ легіоновъ и бывали примѣры, что римскіе солдаты переходили на сторону нѣкогда столь презираемыхъ, а теперь считавшихся непобѣдимыми евреевъ. Послѣдніе же до того гордились этими обращенными въ минуты крайней опасности римлянами, что самимъ трогательнымъ образомъ заботились о нихъ и раздѣляли съ ними послѣдній кусокъ *.

---

* Тамъ же, кн. 6, гл. 4, 4.
** Діонъ Кассій «Римская Исторія», кн. 66, гл. 5.

Хотя Рувимъ уже не раздѣлялъ увѣренности въ побѣдѣ и глубокой вѣры своихъ единовѣрцевъ, онъ не могъ однако отказать имъ въ своемъ удивленіи. Ради любимой Миріамъ и вообще семейства Гиллеля онъ храбро сражался въ рядахъ вавилонянъ, подъ начальствомъ благороднаго Мондбаза, дружбу котораго онъ съумѣлъ пріобрѣсти своею храбростью и преданностью общему дѣлу. Рядомъ съ нимъ онъ защищалъ цитадель Антонію противъ неоднократныхъ приступовъ римлянъ, до тѣхъ поръ пока послѣдніе не овладѣли этимъ важнымъ пунктомъ вопреки упорному сопротивленію евреевъ. Подвергая величайшей опасности собственную свою жизнь, Рувимъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми храбрыми единоплеменниками, прикрывалъ отступленіе храбраго гарнизона ея, присоединившагося къ защитникамъ храма. Но и утрата этой твердыни не въ состояніи была поколебать мужество осажденныхъ. Въ ихъ рукахъ оставался еще храмъ Господень, охраняемый, по ихъ благочестивому вѣрованію, сонмомъ ангеловъ небесныхъ. Пока стояла святыня Іеговы, Израиль, по ихъ глубокому убѣжденію, не могъ считаться побѣжденнымъ. Въ этомъ храмѣ были сердце, безсмертная душа, вся будущность еврейскаго народа, находившагося подъ особымъ покровительствомъ Господнимъ.

Титъ все еще колебался, частью изъ религіознаго страха, частью ради Береники и еврейскихъ друзей своихъ, разрушить этотъ храмъ, который онъ къ тому же желалъ сохранить, какъ украшеніе будущей своей имперіи и какъ трофей своей побѣды. Большинство созваннаго имъ съ этой цѣлью военнаго совѣта соглашалось съ нимъ, почему онъ еще разъ велѣлъ предложить еврейскимъ вождямъ черезъ оправившагося Іосифа помилованіе, подъ условіемъ сдачи города и выдачи оружія. Но послѣ того какъ фанатичный Іоаннъ Гишала и необузданный Симонъ-баръ-Гіора отклонили и это предложеніе, Титъ рѣшился не щадить болѣе храма. Въ теченіи цѣлыхъ шести дней римскіе тараны и метательные снаряды не въ состояніи были разрушить крѣпкихъ стѣнъ храма, которыя, казалось, дѣйствительно стояли подъ какимъ-то высшимъ покровительствомъ, такъ какъ всѣ попытки разрушить ихъ оставались тщетными.

На утро седьмого дня римскій полководецъ рѣшился повести приступъ. Храбрые римскіе солдаты успѣли взобраться на высокія стѣны, но здѣсь ихъ встрѣтилъ такой отчаянный отпоръ, что большая часть ихъ была сброшена со стѣнъ и потеряла свои значки. Раздраженный этимъ сопротивленіемъ, Титъ велѣлъ поджечь ворота храма. Сначала расплавились металлическія части ихъ, а вскорѣ затѣмъ загорѣлись и самыя дубовыя ворота; отсюда огонь распространился на деревянныя галлереи. Пораженные ужасомъ—такъ какъ они считали святыню неприкосновенной—евреи, какъ бы окаменѣвъ, взирали на пламя, которое свирѣпствовало всю ночь, до тѣхъ поръ пока самъ Титъ велѣлъ потушить его, чтобы открыть себѣ доступъ въ храмъ.

На слѣдующее утро осажденные, подавленные горемъ и печалью по случаю разрушенія ихъ святыни, не въ состояніи были предпринять нападенія. Только въ теченіе дня они собрались съ силами для послѣдней рѣшительной борьбы. Съ храбростью отчаянія они произвели вылазку и погнали передъ собою римлянъ. Снова Титъ поспѣшилъ на выручку разстроеннымъ легіонамъ своимъ. Теперь уже осажденные старались поджечь уцѣлѣвшія еще пристройки храма, между тѣмъ какъ римляне тушили огонь. Въ то время, какъ обѣ стороны сражались еще съ величайшимъ ожесточеніемъ, одинъ римскій солдатъ схватилъ горящую головню и бросилъ ее черезъ такъ называемое „золотое окно“ внутрь храма. Огонь быстро охватилъ занавѣсъ и оттуда перешелъ къ деревянному потолку. Черезъ нѣсколько мгновеній весь храмъ былъ объятъ пламенемъ. При видѣ этого зрѣлища, евреи испустили вопль отчаянія и кинулись спасать святыню *. Храбрый Монобазъ, при содѣйствіи Рувима и другихъ товарищей, тщетно старался совладать съ пламенемъ: они едва не задохлись и вынуждены были удалиться. Титъ, котораго усталость заставила удалиться въ свою палатку, поспѣшилъ на мѣсто пожарища и велѣлъ своимъ солдатамъ тушить пламя; но среди общаго шума его голосъ не былъ услышанъ, а раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ ев-

* Флавій, „Еврейская война“, кн. 6, гл. 4, 5.

реевъ римскіе воины не только не тушили пожара, но старались еще болѣе раздуть. Огорченный, но безсильный въ настоящую минуту, Титъ возвратился въ свою ставку. Вокругъ горѣвшаго храма завязалась борьба, подобно которой едвали-когда видѣлъ міръ. Многіе евреи, не желавшіе переживать гибели своей святыни, добровольно искали смерти. Они, какъ безумные, кидались на мечи римлянъ, или же, обхвативъ своихъ противниковъ, вмѣстѣ съ ними бросались въ пламя. Священники, взобравшись на крыши вырывали флагштоки и бросали ихъ на подобіе копій, въ непріятеля. Побѣдители и побѣжденные не знали пощады и состраданія *. Ужаснѣе всего была рѣзня вокругъ главнаго алтаря; здѣсь было особенно значительно число человѣческихъ жертвъ. Съ каменныхъ ступеней его скатывались тѣла убитыхъ и кровь лилась ручьями. Вооружившись факелами, разсвирѣпѣвшіе побѣдители поджигали кладовыя, въ которыхъ хранились драгоцѣнныя одежды и украшенія; затѣмъ они подожгли послѣднюю, уцѣлѣвшую еще галлерею, въ которую храмовой служитель Намія завлекъ женщинъ и дѣтей, увѣривъ ихъ, что Господь повелѣлъ всѣмъ собраться въ этотъ день въ храмъ, чтобъ узрѣть спасеніе **. Ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ не избѣгъ ужасной участи. Трескъ пламени, грохотъ обрушающихся стѣнъ, потолковъ и колоннъ сливался съ боевыми кликами легіонеровъ, стонами умирающихъ, воплями раненыхъ. Это былъ предсмертный вздохъ умирающаго народа. Эхо ближайшихъ горъ возвѣщало міру о гибели святыни, о наступленіи суднаго дня.

Вся храмовая гора превратилась въ огнедышащій вулканъ. Со всѣхъ сторонъ поднималось пламя, огненные языки лизали развалины храма, искры сыпались на всю окрестность, а расплавленные золото, серебро, мѣдь и свинецъ текли съ крыши на несчастныхъ. Казалось, что врата ада разверзлись и выпустили легіоны демоновъ. Тамъ и сямъ блѣдные, закоптѣлые дымомъ евреи бродили, ломая руки, среди развалинъ, преслѣдуемые остервенѣлыми римлянами съ обнаженными мечами.

---

* Тамъ же, кн. 6, гл. 5, 1.
** Тамъ же, кн. 6, гл. 5, 4.

Съ разрушеніемъ храма сломлено было геройство несчастнаго народа. Тысячи евреевъ безъ малѣйшаго сопротивленія позволяли убивать себя или отдавались въ плѣнъ, хотя бы они и могли бѣжать, такъ какъ мостъ, соединявшій храмъ съ верхнимъ городомъ, находился еще въ ихъ власти. Тамъ Іоаннъ Гишала и Симонъ-баръ-Гіора собрали остатки своихъ полчищъ и послали къ Титу просить о свиданіи на которое тотъ, по совѣту находившихся въ его свитѣ евреевъ, и согласился. Іосифъ еще разъ былъ посланъ, въ качествѣ парламентера, къ единовѣрцамъ своимъ, чтобъ упрекнуть ихъ за ихъ возмущеніе и чтобы пригласить ихъ безусловно здаться побѣдителю. „Помилованія"—отвѣтилъ ему Іоаннъ Гишала отъ имени своихъ спутниковъ—„мы не можемъ принять, такъ какъ мы всѣ поклялись никогда не покоряться римлянамъ. Но мы просимъ о позволеніи покинуть, съ женами и дѣтьми нашими, городъ и удалиться въ пустыню.

— Если вы—гнѣвно отвѣтилъ имъ Титъ—не принимаете моей милости, то вамъ нечего разсчитывать на пощаду. Отнынѣ съ вами будетъ поступлено по всей строгости военныхъ законовъ.

И затѣмъ онъ приказалъ поджечь городъ и разграбить. Князья адіабенскіе и немногіе изъ умѣренныхъ изъявили покорность; онъ подарилъ имъ жизнь, но велѣлъ заковать ихъ, чтобъ отвести въ Римъ. Рувимъ не захотѣлъ покидать Миріамъ и семейство Гиллеля, тѣмъ болѣе, что братъ ея Гамліель вмѣстѣ съ Іоанномъ Гишала бѣжалъ въ пустыню, Рувимъ же рѣшился раздѣлить участь своей возлюбленной, спасти ее или же умереть вмѣстѣ съ нею.

XII.

На дымящихся еще развалинахъ сожженнаго храма римскіе легіоны водрузили свои знамена и стали приносить жертвоприношенія своимъ богамъ. Но вскорѣ борьба снова разгорѣлась, причемъ каждый домъ превращался въ крѣпость, которую римлянамъ приходилось осаждать и штурмовать по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. И домъ Гиллеля, въ которомъ всѣ члены этого когда-то столь слав-

наго и счастливаго семейства сплотились вокругъ молодого вождя своего, вмѣстѣ съ многочисленными слугами, знакомыми и друзьями своими, достался, не смотря на храбрую оборону, въ руки торжествующаго побѣдителя. Лишь благодаря стастливой случайности, вмѣшательству Тиберія Александра, обитатели этого дома не были преданы, согласно римскому обычаю, смерти, а остались военноплѣнными въ рукахъ римлянъ. Вмѣстѣ съ тысячами товарищей своихъ по несчастію они были переданы префекту Фронтону, которому Титъ поручилъ наблюденіе надъ плѣнными и распоряженіе ихъ участію.

По произволу мстительнаго римлянина, многіе изъ плѣнныхъ подверглись смертной казни, другіе были отправлены на невольничій рынокъ, третьи — на постоянныя каторжныя работы въ рудникахъ Египта, четвертые были сбережены для арены Рима и другихъ городовъ, и наконецъ семьсотъ самыхъ красивыхъ мужчинъ и женщинъ были отправлены въ оковахъ въ Римъ, для того чтобы фигурировать въ предстоящемъ тріумфальномъ шествіи Тита. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находились Рувимъ и Миріамъ.

Послѣ того какъ и Іоаннъ Гишала, убитый горемъ, изнеможенный и усталый, положилъ оружіе вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ и сдался римлянамъ, Титъ поспѣшилъ въ Цезарею, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидала Береника. Въ объятіяхъ побѣдителя прекрасная еврейская царевна, опьяненная страстью и честолюбіемъ, забыла о своемъ бѣдномъ народѣ и о несчастномъ своемъ отечествѣ. Эта новая Клеопатра, сіяя, возсѣдала возлѣ своего ничтожнаго брата, въ обществѣ ренегата Тиберія Александра и жалкаго измѣнника Іосифа въ выстроенномъ ея предкомъ Иродомъ амфитеатрѣ, въ которомъ Титъ, по случаю дня рожденія своего брата Домиціана и въ честь отца своего Веспасіана, заставилъ двѣ тысячи несчастныхъ евреевъ бороться съ дикими звѣрями и умирать за свою вѣру *.

Самъ Титъ считалъ себя излюбленнымъ орудіемъ Провидѣнія, избранникомъ неба, и въ этомъ его убѣжденіи еще

* Флавій, «Еврейская война», кн. 7, гл. 2, 1.

болѣе поддерживала его низкая лесть окружавшихъ его евреевъ и его необыкновенное счастіе. Оказалось, что какъ разъ въ этотъ день послѣдній изъ несдавшихся еще вождей, смѣлый и непоколебимый Баръ-Гіора, мучимый голодомъ, нашелся вынужденнымъ покинуть свое убѣжище и сдаться римлянамъ.

Прежде, чѣмъ навсегда покинуть завоеванную имъ страну, Титъ счелъ нужнымъ еще разъ посѣтить, въ сопровожденіи блестящей свиты, разрушенный имъ Іерусалимъ, чтобы проститься съ своимъ войскомъ. Имъ овладѣлъ невольный ужасъ при видѣ произведеннаго имъ опустошенія. Весь городъ, когда-то столь блестящій и великолѣпный, представлялъ собою громадную развалину, площадь, усѣянную обломками: пустынныя улицы, сожженные дворцы и дома, разнесенные по камнямъ стѣны и храмъ, убитые или плѣненные обитатели—вотъ что представилось счастливому побѣдителю. Изъ всѣхъ великолѣпныхъ зданій Іерусалима остались неразрушенными только три башни—Фасаель, Маріамеи Конная башня—для того, чтобы засвидѣтельствовать передъ потомствомъ о печальной участи еврейскаго народа.

Встрѣченный своими войсками съ радостными восклицаніями, Титъ взошелъ на нарочно устроенную съ этой цѣлью трибуну и произнесъ рѣчь, въ которой онъ похвалилъ солдатъ за ихъ мужество и стойкость, выказанныя ими во время всей войны, и поблагодарилъ ихъ отъ имени отечества. Затѣмъ онъ роздалъ наиболѣе отличившимся солдатамъ обычныя награды, а на главу самыхъ храбрыхъ возложилъ золотые лавровые вѣнки, это высшее военное отличіе у римлянъ. Изъ богатой добычи онъ одарилъ вождей и офицеровъ золотомъ, драгоцѣнными камнями и рабами. Онъ не забылъ и сторонниковъ своихъ изъ евреевъ; такъ, напр., Іосифу онъ подарилъ за его двусмысленныя услуги цѣнное имѣніе въ плодородной долинѣ Сарона.

Радость и одушевленіе римскихъ солдатъ не знало границъ и они готовы были оказать своему великодушному полководцу чуть не божескія почести. Они привѣтствовали его кликами „императоръ“ и умоляли его не покидать ихъ, такъ что достаточно было бы одного его слова, чтобы осуще-

ствить мечтанія Береники о громадной восточной имперіи. Но опасеніе возбудить подозрительность своего отца побудило Тита торопиться отъѣздомъ изъ Іерусалима, послѣ того какъ онъ предварительно устроилъ для своихъ войскъ большое, трехдневное празднество. Затѣмъ онъ отправился моремъ въ Римъ, гдѣ Веспасіанъ и народъ съ нетерпѣніемъ ожидали его для устройства ему торжественной встрѣчи.

Въ назначенный для того день, рано утромъ, необозримая толпа народа собралась на Марсовомъ полѣ. Обширная, окруженная съ трехъ сторонъ извилинами Тибра равнина, осѣненная роскошною зеленью деревьевъ, служила ареной для этого великолѣпнаго зрѣлища. Не взирая на жгучее іюньское солнце сотни тысячъ любопытныхъ расположились на равнинѣ, на крыльцахъ, на цоколяхъ колоннъ и даже на крышахъ прилегающихъ домовъ и на вѣтвяхъ деревьевъ. Устланныя дорогими коврами аркады Ливіи были заняты нарядными женщинами, коротавшими время разными сплетнями и пересудами, въ которыхъ любовныя похожденія Тита съ Береникой играли не послѣднюю роль. Благородныя римлянки, повидимому, были не мало скандализованы этою связью молодого полководца съ еврейкой, но главную роль во всемъ этомъ конечно играла зависть.

Въ великолѣпной галлереѣ Октавіи заняли мѣста сенаторы, высшія должностныя лица государства и всадники, въ своихъ отороченныхъ пурпуромъ мантіяхъ, держа въ правой рукѣ лавровыя вѣтви. Тутъ были и почтенный Валерій Флаккъ, авторъ «Авгонавтики", и умный Муціанъ, и свободномыслящій Гельвецій Прискъ, и Юлій Агрикола, извѣстный ученый и тесть историка Тацита, и Юній Рустикъ и Маврикій Сенеціонъ, знатные и знаменитые государственные мужи, которые, освободившись отъ тираніи Нерона, вздохнули свободнѣе и гордо подняли свои головы. Передъ галлереей была устроена возвышенная трибуна, на которой поставлены были два кресла изъ слоновой кости—для Веспасіана и для Тита. Когда они появились, толпа встрѣтила ихъ громкими кликами. Раскланявшись съ народомъ, императоръ знакомъ руки пригласилъ всѣхъ замолчать, и тотчасъ же водворилась мертвая тишина. Онъ всталъ съ своего

кресла, закрылъ лицо свое тогой и помолился. Тоже сдѣлалъ и Титъ. Послѣ того императоръ обратился къ собранію съ небольшою рѣчью и удалился съ своимъ сыномъ, чтобы принести обычныя жертвы и облечься въ праздничныя одежды.

Тѣмъ временемъ устанавливался порядокъ шествія. Со всѣхъ сторонъ прибывали участвующіе въ немъ, при громкихъ звукахъ музыки, съ подарками, предназначенными для принесенія въ жертву покровителю Рима, богу войны Марсу. Всѣ улицы, по которымъ должна была пройти процессія, усыпаны были свѣжими, пахучими цвѣтами. По обѣимъ сторонамъ ихъ разставлены были зажженные треножники, возвышались колонны, составленныя изъ трофеевъ войны, развѣвались флаги. Всѣ дома были увѣшаны коврами и украшены картинами и статуями, а улицы безпрерывно поливались водою, чтобъ убить невыносимую пыль.

Наконецъ началось шествіе. Знатные юноши, въ праздничныхъ одеждахъ, несли въ вазахъ и открытыхъ ларцахъ доставшіеся побѣдителямъ драгоцѣнные камни, золото въ слиткахъ, тяжелыя шелковыя матеріи. Далѣе шли неуклюжіе, покрытые попонами слоны, везлись въ желѣзныхъ клѣткахъ черногривые львы изъ Мессопотаміи, тигры изъ Гирканіи, барсы и гіены изъ Аравіи; дикихъ ословъ и лошадей изъ Палестины вели нумидійскіе рабы. Толпа съ любопытствомъ взирала на всѣ эти диковины. За животнымъ царствомъ слѣдовали произведенія растительности завоеванныхъ странъ; многочисленные рабы несли фисташковыя и финиковыя деревья, ливанскіе кедры, іерихонскіе бальзамные кусты, рѣдкіе цвѣты. За ними вели предназначенныхъ для жертвоприношенія бѣлыхъ быковъ, разукрашенныхъ лентами, и въ сопровожденіи важно выступавшихъ жрецовъ. Громкій звукъ трубъ возвѣстилъ наконецъ о приближеніи воиновъ, замѣнившихъ на этотъ разъ тяжелые мечи оливковыми вѣтвями, надѣвшихъ на головы свѣжіе лавровые вѣнки и распѣвавшихъ боевыя пѣсни.

За когортами слѣдовали тяжелыя осадныя машины, отъ разрушительнаго дѣйствія которыхъ пали іерусалимскія твер-

дыни. На громадныхъ картинахъ изображены были завоеванные города и выигранныя сраженія.

Наконецъ поле огласилось дикими криками. Изъ подъ тріумфальной арки только что показались плѣнные евреи, закованные въ тяжелыя цѣпи, въ темныхъ, разорванныхъ траурныхъ одеждахъ, съ посыпанными пепломъ и опущенными долу головами, съ впалыми щеками и заплаканными глазами. Впереди ихъ ѣхалъ верхомъ на бѣломъ мулѣ герой Беторона, смѣлый партизанъ Симонъ Баръ-Гіора, таща за собою звенящія цѣпи. Его гордая шея склонялась лишь подъ тяжестью тяжелаго кольца, которымъ онъ былъ прикованъ къ лукѣ сѣдла. Будучи приговоренъ къ смерти, онъ зналъ, что его ожидаетъ казнь тотчасъ же по окончаніи тріумфальнаго шествія. Онъ смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти, читая въ полъ-голоса молитвы и проклиная враговъ.

За нимъ слѣдовалъ удрученный горемъ, печалью и болѣзнями Іоаннъ Гишала, который въ теченіе немногихъ недѣль сдѣлался дряхлымъ старикомъ. Побѣдитель замѣнилъ ему смертную казнь пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Онъ не сокрушался о своей участи, а лишь о паденіи Іерусалима, и завидовалъ своему товарищу по оружію, такъ какъ предпочиталъ смерть рабству.

Еврейскіе плѣнники медленно проходили подъ градомъ насмѣшекъ и брани римской черни. Они не выдавали ни словомъ, ни взоромъ, ни стономъ, ни жалобой своего горя, своего безпредѣльнаго отчаянія. Молча проходили они подъ высокой тріумфальной аркой, этими новѣйшими кавдинскими фуркулами побѣдителей, среди рядовъ безжалостной толпы, втихомолку моля Бога отцовъ своихъ о прекращеніи своихъ страданій или объ отмщеніи врагу.

Въ средѣ ихъ можно было замѣтить благочестивыхъ князей адіабенскихъ, Монобаза и Кенедаи, богатаго казначея храма Пинеаса, вожаковъ партіи крайнихъ Захарію-бенъ-Амфикалоса, Іуду-бенъ-Хелькія и Іезекію-бенъ-Хабора, храбрыхъ идумейцевъ Симона-бенъ-Катлу, Іоанна и Іакова, сыновей Созы, всѣхъ тѣхъ мужественныхъ борцовъ за вѣру — почтенныхъ старцевъ, знатныхъ мужей, благородныхъ юно-

шей, которые до послѣдней минуты оставались вѣрны отечеству и пренебрегли милостью побѣдителя.

Рядомъ съ Монобазомъ шелъ несчастый Рувимъ, мучимый мрачными мыслями, озабоченный болѣе участью Миріамъ, чѣмъ своею собственною, такъ какъ онъ, будучи разлученъ съ нею жестокимъ Фронтономъ, не видѣлъ ее болѣе послѣ того ужаснаго дня. Поэтому онъ ожидалъ теперь, съ тревогой и тайной надеждой, минуты, когда появились дочери Сіона, блѣдныя, какъ сожженныя солнцемъ лиліи, безпомощныя, какъ виноградныя лозы, подпорки которыхъ сломила бури.

Темный блескъ ихъ глазъ погасъ, краска сошла съ ихъ щекъ, и все же дочери Іудеи были прекрасны, были еще болѣе прелестны въ ихъ печали, чѣмъ въ дни ихъ счастія. Въ особенности одна изъ нихъ своею неземною красотой возбуждала зависть римскихъ женщинъ и удивленіе восхищенныхъ мужчинъ. Подобная низвергнутой съ престола царицѣ, озаряемая блескомъ прирожденнаго благородства, даже и среди глубокаго горя, она свѣтила среди подругъ по несчастію, какъ луна среди глубокой ночи, трогая своей печалью, очаровывая даже своимъ горемъ.

Великолѣпіе свѣта и тѣни соединилось на ея блѣдномъ челѣ. Прекрасные, черные волосы ея, подобно траурному покрывалу, спускались на ея плечи; изъ подъ шелковистыхъ рѣсницъ выглядывали чудные, хотя и заплаканные глаза, между тѣмъ какъ блѣдныя губы ея возсылали молитву къ небу. Это была Миріамъ, еще болѣе прекрасная въ своемъ горѣ, чѣмъ въ минуты счастія.

Такъ шла Миріамъ въ своей красотѣ и своемъ горѣ, полная безсознательной поэзіи, какъ одна изъ глубоко трогательныхъ, исполненныхъ высокого трагизма грустныхъ пѣсенъ ея несчастнаго народа, воплощенная мелодія, точно получившій жизнь жалобный псаломъ божественнаго пѣвца, небесный аккордъ арфы Сіона.

Рувимъ тотчасъ же узналъ свою возлюбленную среди тысячъ другихъ, когда онъ обернулся, чтобъ отыскать ее среди еврейскихъ дѣвушекъ. При видѣ ея онъ сдѣлалъ отчаянное движеніе, но цѣпи, сковавшія его ноги, и направлен-

ныя въ него копья стражниковъ напомнили ему о его плѣнѣ.

Онъ былъ окованъ, лишенъ свободы—между тѣмъ какъ Миріамъ находилась всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Проклиная свое безсиліе, онъ потащился далѣе, не будучи въ состояніи заявить возлюбленной о своей близости ни единымъ словомъ, ни однимъ знакомъ. Никто и не подозрѣвалъ о его горѣ, о его неподающемся описанію отчаяніи.

Взоры всѣхъ зрителей и даже самыхъ плѣнныхъ были въ это время обращены лишь на сокровища храма, передъ великолѣпіемъ которыхъ поблѣднѣло все доселѣ видѣнное. На высокихъ носилкахъ несли столъ святилища, сдѣланный изъ чистаго золота и вѣсившій нѣсколько берковцевъ, знаменитый серебряный семикопечный подсвѣчникъ, настоящее чудо искусства съ своими очаровательными арабесками, блестящими вѣтвями, листьями и цвѣтами, и наконецъ величайшее сокровище еврейскаго народа, свитокъ закона завернутый въ дорогія, убранныя драгоцѣнными каменьями, покрывала *. Между тѣмъ какъ римляне встрѣтили эти священные предметы громкими криками ликованія, несчастные евреи при видѣ ихъ разразились въ первый разъ рыданіями. Болѣе чѣмъ собственное ихъ несчастіе, болѣе чѣмъ рабство и даже смерть ихъ огорчала потеря своего святилища и оскверненіе его руками язычниковъ.

Но плачъ ихъ былъ заглушенъ ликованіемъ народа, встрѣчавшаго обоихъ героевъ дня. На великолѣпной колесницѣ, влекомой четырьмя бѣлоснѣжными конями, появился Веспасіанъ въ алой императорской мантіи, съ скипетромъ въ правой рукѣ, между тѣмъ какъ Serrus publicus, одинъ изъ церемоніймейстеровъ, держалъ надъ головой его золотой лавровый вѣнокъ. Онъ былъ окруженъ ликторами и сенаторами. Скромный, не любившій великолѣпія императоръ, лишь съ трудомъ скрывалъ неудовольствіе свое по поводу медленности шествія и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія его, ворча про себя: „По дѣломъ мнѣ! Такъ мнѣ и нужно.—Самъ былъ глупъ.—Въ мои года мнѣ бы лучше было

* Флавій, «Еврейская война», кн. 7, гл. 5, 4—7.

оставаться дома“ *. Но за то Титъ, слѣдовавшій за отцомъ своимъ въ такой же великолѣпной колесницѣ, сіялъ радостью и торжествомъ. Съ снисходительной, и въ то же время радостной улыбкой, онъ благодарилъ ликующій народъ, расположеніемъ котораго онъ такъ дорожилъ.

„Jo triumphe. Слава Веспасіану, отцу отечества! Слава непобѣдимому Титу!“, вопилъ народъ.

За колесницами отца и старшаго брата ѣхалъ верхомъ на великолѣпномъ конѣ извѣстный своею порочностью и своимъ развратомъ младшій сынъ Веспасіана, Домиціанъ, снѣдаемый завистью къ превозносимому Титу. Съ худо скрываемой досадой онъ глядѣлъ на ликующую толпу, какъ вдругъ его взоры упали на плѣнную еврейку, чудная красота которой пробудила вожделѣнія въ душѣ стастолюбца. Онъ тотчасъ же приказалъ находившемуся вблизи его вольноотпущеннику Сервилію собрать болѣе подробныя свѣдѣнія относительно прелестной плѣнницы.

— Видишь-ли—сказалъ онъ шопотомъ—эту прекрасную еврейку съ глазами газели?

— Ты говоришь о самой красивой изъ всѣхъ, волоса которой ниспадаютъ до ногъ?

— Клянусь Зевсомъ, Сервилій, я долженъ обладать этой женщиной!

— Что-жъ, тебѣ стоитъ только сказать одно слово твоему отцу и попросить твоего брата—и еврейка твоя.

— Нѣтъ, они оба не должны ничего знать объ этомъ. Ты знаешь, что отецъ еще сердится на меня за послѣднее совершенное мною похищеніе, а отъ Тита я не желаю принимать никакого одолженія. Этотъ лицемѣръ въ состояніи прочесть мнѣ цѣлую лекцію о добродѣтели, хотя онъ самъ ни на волосъ не лучше меня **.

— Ну, такъ намъ ничего не остается, какъ употребить силу. Съ плѣнной еврейкой нечего церемониться. Кому какое до нея дѣло?

— Но мнѣ, къ сожалѣнію, приходится избѣгать всего, что могло бы вызвать огласку. Веспасіанъ поклялся мнѣ,

* Светоній, «Веспасіанъ», гл. 12.
** Светоній, «Домиціанъ», 1.

что при первомъ произведенномъ мною скандалѣ отправитъ меня къ арміи въ Германію. Нужно придумать что нибудь другое.

— Вотъ что!—сказалъ Сервилій, немного подумавъ.— Всѣ плѣнные евреи будутъ завтра продаваться съ публичнаго торга въ пользу государственной казны. Продажей завѣдуетъ мой пріятель Флоръ, Ты, конечно, не пожалѣешь нѣсколькихъ тысячъ сестерцій?

— Не стѣсняйся цѣной. Предлагай самую высокую. Только никто не долженъ знать, что ты покупаешь дѣвушку для меня.

— Положись на меня. Завтра вечеромъ ты найдешь голубку въ моемъ домѣ.

Довольный результатомъ этого разговора, Домиціанъ поспѣшилъ догнать колесницу своего отца, чтобы отсутствіе его не было замѣчено. У храма Юпитера Капитолійскаго весь поѣздъ остановился. По знаку Веспасіана, несчастнаго Баръ-Гіору стащили съ его мула и еще разъ показали глумившейся надъ ними толпѣ. Затѣмъ ликторы накинули ему на шею веревку и поволокли къ Тарпейской скалѣ, съ которой и сбросили храбраго волонтера. Громкій крикъ и возгласъ глашатая: „надъ вождемъ евреевъ, Симономъ Баръ-Гіора, совершена казнь!“ — прервали гробовое молчаніе и возвѣстили народу смерть неустрашимаго героя и торжество кровожадныхъ побѣдителей.

XIII.

Передъ домомъ богатаго торговца рабами Флора на слѣдующее утро производилась продажа съ публичнаго торга значительной части плѣнныхъ евреевъ. По этому случаю здѣсь собрались многочисленные покупатели изъ всѣхъ сословій, повѣренные сенаторовъ и всадниковъ, трактирщики и владѣтели публичныхъ домовъ, чтобы разсмотрѣть свѣжеприбывшій товаръ и сдѣлать изъ него подходящій выборъ.

На возвышенной эстрадѣ стояла толпа несчастныхъ плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, съ поникшими головами, на которыя, какъ бы въ насмѣшку, были

надѣты зеленые вѣнки, съ связанными руками и съ привѣшанной на груди дощечкой, на которой были обозначены возрастъ, имя и происхожденіе продаваемыхъ. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, были выставлены только худшіе и болѣе дешевые сорта, между тѣмъ какъ лучшіе и болѣе дорогіе, въ особенности красивыя женщины и дѣвушки помѣщены были внутри дома и показывались только богатымъ покупателямъ. Аукціонистъ громкимъ голосомъ расхвалялъ достоинства своего товара, напирая то на силу мускуловъ продаваемыхъ, то на знакомство ихъ съ разными ремеслами. По его приказанію, расхваливаемые должны были выступать впередъ, давать ощупывать свои руки и ноги, измѣрять грудь, причемъ покупатели не только безцеремонно ощупывали ихъ, но даже, раздвигая имъ челюсти, заглядывали въ ротъ, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ-ли у нихъ какихъ нибудь скрытыхъ недостатковъ. При малѣйшемъ проявленіи непослушанія или сопротивленія, бичъ надсмотрщика безжалостно опускался на ихъ плечи и руки, причемъ имъ запрещалось плакать или кричать, а требовалось, напротивъ, чтобъ они улыбались *.

— „Проклятый еврей“—кричалъ извергъ—„гляди веселѣе! Ты своей кислой миной разгонишь еще всѣхъ покупателей! Пожалуйте, господа, покупайте! Дешево отдамъ, да и такого большого выбора вы не скоро найдете. Вотъ изъ этого великана выйдетъ отличный привратникъ или носильщикъ. Посмотрите только на его бедра и плечи!

— А какая ему цѣна?—спрашивалъ управляющій знатнаго дома.

— Онъ между братьями стоитъ пять тысячъ сестерцій (около 750 франковъ). Но такъ какъ ты давнишній покупатель, то я уступлю его тебѣ за четыре тысячи.

— Экъ хватилъ! Такую-то сумму платить за жида! Всѣ они лѣнивы, по субботамъ не хотятъ работать, да кромѣ того отказываются ѣсть свинину. Съ ними столько возни, что поблагодаришь боговъ, когда отъ нихъ отдѣлаешься.

— А для чего же существуютъ кнутъ и наручники!

---

* Гуль и Конеръ «Жизнь грековъ и римлянъ» стр. 626—639.

Отсчитаешь ему ударовъ пятьдесятъ—и онъ сдѣлается какъ шелковый. Я знаю это по опыту. Ну, давай 3000 сестерцій и бери жида. Право, не пожалѣешь.

Наконецъ торгъ былъ заключенъ и продавецъ обратился къ старухѣ, которая совиными глазами своими рассматривала плѣнныхъ евреекъ, пока не остановила ихъ на красивой 17-ти-лѣтней еврейкѣ и освѣдомилась о ея цѣнѣ.

— Могу сказать — осклабился продавецъ — у тебя недурной вкусъ. Лакомый кусочекъ для твоихъ гостей, матушка Ливія. Стройна какъ пальма, шелковистая кожа, розовыя щеки. Хорошая приманка для молодыхъ господъ! Ты выручишь съ нею не мало денегъ.

— Да здорова ли она, нѣтъ-ли у нея какихъ либо пороковъ?

— Здорова, какъ рыба въ водѣ, и безъ всякихъ пороковъ. Впрочемъ можешь сама въ этомъ удостовѣриться. Говорю тебѣ—жемчужина, настоящая Венера. Дешевле 8000 сестерцій я ее не отдамъ.

— Вотъ тебѣ на! Да за 6000 сестерцій я достану самую лучшую гречанку, которая будетъ играть на цитрѣ, пѣть и плясать.

— Но вѣдь еврейки теперь въ модѣ. Самъ Титъ предпочитаетъ еврейку Беренику всѣмъ женщинамъ въ мірѣ. А нашъ молодой цезарь знаетъ толкъ въ женщинахъ.

— Пять тысячъ сестерцій и ни одного динара больше! Это послѣдняя моя цѣна.

— Это значитъ отдать ее почти задаромъ. Но изъ любви къ тебѣ уступаю. Бери свой кладъ и пусть боги благословятъ тебя.

Бѣдная, только что проданная дѣвушка инстинктивно ухватилась за стоявшаго подлѣ нея старика, тщетно ища у него защиты. Надсмотрщикъ грубо вырвалъ ее изъ объятій и передалъ ее старой сводницѣ, которая повлекла съ собою плачущую жертву свою.

Нѣсколько лучше обращались съ болѣе знатными плѣнными, заключенными внутри зданія. Съ нихъ сняли оковы и они могли расхаживать на свободѣ, конечно подъ надзоромъ сторожей, и разговаривать другъ съ другомъ. Здѣсь происходили трогательныя сцены неожиданнаго свиданія ме-

жду друзьями и родными, которымъ по крайней мѣрѣ предоставлено было утѣшеніе поплакать вмѣстѣ и пожаловаться на свою судьбу. Тутъ дочь обнимала мать, тамъ жена мужа, котораго она уже считала мертвымъ, здѣсь сестра любимаго брата. Несчастіе настоящей минуты смягчалось радостью свиданія; тутъ перемежались смѣхъ и слезы, ликованіе и вздохи, подобно свѣту и тѣни, дождю и солнечному сіянію. Для многихъ составляло счастіе уже то, что они видѣли своихъ близкихъ въ живыхъ, что они могли смотрѣть другъ на друга, пожимать другъ другу руки, слышать родные звуки, узнавать дорогія черты.

Миріамъ и Рувимъ сидѣли, вмѣстѣ съ другими своими товарищами по несчастію, въ дальнемъ углу мрачной залы и не уставали смотрѣть другъ на друга и дѣлиться своими чувствами и впечатлѣніями. Забыты были горе и нужда, претерпѣнныя бѣдствія и мрачная будущность; забыта была и обстановка, въ которой они находились, и то, что они оба—несчастные плѣнные. Щеки ихъ разгорѣлись, глаза блестѣли.

— Свѣтъ души моей!—съ восторгомъ говорилъ Рувимъ.— Мое счастіе, моя радость! Я вновь вижу тебя и оживаю.

— Твой видъ—отвѣчала Миріамъ шопотомъ—проливаетъ бальзамъ въ мое истерзанное сердце. Близость къ тебѣ освѣжаетъ меня, какъ роса засохшій цвѣтокъ.

— День и ночь я думалъ только о тебѣ. Забота о тебѣ не давала мнѣ спать.

— Мои подушки были омочены слезами, которыя я проливала о тебѣ, а мои стоны и плачъ не давали спать моимъ сосѣдямъ.

Предавшись минутному своему счастію, любящіеся не видѣли ни мрачнаго, грязнаго зала, ни согбенныхъ фигуръ своихъ товарищей по несчастію, ни отталкивающихъ лицъ грубыхъ надсмотрщиковъ, пока шумное прибытіе продавца и его болѣе знатныхъ покупателей не пробудили ихъ отъ ихъ сладкаго забытья. Очарованіе мигомъ исчезло и ужасная дѣйствительность предстала передъ ними во всей своей неприкрашенной наготѣ, такъ что они не могли не вздрогнуть и не въ состояніи были скрыть свой ужасъ. Рувимъ,

по прежнему горестному опыту, зналъ, что за страшная вещь рабство; но онъ дрожалъ не за себя, а за Миріамъ. Одна мысль о томъ, что она будетъ рабыней, будетъ предоставлена произволу, грубости, похотливости безжалостнаго властелина, доводила его до сумашествія и отнимала у него всякую способность разсуждать.

— Ради Бога!—воскликнула Миріамъ, испуганная его измѣнившимся видомъ.—Что съ тобой, Рувимъ? Что ты такъ страшно поблѣднѣлъ? Отчего ты смотришь на меня такимъ испуганнымъ взоромъ? Умоляю тебя, не скрывай отъ меня ничего.

— Неужели мнѣ напоминать тебѣ—мрачно прошепталъ онъ—что мы плѣнные.

— Но вѣдь и въ плѣну мы можемъ любить друга—отвѣтила она съ улыбкой невинности, раздиравшей его сердце.

— Ты ошибаешься, Миріамъ—печально отвѣтилъ онъ.—Скоро насъ разлучатъ, оторвутъ другъ отъ друга.

— Кто можетъ быть настолько жестокъ?

— Наши будущіе властители, тѣ которые купятъ насъ—отвѣтилъ онъ шепотомъ.

— Наши властители!—воскликнула Миріамъ, вздрагивая, какъ бы ужаленная змѣей. — Дочь Гиллеля — рабыня! Этого позора я не переживу.

— Мы находимся во власти враговъ нашихъ и безсильны.

Одно мгновеніе Миріамъ сидѣла какъ убитая, въ глубокой задумчивости. Лишь теперь она постигла угрожавшую ей опасность, поняла весь ужасъ своего положенія, угадала инстинктивно то, что Рувимъ не рѣшался прямо высказать ей.

— Лучше смерть!—воскликнула она, вскакивая, съ сверкавшими глазами — чѣмъ позоръ. Умремъ вмѣстѣ, чтобъ избѣжать неволи.

— Умереть возлѣ тебя, вмѣстѣ съ тобой,—было бы блаженствомъ. Я уже думалъ о томъ, но у меня не хватило духа высказать тебѣ мое желаніе.

— Я не такъ слабохарактерна, какъ ты думаешь. Моя любовь такъ сильна, что меня не устрашитъ и смерть. Ты можешь самъ въ этомъ убѣдиться.

— О Миріамъ!—воскликнулъ Рувимъ въ отчаяніи—ты сама не знаешь, чего ты отъ меня требуешь.

Нѣтъ, знаю — смерти отъ твоей руки. Спаси меня отъ позора, если ты въ состояніи это сдѣлать.

Рувимъ невольно опустилъ руку за пазуху, гдѣ ему удалось, несмотря на всѣ обыски, скрыть кинжалъ. Но его рука дрогнула, когда онъ дотронулся до холоднаго желѣза, и онъ живо отдернулъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ—воскрикнулъ онъ, содрогаясь. — Я не могу убить тебя.

— Такъ ты желаешь для меня позора и медленной смерти. Ну, такъ давай кинжалъ, если ты чувствуешь себя слишкомъ слабымъ. Я сама вонжу его въ свое сердце.

Она быстрымъ движеніемъ вырвала у него оружіе и спрятала его въ складкахъ своего платья, такъ какъ въ это самое время къ ней приближался продавецъ, въ сопровожденіи Сервилія и другихъ охотниковъ до красивыхъ женщинъ.

— Вотъ она — проговорилъ Флоръ—моя жемчужина, краса всѣхъ еврейскихъ женщинъ. Что, правду ли я тебѣ говорилъ?

— Она красива — отвѣтилъ Сервилій — но все же ты слишкомъ дорого за нее просишь.

— Слишкомъ дорого? Двадцать тысячъ сестерцій за такую дѣвушку. Да это просто даромъ!

— Ты знаешь, что я не могу дозволить себѣ такой роскоши. Я покупаю по порученію другаго и не могу дать дороже извѣстной суммы.

— Ага, понимаю. Какой-нибудь знатный баринъ, почтенный сенаторъ, опасающійся своей ревнивой жены, или молодой всадникъ, избѣгающій упрековъ своего скупого отца. Но въ такомъ случаѣ тѣмъ менѣе стоитъ толковать о какой-нибудь тысячѣ сестерцій.

— Пусть-ка еврейка встанетъ—сказалъ другой знатный покупатель,—чтобы можно было лучше разсмотрѣть ее. Въ этой залѣ такъ темно, что ничего не видно.

— Поднимись-ка, моя куколка—обратился продавецъ къ Миріамъ, схватывая ее за руку — и покажи господамъ покупателямъ, какъ ты стройна. Не слышишь, что-ли?

Лицо ея покрылось смертельною блѣдностью и она съ отвращеніемъ оттолкнула руку Флора; Рувимъ съ трудомъ могъ сдерживать себя.

— Ого, моя милая—процѣдилъ сквозь зубы раздраженный продавецъ.—Что это значитъ? Ты кобенишься? Или тебѣ хочется познакомиться съ этимъ кнутомъ?

И онъ дѣйствительно замахнулся на нее своимъ бичемъ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ опустить его, Миріамъ выхватила кинжалъ; продавецъ бросился къ ней и вырвалъ изъ ея слабой руки смертоносное оружіе. Въ это самое время Рувимъ испустилъ дикій крикъ и бросился, какъ полуумный, на продавца, котораго онъ непремѣнно задушилъ бы, если бы не подоспѣли сторожа и не вырвали его изъ рукъ Рувима.

— Измѣна, бунтъ!—кричалъ разъяренный Флоръ.—Вяжите собаку, убейте ее!

— Стойте — вмѣшался присутствовавшій при продажѣ прокураторъ — этотъ рабъ пока составляетъ еще собственность государства, и потому одинъ только городской префектъ имѣетъ право приговорить его къ смерти. Заслуженная кара не уйдетъ отъ него и онъ будетъ или распятъ, или отправленъ въ каторжныя рабоы въ каменоломни Сардиніи.

— А еврейка?—спросилъ Сервилій, которому весь этотъ неожиданный эпизодъ былъ крайне непріятенъ.

— И еврейка подлежитъ наказанію, такъ какъ она, въ качествѣ рабыни, не имѣла права располагать своей жизнью.

— Ты правъ—замѣтилъ продавецъ. — Мы передадимъ ихъ обоихъ претору, для того чтобъ онъ подвергъ ихъ заслуженной карѣ. На каторгу, на крестъ ихъ!

По его приказанію несчастныхъ снова заковали и потащили къ судьѣ, въ сопровожденіи Манго, въ качествѣ обвинителя, и покупщиковъ, въ качествѣ свидѣтелей; на улицѣ къ нимъ присоединилась значительная толпа любопытныхъ.

Шумъ и крикъ раздраженной толпы обратили на себя вниманіе двухъ почтенныхъ мужей, бесѣдовавшихъ вблизи базилики Опиміи. При видѣ плѣнныхъ, старшій изъ собесѣдниковъ вскрикнулъ и такъ быстро пошелъ по направленію къ

толпѣ, что храмой спутникъ его не въ состояніи былъ слѣдовать за нимъ.

— Мой другъ, мой сынъ! — еще издали закричалъ пожилой римлянинъ.

— Музоній — воскрикнулъ Рувимъ, очнувшись отъ своей задумчивости. — Не обращая ни малѣйшаго вниманія на толпу зѣвакъ, знаменитый философъ обнялъ своего прежняго товарища по несчастію съ такою радостью и нѣжностью, что всѣ окружающіе, и въ особенности торговецъ невольниками, не могли достаточно надивиться этой интимности между знатнымъ римскимъ всадникомъ и презрѣннымъ евреемъ.

По желанію Музонія, Рувимъ въ краткихъ словахъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Разсказъ его очевидно произвелъ сильное впечатлѣніе на гуманнаго философа. Съ состраданіемъ и удивленіемъ смотрѣлъ онъ на блѣдную Миріамъ, поразительная красота которой настолько же поразила стараго стоика, насколько внушила ему сочувствіе мужественное презрѣніе ея къ смерти.

„Настоящая Лукреція, вторая Аррія!“ — воскликнулъ онъ съ восторгомъ. — Эта дѣвушка можетъ быть по справедливости названа стоической героиней и я вполнѣ понимаю, что ты ее любишь, другъ мой Рувимъ. Однако заварили же вы кашу! Дѣло плохо. Впрочемъ не робѣйте. Я пойду съ вами и поговорю съ преторомъ. Кстати это мой старый другъ и ученикъ, Муцій Фунданъ. Въ крайнемъ случаѣ я обращусь къ самому императору. Веспасіанъ знаетъ меня и благоволитъ ко мнѣ, такъ какъ мнѣ еще недавно удалось оказать ему услугу, за которую я не захотѣлъ принять предложенной мнѣ награды. Онъ, надѣюсь, не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ. Словомъ, что бы тамъ ни случилось, старикъ Музоній не покинетъ васъ“.

Ободренные обѣщаніемъ и присутствіемъ вѣрнаго друга, который пожелалъ имъ сопутствовать, Рувимъ и Миріамъ явились предъ судьей, который почтительно привѣтствовалъ уважаемаго философа и пригласилъ его сѣсть подлѣ себя, послѣ того какъ тотъ объяснилъ ему свои отношенія къ плѣннымъ и свое желаніе вести ихъ защиту. И онъ сдѣлалъ это съ такимъ рвеніемъ и съ такимъ краснорѣчіемъ, что

судья оправдалъ отъ обвиненія въ бунтѣ, которое сконфуженный Мунго впрочемъ и поддерживалъ весьма слабо, а свидѣтели не въ состояніи были доказать. Равнымъ образомъ онъ оправдалъ Миріамъ отъ обвиненія въ покушеніи на самоубійство, такъ какъ однимъ покушеніемъ, не приведеннымъ въ исполненіе, не нанесено ущерба государству.

Но преторъ не вправѣ былъ запретить продавцу снова увести съ собою плѣнныхъ и выставить ихъ для продажи. Однако, прежде чѣмъ онъ удалился, къ нему подошелъ Музоній и спросилъ его, сколько стоятъ оба раба. „Я уже предложилъ цѣну за дѣвушку“ —вмѣшался въ разговоръ вольноотпущенный Домиціана, Сервилій—„и послѣдняя цѣна осталась за мною“.

— Это правда—подтвердилъ продавецъ.

— Да, но такъ какъ сдѣлка еще не была заключена, то и мнѣ принадлежитъ право торговаться, замѣтилъ Музоній.

— Я даю требуемыя двадцать тысячъ сестерцій и еврейка остается за мною.

— Постой, дружище, не торопись,—остановилъ его Музоній. — Я набавляю пять тысячъ сестерцій, и кромѣ того покупаю и молодого человѣка по какой бы то ни было цѣнѣ.

Такъ какъ Сервилій колебался еще надбавить цѣну безъ согласія своего господина, да и кромѣ того боялся возбудить подозрѣніе претора, то онъ отступился отъ торга и уступилъ философу обоихъ плѣнныхъ, за которыхъ тотъ заплатилъ всего 30,000 сестерцій.

—Теперь вы принадлежите мнѣ тѣломъ и душою—улыбаясь произнесъ добрый Музоній. — Но вы недолго останетесь моими рабами, такъ какъ я тутъ же заявляю претору о желаніи моемъ отпустить васъ на волю. И съ этими словами онъ взялъ Рувима и Миріамъ за руки и подошелъ къ судьѣ, который тотчасъ же велѣлъ своему секретарю совершить, необходимыя формальности. По знаку судьи, секретарь, какъ того требовалъ законъ, слегка ударилъ сначала Рувима, а затѣмъ и Миріамъ, по лицу, затѣмъ подвелъ ихъ къ Музонію, который, взявъ ихъ за руки, обвелъ ихъ вокругъ судейскаго стола и произнесъ установленную формулу: „Я желаю, чтобы вы были свободны“.

— Свободны!! Съ радостнымъ крикомъ Рувимъ и Миріамъ бросились къ своему благодѣтелю, чтобы, со слезами на глазахъ, благодарить его за его благодѣяніе. Тронутый Музоній обнялъ ихъ, тщетно стараясь скрыть слезы, недостойное, по мнѣнію философа-стоика, проявленіе слабости.

— Что вы дѣлаете, дѣти мои!—говорилъ старый стоикъ.—Вы хотите задушить меня. И что вы меня чествуете, точно Бога. Обо всемъ этомъ пустякѣ не стоитъ и говорить. Я сдѣлалъ только то, что каждый человѣкъ долженъ дѣлать для другаго. Я серьезно разсержусь, если вы не перестанете.

— Мой отецъ, мой спаситель!—воскликнулъ взволнованный Рувимъ.—Не отклоняй нашей благодарности. Безъ тебя мы были бы рабами, самыми жалкими и несчастными существами на свѣтѣ.

— И рабы могутъ быть счастливы, какъ доказываетъ мой другъ Эпиктетъ, о которомъ я совсѣмъ было забылъ. Намъ не слѣдуетъ долѣе оставлять его ждать. Пойдемте скорѣе. Какъ вольноотпущенные, вы дѣлаетесь друзьями моего дома. Не забудь, Рувимъ, надѣть шляпу, такъ какъ ты теперь свободный человѣкъ. Если вы кому обязаны, то нашему благородному претору, услугу котораго я никогда не забуду.

— Я тебѣ болѣе обязанъ, чѣмъ ты мнѣ—возразилъ почтенный судья—такъ какъ ты доставилъ мнѣ случай сдѣлать доброе дѣло и быть свидѣтелемъ благороднаго поступка.

Простившись съ преторомъ, Музоній вышелъ въ сопровожденіи Рувима и Миріамъ, изъ помѣщенія суда. У дверей его ожидалъ храмой другъ и ученикъ его Эпиктетъ, и они вчетверомъ направились къ виллѣ философа, на вольсинской дорогѣ, гдѣ Рувимъ и Миріамъ должны были найти отдохновеніе отъ треволненій и испытаній послѣдняго времени.

XIV.

Добрый Музоній относился съ отеческой заботливостью къ своимъ гостямъ, которые провели на виллѣ своего покровителя счастливѣйшіе дни своей жизни. Ничто не нарушало

счастія и спокойствія любящихъ, такъ какъ и Домиціанъ, частью изъ страха передъ своимъ отцомъ, частью поглощенный завистью къ брату и обдумываніемъ разныхъ честолюбивыхъ плановъ, вскорѣ забылъ о Миріамъ и не преслѣдовалъ ее болѣе. Такимъ образомъ Рувимъ и Миріамъ нашли въ домѣ знаменитаго философа благодѣтельное успокоеніе послѣ всѣхъ вынесенныхъ ими бурь. Самъ Музоній былъ любезный хозяинъ и, не смотря на нѣкоторыя свои странности, представлялъ собою личность столь же значительную, какъ и оригинальную. Его посѣщали только немногіе его друзья и единомышленники.

Какъ глава и учитель, имѣвшій въ Римѣ многочисленныхъ приверженцевъ стоической школы, онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ интеллигентныхъ кружкахъ и даже самъ практичный Веспасіанъ, который вообще не особенно былъ расположенъ къ философамъ-республиканцамъ и впослѣдствіи выслалъ большую часть ихъ изъ Рима, дѣлалъ исключеніе въ пользу заслуженнаго стоика, которому послѣ смерти Нерона дозволено было безпрепятственно пребывать въ Римѣ. Кромѣ того, Музоній обладалъ прирожденной добротой сердца, которая порою ставила его въ странныя противорѣчія съ его довольно суровыми принципіальными взглядами, безграничной гуманностью и почти дѣтской вѣрой въ могущество философіи, которая нерѣдко навлекала на него насмѣшки скептиковъ и даже друзей его. Послѣдніе, сами смѣясь, разсказывали про него, что во время послѣдняго военнаго бунта онъ одинъ, безоружный, вышелъ къ разъяреннымъ солдатамъ и пытался объяснить имъ въ длинной рѣчи опасности междоусобной войны и благодѣянія мира, въ надеждѣ, что ему удастся философскими доводами побудить ихъ положить оружіе. Только вмѣшательство нѣкоторыхъ, лично знавшихъ его офицеровъ, спасло мужественнаго стоика отъ насилій глумившихся надъ нимъ воиновъ *.

Съ тѣхъ поръ Музоній жилъ вдали отъ свѣта и отъ политики на своей виллѣ, занимаясь только своей философіей

* Риттеръ, «Исторія философіи». т. IV, стр. 197 до 209.—Тацитъ, «Лѣтопись», кн. 14, гл. 59. Его же «Исторія», кн. 3, гл. 91.

и учеными изслѣдованіями, отклоняя всѣ предложенія знатныхъ друзей своихъ и благоволившаго ему императора, свободный, независимый и довольный, такъ какъ при его скромности и нетребовательности, состоянія его хватало не только для безбѣднаго существованія, но и для оказыванія помощи своимъ ближнимъ.

Общество такого человѣка и его друзей, въ особенности умнаго и сообщительнаго Эпиктета, спокойствіе и красота ихъ уединеннаго, окруженнаго садами убѣжища, и въ особенности сладость совмѣстной жизни заставили обоихъ любящихъ скоро забыть всѣ былыя несчастія и испытанія. Они проводили самые счастливые дни и часы. Вновь пріобрѣтенная свобода и все болѣе и болѣе разгоравшееся чувство любви преисполняли ихъ такой радости, которая невольно сообщалась всѣмъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе. Любовь бездѣтнаго Музонія къ Рувиму, а въ особенности къ Миріамъ росла съ каждымъ днемъ: онъ не могъ налюбоваться ея красотой, надивиться ея уму, хотя ей въ началѣ, при незнакомствѣ съ греческимъ языкомъ, и трудно было бесѣдовать съ нимъ. Даже не особенно расположенный къ евреямъ и христіанамъ Эпиктетъ по отношенію къ нимъ отступился отъ своихъ предразсудковъ и отъ своей первоначальной сдержанности. Различіе вѣры не въ состояніи было повліять на ихъ дружбу, такъ какъ обѣ стороны тщательно избѣгали всякихъ релагіозныхъ споровъ, а когда разговоръ касался этого предмета старались относиться другъ къ другу съ возможной деликатностью и терпимостью. Музонія не шикировали также строго соблюдавшіяся Миріамъ еврейскіе обычаи относительно пищи, такъ какъ одною изъ особенностей оригинала-философа было то, что онъ не употреблялъ въ пищу мяса и довольствовался исключительно растительною пищей, что давало и Миріамъ возможность участвовать въ общихъ трапезахъ, которымъ она своимъ присутствіемъ придавала особенную прелесть.

Такъ время проходило для обоихъ молодыхъ людей быстро, весело и спокойно. Только воспоминаніе о родинѣ, забота о судьбѣ близкихъ и неизвѣстность относительно собственной ихъ будущности бросали по временамъ темную тѣнь на

ихъ радость и счастіе. Несмотря на окружавшія ихъ любовь и дружбу, они, а въ особенности Миріамъ, не могла не ощущать желанія узнать что нибудь о своихъ родныхъ, съ которыми они были разлучены столько мѣсяцевъ и о которыхъ до нихъ не доходило никакихъ вѣстей. Ни отеческая нѣжность добраго Музонія, ни философскія утѣшенія умнаго Эпиктета, ни близость любимаго человѣка не въ состояніи были прогнать ея печаль и успокоить ея тревогу. Она просто страдала тоскою по родинѣ и, среди настоящаго счастія, ею овладѣвала такая меланхолія, такое чувство одиночества на чужбинѣ, что она не могла удерживаться отъ слезъ. Подобно пересаженному съ родной почвы цвѣтку, она видимо хирѣла и увядала.

Повинуясь желанію Миріамъ, Рувимъ отправился однажды въ расположенный за рѣкою Тибромъ еврейскій кварталъ, чтобы постараться узнать у жившихъ тамъ единовѣрцевъ своихъ что-нибудь о семействѣ Гиллеля, а также чтобы навѣстить кстати по пути бывшаго своего господина Эпафродита и своего стараго друга, почтеннаго Теофила. Видъ города, въ которомъ Рувимъ давно уже не былъ, преисполнилъ его грустныхъ воспоминаній, въ особенности когда онъ приблизился къ Палатинской горѣ. Тамъ, возлѣ царскихъ дворцовъ, возвышался вновь выстроенный храмъ мира, въ которомъ, какъ онъ хорошо зналъ, хранились трофеи войны, знаменитый семивѣтвенный подсвѣчникъ и золотой жертвенный столъ, какъ воспоминанія о побѣдѣ римлянъ и о разрушеніи Іерусалима. Въ умѣ Рувима вновь промелькнули всѣ ужасныя сцены, которыхъ ему довелось быть свидѣтелемъ, кровавой бой на іерусалимскихъ улицахъ, приступы на укрѣпленія, страшный голодъ, отчаяніе и презрѣніе къ смерти осажденныхъ, пожаръ храма, разграбленіе и гибель священнаго города.

Но еще болѣе, чѣмъ ужасное прошлое со всѣми его неописуемыми страданіями, еще болѣе потери храма и его святынь, огорчало Рувима въ это мгновеніе, печальное зрѣлище представляемое ему дѣйствительностью. Онъ увидѣлъ тысячи плѣнныхъ своихъ соплеменниковъ въ цѣпяхъ, изнемогавшихъ подъ тяжестью тяжелыхъ плитъ, которыя они

должны были таскать для постройки знаменитаго Колизея, этого громаднаго и знаменитаго амфитеатра, который затмилъ собою всѣ великолѣпныя зданія Рима. Орошаемыя ихъ слезами, обливаемыя ихъ потомъ, воздвигались гигантскія стѣны, остатки которыхъ возбуждаютъ еще удивленіе и ужасъ у дальняго потомства, и въ развалинахъ которыхъ и до сихъ поръ какъ будто отдаются вздохи ихъ строителей, стоны несчастныхъ жертвъ, крики римской черни, ревъ дикихъ звѣрей и послѣднія молитвы мучениковъ.

Несмотря на значительное разстояніе, Рувимъ узналъ блѣдныя лица и согбенныя фигуры своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ, въ числѣ которыхъ было, конечно, не мало и его друзей. Отъ времени до времени они затягивали печальную пѣснь, звуки которой трогали Рувима до слезъ. „Боже праведный"—доносилось до него — „зачто Ты совершенно отвергнулъ насъ и разгнѣвался на твою паству? Вспомяни о своей общинѣ, вѣрной Тебѣ споконъ вѣку, которая поклонялась Тебѣ на горѣ Сіонѣ, и которую Ты нынѣ повергъ въ прахъ. Непріятель все предалъ разрушенію въ Твоей святынѣ. Твои враги поднимаютъ ревъ въ Твоемъ домѣ и размѣстили въ немъ идолы свои. Они сжигаютъ Твою святыню и оскверняютъ домъ Твой. Мы не слышимъ болѣе ни пророковъ, ни учителей нашихъ. Боже, доколѣ же будутъ богохульствовать и кощунствовать нечестивцы? Зачѣмъ Ты отнялъ отъ насъ руку Твою? Но все же Ты, Боже, нашъ царь на вѣки вѣковъ и наше убѣжище на землѣ".

Когда глубоко потрясенный Рувимъ повернулся, чтобы направиться въ еврейскій кварталъ, онъ увидѣлъ возлѣ себя благороднаго Монобаза, тронутаго, подобно ему, и крайне удивленнаго при видѣ своего вавилонскаго земляка. Послѣ того какъ они поздоровались, князь Адіабенскій сообщилъ ему, что Веспасіанъ помиловалъ его и его брата, освободилъ изъ плѣна и возвратилъ имъ ихъ царство, подъ условіемъ вѣрности и послушанія римскому императору. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ поздравлявшему его Рувиму отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ общее ихъ отечество, гдѣ онъ предоставитъ ему, какъ старому и испытанному своему товарищу по оружію, видное положеніе при своемъ дворѣ.

— Я бы съ радостью принялъ великодушное твое предложеніе — отвѣтилъ Рувимъ, поблагодаривъ его; — но, какъ тебѣ, быть можетъ, извѣстно, я обрученъ съ Миріамъ, дочерью покойнаго Симона, и это меня связываетъ. Моя невѣста очень озабочена судьбою своихъ родныхъ, о которыхъ мы не слышали ничего со времени разрушенія священнаго города. Прежде, чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе относительно будущаго, мы должны узнать, живы ли еще наши родные и гдѣ они въ настоящее время находятся, такъ какъ въ такомъ случаѣ обязанность наша требуетъ того, чтобы мы возвратились къ нимъ и раздѣлили ихъ участь. Поэтому ты и засталъ меня на пути въ синагогу, гдѣ я надѣюсь узнать у старшинъ что-нибудь относительно семейства Гиллеля.

— Я могу избавить тебя отъ этого труда — отвѣтилъ Монобазъ — такъ какъ я, не далѣе какъ вчера, говорилъ съ Іосифомъ.

— Этотъ измѣнникъ — воскликнулъ Рувимъ съ негодованіемъ — не стóитъ того, чтобы говорить съ нимъ.

— Въ настоящее время онъ важное лицо при дворѣ и я пользуюсь имъ, какъ посредникомъ при Веспасіанѣ, который осыпаетъ его изъявленіями своей милости. Къ тому же я долженъ отдать ему справедливость, что онъ принимаетъ участіе въ нашихъ бѣдныхъ единовѣрцахъ, если только, конечно, при этомъ не затрогиваются его собственные интересы. Какъ онъ мнѣ разсказывалъ, императоръ, по ходатайству стараго Іоханана-бенъ-Заккаи передъ царемъ Агриппой, помиловалъ твоего двоюроднаго брата Гамліеля и все семейство Гиллеля, и дозволилъ какъ Гамліелю, такъ и его зятю Эліезеру-бенъ-Гирканосу поселиться въ Ябнѣ, у достойнаго ихъ учителя.

— Спасибо за добрую вѣсть. Какъ обрадуется Миріамъ! Я тотчасъ же бѣгу къ ней, чтобъ обрадовать ее этими пріятными новостями.

— Я жалѣю только о томъ, что ты теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, будешь склоненъ принять мое предложеніе. Обдумай еще разъ мое предложеніе.

— Ты поймешь, что мнѣ прежде всего нужно поспѣ-

шить съ моей невѣстой къ ея роднымъ, въ Ябну. Она совершенно извелась неизвѣстностью объ ихъ участи и сгораетъ нетерпѣніемъ увидѣть ихъ.

— Такъ какъ я самъ черезъ нѣсколько дней покидаю Римъ, то ты и твоя невѣста можете совершить путешествіе вмѣстѣ со мною. Вы такимъ образомъ совершите путешествіе съ большею безопасностью, чѣмъ еслибы вы отправились одни, а я буду имѣть случай пользоваться твоимъ пріятнымъ обществомъ.

— Ты, право, слишкомъ добръ и идешь на встрѣчу моимъ желаніямъ, такъ какъ я только что хотѣлъ просить у тебя дозволенія сопровождать тебя.

Рувимъ только что собирался проститься съ ласковымъ княземъ, какъ внезапно образовавшаяся толпа народа задержала его противъ воли передъ дворцомъ Тита, вблизи котораго они бесѣдовали. Изъ растворенныхъ воротъ вышла толпа слугъ и конвойныхъ, а за ними слѣдовали великолѣпныя, открытыя носилки, въ которыхъ, сіяя радостью и счастіемъ, сидѣла на мягкихъ подушкахъ Береника; за нею слѣдовали ея братъ Агриппа и извѣстный Іосифъ, который успѣлъ уже совершенно романизироваться и даже измѣнить, въ честь своего высокаго покровителя, Флавія Веспасіана, прежнее свое имя на имя Флавія. Подлѣ Береники ѣхалъ верхомъ Титъ, побѣдитель ея народа и разрушитель Іерусалима, который, улыбаясь, наклонялся къ ней и непринужденно съ нею болталъ, ни мало не заботясь объ окружавшей ихъ толпѣ, которая очевидно не ободряла любви молодого наслѣдника престола къ еврейкѣ и вслухъ высказывала на счетъ обоихъ злостныя замѣчанія.

Несмотря на то, что Рувимъ стоялъ съ княземъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, Береника повидимому узнала его, судя по яркому румянцу, вдругъ покрывшему ея щеки, и по быстрому движенію головы, съ которымъ она отвернулась отъ почтительно поклонившагося ей Рувима; при этомъ она что-то потихонько сказала шедшему рядомъ съ нею Іосифу.

Минуту спустя блестящее шествіе повернуло въ улицу Аппіи и вскорѣ скрылось изъ глазъ Рувима. Неожиданная встрѣча эта, напомнившая Рувиму о прежнемъ его увле-

ченіи, произвела на него непріятное впечатлѣніе, что не скрылось отъ Монобаза.

— Ты развѣ знаешь царевну? — спросилъ тотъ съ участіемъ. — Она просто преслѣдовала тебя своими взорами.

— Я нѣсколько разъ мимоходомъ встрѣчалъ ее въ Іерусалимѣ и бесѣдовалъ съ нею, — уклончиво отвѣтилъ Рувимъ.

— Берегись! — шутливо сказалъ князь. — Я слышалъ, что Титъ ужасно ревнуетъ ее ко всякому мужчинѣ, на котораго она только взглянетъ. Говорятъ даже, что онъ скоро женится на ней *.

— Это для меня совершенно все равно, и я нимало объ этомъ не забочусь, хотя и желаю ей всякаго счастія и благополучія.

— Она уже поселилась во дворцѣ Тита и держитъ себя, какъ будущая императрица, хотя умный Веспасіанъ все еще отказываетъ въ своемъ согласіи на этотъ бракъ и хотя римляне, какъ ты самъ только что могъ убѣдиться, смѣются надъ связью Тита съ еврейкой и возмущены ею. Однако мнѣ кажется, что Титъ, какъ онъ ни влюбленъ въ нее въ настоящее время, слишкомъ тонкій политикъ, чтобы ради женщины рисковать гнѣвомъ своего отца и расположеніемъ общественнаго мнѣнія. Честолюбивый цезарь слишкомъ дорожитъ народною любовью, и, насколько я его знаю, онъ нимало не задумается, когда того потребуютъ обстоятельства, принесть въ жертву Беренику подъ личиной добродѣтели.

— Я могу только сожалѣть о ней, такъ какъ она, несмотря на всѣ свои заблужденія, все-же замѣчательная женщина. Она, по моему мнѣнію, похожа въ нѣкоторомъ родѣ на нашу бѣдную отчизну, которая сначала дала опутать себя римлянамъ и была ослѣплена ихъ блескомъ и величіемъ, и которой теперь приходится жестоко платиться за свое заблужденіе. Я боюсь, какъ бы, рано или поздно, и царевну не постигла та-же участь.

— Титъ истый римлянинъ: онъ любезенъ, уменъ и

---

* Діонъ Кассій. „Титъ", кн. 66, гл. 15.

храбръ, но въ то-же время холоденъ, коваренъ и безсердеченъ. Это своего рода Неронъ на-изнанку: этотъ желалъ блистать своими пороками, а тотъ—своими добродѣтелями. Это не что иное, какъ комедіантъ, который играетъ роль благороднаго и великодушнаго, какъ тотъ игралъ роль жестокаго тирана. Онъ ставитъ внѣшность выше правды, и въ концѣ концовъ ихъ обоихъ ставитъ выше всего одобреніе толпы.

Среди такихъ разговоровъ Рувимъ и его спутникъ перешли площадь, и, подойдя къ храму Юпитера, встрѣтились съ очевидно поджидавшимъ ихъ Іосифомъ. Отвѣсивъ низкій поклонъ князю и обмѣнявшись съ нимъ нѣкоторыми словами, онъ съ притворнымъ изумленіемъ обратился къ Рувиму съ словами: „Такъ ли я вижу? Не обманъ ли это зрѣнія? Неужели это ты, мой молодой другъ? Я уже боялся, что и ты погибъ при взятіи Іерусалима и скорбѣлъ объ участи молодого героя, подававшаго такія блестящія надежды".

— Какъ ты видишь—холодно отвѣтилъ Рувимъ—я, слава Богу, живъ и здоровъ.

— Очень, очень радъ. Ты, должно быть, стоялъ подъ особымъ покровительствомъ неба, такъ какъ въ бою ты былъ всегда однимъ изъ первыхъ и изъ храбрѣйшихъ. Ахъ, не хочется и вспоминать объ этихъ ужасныхъ временахъ.

— Ну, тебѣ-то, кажется, нечего печалиться—замѣтилъ Монобазъ;—твои дѣла стоятъ недурно.

— Конечно,—отвѣтилъ Іосифъ — мнѣ грѣшно было бы жаловаться. Императоръ очень милостивъ ко мнѣ, а Титъ удостоиваетъ меня своимъ высокимъ довѣріемъ. Веспасіанъ назначилъ мнѣ значительное жалованье и даже отдалъ мнѣ для жительства свой собственный домъ въ шестомъ округѣ. Къ тому же я сдѣлался римскимъ гражданиномъ и пользуюсь уваженіемъ знатнѣйшихъ государственныхъ людей. Тѣмъ не менѣе сердце мое обливается кровью при воспоминаніи о бѣдствіяхъ моего народа.... *

Недовѣрчивыя мины его слушателей заставили Іосифа

* Флавій, «Жизнеописаніе», гл. 76—77.

еще болѣе распространиться о своемъ патріотизмѣ, причемъ онъ призывалъ Бога и всѣхъ ангеловъ небесныхъ въ свидѣтели своей невинности. — Видитъ Богъ — увѣрялъ онъ— я не измѣнникъ и люблю мой народъ и мою вѣру выше всего. Если-бы меня послушались и послѣдовали моему совѣту, то все пошло бы совершенно иначе и нашъ священный городъ и храмъ стояли бы до сихъ поръ въ прежнемъ своемъ величіи. Отвѣтственность за плачевную участь Іерусалима падаетъ прежде всего на партію крайнихъ и на честолюбиваго фанатика Іоанна Гишалу. Они главные виновники всѣхъ бѣдствій, всѣхъ несчастій нашего бѣднаго народа, и нѣтъ достаточно тяжелаго наказанія для этихъ преступниковъ, которые, затѣявъ безумную борьбу съ римлянами, сами позволили себѣ осквернить святыню храма.

— Они сдѣлали это по необходимости, отстаивая храмъ отъ иноземца — возразилъ Рувимъ, возмущенный словами закоренѣлаго фарисея—и Господь проститъ имъ этотъ грѣхъ. Ты не имѣешь права осуждать людей, которые защищали свою отчизну до послѣдней капли крови и съумѣли умереть героями. Я могу только сожалѣть о нихъ и удивляться имъ, хотя я и не раздѣлялъ въ то время ихъ крайнихъ воззрѣній.

— Не станемъ объ этомъ спорить — замѣтилъ хитрый дипломатъ.—Могу сказать только то, что я отъ души желаю всего лучшаго моимъ единоплеменникамъ, и въ особенности тебѣ, мой молодой другъ. Поэтому я посовѣтывалъ бы тебѣ держать языкъ за зубами, такъ какъ иначе ты легко могъ бы навлечь на себя непріятности. Вообще ты, по моему мнѣнію, хорошо сдѣлалъ бы, еслибы какъ можно скорѣе покинулъ Римъ.

— Что это — предостереженіе? — спросилъ Рувимъ съ недоумѣніемъ.—Тебѣ поручено его сдѣлать?

— Нѣтъ, не то чтобы поручено; но я желалъ только посовѣтывать тебѣ быть осторожнѣе, такъ какъ мнѣ было бы жаль, еслибы ты навлекъ на себя непріятности. Съ римлянами опасно шутить, и, при всемъ своемъ великодушіи, благородный Титъ съумѣетъ и жестоко наказать. Старые друзья, которые все еще принимаютъ въ тебѣ участіе, же-

лали бы избавить тебя отъ несчастія. Поэтому я повторяю тебѣ: уѣзжай съ Богомъ и не заживайся въ Римѣ.

— Понимаю — отвѣтилъ Рувимъ — и очень благодаренъ тебѣ за твой совѣтъ. Впрочемъ, я особенно и не нуждался въ немъ, такъ какъ уже раньше рѣшился покинуть на этихъ дняхъ Римъ вмѣстѣ съ княземъ.

— Тѣмъ лучше — сказалъ Іосифъ, улыбаясь. — Желаю тебѣ счастливаго пути. А если у тебя нѣтъ денегъ на дорогу, то мнѣ поручено....

— Благодарю тебя; я ни въ чемъ не нуждаюсь, такъ какъ у меня всего довольно.

— Ну такъ прощай, мой молодой другъ, и сохрани обо мнѣ добрую память.

Такъ какъ Рувимъ не могъ долѣе сомнѣваться въ томъ, что Іосифъ такъ рѣшительно настаивалъ на скорѣйшемъ его удаленіи по порученію Береники, не желавшей его присутствія въ Римѣ, то онъ счелъ нужнымъ, еще болѣе ради Миріамъ, чѣмъ ради себя самого, торопиться своимъ отъѣздомъ, какъ ни тяжело ему было разставаться съ добрымъ Музоніемъ.

Не смотря на свой стоицизмъ, старый философъ не въ состояніи былъ скрыть огорченіе по поводу предстоящей разлуки и всячески старался удержать Рувима и Миріамъ въ Римѣ.

— Какъ,—воскликнулъ онъ, когда Рувимъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи—вы желаете покинуть меня? Этого я не могу допустить. И что васъ тянетъ въ Іудею, гдѣ васъ ожидаетъ только нужда и горе? Вамъ бы слѣдовало благодарить небо за то, что вы нашли, наконецъ, спокойное убѣжище.

— Извини насъ—отвѣтилъ Рувимъ—но на насъ лежатъ извѣстныя обязанности относительно нашихъ родныхъ, нашей родины и нашего народа.

— Это, какъ ты знаешь, вовсе не доводы для философа, тѣмъ болѣе, что твоей родины не существуетъ, твой народъ разсѣянъ, а вмѣсто родныхъ ты имѣешь друзей, которые любятъ тебя не менѣе, если не болѣе ихъ.

— Именно несчастіе моей родины и бѣдствія моего

народа являются новымъ звѣномъ между нами и еще болѣе увеличиваетъ мою любовь и привязанность къ друзьямъ и товарищамъ по несчастію.

— Этого я не могу понять—сказалъ Музоній—покачивая головою. Ты слишкомъ уменъ и чуждъ предразсудковъ, чтобы не понять, что твои соотечественники вполнѣ заслужили свою участь. Народъ, чуждый высшаго образованія, политическаго такта и художественнаго чутья, народъ, позволявшій властвовать надъ собою фанатическимъ священникамъ и безумнымъ мечтателямъ и чуждающійся всѣхъ другихъ націй—такой народъ не имѣетъ права на состраданіе и участіе сколько нибудь благоразумнаго человѣка, если онъ погибаетъ по собственной своей винѣ.

— Ты не правъ относительно несчастныхъ моихъ соплеменниковъ—печально возразилъ Рувимъ—хотя въ твоихъ упрекахъ и обвиненіяхъ и есть доля истины. Правда, что евреи не обладаютъ ни умомъ, образованіемъ и талантливостью грековъ, ни политическою мудростью римлянъ. Въ этомъ отношеніи мы, по сравненію съ ними, дѣйствительно бѣдный и незначительный народъ, несимпатичный другимъ вслѣдствіе своихъ обычаевъ и привычекъ, слишкомъ слабый, чтобы съ успѣхомъ противиться иноземнымъ завоевателямъ, раздираемый борьбою и враждою партій, и поэтому неспособный отстаивать свою самостоятельность. Но за то Господь далъ намъ вѣру въ *единаго* Бога, небесное откровеніе, святую истину, стремленіе къ высшему, къ чистотѣ нравовъ и къ совершенству, надежду на будущее и на освобожденіе отъ грѣховныхъ путъ. Вамъ принадлежитъ земля со всѣми ея преходящими сокровищами, намъ — небо съ своимъ вѣчнымъ блаженствомъ; вашъ удѣлъ—земныя могущество и мудрость, намъ—непоколебимая сила въ терпѣніи; на вашей сторонѣ—умъ, разсудокъ и образованіе, на нашей—сердце и любовь.

— И любовь поведетъ насъ къ побѣдѣ—прибавила Миріамъ—схвативъ руку философа и облобызавъ ее съ благодарностью.

Только послѣ того, какъ Рувимъ объяснилъ вѣрному своему другу причины, заставлявшія его торопиться отъѣз-

домъ, а Миріамъ убѣждала его, со слезами на глазахъ, не сердиться на нихъ, Музоній помирился съ мыслью объ ихъ отъѣздѣ, хотя и не могъ не скорбѣть о томъ.

Прежде, чѣмъ покинуть Римъ, Рувиму хотѣлось непремѣнно повидать стараго Теофила, дѣда незабвенной и дорогой ему Табеп. И Миріамъ желала познакомиться съ этимъ почтеннымъ старикомъ, о которомъ она такъ много слышала, тѣмъ болѣе, что, благодаря вліянію Рувима, она давно уже освободилась отъ предубѣжденій своего семейства противъ назареянъ или евреевъ-христіанъ.

Оба они привѣтствовали съ дѣтскою почтительностью достойнаго старца, который, подъ бременемъ лѣтъ и горя, видимо угасалъ, предвкушая ожидаемое имъ вѣчное блаженство. Въ немъ они нашли ту терпимость, которой недоставало Музонію, несмотря на его ученость и гуманность, ту вѣру въ Бога, ту силу убѣжденія и въ особенности ту высокую любовь, которая въ ихъ глазахъ перевѣшивала всю земную мудрость. Онъ отъ души пожалѣлъ вмѣстѣ съ ними о гибели храма и священнаго города и объ участи ихъ несчастнаго народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, приподнявшись на своемъ ложѣ онъ, подобно вдохновенному пророку, заговорилъ о грядущемъ царствіи Божіемъ, о величіи Іерусалима и о близкомъ пришествіи, на которое онъ все еще надѣялся.

— Прійдетъ день—говорилъ старикъ съ сіяющими глазами — въ который свѣтъ замѣнитъ мракъ нашей печали и наполнитъ весь міръ своимъ блескомъ. Вмѣсто разрушеннаго храма будетъ воздвигнутъ новый домъ Господень, въ которомъ соберутся всѣ народы земные, чтобы поклониться Творцу. И изъ нашей среды возстанетъ властитель, болѣе могущественный, чѣмъ всѣ цари земные. Его царствіе—любовь, его вѣнецъ—справедливость, его скипетръ—миръ. Передъ нимъ преклонятся всѣ народы земные. Исчезли наши страданія и забыто горе. Онъ исцѣлитъ наши раны и утѣшитъ опечаленныхъ. Поэтому намъ нечего печаловаться и скорбѣть, а слѣдуетъ радоваться и ликовать, ибо онъ—обѣщанный отпрыскъ племени Давидова, звѣзда Іакова, которому будутъ служить всѣ народы.

Глубоко тронутые, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшенные,

Рувимъ и Миріамъ простились съ старцемъ, который умеръ вскорѣ послѣ того и былъ похороненъ своими друзьями возлѣ праха Табеи, въ гробницѣ Домитиллы. Еврейско-христіанская община Рима считала его святымъ, хотя позднѣйшая церковь считала его, какъ и всѣхъ такъ называемыхъ „эбіонимъ", еретиками, такъ какъ они признавали лишь ученіе Христа, а не божество его.

XV.

Тѣмъ временемъ знаменитый Іохананъ-бенъ-Заккай сталъ собирать въ Ябнѣ, подъ защитой расположеннаго къ нему царя Агриппы, разсѣянныхъ послѣ разрушенія Іерусалима учениковъ закона. Вокругъ пользовавшагося глубокимъ уваженіемъ учителя собрались самые выдающіеся мужи еврейства—мудрый Іошуа-бенъ-Хананія, благочестивый священникъ Іосе, добродѣтельный Симонъ-бенъ-Натаніэль, кроткій Элеазаръ-бенъ-Арахъ и, наконецъ, членъ семейства Гиллеля—пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ по своему рожденію и богатствамъ Гамліель, сынъ мудраго Симона, и зять послѣдняго Эліезеръ-бенъ-Гирканосъ.

Самъ мудрый Іохананъ былъ душою этой новой школы, которая поставила себѣ задачей сохранить во всей его чистотѣ унаслѣдованное ею ученіе. Вскорѣ, благодаря ему, Ябна сдѣлалась средоточіемъ національной жизни евреевъ, умственнымъ убѣжищемъ и твердой опорой для несчастнаго народа. Достойный ученикъ и преемникъ кроткаго Гиллеля жилъ, дѣйствовалъ и училъ совершенно въ духѣ своего великаго образца; онъ былъ снисходителенъ и терпимъ по отношенію къ другимъ вѣрованіямъ, преисполненъ благочестія и любовью къ людямъ. Особенно заботился онъ о томъ, чтобы снова поднять упавшее было мужество окружающихъ его и поколебленное довѣріе ихъ. И онъ, подобно другимъ евреямъ, оплакивалъ паденіе священнаго города и, при первомъ извѣстіи о разрушеніи храма, разодралъ свои одежды, но вскорѣ онъ оправился и сталъ утѣшать убитыхъ горемъ учениковъ своихъ. „Справедливость"—говаривалъ онъ—„возвышаетъ народъ; а милосердіе есть лучшій

видъ жертвоприношеній для Израиля, какъ и для другихъ народовъ. Господь будетъ милостивъ какъ къ евреямъ, такъ и къ язычникамъ, если они будутъ справедливы и милосерды *.

Опираясь на высокое уваженіе, которымъ онъ пользовался, онъ настоялъ на отмѣнѣ жертвоприношеній, которыя, по его ученію, слѣдовало замѣнить молитвою и чистотою жизни. Въ то же время онъ издалъ рядъ новыхъ постановленій, вызванныхъ измѣненнымъ положеніемъ евреевъ и направленныхъ преимущественно къ смягченію строгости законовъ и къ облегченію сношеній съ иновѣрцами. Эта благоразумная умѣренность спасла новую школу отъ подозрительности и преслѣдованій римлянъ и спасло остатки еврейства отъ почти неизбѣжнаго въ противномъ случаѣ истребленія. Разсѣянные по всему шару земному, евреи стали смотрѣть на Ябну почти такъ же, какъ они доселѣ смотрѣли на Іерусалимъ, и охотно подчинялись рѣшеніямъ здѣшняго синедріона, главою котораго всѣми былъ признанъ уважаемый Іохананъ-бенъ-Заккай. Прежній авторитетъ высокомѣрной и корыстолюбивой священнической аристократіи замѣнилъ авторитетъ ученыхъ и законниковъ, по большей части достойныхъ, истинно добродѣтельныхъ и благочестивыхъ мужей, которые посвятили всю свою жизнь изученію слова Божія и Священнаго писанія. Они обучали народъ, доставляли ему утѣшеніе и духовную помощь. Они ободряли отчаявающихся, утѣшали угнетенныхъ и служили для всѣхъ примѣромъ чистотою своей жизни и непоколебимой вѣрой своей въ Бога.

Такимъ образомъ мудрому Іоханану-бенъ-Заккаи и его друзьямъ удалось сохранить высшія сокровища еврейской націи и оказать громадную услугу своимъ единовѣрцамъ. Однако и здѣсь не было недостатка въ недовольныхъ, которые порицали излишнюю, по ихъ мнѣнію, мягкость своего главы относительно иновѣрцевъ, и особенно относительно родственныхъ, а поэтому тѣмъ болѣе ненавистныхъ имъ назареянъ и требовали полнаго разобщенія съ отщепенцами.

* Деранбургъ, „Палестина“, стр. 313.

Мало по малу образовалась партія, которая считала нужнымъ болѣе строгое и энергическое руководительство и подумывала о томъ, чтобы замѣнить Іоханана Гамліелемъ, пользовавшагося большимъ уваженіемъ, какъ вслѣдствіе своей учености, такъ и вслѣдствіе происхожденія своего изъ дома Гиллеля, и въ которомъ многіе видѣли поэтому естественнаго преемника Симона.

Среди такихъ обстоятельствъ Рувимъ и Миріамъ явились совершенно неожиданно въ Ябну, къ своимъ роднымъ, благополучно совершивъ, подъ покровительствомъ благороднаго Монобаза далекій и не совсѣмъ безопасный путь изъ Рима на родину. Трудно описать радость родныхъ, и въ особенности Рахили, при возвращеніи нѣжно любимой дочери и вѣрнаго Рувима. Іохананъ-бенъ-Заккай тоже оказалъ послѣднему самый радушный пріемъ и тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ ученикомъ.

Вскорѣ Рувимъ до того отличился своимъ умомъ и ученостью, что онъ былъ возведенъ, наравнѣ съ Гамліелемъ и Эліезеромъ-бенъ-Гирканосъ, въ достоинство рабби, т. е. ему оказана высшая почесть, доступная для тогдашняго еврея. Только теперь онъ рѣшился просить у семейства Миріамъ ея руки, на что и было изъявлено полное согласіе.

Наконецъ Рувимъ видѣлъ себя уже близкимъ къ цѣли и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня свадьбы, какъ вдругъ противъ него поднялась неожиданная буря, которая угрожала разрушить всѣ его надежды на счастливое и блестящее будущее для себя и для Миріамъ.

Уже нѣсколько времени ему казалось, что партія нетерпимыхъ все болѣе и болѣе отдалялась отъ него и косо на него смотрѣла. Нерѣдко случалось, что противники его, при обычныхъ преніяхъ, нарочно ставили ему затруднительные вопросы, какъ бы желая вызвать его на объясненіе отношеній его къ ненавистнымъ назареянамъ. Хотя Рувимъ, ради Миріамъ и ея родныхъ старался по возможности щадить предразсудки своихъ единовѣрцевъ и избѣгать всякихъ столкновеній, онъ былъ однако слишкомъ гордъ и честенъ, чтобы скрывать свои мнѣнія и отрекаться отъ своихъ убѣжденій. Его сдержанные отзывы о дѣятельности и ученіи

христіанъ были перетолкованы и подали его врагамъ желанный поводъ набросить на него тѣнь подозрѣнія и обвинить его въ отступничествѣ отъ истинной вѣры.

Не подозрѣвая угрожавшей ему опасности, Рувимъ по прежнему посѣщалъ синагогу, гдѣ ежедневно собирались раввины и учителя подъ предсѣдательствомъ почтеннаго Іоханана, чтобы, въ присутствіи многочисленныхъ учителей, обсуждать религіозные вопросы, разрѣшать споры единовѣрцевъ и высказывать свое мнѣніе о сомнительныхъ казусахъ, хотя, послѣ завоеванія страны, высшая судебная власть и была отнята у евреевъ и предоставлена исключительно римлянамъ.

Однажды, когда Рувимъ вошелъ въ синагогу, прежній шумный и оживленный разговоръ внезапно замолкъ и всѣ взоры обратились на него. На его поклонъ не обратили вниманія, никто не подалъ ему руки, а обычные его сосѣди даже отодвинулись отъ него, когда онъ занялъ принадлежавшее ему мѣсто. Даже друзья и родные отворачивались отъ него и избѣгали говорить съ нимъ.

Изумленный и пораженный очевидно враждебнымъ настроеніемъ всего собранія, Рувимъ всталъ, чтобъ освѣдомиться о причинѣ такого оскорбительнаго обхожденія его друзей и товарищей. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ исполнить свое намѣреніе, извѣстный своимъ благочестіемъ и правовѣріемъ священникъ Іосе потребовалъ слова, которое и было дано ему Іохананомъ.

— Я глубоко огорченъ тѣмъ,—началъ взволнованный ораторъ,—что мнѣ приходится взводить тяжкое обвиненіе противъ друга, противъ ученаго изъ нашей среды, противъ человѣка, отличающагося умомъ и познаніями. Мое сердце огорчено и душа моя скорбитъ въ виду постигшаго насъ всѣхъ тяжкаго несчастія. Но я не имѣю права молчать, даже еслибы дѣло шло о родномъ моемъ сынѣ, о братѣ, ибо мы должны любить Господа болѣе нашихъ родныхъ. Со слезами на глазахъ, съ сокрушеніемъ въ сердцѣ, объявляю я вамъ горестное открытіе: одна изъ опоръ Израиля рушилась, свѣточъ народный угасъ, древо, обѣщавшее прекрасные плоды, засохло: Рувимъ-бенъ-Шебнахъ сдѣлался

отступникомъ, назареяниномъ, какъ онъ самъ сознается и какъ уличаютъ его въ томъ свидѣтели.

Нѣсколько минутъ царило глубокое молчаніе, котораго не рѣшался прервать никто изъ присутствующихъ. Наконецъ предсѣдатель съ видимымъ участіемъ обратился къ Рувиму и пригласилъ его оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. Рувимъ невольно поблѣднѣлъ, такъ какъ онъ не могъ скрыть отъ себя послѣдствій признанія, что онъ уважаетъ ученіе христіанъ. Въ душѣ его происходила тяжелая борьба между его убѣжденіемъ и его любовью. Если ему не удастся вполнѣ оправдаться, то Миріамъ на-вѣки для него потеряна. Только ложь или полное отреченіе могли спасти его; но онъ былъ слишкомъ честенъ и благороденъ, чтобы купить даже высшее счастіе своего сердца цѣною лжи.

— Я сознаюсь, сказалъ онъ,—послѣ непродолжительной, но тяжелой борьбы—что отношусь съ уваженіемъ къ ученію назерянъ.

— Онъ отрекается отъ нашей вѣры!—воскликнули пораженные его словами раввины.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, — продолжалъ Рувимъ. — Я утверждаю только, что оно учитъ тому самому, чему учили наши мудрецы....

Голосъ смѣлаго оратора былъ заглушенъ поднявшеюся со всѣхъ сторонъ бурею. Раввины неистово требовали изгнанія его и даже произнесенія надъ нимъ проклятія—единственнаго, оставшагося еще въ распоряженіи ихъ, вида наказанія, равносильнаго гражданской смерти.

Тщетно кроткій Іохананъ-бенъ-Заккай старался успокоить взволнованные умы и спасти Рувима отъ угрожавшей ему участи. „Подумайте“, говорилъ почтенный предсѣдатель, „о томъ, что вы дѣлаете. Я не нахожу его настолько виновнымъ, хотя и скорблю о его заблужденіи. До тѣхъ поръ, пока Рувимъ вѣритъ въ единаго Бога и не отрицаетъ безсмертія души, онъ, по нашимъ законамъ, не перестаетъ быть сыномъ Израиля“.

— Проклятіе, проклятіе!—гремѣло взволнованное собраніе.—Изгнать его, отступника, назареянина!

Такъ какъ, по обычаю, подобные вопросы должны были рѣшаться по большинству голосовъ, то Іоханану пришлось подчиниться постановленію собранія и предать виновнаго проклятію, если онъ не желалъ самъ подвергнуться тому же наказанію. Съ тяжелымъ сердцемъ и дрожащимъ голосомъ огорченный старецъ объявилъ объ изгнаніи Рувима, причемъ онъ, однако, счелъ возможнымъ не произносить обычной формулы проклятія; ему удалось также настоять на томъ, чтобы передъ лицомъ изгоняемаго не была потушена зажженная свѣча, изображавшая собою свѣточъ жизни проклинаемаго, и чтобы не трубили въ „шофаръ", священный рогъ, для возвѣщенія всему народу объ изгнаніи изъ стада недостойной овцы.

Пораженный и уничтоженный, Рувимъ, шатаясь, вышелъ изъ синагоги. Снова онъ видѣлъ себя одинокимъ и покинутымъ всѣми, снова отъ него отреклись его единовѣрцы и даже родные, присоединившіеся къ большинству. Всѣ сторонились отъ него и, когда онъ показывался на улицахъ, всѣ избѣгали его, какъ чумы.

Но ужаснѣе презрѣнія земляковъ его и разлуки со всѣми друзьями и родными, ужаснѣе даже смерти, былъ для него мысль о томъ, что Миріамъ теперь для него потеряна навѣки. Онъ рѣшилъ увидѣть ее еще разъ, хотя бы это стоило ему жизни, стать передъ нею на колѣна, объяснить ей, какъ страстно онъ ее любитъ, попросить у ней прощенія, еще разъ услышать сладкій голосъ ея, вычитать изъ ея глазъ прощеніе себѣ—и затѣмъ умереть у ея ногъ.

Съ этимъ отчаяннымъ рѣшеніемъ Рувимъ въ послѣдній разъ вошелъ въ домъ Гиллеля, чтобы съ сокрушеннымъ сердцемъ проститься съ возлюбленной, которой уже извѣстна была его участь. При появленіи его строгіе въ вѣрѣ родные его Гамліель и Эліезеръ-бенъ-Гирканосъ поднялись съ своихъ мѣстъ и бросая мрачные и строгіе взоры, вышли изъ комнаты, чтобъ избѣжать соприкосновенія съ отлученнымъ. Рахиль и Имма также вышли изъ комнаты, не говоря ни слова, глубоко потрясенныя, съ сожалѣніемъ въ сердцѣ, но слишкомъ слабыя для того, чтобы идти на-перекоръ предразсудку.

Любящіеся остались одни. Блѣдные и безмолвные, стояли они другъ противъ друга, не рѣшаясь поднять глазъ. Наконецъ Рувимъ прошепталъ: „Миріамъ!“ При звукѣ его голоса она вздрогнула, какъ пораженная молніей. Счастіе и страданія, блаженство и отчаяніе, величайшая радость и глубочайшее отчаяніе боролись въ ея душѣ. Она хотѣла бѣжать—и продолжала стоять, какъ бы прикованная къ мѣсту, хотѣла отвернуться — и не могла оторвать отъ него своихъ большихъ, прекрасныхъ, заплаканныхъ глазъ.

Но сила любви оказалась сильнѣе всѣхъ предразсудковъ, сильнѣе узъ крови, сильнѣе боязни грѣха, сильнѣе семейной гордости дочери Гиллеля. Какъ бы подталкиваемая высшей силой, она, рыдая, упала на грудь его и обвила его шею своими нѣжными руками такъ крѣпко, какъ будто она рѣшилась не выпускать его на всю жизнь. „Моя жизнь! Моя радость! Мое счастіе! Мое спасеніе! Одинъ взоръ твоихъ очей, одно слово изъ устъ твоихъ въ состояніи перевѣсить всѣ муки ада. Что мнѣ за дѣло до ихъ проклятій, когда я имѣю тебя!“ говорилъ Рувимъ.

— Пусть они тебя осуждаютъ,—я тебя оправдываю,— прошептала Миріамъ. — Пусть они изгоняютъ тебя — я остаюсь тебѣ вѣрна.

— Твоя любовь для меня рай, блаженство! Съ тобою я готовъ жить хоть въ пустынѣ!

— Куда ты пойдешь, туда пойду и я, гдѣ ты поселишься, тамъ поселюсь и я. Твой народъ будетъ моимъ народомъ, твой Богъ—моимъ Богомъ. Я желаю умереть тамъ, гдѣ ты умрешь, и быть похоронена вмѣстѣ съ тобой.

Съ твердою рѣшимостью Миріамъ стала дожидаться возвращенія своихъ родныхъ и пошла къ нимъ на встрѣчу рука объ руку съ Рувимомъ. Смѣло объявила она имъ о своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи остаться вѣрной своему возлюбленному и раздѣлить его участь.

— О, горе мнѣ! воскликнула огорченная мать. — Вотъ до чего мнѣ пришлось дожить. Неужели ты не боишься грѣха?

— Прости меня,—сказала Миріамъ, становясь на ко-

лѣна,—но я люблю Рувима болѣе жизни; а такая любовь угодна Богу и не можетъ быть грѣхомъ.

— И ты рѣшаешься,—убѣждала ее огорченная сестра,—разстаться со всѣмъ, что тебѣ дорого, съ родительскимъ домомъ. Вѣдь если ты уйдешь за Рувимомъ, мы должны будемъ отречься отъ тебя, хотя бы сердце наше и обливалось кровью.

— Въ писаніи сказано: жена да оставитъ отца и мать и да прилѣпится къ мужу.

— Рувимъ вѣроотступникъ, назареянинъ,—мрачно замѣтилъ строгій Гамліель.—Синедріонъ отлучилъ его за отпаденіе отъ вѣры отцовъ.

— Однако мудрый Іохананъ не призналъ за нимъ никакой вины и оправдалъ его.

— Но большинство,—возразилъ Эліезеръ,—осудило еретика.

— Другъ нашего отца, послѣдній изъ учениковъ великаго Гиллеля стоитъ сотни вашихъ книжниковъ.

— Ради памяти отца твоего, просила со слезами Рахиль,—ради славы семейства Гиллеля умоляю тебя не навлекать такого позора на нашъ домъ!

— Подумай,—предостерегала ее Имма,—о твоей будущности. Покинутая твоими родными, отвергнутая твоими друзьями и твоимъ народомъ, ты осуждена будешь бродить подобно нищей на чужбинѣ и погибнешь въ нуждѣ и въ изгнаніи.

— Гнѣвъ Божій,—угрожалъ Гамліель,—поразитъ непокорную дочь, проклятіе...

— Остановись!—воскликнулъ Рувимъ.—Я не могу принять этой жертвы, я не потерплю....

— А я,—сказала Миріамъ съ сверкающими глазами,—не боюсь гнѣва Божія, ибо Господь болѣе милосердъ, чѣмъ люди. Онъ обратитъ проклятіе въ благословеніе и проститъ насъ. Съ нами Богъ и наша любовь. Съ ними мы не боимся цѣлаго свѣта! Кто посмѣетъ насъ разлучить!

Кроткому Іоханану-бенъ-Заккаю, къ которому обратился Рувимъ, удалось примирить Миріамъ съ ея родными и даже убѣдить послѣднихъ не противиться браку ея съ Рувимомъ.

Вскорѣ послѣ того оба они покинули Ябну и отправились въ Адіабене, гдѣ благородный и терпимый Монобазъ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями.

Іохананъ-бенъ-Заккай, огорченный послѣдними событіями, немного времени спустя отказался отъ должности предсѣдателя Синедріона и удалился съ частью своихъ учениковъ въ Беруръ-Хаиль, гдѣ онъ и умеръ въ глубокой старости, оплакиваемый всѣми. Преемникомъ его въ Ябнѣ сдѣлался, не смотря на свою молодость, энергическій и пользовавшійся большимъ авторитетомъ Гамліель, получившій, подобно отцу своему, званіе „Наси", т. е. глава изгнанія. При немъ домъ Гиллеля снова расцвѣлъ и въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій члены этого семейства стояли во главѣ своихъ единовѣрцевъ, въ качествѣ хранителей и защитниковъ истиннаго еврейства, которое имъ главнымъ образомъ обязано было тѣмъ, что не погибло среди жесточайшихъ бурь *.

Прекрасная Береника была вынуждена, по повелѣнію Веспасіана, покинуть Римъ, какъ ни тяжела была для Тита разлука съ своей возлюбленной. Когда онъ, по смерти отца своего, вступилъ на престолъ, она поспѣшила въ Римъ, но оказалось, что новый императоръ забылъ прежнюю свою любовницу. Покинутая имъ, она поселилась въ одномъ изъ своихъ замковъ на берегу Мертваго озера, гдѣ въ глубокомъ уединеніи она оплакивала свою утраченную любовь и свои несбывшіеся честолюбивые планы **. Но и Титъ не былъ счастливѣе ея, хотя римскій народъ его обожалъ и прозвалъ его, за его милосердія, „утѣхой рода человѣческаго". Какъ будто какой-то тяжелый рокъ тяготѣлъ надъ семействомъ Флавіевъ. Онъ царствовалъ недолго и умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, будучи отравленъ, какъ полагали современники его, своимъ завистливымъ братомъ Домиціаномъ, который своею порочностью едва-ли не превосходилъ самого Нерона.

Измѣнникъ Іосифъ, благодаря своей льстивости и изво-

---

* Деранбургъ, „Палестина", стр. 319.
** Светоній, „Титъ", гл. 7.
*** Флавій, „Еврейская война". Вступленіе, 1, 2.

ротливости, съумѣлъ сохранить свое положеніе при римскомъ дворѣ и въ царствованіе послѣдующихъ императоровъ. Однако его судьба не была завидна, такъ какъ у него было немало враговъ; при подозрительномъ Домиціанѣ, онъ подвергся даже обвиненію въ заговорѣ и ему приходилось трепетать за свою жизнь. Онъ, правда, избѣгъ на этотъ разъ смерти, но не избѣгъ презрѣнія своихъ соотечественниковъ и потомства.

Но за то благородный Музоній до конца дней своихъ продолжалъ пользоваться глубокимъ уваженіемъ своихъ учениковъ и современниковъ. Онъ часто вспоминалъ о своихъ друзьяхъ-евреяхъ и это воспоминаніе постоянно пробуждало въ сердцѣ его тихую грусть, какое-то странное влеченіе къ неизвѣстному ему Богу, который въ его глазахъ становился все могущественнѣе и больше, чѣмъ хуже складывались обстоятельства въ римской имперіи въ царствованіе жалкаго Домиціана.

Что же до Рувима и Миріамъ, то они жили при дворѣ благороднаго Монобаза счастливо и спокойно и дѣйствовали въ духѣ великаго предка своего Гиллеля, оставаясь богобоязненными и вѣрными религіи своихъ отцовъ, но въ то же время относясь съ полнѣйшею терпимостью къ другимъ вѣрованіямъ и продолжая любить всѣхъ хорошихъ и достойныхъ людей безъ различія вѣроисповѣданій.

Максъ Рингъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИВИЛЕГІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВИТОВТА ЛИТОВСКИМЪ ЕВРЕЯМЪ.

(Отрывокъ изъ изслѣдованія о юридическомъ и общественномъ положеніи евреевъ въ Литвѣ отъ временъ Витовта до Люблинской уніи).

Дана ли была В. К. Витовтомъ привилегія, общая всѣмъ евреямъ Литвы?—Важность рѣшенія этого вопроса для исторіи юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Литвѣ.—Списки привилегіи Витовта.—Привилегія Витовта Трокскимъ евреямъ отъ 24 Іюня 1388 г., на польскомъ языкѣ.—Русскіе тексты привилегіи Витовта Брестскимъ евреямъ отъ 1 Іюля 1388.—Тексты: Дзялынскаго, Перльштейна и Виленской Археографической коммиссіи.—Сравнительное достоинство этихъ текстовъ.—Латинскій текстъ грамоты Витовта Брестскимъ евреямъ.—Свидѣтельства въ пользу того, что грамота Витовта отъ 1 Іюля 1388 г. была выдана не всѣмъ Литовскимъ евреямъ, а только евреямъ г. Бреста.

I.

Такъ называемая привилегія В. Князя Витовта *всѣмъ Литовскимъ евреямъ* принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ Литовскаго законодательства.

Нельзя сказать, чтобы лица, писавшія о евреяхъ въ Литвѣ и Польшѣ, игнорировали эту привилегію; напротивъ, со временъ Чацкаго и до сихъ поръ она составляетъ главный документъ по исторіи общественныхъ и государственныхъ отношеній евреевъ въ Литвѣ до конца XV вѣка. Поэтому привилегіи Витовта посвящается особенное вниманіе, а именно: или излагается ея содержаніе съ обширными коментаріями (Чацкій), или излагается ея содержаніе, параллельно съ грамотою Болеслава Калишскаго (Леонтовичъ, Мацѣйовскій), или даже просто перепечатывается цѣликомъ полный текстъ грамоты

(Штернбергъ) и переводъ. Многіе изъ писавшихъ отмѣчали даже различные списки грамоты Витовта (Балинскій, Краусгаръ, Сырокомля, Мацѣйовскій), но никто, рѣшительно никто, не остановился на вопросѣ, дѣйствительно-ли Витовтомъ дана была грамота *всѣмъ Литовскимъ евреямъ*.

Между тѣмъ правильная постановка и рѣшеніе этого вопроса весьма существенны для выясненія юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Литвѣ.

Если Витовтомъ дана была грамота *всѣмъ Литовскимъ евреямъ*, то, конечно, не иначе, какъ по ходатайству представителей отъ лица всѣхъ евреевъ Литвы. Допустивъ такой фактъ, мы естественно должны предположить, что Литовскіе евреи уже во времена Витовта находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, сознавали свои общіе интересы и сообща трудились надъ ихъ осуществленіемъ. Слѣдовательно, уже въ XIV в. Литовскіе евреи представляли извѣстное, солидарное, сплоченное единство.

На оборотъ, если будетъ доказано, что Литовскіе евреи не получали отъ В. К. Витовта привилегіи, общей для всего Литовскаго еврейства, а напротивъ, только *отдѣльныя общины* выхлопотали у В. Князя привилегіи каждая для себя, порознь, то естественно, что ни еврейской солидарности, ни сознанія евреями своей общности, ни обособленности евреевъ отъ остальнаго населенія въ XIV в. предполагать нельзя.

Если каждая еврейская община хлопочетъ о своихъ правахъ, не заботясь и не думая объ остальныхъ, дѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствуютъ одновременно и рядомъ съ нею живущіе мѣщане-христіане, то, для обоснованія еврейской солидарности въ Литвѣ въ XIV в. нужно искать другихъ данныхъ.

Между тѣмъ въ литературѣ установилось, и, какъ намъ кажется, безъ достаточныхъ основаній, мнѣніе, что Витовтъ въ 1388 г., Іюля 1, даровалъ привилегію общую для всѣхъ Литовскихъ евреевъ.

Т. Чацкій въ своемъ извѣстномъ трудѣ: «О литовскихъ и польскихъ правахъ», [1]) а затѣмъ въ «Разсужденіи о евреяхъ и

---

[1]) O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy 1529 wydanym; w Warzawie 1800 r., 2 t. in 4.

караимахъ» [1]), говоря о привилегіи Витовта, помѣщенной во главѣ перваго Литовскаго статута 1529 г.,—въ подтвержденіи Сигизмунда I отъ 1507 г.,—высказалъ впервые ту мысль, что грамота эта дана Витовтомъ *Литовскимъ евреямъ*, а Сигизмундомъ I только обнародована подъ своимъ именемъ [2]). По мнѣнію Чацкаго, привилегія Витовта, или Болеслава Калишскаго, не распространялась на караимовъ [3]).

Мнѣніе Чацкаго было затѣмъ принято въ литературѣ, какъ не подлежащее ни малѣйшему сомнѣнію, и съ нимъ мы встрѣчаемся у всѣхъ писателей, касавшихся такъ или иначе исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ: Голлендерскій [4]), Мацѣйовскій [5]), Балинскій [6]), Ярошевичъ [7]), Крашевскій [8]), Голем-

---

[1]) Rozprawa o żydach i karaitach, w Wilnie 1807, in 8. Позднѣйшія изданія: 1) Въ трудѣ М. Вишневскаго: Pomniki historyi i literatury Polskiey, w Krakowie, in 8. T. I—IV, при чемъ изслѣдованіе о караимахъ помѣщено во II т. p. 127 sqs, а изслѣдованіе о евреяхъ—въ III, p. 39 sqs. 2) Въ собраніи сочиненій Чацкаго, изданномъ Рачинскимъ, „Dzieła Tadeusza Czackiego, zebrane i wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego". III T., in 4, Poznań 1843—1845. 3) Изданіе Туровскаго „Bibliotheka Polska", in 8, w Krakowie 1860.

[2]) O lit. i pol. pr., T. I, p. 109, Przywilej dla żidów.... iest to tranzumpt przywileju od Witolda wielkiego księcia litewskiego 1408 roku w Łucku żydom litewskim danego. Zygmunt I pod swojem imieniem tę ustawę ogłasza; p. 116, изложивъ существенныя положенія этой привилегіи (хотя съ значительными сокращеніями и пропусками), Чацкій заключаетъ такъ: Taki to przywilej żydzi zyskali od Witolda.—Тамъ-же T. III. Rozprawa o Żydach p. 177. Witold w takim a może w gorszym stanie znalazł Litwę, jak Kazimierz Polskę. Ten sam (Болеславовскій) przywilej nadał litewskim żydom; p. 194. „Krótki rozbiór przywileju Bolesława, książęcia, potwierdzonego przez Kazimierza Welkiego i Witolda". Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько болѣе подробное изложеніе (въ 18 §§ вмѣсто 13-ти), съ опущеніемъ, однако, весьма существенныхъ положеній, (о чемъ ниже) изложенныхъ въ привилегіямъ Болеслава Калишскаго и Витовта. Изданіе Рачинскаго, p. 116, примѣч. 458.

[3]) Ibid. T. II, p. 212, примѣч. 412. Nie używali karaimowie tych przywilejow, które w trzynastym wieki Bolesław Wielko Polski xiąże nadał żydom, ale nie znali ogromney władzy nadużycia w Rabinach.

[4]) Hollenderski: Les izraelites de Pologne.

[5]) W. A. Maciejowski: Historya prowadawstw Słowianskich.

[6]) M. Balinski. „Historya miasta Wilno". T. I, p. 169. Witold.... nadał w Łucku (r. 1408), wszystkim Żydom litewskim pewne

біовскій [1]), Штернбергъ [2]) (первое и второе изданіе), Леонтовичъ [3]), Даниловичъ [4]), Краусгаръ [5]), Мацѣйовскій [6]) повторяютъ съ незначительными варіаціями это мнѣніе Чацкаго.

---

swobody. ., добавляя впрочемъ тутъ-же, Żydzi jednak troccy, daleko pierwiej ieszcze, bo w r. 1388, otrzymali oddzielnie podobny przywilej.

[7]) J. Jaroszewicza „Obraz Litwy.... od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII".—Wilno 1844—45, III Cz, in 8.—Cz. II, p. 72. Witold żydow w powiatach: grodzieńskim, drohickim, włodzimierskim i łuckim, ówczesną dzielnicę jego składających, obdarzył r. 1388 przywilejem w Łucku wydanym.

[8]) Kraszewski, „Wilno od początkow jego do roku 1750" IV т. in 8. Wilno. 1840—1842. T. III, p. 166. „Pierwszy przywilej Witolda nadany żydom w r. 1408.

[1]) J. Golembiowski. „Dzieje Polski za Władisława Jagiełłi i Władysława III", Warsz., 1846. T. I, p. 447. Witold władzca Litwy nadaje wyznawcom wiary Mojżesza przywilej (r. 1408)..., замѣчая на слѣдующей страницѣ—Poźney dla ziemi Łuckiej, gdy żądane lub w zwyczaju będące zawarować chcial swobody Król polski, rasciągnał je i dla żydów, dozwalając im (r. 1432) tych praw i sądownictwa, jakie miało ich wyznanie w stolicy kraju i zamożnym Lwowie.

[2]) H. Sternberg. „Geschichte der Juden in Polen unter der Piasten und Jagiellonen, nach polnischen und russischen Quellen". Lpz. 1878. (Первое изданіе—подъ заглавіемъ Versuch einer Geschichte der Juden in Polen. 1860).

Упомянувъ со словъ Лелевеля, что во времена Витовта евреи были весьма сильно распространены въ Литвѣ и русскихъ провинціяхъ, къ ней принадлежавшихъ, что у нихъ въ Луцкѣ, Владимірѣ, Брестѣ и другихъ болѣе многолюдныхъ городахъ были синагоги и школы (schulen)... продолжаетъ Im Jahre 1388 verlieh Witold zu Luck den Lithavischen Juden volgendes privilegium"...

[3]) Ѳ. И. Леонтовичъ. „Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ".—Кіевскія университетскія извѣстія за 1863 г., №№ 3 и 4., а также и отдѣльно.—№ 3., p. 17.—Евреямъ, жившимъ въ Литовскомъ Княжествѣ, дана льготная грамота (привилегій) при Витовтѣ (1388). — Въ позднѣйшее время издавались подтвердительныя грамоты, большею частью на тѣ же права и привилегіи, какія были признаны за евреями при Болеславѣ и Витовтѣ.

[4]) Jg. Daniłowicz. „Skarbiec dipłomatów etc. do krytycznego wyjaśnenia dziejów Litwy, Russi litewskiej i ościennych im kraiow".—Wilno 1860—62 in 4, T. I и II.—T. I, № 558. Aleksander albo Witold... daje przywilej i postanowienie żydom, mieszkaiącym wjego państwie (miescie trockiem, jakie i w Lumburgu maią).—Въ концѣ, въ примѣчаніи: Akt ten, oryginalnie po rusku pisanyi, tłumaczony po łacinie, druckował hr. Działynski w Poznaniu 1841. Polskie tlumaczenie nieco różne drukował Baliński w historyi miasta Wilna... Zatwierdził ten przywilej i na całą Litwi razciągnał Zygmunt I, w roku 1507, 1514 (?) w Wilnie z niektóremi dodatkami (?).—

Но если Чацкій, — опираясь всего на одинъ текстъ, бывшій въ его распоряженіи, и при томъ на текстъ, который есть ничто иное какъ невполнѣ удовлетворительный переводъ подлинной грамоты, — могъ еще съ нѣкоторымъ основаніемъ высказать приведенное мнѣніе, если, до изданія подлиннаго текста и варіантовъ къ нему, приходилось волею неволею слѣдовать за Чацкимъ, то эти основанія должны были бы изчезнуть со времени обнародованія: 1) Польскаго текста грамоты Витовта Трокскимъ евреямъ, 2) полнаго текста грамоты, бывшей въ распоряженіи Чацкаго, и 3) русскаго оригинала грамоты Чацкаго и 2-хъ варіантовъ къ ней.

Чтеніе этихъ документовъ невольно наводитъ мысль на сомнѣніе, дѣйствительно ли Витовтомъ дана была грамота *всѣмъ Литовскимъ евреямъ*. А между тѣмъ, хотя польскій текстъ грамоты Витовта Трокскимъ евреямъ появился въ 1836 г., а латинскій и русскій тексты привилегіи Витовта—въ 1841 г., тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли выше, до сихъ поръ не поднялось ни одного сомнѣвающагося голоса.

Это объясняется, какъ намъ кажется, отчасти авторитетомъ имени Чацкаго, отчасти ничтожнымъ количествомъ извѣстныхъ доселѣ актовъ о евреяхъ Литвы въ XV и XVI вв., а также не вполнѣ внимательнымъ чтеніемъ обнародованыхъ уже текстовъ.

Поэтому, не только такіе компиляторы, какъ Штернбергъ или Краусгаръ, но даже такого рода мужи науки, какъ напр.

---

[5]) A. Kraushar. „Historya Żydów w Polsce“, in 4 (маленькое), T I и II, Warsz. 1865—1866.—T II, p. 45. Żydzi troccy w 1388 r. otrzymali oddzielne przywileje, określające dokładnie stosunki ich z chrześcianami, poźneiej jednak, widząc wzmagaiącą się liczbę Żydow w Litwie i na Wołyniu, nadał im Witold pewne swobody na wzór tych jakie w Polsce od Bolesława Kaliskiego otrzymali. (Здѣсь удивительно только слѣдующее: что, „гораздо позже, замѣтивъ увеличивающееся число евреевъ въ Литвѣ и на Волыни“ и т. д., происходитъ въ теченіи всего недѣли, и. ч: Трокскимъ евреямъ грамота дана 24 іюня 1388, а грамота евреямъ, напечат. у Дзялынскаго, 1 іюля того же 1388 г., ровно черезъ недѣлю. Быстро же увеличивалось еврейское населеніе въ XIV в. !!).

[6]) W. A. Maciejowski. „Żydzi w Polsce, na Rusi i Litwie“. Warszawa 1878, in 8.—P. 35... Donośniejsze świadectwo (о поселеніи евреевъ въ Литвѣ) daje przywiléj żydom po całej Litwie zamieszkałym, w Łucku r. 1388 udzielony przez Witolda.

Даниловичъ, Леонтовичъ, Мацѣйовскій, не только объявляютъ привилегію Витовта за простую копію привилегіи Болеслава, но даже смѣшиваютъ подъ именемъ ея совершенно различные тексты [1]).

Приступая къ защитѣ мнѣнія противнаго установившемуся донынѣ, мы, естественно, должны обставить его самыми сильными доказательствами. А этого нельзя сдѣлать иначе, какъ при помощи самаго тщательнаго сличенія текстовъ, установленія ихъ относительной достовѣрности, толкованія тѣхъ или другихъ словъ грамотъ, не говоря уже о ссылкахъ на иные позднѣйшіе документы и на общій характеръ законодательства того времени.

Работа кропотливая, сухая, — предупреждаемъ о томъ читателей.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору самихъ текстовъ, остановимся на разсмотрѣніи обнародованныхъ уже списковъ.

Впервые о грамотѣ Витовта было упомянуто Чацкимъ въ 1800 г., въ вышеназванныхъ сочиненіяхъ, при чемъ, однако, онъ

---

[1]) Какъ поступилъ, напр., Даниловичъ въ своемъ „Скарбдѣ" (см. прим. 4 на 4 стр.), гдѣ не только привиллегія Витовта Трокскимъ евреямъ (польскій текстъ), не смотря на разницу въ датѣ и содержаніи привилегіи, смѣшана съ русскимъ текстомъ грамоты, но съ этими привилегіями отождествлена привилегія Сигизмунда I отъ 1514 г., не принадлежащая вовсе Витолду и съ указанными текстами ничего общаго не имѣющая. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что Даниловичъ приготовилъ къ изданію гр. Дзялынскаго большую часть текстовъ, и онъ же составилъ извѣстное „Библіографическое описаніе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ статутовъ", Dziennik Wilieński 1823, т. I, № 7, p. 377, гдѣ указаны тексты еврейской привилегіи Витовта и мѣсто занимаемое русскимъ текстомъ въ статутѣ 1529 г. — Что г. Мацѣйовскій пошелъ здѣсь за Даниловичемъ, не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ онъ самъ излагаетъ въ одной и той же главѣ содержаніе различныхъ привилегій, безъ дальнѣйшаго критическаго разбора ихъ взаимоотношеній и времени ихъ происхожденія. Въ ту же ошибку впалъ и г. Прохаска въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: „Codex epistolaris Witoldi, Magni Ducis Litwaniae". 1376—1430.—Krakow, 1882, in 4.—p. 15, № XLII. „W Lucku 1 lipca (?) 1388.—Witold Ksiaże Litewski, dziedic na Grodnie, Brześciu, Drohiczynie, Lucku i Wlodziemirzu, nadaje przywilej Żydom Trockim". Kopii i tranzumptu Zygmunta I kilkakrotnie drukowany, obazc Skarbiec I, str. 272—273.—Także w Aktach otnos. k Istorij zap. Rossii, t. I, № 9 (?!).

передалъ содержаніе грамоты вкратцѣ, выбравъ изъ нея по своему усмотрѣнію то, что показалось ему наиболѣе интереснымъ, такъ что въ содержаніи одной и той-же грамоты въ двухъ его произведеніяхъ замѣчается значительное различіе. Никакихъ свѣдѣній о количествѣ статей, времени подтвержденія, внѣшнемъ видѣ грамоты и проч. Чацкій не представилъ.

Въ 1836 г. Балинскій въ своей «Исторіи города Вильно» обнародовалъ польскій текстъ грамоты Витовта, дарованной Трокскимъ евреямъ въ 1388 г., въ день св. Іоанна Крестителя (24 іюня) [1]).

Текстъ этотъ по внѣшнему виду и правописанію можетъ быть отнесенъ къ половинѣ XVI в. [2]). Къ сожалѣнію, г. Балинскій, по обычаю польскихъ писателей того времени, не указываетъ источника, изъ котораго заимствована имъ эта грамота.

Двадцать лѣтъ спустя мы снова встрѣчаемся съ этою же грамотою въ сочиненіи В. Сырокомли—«Экскурсіи по Литвѣ» [3]).—Говоря о привилегіяхъ Трокскихъ караимовъ [4]), оригиналы которыхъ были вручены ему для пользованія извѣстнымъ П. Фирковичемъ, Сырокомля въ числѣ иныхъ привилегій приводитъ и привилегію Витовта отъ 24 іюня 1388 г., данную въ Луцкѣ Трокскимъ караимамъ. Содержаніе этой привилегіи, приведенное изъ нея вступленіе и нѣсколько выдержекъ, не допускаютъ сомнѣнія въ тождественности ея съ грамотою, напечатанною

---

[1]) Балинскій, в. н. соч., отнесся самъ къ обнародованной имъ привилегіи не особенно внимательно, такъ напр., въ заглавіи привилегіи онъ, въ противность тексту, обозначаетъ день выдачи привилегіи не Рождество Іоанна Крестителя (24 іюня), какъ слѣдовало-бы, а день Рождества Христова (25 декабря) 1388 г. Срав. тамъ же, приложеніе V, p. 225 и 233. Балинскій отличаетъ изданную имъ привилегію отъ указанной Чацкимъ, которая была издана якобы въ 1410 г.

[2]) Ср., напримѣръ, документы, относящіеся несомнѣнно къ XVI в. и напечатанныя съ соблюденіемъ орфографіи подлинника, напр. Ревизія Пинскаго староства, въ 1565 г., изданіе Виленской Археографической Комиссіи и проч. Срав. также напечатанные нами въ „Документахъ и Регестахъ къ исторіи Литовскихъ евреевъ". Петерб. 1882 г., Т. I, № 334. Т. II, №№ 262, 281, взятые изъ актовыхъ книгъ Метрики Литовской.

[3]) W. Syrokomla. Wycieczki po Litwie w promieniach od Wilna. Wil. 1857 ч. 2, t., in 8.

[4]) Ibid. p. 68.

г. Балинскимъ, и о которой Сырокомля не упоминаетъ ни единымъ словомъ, хотя привилегія евреямъ, о которой говоритъ Чацкій, и статья Даниловича «Описаніе Литовскихъ статутовъ и т. д.», были ему извѣстны.

Нельзя сказать, чтобы одни имена Балинскаго или Фирковича, могли бы сами по себѣ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что подлинность обнародованныхъ ими документовъ находится внѣ всякаго сомнѣнія.

Однако, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, что во время печатанія г. Балинскимъ текста грамоты Витовта Трокскимъ караимамъ, привилегіи, напечатанныя у Дзялынскаго, еще не были обнародованы, а потому трудно предположить, чтобы грамота Витовта Трокскимъ караимамъ была простымъ переводомъ русскаго текста; во-вторыхъ, существованіе копіи на польскомъ языкѣ весьма возможно, въ виду происхожденія грамоты изъ Львова, гдѣ русскій языкъ исчезаетъ изъ актовыхъ книгъ гораздо ранѣе, чѣмъ въ Литвѣ [1]); въ третьихъ, принадлежа по орфографіи къ половинѣ XVI в., копія эта могла появиться вслѣдствіе введенія вторымъ статутомъ Литовскимъ улучшеннаго нотаріальнаго устройства. Съ 1566 г. замѣтно стремленіе вносить по собственному почину старинныя грамоты, привилегіи и проч. въ актовыя книги мѣстныхъ судовъ, избѣгая такимъ образомъ затрудненій и риска, сопряженнаго съ храненіемъ и представленіетъ суду подлинниковъ. Варіантъ русскаго текста Витовтовской привилегіи евреямъ дошелъ къ намъ тѣмъ же путемъ; въ четвертыхъ, точно также трудно предположить поддѣлку со стороны г. Фирковича. Поддѣлка никогда бы не ограничилась такими ничтожными преимуществами въ пользу караимовъ, какъ выдача привилегіи недѣлею раньше. Кромѣ того, польскій текстъ менѣе льготенъ чѣмъ русскій и ближе подходитъ къ привилегіи данной Казиміромъ

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что грамота Казиміра Великаго отъ 1367 г. евреямъ Краковскимъ, Сандомірскимъ и Львовскимъ внесена была въ книги Львовскаго магистрата, гдѣ, какъ извѣстно. нѣмецкій языкъ замѣняется первоначально латинскимъ, а затѣмъ къ началу XVI в. польскимъ; ср. напр. Зубрицкій „Хроника Львова“ подъ 1534 г., выдержки изъ расходной книги Львовскаго магистрата.

Великимъ Краковскимъ евреямъ [1]), которая, какъ видно изъ словъ короля Владислава Ягелло, мало, или ничѣмъ, не отличалась отъ привилегіи Львовскихъ евреевъ.

Въ виду этого мы склонны думать, что привилегія какъ напечатанная г. Балинскимъ, такъ и та, которою пользовался Сырокомля не подложна.

Въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія приведемъ еще слѣдующія соображенія: Въ числѣ приводимыхъ В. Сырокомлею привилегій Трокскихъ караимовъ можно указать на другую, способную вызвать, повидимому, гораздо болѣе сомнѣній (и мы глубоко были убѣждены въ ея подложности); это именно привилегія Казиміра Ягеллона Трокскимъ евреямъ на *Магдебургское* право, съ предоставленіемъ имъ такихъ же преимуществъ и льготъ, какими пользовались мѣщане-христіане Вильно, Ковно и Трокъ (христіанской стороны).

Евреи и Магдебургское право—вещи несовмѣстимые, и нигдѣ въ Литвѣ мы въ теченіи XVI, XVII и XVIII вв. не встрѣ-

---

[1]) О грамотѣ Казиміра Великаго Польскимъ евреямъ, исторію ихъ подтвержденія и передѣлки при Казимірѣ Ягелоннѣ см. сочиненія Гумловича „Prawodowstwo Polskie względem żydów".

Срав. также прив. Владислава Ягелло жителямъ Луцкой земли, напечатанную въ Архивѣ юго-западной Россіи т. V, № 1; упоминаніе о ней у Голембіовскаго, „Dzeje Polski etc" и въ старыхъ инвентаряхъ Метрики Литовской. То же подтверждается словами извѣстнаго польскаго ученаго, скрывшаго свое имя подъ инициалою R..., въ статьѣ Варшавской Библіотеки за 1880 г., мартъ, р. 426 и слѣдующ., подъ заглавіемъ „Przywilej żydowski Bolesława i jego potwierdzenia. — Говоря на стр. 427 о подтвержденіи грамоты Болеслава Калишскаго Казиміромъ Великимъ въ 1367 г. г. R... приводитъ въ числѣ грамотъ, подтвержденныхъ въ этомъ году Казиміромъ Великимъ, и грамоту Львовскимъ евреямъ, явленную въ актахъ города Львова и отысканную проф. Львовскаго университета Лиске; на страницѣ же 428 г. R... говоритъ, что грамота Болеслава Калишскаго евреямъ Великой Польши въ подтвержденіи ея Казиміромъ Великимъ, во всѣхъ 4-хъ дошедшихъ къ намъ спискахъ (въ числѣ которыхъ находится и Львовскій) редактирована одинаковымъ образомъ (w czterech zgodnych z sobą wypisach). Поводомъ къ изданію этой грамоты послужило, по словамъ г. R..., присоединеніе къ Польшѣ русскихъ областей. Въ соч. Бандтке. „Jus polonicum" въ текстѣ грамоты Казиміра Великаго, В. II, говорится, что она дается „Judaeis Nostris in Cracau, in Sandomir vel L a n c b u r g a et alibi in regno Nostro constitutis".

чаемъ пожалованія отъ королей Магдебургскаго права какой либо еврейской общинѣ, точно также, какъ не встрѣчаемъ ходатайствъ объ этомъ со стороны евреевъ.

Фактъ этотъ является совершенно естественнымъ слѣдствіемъ враждебнаго отношенія магдебургскаго права къ евреямъ [1]), а также полнаго несоотвѣтствія жестокихъ положеній Магдебургскаго права съ духомъ правъ, по которымъ жили евреи.

Тѣмъ не менѣе, привилегія Казиміра Ягелонна отъ 1441 г. Трокскимъ евреямъ на Магдебургское право открыта нами въ Литовской Метрикѣ [2]), а сверхъ того въ числѣ отдѣльныхъ документовъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ, намъ удалось отыскать свидѣтельство, выданное обоими магистратами: христіанскимъ и еврейскимъ нѣкоему еврею Аврааму, въ подтвержденіе того, что онъ дѣйствительно Трокскій гражданинъ.

Въ числѣ фактовъ, приводимыхъ В. Сырокомлею есть еще одинъ, не менѣе бросающійся въ глаза и наводящій на сомнѣніе, а именно: На одномъ изъ документовъ изъ архива Трокской общины нѣкій «*Нисанъ Іозефовичъ*», караимъ, участвуя въ 1669 г., какъ одинъ изъ общинныхъ старшинъ, въ составленіи податнаго листа, подписался «*Хорунжимъ Его Королевской М-ти Великаго Княжества Литовскаго*».

Однако въ книгѣ Трокскаго гродскаго суда за 1669—71 гг. [3]), мы встрѣчаемъ подъ 1670 г. въ жалобѣ Михала Кобѣцкаго, трок-

---

[1]) Достаточно привести на выдержку, напримѣръ, изъ книги „Speculum Saxonum, albo prawo Saskie y Maydeburskie, переводъ Шчербича, изданіе (второе) Петра Элерта, Е. К. М. типографа, Warsz. 1646, артикулы: CXXXVII и CXXXVIII и глоссы къ нимъ. Въ особенности же постановленія болѣе распространеннаго извлеченія изъ положеній Магдебургскаго права и Саксонскаго зерцала, извѣстнаго подъ заглавіемъ „Porządek sądow i spraw mieyskich prawa Magdeburskiego w Koronie Polskiey“, польскій переводъ 1630 г. Krakow, w drukarnie Franciszka Cezarego, глава „O zydziech, p. 46—51. Также и положенія о „Więzniu a o złoczyncach“ въ Artycułach prawa Maydeburskiego.— Krakow 1629. p. 50.

[2]) Ср. наши документы и регесты къ исторіи Литовскихъ евреевъ. Спб. 1882 г., Т. I, № 3.

[3]) Виленскаго Центральнаго Архива № 5,962, f. 2,430.

скаго караима, на разныхъ караимовъ, — (которые отрицали его заслуги, какъ перваго «фундатора Трокской общины послѣ Московскаго раззоренія», и не признавали его за войта), — въ числѣ обжалованныхъ лицъ «Нисана Іозефовича, Хорунжаго».

Точно также и другіе документы, приводимые г. Сырокомлею, найдены нами или въ томъ же Виленскомъ Архивѣ, или же въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Въ виду всего вышеуказаннаго, мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что передъ глазами г. Сырокомля была дѣйствительно грамота Витовта въ польскомъ переводѣ или копіи.

Если мы теперь обратимся къ самому польскому тексту, то, кромѣ нѣкоторыхъ отличій его по содержанію, какъ отъ привилегіи Болеслава, такъ и отъ русскаго текста привилегіи Витовта, (о чемъ ниже), мы замѣчаемъ слѣдующія особенности: Количество отдѣльныхъ положеній, или параграфовъ, въ польскомъ текстѣ на два меньше, чѣмъ въ привилегіи Болеслава, и однимъ больше, чѣмъ въ русскомъ текстѣ; дата подтвержденія грамоты Сигизмундомъ I опредѣлена точнѣе, чѣмъ въ русскомъ текстѣ [1]); имена свидѣтелей въ грамотѣ Витовта приведены полнѣе [2]); тоже нужно сказать и объ именахъ «пановъ радъ», подписанныхъ на подтвержденіе грамоты Сигизмундомъ I [3]).

---

[1]) W Poniedziałek przed Trzema Krolmi;—въ русскомъ же текстѣ сказано неопредѣленно „передъ Водохрищами“: — поэтому, принимая слово „передъ“ за „наканунѣ“, получится для первой—4 января, для второй грамоты—5 января.

[2]) Въ русскомъ текстѣ пропущенъ „Рымонтъ“, почему выходитъ довольно странное чтеніе „Зымонтъ рыцаре“, почему Даниловичъ (Дзялынскаго „Zbior etc.“) прочелъ это мѣсто такъ „Зимонтъ рыцаре, а Луба бояре зъ Литвы“; между тѣмъ какъ слѣдовало прочесть: „Зимонтъ и Римонтъ—рыцаре, а любо (альбо) бояре, зъ Литвы“. Въ польскомъ же текстѣ пропущено имя Луцкаго воеводы Федора.

[3]) Такъ, напр., Станиславъ Глѣбовичъ названъ Воеводою Полоцкимъ. Князь Иванъ Глинскій—Гетманомъ, Войтехъ Яновичъ не названъ Кухмистромъ Королевы Ея Милости, а только дворяниномъ Королевскимъ. Кромѣ того, въ русскомъ текстѣ совсѣмъ не упоминается о Войтехѣ Нарбутовичѣ, Маршалкѣ Надворномъ, старостѣ Ясвойнскомъ, и Петрѣ Олехновичѣ, Кухмистрѣ Королевскомъ, старостѣ Штерстомунскомъ.

Въ виду всего вышеуказаннаго мы признаемъ польскій текстъ грамоты Витовта за совершенно особенную грамоту, данную Витовтомъ трокскимъ караимамъ, а не за простой переводъ извѣстнаго русскаго текста, или за варіантъ онаго.

Обратимся теперь къ грамотѣ Витовта евреямъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ.

Остановимся первоначально на русскомъ текстѣ, такъ какъ онъ дошелъ къ намъ въ трехъ спискахъ и такъ какъ латинскій текстъ есть только переводъ русскаго.

Первымъ по времени изданія есть русскій текстъ, напечатанный въ изданіи гр. Дзялынскаго. Текстъ этотъ взятъ изъ рукописи Литовскаго статута 1529, принадлежащей графу Дзялынскому [1]), гдѣ онъ помѣщенъ вслѣдъ за Земскою привиллегіею Казиміра Ягелонна 1457 г. и передъ другою подтвердительною привиллегіею евреямъ отъ 1514 г., отмѣняющею нововведенія Короля Александра Ягелонна. Вслѣдъ за этою второю грамотою начинается оглавленіе артикуловъ статута, а далѣе слѣдуетъ текстъ. Не только по времени напечатанія, но и по времени происхожденія, русскій текстъ гр. Дзялынскаго—самый древній изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ [2]).

---

[1]) Польскими буквами, откуда съ нѣкоторыми поправками, предложенными Григоровичемъ, напечатанъ русскими буквами въ „Актахъ Западной Россіи". Впрочемъ Дзялынскій хотѣлъ напечатать и свое изданіе шрифтомъ, приближающимся къ русскому, но событія 30-хъ годовъ не позволили ему осуществить своихъ намѣреній. См. предисловіе его къ „Zbior praw Litewskich".

[2]) Ср. Даниловича въ журналѣ „Dziennik Wilenski" 1823 г. т. I, № 7, p. 377. „Opisanie bibliograficzne datąd znanych exemplary statutu Littewskiego rękopismennych i edyciy drukowanych, tak w ruskim originalnym, jako też polskim i łacińskim języku". Гдѣ описаны: 1) Экземпляръ Виленской библіотеки, названный Даниловичемъ „*Слуцкимъ*". Экземпляръ этотъ, писанный по русски, начинается прямо съ текста. 2) Экземпляръ *Дзялынскаго*, вполнѣ сохранившійся, въ старинномъ переплетѣ, съ котораго напечатанъ какъ основный русскій текстъ самаго статута 1529 года въ сборникѣ Дзялынскаго, такъ, между прочимъ, и привиллегія Витовта евреямъ отъ 1388 года Іюля 1. 3) Экземпляръ библіотеки варшавскаго общества любителей просвѣщенія (Przyiaciol Nauk), *Фирлеевскій*, поврежденный, безъ начала; тексту предшествуетъ поврежденный текстъ артикуловъ, это—русскій текстъ. 4) „*Пулавскій*" (Порицко-Пулавскій), также вполнѣ сохранившійся. Опись его, сдѣланная неизвѣстнымъ и Лелевелемъ, помѣщена у Линде, въ его

Судя по рукописи (образецъ которой у Дзялынскаго) и по самому языку текста, списокъ этотъ принадлежитъ временамъ Сигизмунда I.

Второй по времени русскій текстъ грамоты Витовта былъ обнародованъ Перльштейномъ [1]); напечатанъ онъ польскимъ шрифтомъ и яко-бы на польскомъ языкѣ; но языкъ этотъ справедливѣе назвать полонизаціей древне-русскаго текста, и пониманіе многихъ мѣстъ текста Перльштейна становится возможнымъ только при сличеніи его съ русскимъ текстомъ Дзялынскаго.

Разсматривая болѣе подробно этотъ текстъ, мы видимъ слѣдующее: 1) Онъ внесенъ въ 1791 г., Декабря 9-го въ гродскія книги Луцкаго замка съ копіи, выданной въ 1648 году, Іюня 10, съ «правъ, данныхъ евреямъ-караимамъ общины Трокской и всѣмъ вообще караимамъ, проживающимъ гдѣ бы то ни было въ Княжествѣ Литовскомъ». «Права» эти были представлены ко внесенію въ гродскія Трокскія книги евреемъ и войтомъ Трокскимъ Глишаномъ Сушкевичемъ. 2) Послѣ титула Сигизмунда I, который, между прочимъ, названъ княземъ Опольскимъ, говорится, что на просьбу «евреевъ Трокской общины» изъ Трокъ, Бреста, Гродно, Луцка, Владиміра и иныхъ городовъ Великаго Княжества Литовскаго, Сигизмундъ I подтверждаетъ представленную ему привиллегію Витовта, въ которой выписаны права и вольности евреевъ. Затѣмъ слѣдуетъ полонизированный русскій текстъ грамоты Витовта, по мѣстамъ искаженный до полнаго отсутствія смысла [2]), обрываясь на совершенно

сочиненіи „O statucie Litewskim“, Warszawa 1819. Отъ мнѣній, высказанныхъ имъ здѣсь, Лелевель впослѣдствіи отступился, призвавъ несомнѣнную древность статута Пулавской библіотеки въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ къ намъ. Пулавская рукопись есть латинскій переводъ русскаго текста Дзялынскаго, съ тѣмъ-же расположеніемъ статей, предшествующихъ статуту, съ тою только разницею, что реестръ артикуловъ статута помѣщенъ не передъ самымъ текстомъ статута, а въ началѣ рукописи. 5) Польскій современный переводъ *Свидзинскаго*, приложеній не имѣющій.

[1]) Временникъ Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ, книга 16, Москва. 1853. Смѣсь. „Древнія привиллегіи литовско-волынскихъ караимовъ, извлеченныя изъ актовъ замка Луцкаго“.

[2]) Такъ вмѣсто: „И тежъ коли одинъ шапку приставитъ, а другій не приставитъ, въ томъ Его Милость имъ вину и пересудъ отложилъ“, имѣ-

непонятной фразѣ: «na to chcemy, aby żadnego żyda ten zaplacić nieprocіągali» (вмѣсто слѣдующихъ словъ русскаго текста «Надто, хочемъ, ижъ бы жадный жида къ заплатѣ заставы его въ день свѣтый не припужалъ»), за которою ex abrupto слѣдуетъ: А при томъ были свидѣтели князь Федоръ, Воевода Луцкій,—бывшій здѣсь, тогда-же Зигмунтъ, рыцари или бояре изъ Литвы, также (?) Мингагло (!) изъ Ошмяны, и также изъ Литвы иные бояре.—Время и мѣсто выдачи привилегіи не обозначены. За этимъ искаженнымъ текстомъ привилегіи Витовта слѣдуетъ подтвержденіе ея Сигизмунда I, выданноена челобитье евреевъ, проживающихъ въ «мѣстечкахъ» (?!) „Троки, Луцкъ и В. княжествѣ Литовскомъ" (!) „Дано въ Мельнику полторы тысячи и семь лѣтъ". Затѣмъ слѣдуютъ имена пановъ радъ, также значительно искаженныя, такъ напр., Янъ изъ Заберезыня названъ паномъ Заборчимъ (!), князь Иванъ Глинскій, Воевода Новгородскій, названъ державцею Пенянскимъ, Войтехъ Яновичъ,—староста Ковенскій и Белскій,—старостою Калишскимъ и Белтскимъ, Опалинскій, губернаторъ Познанскій—Галинскимъ, губернаторомъ Позвининскимъ (?!) [1]).

Списокъ г. Перльштейна заканчивается, совершенно соотвѣтственно своему внутреннему достоинству, тѣмъ, что заглавіе подтвердительной грамоты Сигизмунда I Литовскимъ евреямъ отъ 1514 г.:—„Potwerdzenie Krola Im-ci wielkiego Xięcia Im-ci Zygmunta na niektorych (!) artykuł zydowski, ktore dane im za wielkiego Xięcia Witolda i za Alexandra Krola Im-ci, potwerdzienie Krola Wielkiego Xięcia Im-ci, iako wyzey opisano" [2]),—принято за окончаніе первой грамоты.

емъ: „Y też gdy godzien przystawic a drygy nie przystawic, o tym Iegomość im wine i przesąd odłożył". И ниже, слова русскаго текста „або одинъ коли шапку приставитъ, а другой не приставитъ, въ томъ Мы имъ вину и пересудъ отложили", переданы такъ: „abo ieden komu czapki przystawić, a drugi nie przystawić, w tym ieśmi im winej i prześąd założili".

Отсюда тщетныя усилія переводчика (Клеванова) передать хоть сколько-нибудь вразумительно содержаніе иныхъ мѣстъ грамоты.

[1]) См. Дзялынскій, вышен. изд., стр. 109.

[2]) Ср. заглавіе этой грамоты у Дзялынскаго, р. 110 и, еще ближе, въ Актахъ З. Р., т. II, № 86, гдѣ въ концѣ приведенъ заголовокъ „Потверженье Короля и Великого Князя его милости Жикимонта на нѣкоторыи члонки

Текстъ грамоты Витовта въ спискѣ Перльштейна можетъ показаться на первый взглядъ за копію съ особой привилегіи, выданной Витовтамъ Караимамъ В. Княжества Литовскаго.

Но болѣе внимательное разсмотрѣніе текста г. Перльштейна не допускаетъ возможности такого предположенія, и вотъ по какимъ основаніямъ: 1) Грамота эта, какъ гласитъ текстъ, подтверждена Сигизмундомъ I по просьбѣ евреевъ: «Zboru Trockiego z Trokow, z Brzescia, z Grodno, z Lucka, z Wlodzimierza i innych miast naschych W. X. Litt.,—слѣдовательно, изъ этихъ словъ мы должны заключить, что въ 1507 г. къ Трокской караимской общинѣ (zboru) принадлежали караимы, проживающіе въ городахъ: Троки, Брестъ, Гродно, Луцкъ и Владиміръ.

Однако, не говоря уже о неестественности такого оборота рѣчи, какъ: «zydzi zboru Trockiego z Trokow и т. д.», совершенно не согласнаго съ духомъ языка актовъ и никогда не встрѣчающагося,—самое слово «зборъ жидовскій» появляется въ употребленіи гораздо позже: а именно, впервые мы его встрѣчаемъ въ 1540 г., Декабря 7, въ Гродненской Замковой книгѣ за 1540—41 г. стр. 258 и 355, а затѣмъ немного позже, въ 1561 г. Іюня 17, въ договорѣ мѣщанъ Брестскихъ съ Брестскими же евреями [1]). Ранѣе же того, какъ въ грамотахъ, данныхъ всѣмъ евреямъ Литвы, такъ и отдѣльнымъ общинамъ [2]), мы слова «зборъ», въ смыслѣ еврейской общины, не встрѣчаемъ.

Только съ 60 гг. XVI стол., слово «зборъ», «зборъ жидовскій», начинаетъ входить во всеобщее употребленіе, такъ какъ

або артикулы жидовскіи, которыи даны имъ за Великого князя Витовта и за Александра, Короля, Его милости". Грамота эта совершенно отлична по содержанію отъ грамоты 1388 года.

[1]) Докум. и Рег., т. II № 139. „цельники Господаркіе: Давыдъ Шмерлевичъ и Абрамъ Длугачъ, сами отъ себе и за порученьемъ всего збору жидовъ Берестейскихъ... повѣдили"... т. I, № 62.

[2]) Док. и Р., т. I, № 2 отъ 1389 г. „жидове Городенскіе... № 7 1441 г. Iudei Trocenses.,. № 43 и пр. „Били Намъ (Королю) чоломъ подданыи Наши жидове вси".

Тамъ же. № 52, 1555 г. Ходатайствуетъ передъ королемъ жидъ Пиньскій Пахимъ Песаховичъ „самъ отъ себе и отъ всихъ жидовъ въ Паньствѣ Его Милости Господарскомъ, въ Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, перемѣшкиваючихъ" ..

отношенія, соотвѣтствующія слову зборъ, начинаютъ крѣпнуть только къ половинѣ XVI в.

Подъ словомъ «зборъ», впослѣдствіи «кагалъ», разумѣлась совокупность евреевъ, жившихъ въ извѣстной мѣстности, имѣвшихъ общую синагогу, кладбище, судъ, и представлявшихъ административную единицу, закрывавшую собою отдѣльнаго еврея передъ лицемъ государственной власти. Въ составъ «збора», «кагала», входили не только лица, жившіе въ городѣ или мѣстечкѣ, (по имени котораго обыкновенно назывался этотъ «зборъ», «кагалъ»), но и лица, хотя проживающіе въ другихъ мѣстахъ, но связанные множествомъ разнообразныхъ отношеній со своимъ «зборомъ».

Но если обратить вниманіе, что въ началѣ XVI в. евреи живутъ только въ городахъ В. Княжества Литовскаго, да и то далеко не во всѣхъ, и, — за исключеніемъ спеціальной общееврейской подати—«1000 червонныхъ злотыхъ»—въ податномъ отношеніи не различаются отъ остальнаго городскаго населенія, по отбыванію же повинностей общегосударственныхъ и мѣстныхъ также ничѣмъ не отличаются отъ мѣщанъ; затѣмъ, если припомнить, что цеховая организація промысловъ устанавливается прочно въ Литвѣ лишь къ концу XVI в. [1]), а понятія Магдебургскаго, права съ его узкорелигіозною точкою зрѣнія, въ Литвѣ мало были распространены, что въ началѣ XVI в. не было ни сословной ни корпоративной замкнутости, обособленности вѣръ, сословій, цеховъ и пр., съ которыми мы встрѣчаемся все болѣе и болѣе послѣ Люблинской уніи, то станетъ понятнымъ, почему слово «зборъ» могло получить общепринятое значеніе только въ болѣе позднее время.

Далѣе, не опираясь даже на устныя преданія, существующія въ средѣ евреевъ-раввинистовъ, мы, на основаніи дошедшихъ къ намъ люстрацій отъ половины XVI в., можемъ смѣло утверждать, что ни въ Брестѣ, ни въ Гродно, ни въ Пинскѣ, и весьма вѣроятно во Владимірѣ и Кременцѣ, евреи-караимы не составляли общинъ и даже едва ли владѣли осѣдлостью.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на отсутствіе враждебности въ отношеніяхъ раввинистовъ къ караимамъ до конца XVI в.,

---

[1]) Тамъ же, № 68, 1556 г. Іюля 10.

они, тѣмъ не менѣе отличали себя другъ отъ друга, составляя, напримѣръ въ Луцкѣ, двѣ независимыя общины.

Поэтому то въ ревизіи Луцка отъ 1552 г. мы и встрѣчаемъ ихъ отдѣльно: «Жидове, которые слывутъ Караимове», «жидове Арабанове» [1]); точно также въ присяжной записи обывателей Луцкаго повѣта на подчиненіе постановленіямъ Люблинскаго сейма 1569 г., мы встрѣчаемъ отдѣльныя присяги представителей обоихъ зборовъ [2]).

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ люстраціяхъ, одновременныхъ съ Луцкою, каковы, напримѣръ, люстраціи Кременца и Владиміра [3]).

Но если относительно Кременца и Владиміра можетъ быть приведено возраженіе, что въ люстраціяхъ 1552 г. не сказано, какіе евреи составляютъ Кременецкую и Владимірскую общину, быть можетъ и караимы, то противъ этого можно возразить, слѣдующее: Во Владимірѣ съ 1546—53 г. былъ раввиномъ Исаакъ Бецалесъ [4]), который велъ полемику съ знаменитымъ Соломономъ Луріею, раввиномъ Острожскимъ. Этотъ Бецалесъ написалъ комментарій ко всему талмуду, чѣмъ, конечно, не могъ заниматься караимъ. Что же до Кременца, то здѣсь уже въ 70 гг. XVI ст. фигурировалъ къ качествѣ раввина, знаменитый въ лѣтописяхъ польско-литовскихъ евреевъ, талмудистъ—Мардохай Яфа [5]).

Точно также въ дошедшихъ къ намъ весьма точныхъ люстраціяхъ Бреста, Гродно, Пинска и другихъ, менѣе важныхъ, городовъ Великаго Княжества Литовскаго [6]) нигдѣ не встрѣчаемъ даже упоминанія о караимахъ.

Трудно предположить подобное забвеніе со стороны люстраторовъ;—но кромѣ того во всѣхъ названныхъ выше городахъ

---

[1]) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ т. II, № 27.

[2]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, т. I, ч. 2, № акта 1.

[3]) Док. и Рег. къ Ист. Лит. евр., ibid, №№ 26 и 28.

[4]) Graetz. Geschichte d. Juden., T. IX, 1866 г. p. 469—71.

[5]) Ibid. T. IX, p. 485.

[6]) Д. и Р. т. II, №№ 113, 130, 185, 231. Люстрація Трокскаго воеводства, которая показана взятою въ министерство государственныхъ имуществъ, по справкамъ со входящими книгами министерства государственныхъ имуществъ за подлежащій годъ не оказалась поступившею.

показана повсюду *одна только синагога*, чего, очевидно, не могло быть, если бы въ этихъ городахъ проживали совмѣстно евреи-раввинисты и евреи караимы.

Если, затѣмъ, мы обратимъ вниманіе на дошедшіе къ намъ, правда отъ гораздо болѣе поздняго времени, указанія на караимскія поселенія, причислявшіяся къ «збору Трокскому», то увидимъ, что къ нему принадлежатъ караимы Великаго Княжества Литовскаго, проживающіе въ разныхъ воеводствахъ и повѣтахъ, подъ различными юрисдикціями, но только въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Пасволѣ (Paswoliu), Шатахъ (Szatach), во дворѣ пани Левоновой, въ Новомъ мѣстѣ, въ корчмѣ п. Склимонта Умэстовскаго, судьи гродскаго Упитскаго, въ деревнѣ п. Качука, во дворѣ пани Милашевской, въ мѣстечкѣ Святомъ озерѣ, во дворѣ п. Гзевялтовскаго, хорунжаго Троцкаго, во дворѣ пана Лукьянскаго, въ мѣстечкѣ Салатахъ, въ мѣстечкѣ Поневѣжу [1]). Важнѣйшими изъ этихъ поселеній были: Святое Озеро, Крони, Шаты, Пасволь, Биржи, Салаты [2]) и Новое мѣсто [3]).

Намъ кажется, что послѣ всего вышесказаннаго, мы смѣло можемъ утверждать: Слова «Żydowie zboru Trockiego z Trokow, z Brescia, z Grodno, z Lucka, z Wlodzimierza i innych miest W. X. Littewskiego»,—вставка въ текстъ г. Перльштейна, сдѣланная въ позднѣйшія времена.

Это предположеніе подтверждается, какъ намъ кажется, еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ.

---

[1]) Актовыя книги Виленскаго Центральнаго Архива. № 2410, за 1667 г., стр. 471, Декабря 12 дня, 1667 г. Трокскаго гродскаго суда. Декретъ Комиссіи Скарбовой по жалобѣ Генералъ-прокурора (Инстигатора) на то, что „Niewierni zydzi Karaimowie w W. X. Litt. po roznych Woiewodstwach y powietach w pewnych jurisdictiach mieszkaiący do zboru Trockiego przynalezący. Тоже у Сырокомли, выше назв. соч., стр. 76, гдѣ исчислены слѣдующіе караимскіе кагалы, на основаніи податнаго тарифа 1669 г., а именно: Трокскій, Новомѣйскій, Биржанскій, Салатскій, Свято-Озерскій и Кроньскій.

[2]) Актовыя книги Виленскаго Центральнаго Архива, № 5965, за 1674—1677 f. 1034, документъ отъ 1657 г. Августа 7.

[3]) Ibid. акт. книга № 5964, за 1671—74 гг. fol. 667; № 5962 за 1660—1661 г., fol. 2.436. Срав. также тарифъ поголовной подати съ трокскаго збора у Сырокомли „Wycieczki po Litwie“.

Обѣ привиллегіи, напечатанныя г. Перльштейномъ, находятся, по его словамъ, въ Актахъ замка Луцкаго, за 1791 г., № 6, т. е., предъявлены всѣ вмѣстѣ ко внесенію въ книги гродскаго Луцкаго Суда въ 1791 г., мѣсяца Декабря 9-го [1]).

Для окончательнѣйшаго убѣжденія, что приведенныя выше слова все-таки позднѣйшаго времени, просимъ обратить вниманіе еще на третью грамоту г. Перльштейна, выписанную изъ книгъ гродскихъ *Брестскихъ* въ 1616 году, Мая 26, и внесенную для засвидѣтельствованія въ книги гродскаго Луцкаго суда вмѣстѣ съ первыми двумя грамотами.

Въ этой выписи заключается копія съ привиллегіи, выданной Сигизмундомъ III и носящей въ современной надписи заглавіе «Потверженье привилеевъ Королей, Ихъ Милостей, и Великихъ Князей Литовскихъ всимъ жидамъ зборовъ, мѣстъ и мѣстечекъ розныхъ у Великомъ Княжествѣ Литовскомъ на вшелякіи права и вольности ихъ». Привиллегія эта, русскій текстъ которой внесенъ въ актовыя книги Метрики Литовской [2]), напечатанна сверхъ того дважды въ пятомъ томѣ Актовъ Виленской Археографической Коммиссіи на польскомъ языкѣ: первый разъ въ подтвержденіе правъ всѣмъ Литовскимъ евреямъ Королемъ Яномъ Казиміромъ [3]), второй разъ—въ подтвержденіе

---

[1]) Внесеніе привилегіи сотни лѣтъ спустя не представляетъ чего-либо выдающагося въ обычной практикѣ того времени. Ср. напр., грамоту Короля Александра Гродненскимъ евреямъ отъ 22 Марта 1503 г., внесенную въ актовыя книги Метрики Литовской *полтораста лѣтъ* спустя, т. е. 1654 г. Док. и Рег. Т. I, № 39 и 40.

Но страннымъ представляется, что г. Перльштейнъ предпочелъ позднѣйшіе списки I-ой и II-ой грамотъ, болѣе древнимъ, которыя, по его же словамъ, внесены въ книги того же Луцкаго замка за 1568 г., № 369. Пожалѣть объ этомъ слѣдуетъ тѣмъ болѣе, что этихъ грамотъ мы не встрѣчаемъ въ „Грамотахъ В. Князей Литовскихъ", Антоновича и Козловскаго, гдѣ собраны древнія грамоты В. Князей Литовскихъ, кому бы они ни были выданы, причемъ грамоты эти заимствованы главнымъ образомъ изъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, между прочимъ и изъ книгъ Луцкаго замка за 1568. Трудно предположить, чтобы эти извѣстные изслѣдователи опустили такія выдающіяся грамоты и съ такими важными отклоненіями отъ извѣстныхъ уже въ то время

[2]) Актовыя книги М. Л. Записей N 73, f. 245.

[3]) Акты Виленской Археогр. Ком., т. V, p. 146.

правъ Литовскимъ евреямъ Королемъ Михаиломъ [1]). Подтвержденіе Яна Казиміра было явлено въ *Брестскія городскія книги* въ копіи, взятой изъ книгъ метрики Литовской, потвержденіе Короля Михаила—въ подлинникѣ.

Внимательное сличеніе русскаго текста Метрики литовской и польскихъ переводовъ не показываетъ ни малѣйшаго отличія, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, исключая нѣсколькихъ орфографическихъ ошибокъ.

Оба польскіе текста, снятые съ одного и того же русскаго подлинника, что и польскій текстъ г. Перльштейна, гласятъ согласно: Bili Nam czolem, Hospodaru, wszyscy żydowie zborow Brzeskiego, Trockiego, Grodzieńskiego, Pińskiego y z inszych miast, miasteczek Naszych Krolewskich, kniazkich, pańskich y ziemiańskich, duchownych y świeckich w Wielkiem Xiestwie Litewskim (y) w zemiach ku niemu należacych mieszkaiącij» [2]).

И далѣе,—Сигизмундъ III, говоря о томъ, что хотя онъ уже подтвердилъ всѣмъ сословіямъ и всѣмъ народамъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго права, дарованные его предшественниками, начиная съ Казиміра Великаго,—и что въ этомъ подтвержденіи заключаются ,,Też wszyskie listy, przywileia, prawa y wolnosci ludziom narodu żydowskiego od przodkow Naszych nadane, iednakże My, z laski Naszey Kroliewskiey na czolombicie wszystkich żydow w W. X. Lit. y w ziemiach, ku nim (?) należących, mieszkaiacych, tym osobnym listem y przywileiem Naszym... umocniamy, stwerdzamy»... «I na tośmy wszyskim żydom w państwie Naszym W. X. Lit. mieszkaiącym, dali ten Nasz list»...—Соотвѣтствующія-же мѣста у Перльштейна читаются такъ: «Bili Hospodaru czolem wszyscy żydzi zboru Trockiego, Brzeskiego, Luckiego, Grodzienskiego, Pinskiego i innych Karaimowie miast, miasteczek Naszych Hospodarskich i ziemianskich etc»... и

---

[1]) Ibid., p. 186.

[2]) Въ русскомъ оригиналѣ,—вышеприведенный переводъ съ котораго сдѣланъ съ дозволенія Короля Владислава IV, это выражено такъ: „Били Намъ, Господарю, чоломъ вси жидове зборовъ: Берестейскаго, Троцкого, Городненского, Пинского и зъ иншихъ местъ и местечекъ Нашихъ Господарскихъ, Княжскихъ, панскихъ и земянскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, у Великомъ Князствѣ Литовскомъ и въ земляхъ, ку нему належачихъ, мешкаючіи“.

далѣе ...«też wszystkie listy, przywileje, prawa i wolności ludziom narodu żydowskiego, Karaimom zboru Trockiego, Brzesteńskiego, Luckiego od przodkow Naszych nadanie, iednakże My z laski Naszej Krolewskiey na czolom bicie wszystkich żydow karaimow w Wielkim Xięstwie Litewskim i ziemiach ku niemu należących mieszkaiących tym osobnym przywileiem Naszym st werdzaiem». «I na tośmy wszystkim żydom zboru Trockiego, Grodzieńskiego, Luckiego, w tym państwie Naszym W. X. Litt. mieszkaiącym dali ten Nasz list»... [1])

Едва ли кого-нибудь нужно убѣждать, что мы имѣемъ дѣло съ самою грубою поддѣлкою.

Не говоримъ уже о томъ, на сколько возможно такое выраженіе, какъ «wszyscy żydowie zboru Trockiego, Brzeskiego, Łuckiego, Grodzienkiego, Pińskiego i innich Karaimowie miast», — или же фразы во вступленіи — «Przywilej... wszystkim żydom Slonimskiego, Brzeskiego, Luckiego (чего?) i innym wszistkim w W. X. Litt. mieszkającym i bedącym Karaimom».

Нѣтъ надобности обращать особенное вниманіе на ту странность, что имена «зборовъ», которымъ дана эта привиллегія, постоянно мѣняются, что привиллегія дается: то всѣмъ евреямъ-караимамъ (какъ въ началѣ), то просто всѣмъ евреямъ (какъ въ концѣ), достаточно только замѣтить, что Канцелярія Великаго Княжества Литовскаго, выдавшая эту привиллегію, несомнѣнно помнила, что со времени Люблинской уніи 1569 г., вся Волынь, а вмѣстѣ съ нею и городъ Луцкъ, принадлежали къ Польшѣ, а потому Луцкіе евреи, будь они раввинисты или караимы, никакъ не могли быть названы проживающими въ Княжествѣ Литовскомъ и странахъ къ нему принадлежащихъ.

Такъ какъ прибавки эти встрѣчаются въ грамотахъ, хотя и разновременныхъ по происхожденію, но представленныхъ къ

---

[1]) Русскій текстъ Метрики Литовской: „...Тежъ вси листы привилья права и вольности людемъ народу жидовского отъ продковъ Нашихъ наданыи, однакожъ Мы, зъ ласки Нашое Господарское, на чоломбитье всихъ жидовъ у Великомъ Князствѣ Литовскомъ и въ земляхъ ку нему належачихъ, мешкаючихъ, тымъ особымъ листомъ Привелеемъ Нашимъ“... „умоцняемъ, ствержаемъ.·. „И на то есьмо всимъ жидамъ, въ панствѣ Нашомъ, Великомъ Князствѣ Литовскомъ, мѣшкаючимъ, сесь Нашъ листъ“...

явкѣ и затѣмъ обнародаванныхъ одновременно, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что одна и та же, весьма неискусная рука, попыталась возвеличить прошлое Литовскихъ караимовъ. Быть можетъ этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ мнѣніями высказанными Чацкимъ, слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что грамота г. Перльштейна обрывается какъ разъ на параграфѣ (§ 30), въ которомъ дѣло идетъ объ обвиненіи евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей, пріемѣ въ закладъ ворованныхъ лошадей, провозѣ фальшивой монеты и т. д. Невѣроятно, чтобы во времена Витовта караимы отказались отъ подтвержденія за ними тѣхъ льготъ по суду, которые связаны въ привилегіи съ обвиненіемъ евреевъ въ только что указанныхъ преступленіяхъ, а равнымъ образомъ и отъ тѣхъ льготъ, которыя предоставлены евреямъ послѣдними двумя параграфами грамоты Витовта. Нельзя также предположить, чтобы Трокскіе караимы XIV в. представили Витовту копію съ австрійской привилегіи Фридриха II отъ 1238 г., также не имѣющей означенныхъ параграфовъ, нельзя этого предположить потому, что нѣкоторые соотвѣтствующіе параграфы той и другой редакціи несходны между собою; наоборотъ текстъ Перльштейна за исключеніемъ отсутствія послѣднихъ шести §§ дословно сходенъ съ редакціею русскаго текста Дзялынскаго.

Перейдемъ теперь къ русскому тексту Виленской Ар. Ком. Текстъ этотъ взятъ изъ актовой книги Брестскаго гродскаго суда за 1761—1672 г.г., въ которую копія привилегіи Витовта, взятая изъ актовыхъ книгъ Виленскаго гродскаго суда за неизвѣстный годъ (во всякомъ случаѣ не ранѣе 1566 г.), [1]) была внесена въ 1580 году.

Текстъ этотъ отличается отъ текста Дзялынскаго прежде

---

[1]) Предположеніе свое о томъ, что въ книги Виленскаго гродскаго суда привилегія Витовта была внесена не ранѣе 1566 г., мы основываемъ на словахъ текста Виленской Археографической коммиссіи, что для внесенія въ книги Брестскаго гродскаго суда была предъявлена выпись изъ книгъ *гродскихъ* Виленскихъ, между тѣмъ раньше 1566 не было дѣленія книгъ на гродскія, земскія и проч., а были только книги „замковыя", — и „мѣстскія", въ послѣднія вносились акты, касающіеся всѣхъ лицъ свободнаго состоянія, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ было введено магдебургское право,— чему доказательствомъ могутъ служить дошедшіе къ намъ замковыя книги Гродненскаго, Луцкаго, Кременецкаго и пр. судовъ.

всего болѣе полонизированнымъ языкомъ, такъ напр., вмѣсто „або“ вездѣ пишется «альбо», вмѣсто „абы“—„жемъ“, „ижбы“, вмѣсто „какъ“—„якъ“ и т. д., старинное словцо „черезъ“ замѣнено позднѣйшимъ „безъ“, и т. п. Кромѣ мелочныхъ отмѣнъ въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, списокъ В. А. К. отличается еще слѣдующими особенностеми:

Въ первомъ § ея, — вмѣсто общаго положенія списка Дзялынскаго, что для доказательства противъ еврея, какъ въ денежныхъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлахъ, касающихся личности еврея, свидѣтелями должны быть два христіанина и одинъ еврей,—введено слѣдующее различіе: по денежнымъ претензіямъ и по дѣламъ, касающимся личности еврея, требуются показанія одного христіанина и одного еврея, по дѣламъ же о подлогахъ [1]), показаніе двухъ христіанъ и двухъ евреевъ. Нѣсколько иначе редижированъ конецъ 2-го параграфа. Третій параграфъ редижированъ гораздо яснѣе; въ 11 § объяснено, что евреи должны платить такія же пошлины на заставахъ, какъ мѣщане тѣхъ городовъ, въ которыхъ евреи проживаютъ,— въ спискѣ же Дзялынскаго сказано глухо, что евреи должны платить такія же пошлины, какъ и иные (люди).

Въ § 12, вмѣсто употребленныхъ у Дзялынскаго словъ „мытникъ“ и „розбойникъ“, написано „врадникъ“ и „подозреный человѣкъ“. Въ § 16, вмѣсто словъ текста Дзялынскаго, что неявившійся въ судъ послѣ третьяго вызова своего судьи,— „вина, которая положона для впометанья [2]), судьи маеть заплатити“, поставлено: „таковый маеть вину судьи своему платити, которая будетъ ниже описана».

Точно также въ § 18 опредѣлена разница между присягою, приносимою на свиткѣ Моисевомъ, въ дѣлахъ свыше 50 фунтовъ литаго серебра, и присягою у дверей синагоги,—чего въ спискѣ Дзялынскаго нѣтъ.

Въ особенности интересно измѣненіе, внесенное спискомъ В. А. К. въ 19 §, а именно: вмѣсто неопредѣленнаго обѣщанія В. Князя — въ спискѣ Дз. „Быть оборонцою“ противъ лица подозрѣваемаго въ убійствѣ еврея, въ спискѣ

---

[1]) „Речи, альбо учинку фальшивомъ“.

[2]) „Памятное“, Литовскаго права. Ср. Акты Запад. Россіи Т. II.

В. А. К. говорится: „Мы (В. Князь) жидамъ напротивъ подозренному мистра (*палача*) выдати хочемъ".—Въ 26 § вмѣсто непонятнаго положенія текста Дз., что лицо, отравившее еврейскаго ребенка, должно быть наказано какъ воръ (злодѣй), въ текстѣ В. А. К. говорится о наказаніи за воровство ребенка.—27 § имѣетъ редакцію отличную отъ текста Дз., хотя по существу не представляющею какихъ либо отмѣнъ; то же нужно сказать и о § 28.—Въ § 29 вмѣсто жестокаго („окрутне") наказанія за принужденіе еврея къ возврату заложенной у него вещи или произведеніе насилій въ домѣ еврея, В. Князь въ текстѣ В. А. К. грозитъ, что виновный въ такихъ преступленіяхъ „виною нашое коморы (?) маетъ быти каранъ". Къ концу этого § присоединено положеніе, вовсе не имѣющееся въ текстѣ Дз. (§ 30 польскаго текста, § 31 текста Болеслава Калишскаго). Въ нѣсколько иначе редижированномъ § 30 текста В. А. К. встрѣчается еще и слѣдующая особенность: къ словамъ списка Дз., что еврей за убійство христіанскаго ребенка долженъ быть наказанъ: „виною маеть быти каранъ за поступокъ",—прибавлено, „которая будетъ ниже описана", между тѣмъ какъ никакого наказанія за это преступленіе „ниже" во всей грамотѣ нѣтъ. Въ 31 § относительно лошадей, *украденныхъ* у христіанина и заложенныхъ еврею, списокъ В. А. К. опредѣляетъ болѣе казуистично, что лошади эти могли быть еврею также проданы, или промѣнены. Въ 32 § мѣщане названы „почестными". Въ 33 § вмѣсто наивнаго выраженія текста Дз., что въ случаѣ неоказанія помощи еврею во время ночнаго нападенія на него, „всякій сусѣдъ, *и тежъ жидъ*, тридцать шелеговъ маютъ заплатити", въ спискѣ В. А. К. говорится просто „*каждый сусѣдъ* повиненъ заплатити 30 шелеговъ".

Всѣ эти особенности списка В. А. К., не представляющія почти ни одного отклоненія отъ смысла привилегіи Витовта по списку Дз., объясняются, при сличеніи этаго списка съ привилегіею евреямъ Князя Болеслава Калишскаго, чрезвычайно легко. Всѣ особенности списка В. А. К. произошли отъ того, что переписчикъ въ тѣхъ мѣстахъ грамоты Витовта, которыя ему казались непонятными, прибѣгалъ къ переводу текста грамоты Болеслава Калишскаго на русскій языкъ. По мѣстамъ это заимствованіе доходитъ до рабской копировки: такъ напр.,

въ §§ 16 и 30, соотвѣтствующимъ §§ 17 и 30 привилегіи Болеслава Калишскаго, говорится о наказаніи, которое „слѣдуетъ за симъ“ или же, „которое ниже обозначено“, между тѣмъ какъ ни въ той, ни въ другой привилегіяхъ нигдѣ ниже, въ противность обѣщаніямъ, эти наказанія не обозначены.

Однако существенныя отличія грамоты Витовта, о которыхъ ниже, остались неприкосновенными, точно также какъ вступленіе къ тексту грамоты и заключеніе онаго, хотя послѣднее съ небольшимъ отступленіемъ въ редакціи.

Въ виду всего этого мы признаемъ русскій текстъ В. А. К. за варіантъ текста Дзялынскаго, относящійся ко второй половинѣ XVI в.; отличія этого варіанта обусловливаются: отчасти, естественными слѣдствіями всякаго копированія, отчасти, полонизаціею русской рѣчи вообще, и стремленіемъ переписчика уяснить темныя мѣста подлинника при помощи грамоты Болеслава Калишскаго.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о латинскомъ текстѣ привилегіи Витовта Литовскимъ евреямъ, напечатанной у Дзялынскаго изъ кодекса Порыцко-Пуловскаго, которымъ Чацкій и пользовался единственно въ своихъ сочиненіяхъ. Текстъ этотъ, согласно словамъ вступленія къ Порыцко-Пулавскому латинскому тексту Литовскаго статута, есть ничто иное какъ переводъ русскаго текста грамоты на латинскій языкъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ также и самый текстъ. Переводчикъ, очевидно, не вполнѣ владѣлъ русскимъ языкомъ, а потому, при почти буквальномъ переводѣ, многія устарѣвшія выраженія или трудныя для пониманія мѣста опущены имъ совершенно, напр. вступленіе и вторая половина 2-го §; точно также въ 5 § вмѣсто словъ „истенная застава“, т. е. отыскиваемый залогъ, сказано просто „hoc“ (pignus), въ § 9, соотвѣтствующемъ § 10 русскаго текста, слова „право“, т. е. судъ, переведено jus, въ § 16, „вина, которая положена для впометанья, судьи маеть заплатити„, переведено „mulctam, quae imposita est propter memoriale judicis, solvere debet“, въ § 24 „жадного въ дому жидовскомъ не хочетъ гостемъ мѣти“, т. е. дома еврейскіе освобождаются отъ постоя, переведено „in domo jadaei nemini diversari seu hospitari liceat“; въ § 25 „противку кгвалтови“, насилія, переведено, „contra violatorem“; въ § 26 „злодѣй“, т. е. воръ, переведенъ „malifactor“, весь § 27

изложенъ гораздо кратче русскаго текста, и опущено весьма важное положеніе русскаго текста, что еврей освобождается отъ всякой отвѣтственности за продажу заложенной вещи передъ залогодателемъ, если со времени залога оной прошелъ годъ и день, — такъ какъ слова русскаго текста „черезъ часъ, одного року держалъ-бы“ передано, „tenuerit ultra diem redemptionis“; § 28 вовсе опущенъ. Въ § 29 соотвѣтствующемъ 30 § русскаго текста слова: „жиды маються выстерегати... отъ посполитое крови“, т. е., евреи должны остерегаться отъ употребленія какой бы то ни было крови, переведено: „judei... debeant... cavere a sanguine publico“(?!). Въ § 31 русскаго текста, соотвѣтствующемъ § 30 латинскаго текста, слова: „а жидъ тое речи (т. е. обвиненія въ принятіи завѣдомо краденной вещи) будетъ выбавенъ“,—передано буквально. “tunc judaeus a re ipsa liberatur“. Въ 32 § русскаго текста, слова „жебы мынцари... жидовъ съ фальшивыми пенятьми... сами, *черезъ* посла Нашего Воеводы и тежъ *черезъ* мѣщанъ... имати не смѣли“, переведено въ § 31 лат., „monetarij... judeos cum adulterina moneta... per se aut per nuncium Palatini Nostri, aut per cives capere nullo modo praesumant“. Такимъ образомъ, положеніе грамоты Витовта, чтобы монетчики не смѣли иначе заарестовать евреевъ съ фальшивою монетою, какъ въ присутствіи даннаго воеводою „вижа“, т. е. присяжнаго свидѣтеля, или же мѣщанъ, т. е. не иначе какъ въ присутствіи лицъ заслуживающихъ довѣрія,—превращается въ переводѣ въ безусловное запрещеніе арестовывать евреевъ съ фальшивой монетой.

Точно также какъ въ грамотѣ Витовта, такъ и въ подтвержденіи ея Королемъ Сигизмундомъ I, латинскій текстъ опускаетъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, такъ напр., нѣтъ Мингайла изъ Ошмены (въ грамотѣ Витовта), и Епископа Петра Опаленскаго (въ подтвержденіи Сигизмунда I).

На основаніи всего вышесказаннаго, мы признаемъ латинскій текстъ грамоты Витовта, данной въ 1388 г., 2 іюня, и подтвержденную Сигизмундомъ I, въ Мельнику 5 января 1507 г., *за переводъ* русскаго текста грамоты Витовта, напечатанной у Дзялынскаго.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: *Привилегіи В. К. Витовта евреямъ отъ 1388 г.*

дошли къ намъ въ различныхъ текстахъ. Изъ нихъ польскій текстъ г. Балинскаго и русскій текстъ Дзялынскаго,—совершенно различные тексты. Польскій текстъ г. Перльштейна есть ничто иное, какъ грубая поддѣлка русскаго текста Дзялынскаго, съ цѣлью доказать выдачу В. К. Витовтомъ особенной грамоты Литовскимъ караимамъ. Русскій текстъ Виленской Археографической Коммиссіи составляетъ варіантъ русскаго текста Дзялынскаго, онъ—позднѣйшаго происхожденія, т. е не ранѣе 1566 г., нѣсколько исправленъ по тексту привилегіи Болеслава Калишскаго. Латинскій текстъ еврейской привилегіи Витовта изъ Порыцко-Пуловской библіотеки—переводъ, сдѣланный съ русскаго оригинала, съ незначительными пропусками и сокращеніями.

Обратимся теперь къ разрѣшенію вопроса, кому именно,—какимъ евреямъ, даны были указанные выше привилегіи.

Что до польскаго текста г. Балинскаго, то здѣсь не представляется никакихъ сомнѣній: Какъ вступленіе къ грамотѣ Витовта, такъ равно и вступленіе къ подтвердительной грамотѣ Сигизмунда I гласятъ согласно, что привилегія эта выдана по просьбѣ Трокскихъ евреевъ. Привилегія Витовта говоритъ опредѣлено, что В. Князь Витовтъ приказываетъ объяснить и написать всѣ постановленія и привилегіи, полученныя съ согласія В. Князя *евреями Трокскими* (проживающими въ городѣ Трокахъ), согласны слово въ слово съ тѣми, которыми пользуются евреи *г. Львова*. Точно также и заключительныя слова польскаго текста гласятъ, что привилегія эта подтверждена Королемъ Сигизмундомъ I по просьбѣ Трокскихъ евреевъ [1]).

Совершенно иное мы замѣчаемъ въ русскомъ текстѣ привилегіи Витовта.

Правда, во вступленіи подтвердительной грамоты Сигизмундомъ I говорится, что подтвержденіе привилегіи Витовта дано по просьбѣ евреевъ: изъ Бреста, Трокъ, Городна, Луцка, Володимера и иныхъ городовъ В. Княжества Литовскаго, представившихъ Королю (Сигизмунду I) привилегію *В. Князя Александра, иначе Витовта* въ которой выписаны данныя имъ права и льготы;—но обращаясь къ самой грамотѣ Витовта, мы замѣ-

---

[1]) „Na potrzebą przerzeczonych poddanych Naszych, zijdów w Trokach".

чаемъ слѣдующую, необъясненную до сихъ поръ странность: привилегія выдана неизвѣстно кому.

Въ самомъ дѣлѣ: Привилегія, вслѣдъ за титуломъ, гласитъ слѣдующее „Мы, В. Князь, помысливъ съ своими совѣтниками, даровали права и привилегіи всѣмъ евреямъ *вышеупомянутымъ*, проживающимъ въ государствѣ Нашемъ“ [1]).

Но кто же эти вышеупомянутые евреи? — Текстъ грамоты ровно ничего на это не отвѣчаетъ.

Но такъ какъ нужно объяснить себѣ чѣмъ нибудь это выраженіе, то большинство авторовъ, писавшихъ о привилегіи Витовта, пришли (какъ мы видѣли раньше), къ тому заключенію, что уже въ самомъ титулѣ Витовта, — „наслѣдный владѣтель (дедичъ) Городенскій, Берестейскій Дорогицкій, Луцкій, Володимерскій» — и нужно искать отвѣта, кому именно пожалована данная привилегія.

По нашему мнѣнію, достаточно самаго незначительнаго знакомства съ древними привилегіями вообще и съ привилегіей Витовта, въ частности, чтобы отказаться отъ такого взгляда.

Не говоря уже о логической невозможности соединенія титула князя съ названіями мѣстностей, жителямъ которыхъ дарованы какія либо права [2]) такъ, какъ въ этомъ случаѣ титулъ В. Князя мѣнялся бы, очевидно, съ каждою грамотою, — но помимо всего этого, въ числѣ еврейскихъ общинъ, которымъ Сигизмундъ I подтвердилъ привилегію Витовта, мы встрѣчаемъ Трокскую общину, а въ титулѣ Витовтъ не именуется наслѣднымъ владѣтелемъ Трокскимъ, и наоборотъ, хотя Витовтъ и титулуется наслѣднымъ обладателемъ Дрогичина, но въ Дрогичинѣ никогда не существовало еврейской общины, которая могла бы идти въ срав-

---

[1]) „Умыслили есмо съ паны Радами Нашими и дали права и вольности всей жидовѣ вышеймененой, мешкаючимъ въ томъ панствѣ Нашомъ“. — Тоже и въ текстѣ В. А. К., съ тою только отмѣною, что вмѣсто всей жидовѣ вышейменеенной“, сказано „всимъ жидамъ вышейменеными“. Латинскій же переводъ гораздо рѣшительнѣе — „concessimus omnibus judaeis, manentibus in domino Nostro, jura et libertates“.

[2]) Однако профес. Ярошевичъ, какъ мы видѣли, прямо говоритъ, что Витовтъ даровалъ свою привилегію евреямъ жившимъ, въ его удѣлѣ, т. е. въ повѣтахъ: Гродненскомъ, Брестскомъ, Дорогицкимъ, Луцкомъ и Владимірскомъ, вычисляя эти повѣты по титулу Витовта.

неніе съ Трокскою, Брестскою, Гродненскою; мы даже не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы въ XV или XVI в. существовала въ Дрогичинѣ хотя бы самая незначительная еврейская община.

И далѣе, въ подтвержденіи Сигизмунда I мы видимъ еврейскія общины, поставленныя одна за другою, соотвѣтственно ихъ значенію, — наоборотъ, въ титулѣ Витовта Гродно поставлено выше Бреста, а Дрогичинъ выше Луцка.

Можно, впрочемъ, оставаясь въ предѣлахъ свѣденій, доставляемыхъ намъ грамотою, отнести слова „евреямъ вышеупомянутымъ", находящіеся въ текстѣ привилегіи Витовта, къ исчисленію общинъ, приводимыхъ Сигизмундомъ I,—но очевидно Витовтъ не былъ одаренъ пророческимъ даромъ, а потому и не могъ знать, что будетъ черезъ 120 лѣтъ послѣ него, и какіе евреи будутъ ходатайствовать о подтвержденіи его привилегіи;—передъ нимъ были извѣстные евреи, опредѣленнаго города, территоріи.

Если же мы примемъ чтеніе—„евреямъ вышеупомянутымъ", какъ дѣйствительно существующее, то должны предположить, что это измѣненіе сдѣлано въ грамотѣ уже Сигизмунда I.

Но такое измѣненіе противорѣчитъ какъ словамъ подтвердительной грамоты, что «привилей тыми словы есть выложенъ», такъ и дипломатическимъ обычаямъ, утвердившимся въ среднія вѣка для подтвержденія грамотъ. На основаніи средневѣковой практики всякая подтверждаемая привилегія вносилась въ подтвердительную буквально: „слово до слова", „de verbo ad verbum".

Наконецъ, если принять такое толкованіе, то какимъ образомъ объяснить слѣдующее обстоятельство: Въ слѣдующемъ, т. е. 1389 г., іюня 18, Гродненскіе евреи получаютъ отъ В. Князя Витовта привилегію, въ которой онъ, подтверждая за евреями право на владѣніе принадлежащими имъ издавна городскими и загородными землями, освобождая синаногу и кладбище отъ платежей въ В. Княжескую казну, и даруя имъ извѣстныя льготы по торговлѣ и промысламъ, заключаетъ такъ: «И иные права и волности в привилияхъ отъ *Насъ жидомъ Берестейскимъ въ року тисеча трыста осмдесятъ осмомъ наданыи*

и тыхъ жидовъ Городенскихъ при томъ же правѣ зоста вуемъ" [1]).

Далѣе, если предположить, что привилегія 1388 г. дана была Витовтомъ въ качествѣ привилегіи общей для всѣхъ евреевъ Литвы, и въ частности для евреевъ гг. Трокъ, Бреста, Гродно, Луцка и Владиміра, то чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что Владиславъ Ягелло *подтверждая* въ 1432 г. права и привилегіи Луцкой земли, выражается такъ [2]) «даруемъ прелатамъ, боярамъ, рыцарямъ и шляхтѣ Луцкой земли, какъ католикамъ, такъ и лицамъ греческаго вѣроисповѣданія тѣ же права, льготы и привилегіи, которыми пользуются прелаты, бароны и шляхта Королевства Польскаго,—мѣщанамъ, будь то: поляки, нѣмцы, русскіе—право магдебургское; *евреямъ же* и армянамъ —пользованіе тѣми правами, которые принадлежатъ евреямъ и армянамъ, живущимъ въ городахъ Нашихъ Краковѣ и Львовѣ".

Намъ кажется, что въ *льготной* грамотѣ едва ли было бы предоставлено, и еще въ видѣ особенной привилегіи, пользованіе правомъ гораздо менѣе льготнымъ чѣмъ существующее: Потому что, если права, дарованныя грамотою Ягелло Луцкой шляхтѣ, духовенству, мѣщанамъ и армянамъ, были дѣйствительно льготными, то нельзя того же сказать о евреяхъ. Грамота Витовта отъ 1 іюля 1388 г. есть болѣе льготный документъ, чѣмъ привилегія Болеслава Калишскаго, и привилегіи. дарованныя Казиміромъ Великимъ евреямъ Кракова и Львова.

Всѣ эти затрудненія исчезаютъ сами собою, если мы предположимъ, что привилегія Витовта отъ 2 іюля 1388 г. (русс. текстъ Дзялынскаго) была дана не всѣмъ евреямъ Литвы, а однимъ *Брестскимъ* евреямъ.

Въ пользу этого предположенія говоритъ: какъ полученіе

---

[1]) См. изданные нами: Документы и регесты къ исторіи Литовскихъ евреевъ. С.-Петерб. 1882 г. Т. I (1388—1550 г. № 2).

[2]) Архивъ юго-зап. Рос., часть пятая, Т. I, (Акты о городахъ), № I, „praelatis, bojaris, militibus et nobilibus terrae... Luczensis, tam in fide sanctae romanae ecclesiae, quam etiam orientalis, seu graecae constitutis, omnia jura, libertates, immunitates et gratias tales, quales habent, eis gaudent et fruuntur: psaelati, barones et nobiles regni nostri Poloniae... civibus autem, utpote: polonis, theutonicis et ruthenis jus theutonicum; judaeis vero et armenis tale, quale habent judaei et armeni in civitatibus Nostris Cracoviensi aut Leopolensi degentes, damus.

ранѣе Трокскою общиною подобной же привилегіи, такъ и полученіе отдѣльной привилегіи въ слѣдующемъ году Гродненскими евреями, а равнымъ образомъ, то значеніе, которымъ пользовалась по своему богатству и населенности Бресткая еврейская община съ древнѣйшихъ временъ и до самаго паденія Польши. Достаточно указать на то обстоятельство, что въ ея тайникахъ хранились привилегіи общія для всѣхъ Литовскихъ евреевъ еще во времена Стефана Баторія [1]).

По нашему мнѣнію, происхожденіе въ русскомъ текстѣ грамоты *Витовта* выраженія „жидовѣ *вышейменованой*", выраженія, лишеннаго смысла, но неизмѣнно встрѣчающагося во всѣхъ русскихъ текстахъ этой грамоты, — не исключая и текста г. Перльштейна, — можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: Всякому, знакомому хотя слегка съ *подлинными* русско-литовскими грамотами XIV, XV и XVI вв., извѣстно, что употребленіе въ нихъ прописныхъ буквъ окончательно не установилось и встрѣчаются эти буквы довольно рѣдко; точно также, при уставномъ и полууставномъ письмѣ, многія буквы легко смѣшиваются съ близкими къ нимъ по начертанію, поэтому при незначительномъ искусствѣ легко было передѣлать слова „жидовѣ *берестейской*" въ „жидовѣ *вышеймененой*": Какъ „*берестейской*", такъ и „вышеймененой", содержатъ по 12 буквъ,— славянскія полууставныя буквы, съ небольшими измѣненіями, легко переходятъ одна въ другую, и вся привилегія перемѣняетъ тотчасъ же свой характеръ: изъ привилегіи Брестскихъ евреевъ, обращается въ привилегію всѣхъ евреевъ Литвы.

Если же въ привилегію Витовта вмѣсто словъ «вышеймѣненной» вставить—„берестейской" то получается указаніе, кому именно дана привилегія, и всякая безсмыслица исчезаетъ, — такъ какъ вмѣсто дарованія правъ „всей жидовѣ вышеймѣ-

---

[1]) Какъ видно изъ словъ грамоты его Гродненскимъ евреямъ отъ 1578, марта 6, въ Варшавѣ; напечатана въ Актахъ Виленской Археографической Коммиссіи, Т. II, отдѣлъ II, № XXI, стр. 213. Гдѣ Стефанъ Баторіи выражается такъ, что хотя онъ уже и подтвердилъ привилегіи Литовскихъ евреевъ, „нежли се тотъ привилей нашъ они въ зборѣ своемъ жидовскомъ *въ Берестьѣ* въ схованю вставичне маютъ. А жидове всего збору Городенского, часто его потребуючы... ку потребамъ своимъ, досегати (не) могутъ".

ненной", о которыхъ выше однако нигдѣ не говорится, —получаемъ, что права и вольности даруются В. Княземъ «всей жидовѣ Берестейской». Намъ кажется что и дальнѣйшія слова грамоты, «мешкаючимъ вь томъ панствѣ Нашемъ», т. е. Литвѣ, не представляютъ никакихъ затрудненій для объясненія, такъ какъ Бресткіе евреи, оставаясь Брестскими, могли проживать въ разныхъ частяхъ Литовскаго государства, принося съ собою тѣ права, которыми пользовались всѣ Бресткіе евреи.

Финансовыя затрудненія В. Князя Сигизмунда I и неутвердившееся еще положенія его въ Литвѣ могли легко повліять на то, что незначительное измѣненіе въ привилегіи Бресткихъ евреевъ было снисходительно оставлено безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что ходатайствовали передъ В. Княземъ представители еврейскихъ общинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Литовы, а слѣдовательно «челомбитье» ихъ [1]) представляло весьма солидную сумму.

Впрочемъ, замѣна словъ «берестейской» въ „вышеймѣнной" могла произойти и другимъ, болѣе естественнымъ, путемъ: Слово это могло сдѣлаться невозможнымъ для чтенія, напр., отъ того, что приходилось на изгибѣ грамоты, а потому истерлись, или же буквы вылиняли отъ сырости, или же наконецъ, были попорчены насѣкомыми. Во всякомъ случаѣ, произошло-ли это измѣненіе случайно или же предъумышленно, но, несомнѣнно, — весьма кстати для обращенія наиболѣе льготной привилегіи, дарованной одной изъ еврейскихъ общинъ Литвы, въ привилегію, общую для всѣхъ Литовскихъ евреевъ.

С. Бершадскій.

---

[1]) Подъ „челобитьемъ" понималась въ Литвѣ сумма денегъ, вносимая въ В. Княжескую казну за различнаго рода пожалованія, льготы, назначенія и т. п. будь то епископскій санъ, должность воеводы, старосты и т. п., подтвержденіе привилегіи, дарованіе права на заселеніе пустыхъ участковъ земли и т. п.—за все нужно было представить большее или меньшее „челомбитье". Такъ было, по крайней мѣрѣ, до Люблинской Уніи. Позже В. Князья Литовскіе въ раздачѣ должностей должны были руководиться иными соображеніями. Однако за подтвержденіе правъ и до позднѣйшаго времени Королямъ Польскимъ, они же и В. Князья Литовскіе, давались подарки.

ДВѢ КАРТИНЫ.

I.

«Manch Bild vergessener Zeiten
Steigt auf aus seinem Grab...»

... Звонъ сѣкиръ подъ звуки псалмовъ...
Дымъ кадилъ въ дыму костровъ...
На пылающихъ полѣнахъ
Брызги крови и мозговъ...

—

Бѣлоснѣжныя одежды
И молитва на устахъ...
Подъ крестомъ священнымъ—груди
И священный крестъ въ рукахъ...

—

Въ разноцвѣтныхъ перьяхъ гранды
И въ коронахъ короли...
И толпа, благоговѣйно
Преклоненная, вдали...

—

Груды пепла... волны дыма...
Лица блѣдныя—въ крови...

Подъ картиной—надпись: „Праздникъ
Всепрощающей Любви“....

II.

«Andre Zeiten—andre Vögel;
«Andre Vögel—andre Lieder...»

... Дивно—сказочное зданье...
Между группами колоннъ,
Посреди большого зала—
Грандіозный, пышный тронъ...

—

Величавый, съ яснымъ взоромъ
И сіяющимъ лицомъ,
Горделиво возсѣдаетъ
Богатырь на тронѣ томъ...

—

Старцы, юноши и дѣвы,
Въ шумной пляскѣ круговой,
Тронъ волшебный окружаютъ
Разноцвѣтною толпой...

—

Дѣвы въ бубны ударяютъ,
Старцы въ тактъ въ ладоши бьютъ,
И согласно-стройнымъ хоромъ
Громко юноши поютъ:

—

„—Славься, славься во вселенной,
Славься, славься до небесъ,

Нашъ великій, нашъ могучій,
Нашъ всесильный богъ, Прогрессъ!...

—

Надъ развалинами рабства,
Надъ обломками оковъ,
Мы воспрянули орлами
Выше горнихъ облаковъ...

—

Надъ развалинами рабства,
Зла и тьмы былыхъ временъ,
Мы воздвигли твой великій,
Твой могучій, свѣтлый тронъ...

—

Славься-жъ, славься во вселенной,
Славься, славься до небесъ,
Нашъ всесильный, нашъ могучій,
Нашъ великій богъ, Прогрессъ!...“

—

Гулко пѣсня раздается,
И на тысячу ладовъ
Ей далекимъ вторятъ эхомъ
Милліоны голосовъ....

—

... Гулъ толпы, и свистъ, и хохотъ...
Дымъ пожара... крикъ дѣтей...
Стоны дѣвушекъ безсильныхъ...
Вопли женъ и матерей,

—

Холодъ, мракъ ночей осеннихъ...
Буря, дождь и градъ—въ лицо....
Голодъ, страхъ...
Картина эта
Не окончена еще....

С. Фругъ.

ОТРЫВКИ.

I.

РЕБЪ-ЗАЛМЕНЪ ЛЕМЕШКЕ.

Рендарь сосѣдней корчмы, ребъ Акива былъ въ городѣ за покупками на субботу. На торговой площади между деревянными лавочками, онъ встрѣтился съ ребъ-Залменомъ, по прозванію «Лемешке». (Это прозвище закрѣпила за нимъ его собственная жена, Генеся, которая въ свою очередь носила прозвище «рощине». Ребъ Залменъ пользовался большой популярностью во всей Голодриговкѣ, и не было даже малаго ребенка въ городѣ, который не зналъ-бы его. Занимался онъ... да какъ и перечислить его занятія? Когда кто нибудь хочетъ подарить Тору въ синагогу, то эту Тору будетъ писать, конечно, никто иной, какъ ребъ Залменъ Лемешке. За нюхательнымъ табакомъ если кто пошлетъ хоть трехлѣтняго ребенка, то этотъ малый и безъ разспросовъ пойдетъ прямо къ ребъ Залмену и скажетъ:

— Ребъ Лемешке, дайте мнѣ на грошъ табаку.

При этомъ выскочитъ обиженная Генеся и крикнетъ

— Задамъ я тебѣ, кундысъ, такую Лемешку, что станетъ изъ тебя рощина! * (она всякому грозила его обратить въ такое состояніе, а отсюда и прозвище).

Когда послѣ смерти кого нибудь, родные начинаютъ подумывать о надписи на надгробномъ памятникѣ, то посылаютъ не за кѣмъ инымъ, какъ за тѣмъ-же ребъ Залменомъ. Вотъ подросъ мальчуганъ и его уже пора отдать въ хедеръ. Куда

* Кислое тѣсто.

его пошлютъ? Конечно, къ ребъ Залмену. Если въ домѣ есть дѣвушка или юноша, то ужъ будьте покойны, о нихъ позаботится ребъ Залменъ и устроитъ наилучшимъ образомъ ихъ будущее семейное счастье. Если надо отнести важное письмо въ ближній городокъ, отстоящій отъ Голодриговки всего верстъ на 30, 40, то пошлютъ опять таки ребъ Залмена, а ребъ Залменъ за рубль (ассигнаціями) охотно пойдетъ.

На кого сыплется больше всего упрековъ за то, что дѣти голодны и оборваны? Кого Генеся встрѣчаетъ на порогѣ въ четвергъ утромъ съ угрозой: «если ты, Лемешке, не дашь мнѣ на муку, то я тебя въ комнату не пущу?» Опять таки никого иного, какъ того же ребъ Залмена. Не думайте, впрочемъ, что ребъ Залменъ такъ жестокъ къ своей семьѣ, чтобы заставить голодать ее. Нѣтъ, не испытай онъ самъ жестокости судьбы, которая упорно оставляетъ его карманы всегда пустыми, онъ не довелъ бы свою Генесю до упрековъ...

Но ребъ Залменъ никогда не мѣняетъ своего добродушнаго настроенія и всегда улыбается. Съ этимъ-то ребъ Залменомъ встрѣтился ребъ Акива. Между тѣмъ, какъ всегда ребъ Залменъ, при встрѣчѣ съ нимъ подбѣгалъ къ нему, предлагая массу «шидихимъ *», на этотъ разъ онъ его словно и не замѣтилъ, и только когда ребъ Акива его окликнулъ, онъ подошелъ къ нему и протянулъ ему руку для привѣтствія «шулымъ алейхомъ».

— Что новаго? спросилъ ребъ Акива, отвѣтивъ предварительно на привѣтствіе ребъ Залмена.

— Эть!—отвѣтилъ послѣдній,—что можетъ быть новаго у бѣдняка? Кажется, съ самой моей свадьбы у меня новаго ничего не было. Была у меня въ домѣ еще единственная новость—шелковый платокъ моей жены, да и тотъ пошелъ въ пятницу подъ залогъ на свѣчки и на кидушъ **.

Въ этой шуткѣ ребъ-Залмена звучала очень горькая нот-

---

* Партіи

** На вино для произнесенія субботняго благословенія.

ка, хотя онъ и произнесъ ее съ довольно веселой улыбкой. У ребъ-Акивы очень тяжело стало на душѣ отъ этого отвѣта ребъ-Залмена, ибо онъ отлично зналъ, что во всемъ этомъ одна только горькая правда.

— Что, все по прежнему худо?» спросилъ онъ, не находя сказать ничего другаго.

— Эть, пустяки, за то ужъ на томъ свѣтѣ будетъ хорошо; не правда-ли ребъ-Акива?

— Можетъ быть вамъ нужны деньги на субботу, я вамъ могу дать въ займы.

— Эть, что вы, что вы, ребъ-Акива, какъ можно, чтобы у еврея не было на субботу! Сегодня только четвергъ, а до субботы Богъ мнѣ можетъ послать сто тысячъ рублей. У Бога вѣдь все возможно.

— Ну, вы мнѣ тогда и отдадите.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ Богъ дастъ. Ну прощайте, мнѣ некогда. Да, что ваша жена, дѣти? Здоровы! Ну, слава Богу. Прощайте, прощайте; я спѣшу—у меня тутъ маленькое дѣльце.

И ребъ Залменъ быстро зашагалъ, сильно размахивая руками и предоставляя полную свободу своему ситцевому халату, который развѣвался, словно парусъ. Ребъ Акива уже хотѣлъ было зайти въ одну лавку, какъ его окликнулъ ребъ-Залменъ, снова быстро шагавшій назадъ.

— А я совсѣмъ было забылъ,—сказалъ онъ приближаясь.— Вѣдь у меня письмецо къ вамъ есть.

— Ко мнѣ письмо! Отчего-же вы прежде не сказали?

— Эть, забылъ, вѣдь у меня много дѣлъ въ головѣ.

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана и подалъ ребъ-Акивѣ затѣйливо сложенное въ треугольникъ письмо. Ребъ-Акива быстро схватилъ его и началъ читать, а ребъ-Залменъ лукаво слѣдилъ за нимъ, стараясь замѣтить впечатлѣніе, которое оно произведетъ на ребъ-Акиву. Онъ съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ лицо послѣдняго выражало все больше и больше изумленія. Когда ребъ-Акива окончилъ чтеніе письма, ребъ-Залменъ опять собрался уходить.

— Что вы, что вы, ребъ Залменъ, куда вы уходите, когда намъ предстоитъ поговорить о такомъ важномъ дѣлѣ?

— Неужто такое важное?—спросилъ наивно ребъ-Залменъ, словно и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, въ чемъ дѣло.

— Что вы притворяетесь, ребъ-Залменъ? Вѣдь Лампидровскій шадхенъ пишетъ, что дѣло начато при вашемъ посредствѣ, а если онъ ужъ такъ пишетъ, то значитъ вы тутъ все.

— Эть, положимъ, это такъ. Но будто вы на самомъ дѣлѣ интересуетесь этимъ шидыхомъ? Вѣдь вы мнѣ только на прошлой недѣлѣ говорили, что у васъ еще есть время, что вы сначала сосватаете Миріамъ, а потомъ ужъ подумаете о Бенъ-Ціонѣ. Дѣйствительно, вѣдь у насъ, евреевъ, не водится, чтобъ младшихъ дѣтей женить раньше, чѣмъ старшихъ.

— Я, правда, все это говорилъ, но теперь совсѣмъ другое дѣло, теперь дѣло идетъ о ребъ-Шепселе! Но скажите, не шутка-ли это съ вашей стороны? Вѣдь я знаю, какъ вы можете иногда одурачить.

Ребъ-Залменъ таялъ отъ всей этой сцены. Видя, какимъ языкомъ заговорилъ теперь ребъ-Акива, онъ чуть не подпрыгивалъ отъ радости.

— Теперь, думалъ онъ, дѣло пойдетъ отлично и «шадхунысъ гельтъ *» какъ у меня въ карманѣ. Теперь можно смѣло заложить мой зимній тулупъ на субботнія издержки—я его скоро выкуплю. Только этотъ Лампидровскій «лецъ **» пожалуй еще захочетъ половину. Но дудки, пускай получаетъ у ребъ-Шепселе,—тамъ не больно много достанется...

— Ну,—обратился онъ къ ребъ-Акивѣ—значитъ, за вами дѣло не станетъ. Хорошо. Долго тутъ говорить нечего. Черезъ недѣлю ребъ-Шепселе посѣтитъ нашъ городъ; вы можете его пригласить на субботу и немедленно «бить тарелки †». А дочка, я вамъ скажу, у ребъ-Шепселе! Ну, медъ и сахаръ, про-

---

* Плата за устройство партіи.

** Краскобай, шутъ.

† Устроить помолвку, во время которой у евреевъ разбиваютъ тарелку или другую посуду.

сто невозможно ей въ лицо глядѣть. Ей теперь всего десять лѣтъ, а ужъ какъ умна, какъ читаетъ и пишетъ!

Ребъ-Акива былъ до того ошеломленъ всѣмъ случившимся, что едва разслышалъ слова ребъ-Залмена. «Неужъ-то на самомъ дѣлѣ самъ ребъ-Шепселе хочетъ вступить со мной въ родство?»—думалъ онъ:—«Неужели все это дѣйствительно правда? Положимъ, что я и моя жена не изъ маленькихъ «меихусемъ *». У насъ во всей фамиліи нѣтъ ни сапожниковъ, ни портныхъ: все или раввины, или купцы. Вѣдь великій танаридовскій цадикъ приходился троюроднымъ братомъ моему покойному дѣдушкѣ. Все это правда, да. Но все таки ребъ-Шепселе, ребъ-Шепселе...»

У него голова шла кругомъ, особенно при мысли о томъ, что́ будетъ съ его Эстеръ, когда она узнаетъ объ этомъ счастьѣ.

Пришедши наконецъ въ себя послѣ сильнаго волненія, онъ опять обратился къ ребъ-Залмену съ предложеніемъ денегъ, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что теперь онъ можетъ взять ихъ въ видѣ задатка.

— Нѣтъ, нѣтъ, —отговаривался ребъ-Залменъ.—Когда, Богъ дастъ, дѣло устроится, вы мнѣ все разомъ отдадите. Ну, прощайте, прощайте, дай Богъ, чтобы все было довершено благополучно. Кланяйтесь вашей женѣ и дѣткамъ.

И ребъ-Залменъ опять пустился быстро шагать, распустивши свои паруса.

II.

ТИША-БЕАБЪ ** ВЪ РЕНДАРСКОЙ СЕМЬѢ.

Солнце уже совсѣмъ сѣло и наступилъ чудный лѣтній вечеръ. Луна льетъ свой блѣдный свѣтъ на нивы, на лѣсъ, окутывая все таинственной, волшебной завѣсой. Ничто не нарушаетъ торжественной тиши вечера. Въ корчмѣ царствуетъ ка-

* Аристократовъ.

** День разрушенія Іерусалима.

кой-то полумракъ. На землѣ, въ углу большой комнаты сидятъ самъ корчмарь, ребъ-Акива, дѣти его Екусіэль и Бенъ-Ціонъ, и плечистый, рослый мешуресъ Екель; предъ ними на табуретѣ горитъ тоненькая сальная свѣчка, вставленная въ глиняный подсвѣчникъ; въ рукахъ у нихъ раскрытыя книги. Р. Акива читаетъ въ слухъ заунывнымъ, печальнымъ напѣвомъ «Плачъ Іереміи»; остальные повторяютъ за нимъ.

Противъ нихъ, въ противуположномъ углу, почти у самой двери сидитъ жена рендаря Эстеръ, тоже съ книгой въ рукахъ, старшая дочь, Миріамъ, помѣщется на порогѣ, а другія двѣ дѣвочки, Динеле и Гителе, забились въ разные углы. Всѣхъ, даже дѣтей охватываетъ инстинктивный ужасъ, и они притихаютъ, сознавая важность и серьезность этого печально-торжественнаго вечера, и ихъ дѣтскому воображенію, подъ впечатлѣніемъ душу раздирающаго напѣва, рисуется, хотя неясно, какое-то подавляющее горе. По временамъ слышно всхлипиваніе Эстеръ или тяжелый вздохъ р. Акивы или Екусіэля.

Вдругъ Екель зарыдалъ, зарыдалъ такъ, что все его богатырское тѣло пришло въ содроганіе. Что-то страшное, не человѣческое слышится въ его рыданіи, словно реветъ цѣлый лѣсъ или бушуетъ разыгравшееся море. Отъ этого глухого плача стынетъ кровь въ жилахъ, леденѣетъ сердце у всѣхъ. Р. Акива замолкъ, не будучи въ состояніи болѣе произнести ни одного слова. Всѣ въ какомъ-то нѣмомъ оцѣпененіи смотрятъ на этого богатыря, заливающагося какъ слабый ребенокъ. Бѣдный Екель силится одолѣть душащія его слезы, но напрасно: словно сильный потокъ, прорвавшій, наконецъ, плотину, льются потоки этихъ слезъ по рано изборожденному лицу Екеля, по его рѣденькой бородкѣ. Что съ тобою, вѣчный, безропотный труженникъ, никогда въ жизни не издавшій ни одной жалобы? Или стало тебѣ вдругъ больно, что тебѣ приходится жить вѣчнымъ бобылемъ, что нѣтъ у тебя своего уголка, своей семьи, которыхъ не лишенъ и самый бѣдный въ твоемъ народѣ? Или вспомнилъ ты этотъ самый вечеръ въ кругу твоей семьи, когда ты былъ еще ребенкомъ?

Вспомнилъ ты, какъ отецъ твой, бѣдный балегуле *, всѣми презираемый, всѣми проклинаемый, бывало напоитъ на скоро своихъ исхудалыхъ клячъ, скинетъ свои большіе смазные сапоги и попроситъ у матери пару чулокъ; какъ онъ надѣваетъ эти чулки безъ пятокъ, безъ пальцевъ; потомъ возьметъ книжку подъ мышку, а тебя, Екеля, за руку и отправится въ синагогу. Тамъ онъ сядетъ въ «пулышѣ**», между такими же бѣдняками какъ и онъ самъ. Съ трудомъ выпросивъ у «шамеса***» кусочекъ свѣчки на десять человѣкъ, раскрываетъ твой отецъ засаленную, изорванную книгу, ища въ ней то мѣсто, гдѣ читаетъ канторъ, чтобы слѣдить за нимъ.

Вдругъ въ его косматую голову вцѣпится цѣлая куча «будяковъ» брошенныхъ шалунами мальчишками. Тяжело становится у него на душѣ отъ этой обиды, хотя «будяки» летятъ безъ различія, на бѣднаго и богатаго. Долго онъ ищетъ въ книгѣ и не находитъ, и долженъ прибѣгнуть къ какому нибудь сосѣду, который смѣется надъ его невѣжествомъ. Еще тяжелѣе станетъ на душѣ несчастнаго, и наконецъ онъ не выдержитъ и громко зарыдаетъ... Не эту ли картину вспомнилъ ты, бѣднякъ? Или тебѣ самому можетъ быть тяжело стало, что не понимаешь ты священнаго языка? Долго рыдалъ Екель, но наконецъ громкое рыданіе перешло въ тихое всхлипываніе, перерываемое тяжелыми передышками; потомъ онъ совсѣмъ затихъ. Тогда ребъ-Акива началъ снова чтеніе. Его голосъ надрывался каждый разъ, и онъ съ трудомъ преодолѣвалъ подступавшія къ горлу слезы. Наконецъ, разбитый, измученный, онъ передалъ чтеніе Екусіэлю. Глубоко потрясенный плачемъ Екеля, Екусіэль былъ блѣденъ, какъ смерть. Сначала его голосъ звучалъ слабо, но мало-по-малу, увлеченный страшною картиной, нарисованной пророкомъ, онъ началъ читать съ возрастающимъ жаромъ, глаза его засвѣтились какимъ-то особеннымъ огнемъ, его голосъ сдѣлался звучнымъ, мощ-

* Извощикъ.

** Заднее мѣсто.

*** Синагогальный служка.

нымъ, каждый звукъ его пронизывалъ сердце, потрясалъ все существо слушателя.

«Какъ потокъ, изливай слезы день и ночь, дочь Сіона— читалъ онъ. Не давай себѣ покою, да не изсохнетъ око твое. Вставай ночью, въ началѣ каждой ночной стражи, и излей свое сердце передъ Господомъ. Поднимай руки къ небу и плачь о твоихъ малолѣткахъ, падавшихъ отъ голоду на всѣхъ улицахъ!.... Что мнѣ сказать тебѣ, съ кѣмъ мнѣ сравнить тебя, дочь Іерусалима! Какъ мнѣ утѣшить тебя! Какъ море безконечно несчастіе твое, кто можетъ помочь тебѣ?»

Каждое слово, словно огненная струя, врывалось въ сердце Бенъ Ціона и немилосердно жгло его. Передъ нимъ предстала страшная ужасающая картина охваченнаго пламенемъ города. Съ оглушающимъ трескомъ рушатся дома, по загроможденнымъ обгорѣлыми балками и кирпичами улицамъ, обезумѣвшіе отъ ужаса, бѣгутъ старики, женщины и дѣти. За ними, словно разъяренные свирѣпые звѣри, съ громадными топорами въ рукахъ, гонятся непріятельскіе солдаты. Вотъ они ихъ настигли, и, безъ всякаго милосердія, поднимается ихъ звѣрская рука на сѣдого старца и на малолѣтняго ребенка. Раздается потрясающій, пронзительный стонъ; потекли потоки крови, въ которыхъ плаваютъ части человѣческаго тѣла. Всѣ улицы покрыты трупами, всѣ бѣгутъ, не зная куда. Пламя и дымъ съ страшною, свирѣпою силой вырываются изъ домовъ и закрываютъ все. Только слышенъ трескъ отъ рушащихся зданій, хриплые стоны, звонъ оружія....

И далѣе представлялось мечтательному мальчику:

Мгновенно вырвавшееся яркое пламя на время разсѣяло дымъ и освѣтило страшную картину, отъ которой самъ врагъ приходитъ въ ужасъ. Изъ оконъ грандіознаго великолѣпнаго зданія, украшеннаго множествомъ портиковъ и колоннъ необыкновенной работы, вырываются страшные пламенные языки. За оградой, отдѣляющей это зданіе отъ остальной части города, происходитъ отчаянный ожесточенный бой. Но вотъ изъ груди всѣхъ вырывается пронзительный ужасающій крикъ;

раздаются страшные роковые слова: «горитъ храмъ!» Отчаянные бойцы оцѣпенѣли и стоятъ неподвижно съ выраженіемъ нѣмого ужаса. Вотъ на галлереяхъ и портикахъ со всѣхъ сторонъ охваченнаго пламенемъ святилища, послѣдняго убѣжища разбитаго народа, показываются священники въ бѣломъ одѣяніи со свитками въ рукахъ, которые они подымаютъ высоко къ небу. Но нѣтъ надежды, нѣтъ спасенія. Вотъ уже рухнула одна стѣна. Отчаяніе, безумное отчаяніе овладѣло ими, и со свитками въ рукахъ, стремглавъ бросаются они съ высокихъ галлерей въ огонь, чтобы не пережить дорогой святыни....

Невольный крикъ вырывается изъ груди Бенъ-Ціона. Только когда испуганная мать подбѣгаетъ къ нему, онъ начинаетъ сознавать, что́ кругомъ его происходитъ... Кончилось чтеніе. Всѣ выходятъ на дворъ и садятся на завалину. Всѣ угрюмо молчатъ; у всѣхъ страшно тяжело отъ только-что испытанныхъ впечатлѣній; у всѣхъ передъ глазами ужасная картина разрушеннаго города и святыни Израиля. И луна уныло глядитъ съ неба, освѣщая печальныя лица рендарской семьи. Вся природа, кажется, пріуныла и приняла траурный видъ. Въ угрюмомъ молчаніи стоитъ лѣсъ, словно погруженный въ тяжелую, печальную думу. Нигдѣ ни звука, ни движенія. По временамъ вырвется изъ могучей груди Екеля страшный болѣзненный стонъ, отъ котораго всѣ содрогаются, и опять все тихо....

Уже исчезла луна за горизонтомъ, а рендарская семья остается все въ томъ же положеніи. У самаго конца завалинки сидитъ Екель, подперши свою голову обѣими руками, покоющимися на его колѣняхъ. Его глаза сильно раскраснѣлись отъ слезъ и устремлены въ безпредѣльное пространство съ выраженіемъ какой-то отчаянной безнадежности. Около него присѣлъ Екусіель, который не можетъ оторвать взора отъ Екеля. И чего-бы онъ не далъ, чтобы эти раскраснѣвшіеся отъ слезъ глаза засіяли улыбкой! Тяжело Екусіэлю и грызетъ его совѣсть за то, что онъ всегда держался въ сторонѣ отъ глупо-

ватаго Екеля. «А какое, можетъ быть, тяжелое горе лежитъ на душѣ у этого страдальца», думалъ онъ. Рядомъ съ Екусіэлемъ сидитъ Бенъ-Ціонъ. Далеко опять унесло его богатое воображеніе. Передъ нимъ новая картина: темная, непроглядная ночь окутала своей мрачной, траурной пеленой разрушенный городъ; непроницаемыя густыя черныя тучи повисли надъ нимъ; ни одной звѣзды не видать. Все тихо, неподвижно, мертво кругомъ. Но вотъ, въ этой страшной мертвой тиши послышались чьи-то шаги. По загроможденнымъ развалинами улицамъ медленно подвигается высокая, стройная, вся укутанная въ черное, фигура; длинные ея волосы на обнаженной головѣ развѣваются вѣтромъ въ разныя направленія; въ одной рукѣ у нея длинный посохъ, которымъ ощупываетъ она дорогу, усѣянную трупами и обломками разрушенныхъ зданій. Осторожно и съ трудомъ подвигается фигура впередъ. Нигдѣ ни одного признака жизни. И страшно зловѣще отдаются звуки шаговъ въ этой ужасной, мертвенной тиши. Вдругъ изъ-подъ огромной груды еще дымящихся развалинъ вырвалась красная пламенная струя и освѣтила собой громадный еще дымящійся остовъ колоссальнаго зданія. Вотъ со страшнымъ зловѣщимъ гуломъ рухнула огромная колонна и упала у самыхъ ногъ остановившейся фигуры. Долго стоитъ этотъ гулъ въ мрачной, застывшей атмосферѣ. Но вотъ снова все затихло, все замерло кругомъ. Высокая черная фигура, взобравшись на обломокъ великолѣпнаго портика, стоитъ неподвижно, скрестивши руки. Исчезла огненная струя, ушедши снова подъ груду дымящихся развалинъ. Сгустился мракъ. Еще тише, еще мертвеннѣе кругомъ. Черная фигура все стоитъ неподвижно. Вдругъ послышались глухія рыданія. Фигура затряслась и подняла свою опущенную голову. Посреди разрушеннаго храма, окруженная еще дымящимися развалинами, на большомъ обгорѣломъ камнѣ сидитъ женщина въ бѣломъ одѣяніи; ея голова опущена на грудь, руки обняли оба колѣна, по лицу текутъ потоки слезъ, падающіе на горячій пепелъ. Глубокій, тяжкій потрясающій стонъ вырвался изъ

больной разбитой груди черной фигуры, и далеко по окрестнымъ холмамъ разнеслось его мрачное эхо. Черная фигура стоитъ съ поднятыми къ небу руками и тихо что-то говоритъ охрипшимъ, разбитымъ голосомъ. Замолкла фигура. Могильная тишь. Раздался оглушительный раскатъ грома, въ небѣ образовалась свѣтлая ослѣпительная разщелина и освѣтила на мгновеніе эту страшную грандіозную могилу великой міровой святыни. У ногъ рыдающей женщины лежалъ бездыханный трупъ черной фигуры....

Бенъ-Ами.

САББАТАЙ ЦЕВИ И ПСЕВДОМЕССІАНИЗМЪ ВЪ XVII ВѢКѢ *.

Мессіанское движеніе, вызванное въ 17-мъ столѣтіи лжемессіею Саббатаемъ Цеви, характеризуетъ собою одинъ изъ самыхъ драматическихъ моментовъ еврейской исторіи.

Это было бурное народное движеніе, длившееся слишкомъ четверть вѣка; это была послѣдняя вспышка своеобразнаго народнаго сознанія, послѣднее беззавѣтное увлеченіе изстрадавшагося еврейства. Движеніе улеглось, но глубокіе слѣды оставило оно по себѣ во всей дальнѣйшей исторической жизни еврейскаго народа. Саббатіанская пропаганда способствовала необыкновенной популяризаціи мистическихъ идей, которыя съ тѣхъ поръ вошли въ плоть и кровь народа и окончательно вытѣснили собою духъ свободнаго изслѣдованія. Съ этого времени еврейство все глубже погружается въ омутъ обскурантизма. Малѣйшія проявленія независимой, философской или научной мысли деспотически подавляются; религіозныя понятія грубѣютъ и извращаются. Возникаетъ хасидизмъ, который съ неимовѣрною, эпидемическою быстротою распространяется среди темной еврейской массы.

Это—во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная эпоха. Великій Спиноза былъ современникомъ Саббатая Цеви и свидѣтелемъ

---

* Главные источники: 1) *Iost.* Geschichte des Judenthums und seiner Secten; 2) *Саспортасъ.* Zizat-novel-Zevi; Одесса, 1867 г. 3) *Яковъ Эмденъ.* Torat hakenoet. Львовское изд. 1870 г., 4) *Гретцъ.* Geschichte der Juden, томы IX и X; 5) *Д. Кагана* „Even-ha'toim“ (подробнѣйшая монографія о С. Цеви и его сектѣ). Вѣна, 1873.

всѣхъ бурныхъ событій того времени. Вышедшіе изъ нѣдръ одного и того же народа, эти два человѣка воплощали въ себѣ два радикально противоположныхъ принципа. Спиноза былъ представителемъ зарождающейся новой мысли, новой умственной и соціальной жизни. Саббатай былъ воплощеніемъ отжившихъ мистическихъ традицій среднихъ вѣковъ. Еврейскій народъ стоялъ на распутьи. Амстердамскій философъ звалъ его къ свѣту, указывалъ ему на восходящую зарю новой жизни, новой цивилизаціи. Смирненскій каббалистъ увлекалъ его въ область невѣжества и тьмы, въ густой мракъ прошедшаго... Выродившееся еврейство предало проклятію перваго и пошло за вторымъ. Это былъ рѣшительный, роковой шагъ...

Обстоятельному описанію этого мессіанскаго движенія, разъясненію причинъ, его вызвавшихъ и, послѣдствій имъ вызванныхъ—посвящается настоящій очеркъ.

I.

Для лучшаго пониманія замѣчательной эпохи, служащей предметомъ настоящаго очерка, необходимо предварительно выяснить слѣдующіе два вопроса: 1) что такое еврейскій мессіанизмъ, т. е. какія представленія имѣлъ и по сю пору имѣетъ еврейскій народъ о своемъ Мессіи? 2) Какія историческія условія непосредственно способствовали успѣху мессіанской пропаганды С. Цеви?

О Мессіи у евреевъ — какъ это ни странно и невѣроятно съ перваго взгляда—существуютъ самыя смутныя представленія. Спросите у любого вѣрующаго еврея: что такое ожидаемый тобою еврейскій Мессія? Въ чемъ заключается его сущность и каковы его существенные аттрибуты? Есть ли этотъ Мессія необыкновенный человѣкъ, герой и геніальный вождь, который воспрянетъ изъ среды еврейства и мечемъ завоюетъ для него политическую самостоятельность въ обѣтованной землѣ, или это—существо не отъ міра сего, которое будетъ ниспослано на землю, чтобы чудеснымъ образомъ избавить Изран-

ля изъ неволи и возродить его духовно и политически? На эти вопросы вы напрасно ожидали бы сколько нибудь яснаго и точнаго отвѣта. Отъ одного вы узнаете, что Мессія пріѣдетъ на бѣлой ослицѣ, разобьетъ Гога и Магога въ пухъ и прахъ и введетъ евреевъ въ Палестину; но откуда онъ явится и какъ совершитъ свои чудеса—невѣдомо никому. Другой вамъ приплететъ къ пришествію Мессіи и воскресеніе мертвыхъ, и страшный судъ въ долинѣ Іосафатовой, разскажетъ вамъ много прелюбопытныхъ аксессуаровъ мессіанскаго времени; что же касается существенныхъ понятій о Мессіи, о его происхожденіи и задачахъ, то вы ничего не добьетесь, за исключеніемъ самыхъ сбивчивыхъ, смутныхъ и подчасъ совершенно противорѣчивыхъ понятій. Не ищите точной формулы еврейскаго мессіанизма и въ раввинской литературѣ или въ обыденныхъ молитвахъ: вы ничего опредѣленнаго тамъ не найдете. 12-й символъ вѣры, произносимый каждымъ вѣрующимъ евреемъ ежедневно въ концѣ утренней молитвы, гласитъ: «Я вѣрю вполнѣ въ пришествіе Мессіи, и хотя онъ медлитъ, я все-таки каждодневно ожидаю его пришествія». Такова офиціальная формула одного изъ важнѣйшихъ догматовъ еврейскаго вѣроученія, и такъ какъ эта формула не даетъ никакихъ указаній насчетъ природы и задачи Мессіи, то воображенію каждаго представляется широкій просторъ — рисовать себѣ какіе угодно фантомы въ этой области неизвѣстнаго. И дѣйствительно, различныя религіозныя фракціи у евреевъ имѣютъ различныя представленія о Мессіи. Спрашивается, откуда же такая смутность понятій въ догматѣ, занимающемъ одно изъ первостепенныхъ мѣстъ въ еврейской религіозной системѣ?

Постараемся, на сколько возможно, разрѣшить этотъ вопросъ. Какъ извѣстно, идея мессіанизма не составляетъ *основнаго* догмата первоначальнаго еврейскаго вѣроученія; ни Моисеевъ законъ, ни Мишна не упоминаютъ о чемъ-нибудь подобномъ, даже въ позднѣйшей Гемарѣ одинъ авторитетный амораитъ осмѣливается утверждать, что «нѣтъ Мессіи у Израи-

ля» *, чего бы онъ не сдѣлалъ, еслибы вѣра въ Мессію сосоставляла обязательный догматъ. Первоначальныя представленія о Мессіи имѣли характеръ чисто-политическій и зародились впервые во время македонскаго ига **, но главный фазисъ ихъ развитія совпадаетъ со временемъ разрушенія Іерусалима Титомъ. Первымъ Мессіею былъ, спустя 60 лѣтъ послѣ взятія Іерусалима, бетарскій герой Баръ-Кохба, который за свою неудачу былъ прозванъ «Лжемессіею». Съ тѣхъ поръ мессіянская идея, продиктованная чувствомъ національнаго самосохраненія, все болѣе развивалась, усиливалась и достигала особенной интенсивности въ тяжелыя годины притѣсненій и преслѣдованій, которымъ безпрерывно подвергалась еврейская нація. Какъ дитя непосредственнаго народнаго чувства, мессіанская идея догматизировалась самымъ ходомъ вещей, по мѣрѣ того, какъ породившее ее чувство вошло въ плоть и кровь народа. Надежда, что нѣкогда еврейская нація, искупивъ свои грѣхи въ изгнаньи, пріобрѣтетъ опять свою политическую независимость въ обѣтованной землѣ — вотъ первоначальная и постоянная санкція еврейскаго мессіанизма. Народная фантазія облекала эту дорогую и священную для народа идею въ самыя разнообразныя формы. Въ различныя эпохи и подъ различными вліяніями создавались различныя представленія о Мессіи. И такъ какъ эта санкція (политическое возрожденіе), по самому характеру своему, можетъ быть только *временною* и *условною*, то она не могла создать *постояннаго* религіознаго догмата. Отсюда—крайняя смутность и неопредѣленность мессіянскихъ представленій.

Но, какъ ни разнообразны эти представленія, ихъ можно обобщить и свести къ двумъ главнымъ категоріямъ: въ одной преобладаетъ элементъ *реально-политическій*, въ другой—политическій идеалъ Мессіи затемняется мистическими представленіями, имѣющими очень много общаго съ христіанскими поня-

---

* *Санхедринъ 99а.*

** Ср. *Ренан.* Vie de Jesus. Ch. III—IV.

тіями объ Искупителѣ. Каббалистическія теоріи, на которыхъ такъ сильно отразилось вліяніе средневѣкового католическаго міровоззрѣнія, въ свою очередь сильно воздѣйствовали на мессіянскія представленія евреевъ, примѣшавъ къ реально-политическому идеалу Мессіи идеалъ мистическій, апокрифическій. Въ историческомъ отношеніи можно сказать, что реальныя представленія о Мессіи преобладали въ начальныхъ фазисахъ развитія мессіанизма въ эпоху близкую еще къ политической самостоятельности евреевъ, а мистическія — въ позднѣйшихъ, приблизительно начиная съ XIII вѣка, когда за дальностію времени понятія о самостоятельномъ политическомъ существованіи успѣли ужъ изгладиться изъ народнаго сознанія евреевъ и когда каббала впервые была насаждена на еврейской почвѣ и появился пресловутый «Зогаръ». Два характеристическихъ событія еврейской исторіи служатъ лучшимъ подтвержденіемъ сейчасъ высказанныхъ положеній.

Изъ всѣхъ еврейскихъ «Лжемессій» больше всего шуму надѣлали и лучше всего сохранились въ памяти народа два: первый, Баръ-Кохба, выступившій въ 30-хъ годахъ 2-го вѣка по Р. Х., и послѣдній, Саббатай Цеви, дѣйствовавшій во второй половинѣ 17-го вѣка. Промежуточные Мессіи почти совершенно позабыты. 15 вѣковъ легли между первымъ и послѣднимъ Мессіями—и какое поразительное различіе въ характерахъ и стремленіяхъ! Баръ-Кохба—отважный боецъ, геніальный военный вождь и смѣлый политическій агитаторъ, многократно поражавшій несмѣтныя войска римлянъ; Саббатай Цеви—хилый раввинъ-аскетъ, честолюбивый, но безсильный мистификаторъ, доказывающій свое мессіанское призваніе каббалистическими формулами и таинственными видѣніями. Баръ-Кохба исключительно стремится къ возстановленію политической независимости Іудеи и, наконецъ, умираетъ героемъ на полѣ битвы, продержавъ знамя возстанія противъ могучаго Рима цѣлыхъ три года; Саббатай дѣйствуетъ безсмысленными мистическими проповѣдями и, наконецъ, умираетъ смертью измѣнника и труса, сдавшагося на капитуляцію при первой

серьезной опасности. Словомъ, Баръ-Кохба — представитель древняго, здороваго и воинственнаго еврейства; Саббатай Цеви—представитель еврейства выродившагося, доведеннаго двухтысячелѣтними преслѣдованіями до какой-то умственной и нравственной атрофіи...

Здѣсь мы подходимъ къ поставленному нами выше вопросу, рѣшеніе котораго должно уяснить много темнаго и непонятнаго въ исторіи саббатіанскаго движенія. Мы должны разъяснить, какія историческія обстоятельства пріуготовили благопріятную почву для мессіанской пропаганды Саббатая Цеви. Если считать неоспоримымъ положеніе, что всякое народное движеніе не объясняется появленіемъ личности, ставшей во главѣ его, а внутренними причинами, заключающимися въ самомъ народѣ,—то къ этому положенію тѣмъ необходимѣе прибѣгнуть при объясненіи описываемыхъ нами событій. Ибо въ данномъ случаѣ никакъ нельзя объяснить народное движеніе личностью героя его, такъ какъ этотъ послѣдній былъ человѣкъ самый заурядный, не поднимавшійся надъ среднимъ уровнемъ, хотя онъ и корчилъ изъ себя необыкновеннаго человѣка.

Обзоръ замѣчательной эпохи, непосредственно предшествовавшей описываемому нами времени, выяснитъ *естественныя* причины народнаго движенія при Саббатаѣ Цеви, который самъ по себѣ былъ лишь простымъ орудіемъ историческаго фатума.

Самое ужасное для евреевъ время наступило въ концѣ XV вѣка. Въ 1480 году въ Испаніи и Португаліи, гдѣ былъ самый многочисленный и интеллектуальный контингентъ евреевъ, впервые задымились инквизиціонные костры. Въ 1492 г. всѣ евреи были изгнаны изъ Испаніи, а въ 1497 — изъ Португаліи. Изъ нѣкогда славной еврейско-испанской культуры не осталось и слѣда... Кровавыя преслѣдованія и избіенія въ эпоху крестовыхъ походовъ, всегда сопровождавшіяся массовыми истребленіями, средневѣковыя обвиненія и, наконецъ, инквизиція и окончательное изгнанье—все это обезсилило ев-

рейское племя, надломило народный организмъ. Когда дымъ инквизиціонныхъ костровъ чернымъ облакомъ носился надъ Европой, когда сотни тысячъ испанскихъ бѣглецовъ распространяли по всему міру потрясающіе разсказы обо всѣхъ ужасахъ, испытываемыхъ ихъ братьями въ католическихъ государствахъ,—отъ организма еврейскаго народа немыслимо было бы ожидать нормальныхъ отправленій... Ужасы настоящаго загоняли умъ и чувство народа въ область прошедшаго и будущаго. Несчастному еврею хотѣлось думать, что еще долго эти ужасы продолжаться не могутъ, ибо чаша страданій уже опорожнена имъ до дна; надежда на близкое возрожденіе зашевелилась въ его душѣ... И вотъ на сцену выступаютъ безпрерывныя мессіяническія увлечен я. XVI вѣкъ больше всѣхъ изобилуетъ этими увлеченіями, и въ еврейской исторіи онъ по справедливости могъ бы быть названъ «мессіяническимъ вѣкомъ».

Послѣ долгаго промежутка, мессіянскія стремленія впервые выступаютъ въ концѣ XV вѣка, вслѣдъ за изгнаніемъ евреевъ изъ Пиринейскаго полуострова. Пророкомъ и вдохновителемъ этихъ стремленій является глава изгнанныхъ евреевъ, знаменитый Исаакъ Абарбанель. Въ книгѣ своей «Maschmia Jeschua» (Вѣстникъ Избавленія) * онъ старается укрѣплять въ евреяхъ надежды на пришествіе Мессіи, увѣряя, что съ послѣдними бѣдствіями гнѣвъ божій смягчился и мессіянское время близко. Абарбанель даже опредѣляетъ годъ появленія Мессіи: по разнымъ вычисленіямъ, на основаніи намековъ въ книгѣ пророка Даніила, онъ находитъ, что Мессія долженъ придти въ 1503 году. Нечего говорить, какое громадное вліяніе имѣли слова этого величайшаго авторитета того времени на умы всѣхъ евреевъ.... И, какъ-бы въ исполненіе этого предсказанія, въ 1502 г. нѣмецкій еврей, Ашеръ Лемлинъ выступаетъ въ Венеціи и объявляетъ себя предтечею грядущаго Мессіи. Онъ возвѣщаетъ, что Мессія придетъ не позже конца

* Написана въ 1496 г.

1502 года и проповѣдуетъ необходимость приготовиться къ этому великому событію посредствомъ покаянія, поста, молитвъ и отрѣшенія отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ втеченіе полугода. Проповѣдь Лемлина имѣла громадный успѣхъ. Въ короткое время вокругъ мнимаго предтечи сгруппировалась огромная масса послѣдователей. Въ Италіи и Германіи евреи до того проникались проповѣдью Ашера Лемлина, что бросили всѣ свои дѣла и отдались исключительно дѣлу покаянія. Даже многіе христіане увлеклись энтузіазмомъ евреевъ и ждали отъ этой агитаціи чего-то необыкновеннаго... Но вскорѣ самозванный пророкъ какъ-то внезапно исчезъ и болѣе не появлялся. Разочарованіе было мучительное. Многіе приверженцы Лемлина изъ отчаянія приняли христіанство. 1502-й годъ получилъ у евреевъ характеристическое названіе: «годъ покаянія».

Это разочарованіе не могло, однако, лишить евреевъ надежды на пришествіе Мессіи, или даже ослабить эту надежду. Есть моменты, какъ въ жизни отдѣльныхъ личностей, такъ и въ жизни народовъ, когда самообманъ является единственнымъ якоремъ спасенія, когда самыя безумныя увлеченія диктуются всевластнымъ чувствомъ самосохраненія. Еврейство переживало тогда такой трагическій моментъ. Могло-ли оно хоть на минуту перестать надѣяться? Могло-ли оно, не имѣя ничего утѣшительнаго въ настоящемъ, оставить единственное свое утѣшеніе, единственную надежду на будущее?.. Вѣдь тогда остался-бы только одинъ исходъ — нирвана*... Чувство національнаго самосохраненія ужаснулось этой страшной пропасти— и увлекло еврейство въ противоположную сторону.

Въ 1522 году началось новое мессіянское движеніе, продолжавшееся около 10 лѣтъ. Случайнымъ виновникомъ этого движенія былъ Давидъ Реубени.

Давидъ Реубени пришелъ изъ далекаго Востока, изъ Хайбара (близъ Персіи) въ Египетъ. Здѣсь онъ выдавалъ себя за

---

* Терминъ древне-индійской пантіистической философіи, выражающій собою исчезновеніе во вселенной.

брата еврейскаго царя Іосифа, царствующаго будто-бы въ Хайбарѣ надъ десятью колѣнами израильскими *. Этотъ еврейскій царь и его 70 старѣйшинъ отрядили будто-бы его, Давида, въ Европу и поручили ему, въ качествѣ посланника отъ еврейскаго царя, явиться къ государямъ Европы и къ римскому папѣ и просить ихъ содѣйствія, въ затѣваемой еврейскимъ царемъ противъ Турціи войнѣ, предпринимаемой съ цѣлью стереть съ лица земли это государство, преграждающее евреямъ путь въ Палестину. Въ Египтѣ и въ Палестинѣ Реубени не имѣлъ успѣха, и онъ отправился въ Европу. Въ Италіи многіе евреи повѣрили его ловкимъ выдумкамъ, тѣмъ болѣе, что онъ выдавалъ себя не за Мессію, а за простого царскаго посланника. Слава его еще болѣе выросла, когда онъ дѣйствительно явился къ папѣ Клементію VII, заручившись предварительно необходимыми рекомендаціями. Добродушный папа принялъ Давида съ большими почестями, подобающими царскому посланнику. Эта благосклонность всесильнаго властелина католическаго міра къ Реубени была принята евреями какъ несомнѣнный признакъ великой миссіи этого «царскаго посла» и заставила увѣровать даже скептиковъ.

Просидѣвъ около года въ Римѣ, Давидъ Реубени отправился въ Португалію моремъ, на кораблѣ, на которомъ выставилъ выдуманный имъ національный еврейскій флагъ. Въ 1525 г. Давидъ прибылъ въ резиденцію португальскаго короля Іоанна III, Альмерейнъ, и былъ здѣсь также очень благосклонно принятъ королемъ и придворными.

Слухъ, что посланникъ отъ «еврейскаго царя» находится при дворѣ португальскаго короля, особенно взволновалъ марановъ, шедшихъ ежегодно тысячами на инквизиціонные ко-

* Давидъ Реубени воспользовался необыкновенно распространеннымъ въ то время (и до сихъ поръ еще сохранившимся) повѣрьемъ, что потомки 10 колѣнъ израилевыхъ, изгнанныхъ изъ Палестины Санахеримомъ, за нѣсколько столѣтій до Р. Х., основали самостоятельное царство въ отдаленномъ углу Азіи, но доступъ въ это счастливое еврейское царство заграждается рѣкою Самбатіонъ, выбрасывающей изъ себя огромные камни на большомъ разстояніи. См. ниже, гл. III въ посланіи лжепророка Натана Газатскаго.

стры. Миссію Реубени раздули въ нѣчто грандіозное; его начали считать еврейскимъ Мессіею... Изъ среды марранов въ это время выступилъ юноша, который сталъ на сторону Давида Реубени и далъ рѣзко мессіаническое направленіе агитаціи послѣдняго. Этотъ юноша былъ Соломонъ Молхо.

Сынъ маррана, перешедшій въ іудейство и подвергшійся тайно обряду обрѣзанія на 25-мъ году жизни, Соломонъ Молхо бѣжалъ изъ Испаніи въ Турцію, чтобы спастись отъ преслѣдованій инквизиціи. Онъ былъ необыкновенно возбужденъ слухами о близкомъ пришествіи Мессіи и часто подвергался галлюцинаціямъ; онъ былъ очень свѣдущъ въ каббалѣ и умѣлъ краснорѣчиво излагать свои мысли на латинскомъ, испанскомъ и еврейскомъ языкахъ. Въ Турціи Молхо открыто выступилъ въ качествѣ агента Давида Реубени, съ которымъ раньше познакомился въ Португаліи. Своими страстными проповѣдями онъ обращалъ на себя повсюду всеобщее вниманіе. Стройный, поразительной красоты 26-ти лѣтній юноша, ходилъ онъ изъ города въ городъ, проповѣдуя въ синагогахъ и на площадяхъ о томъ, что близко царство мессіанское. Въ Палестинѣ его рѣчи воспламеняли всѣ умы; евреи въ немъ самомъ начали видѣть своего Мессію. Въ 1529 году Молхо написалъ брошюру, въ которой, на основаніи каббалистическихъ выводовъ, предсказываетъ, что въ 1540-мъ году придетъ Мессія. Это предсказаніе вскружило голову всѣмъ евреямъ, которые повсюду готовились къ предстоящимъ чудеснымъ событіямъ.

Въ 1530 г. Молхо явился въ Римъ. Добившись доступа къ Клементу VII, онъ своимъ краснорѣчіемъ такъ очаровалъ папу и его кардиналовъ, что не только не былъ изгнанъ изъ Рима, какъ ренегатъ и еретикъ, но даже при папской куріи нашелъ убѣжище отъ преслѣдовавшей его тогда инквизиціи... Въ Римѣ Молхо не переставалъ проповѣдывать о возрожденіи Израиля; проповѣдывалъ онъ открыто на римскихъ площадяхъ, гдѣ вокругъ него стекалась громадная публика, и въ синагогахъ. Въ синагогальныхъ своихъ проповѣдяхъ Молхо прямо выставлялъ себя Мессіею... Цѣлый годъ прожилъ Молхо въ

Римѣ, но наконецъ не усидѣлъ и, не смотря на угрожавшую ему опасность — попасть въ лапы инквизиціи, выѣхалъ изъ Рима въ 1531 г. съ цѣлью агитировать въ другихъ городахъ Европы по начатому имъ дѣлу. Повсюду разсылалъ онъ письма къ евреямъ о близости пришествія Мессіи... Мессіанское движеніе росло съ каждымъ днемъ.

Въ это время Молхо опять соединился съ Давидомъ Реубени для общей агитаціи. Они рѣшились сначала отправиться къ Карлу V, чтобы склонить этого могущественнаго монарха идти войною на Турцію и освободить Палестину для евреевъ. Конечно, только совершенное незнаніе характера Карла V могло внушить имъ такое безумное рѣшеніе. Съ тріумфомъ прибыли Молхо и Реубени въ Регенсбургъ, гдѣ тогда жилъ императоръ, и были допущены на аудіенцію. Они изложили ему свои планы, и, какъ гласитъ преданіе, Соломонъ Молхо осмѣлился даже предложить императору — принять іудейство... Вмѣсто всякаго отвѣта, разгнѣванный властелинъ приказалъ заковать обоихъ въ цѣпи и отвести въ Мантую, гдѣ тогда находилось инквизиціонное судилище. По декрету послѣдняго, Молхо былъ сожженъ на кострѣ (въ 1532 г.). Давидъ Реубени нѣсколько лѣтъ томился въ одной ихъ испанскихъ инквизиціонныхъ тюремъ и наконецъ умеръ (около 1535 г.).

Тѣмъ кончилось движеніе, вызванное Давидомъ Реубени и Соломономъ Молхо (1522—1532).

Съ этого времени надолго умолкаетъ мессіянская агитація, но это только съ виду. Внутри народа идетъ дѣятельная работа мысли, отличающейся крайне мистическимъ характеромъ; мессіянская идея составляетъ зерно этой системы, главными представителями которой были въ XVI вѣкѣ Исаакъ Лурье и ученикъ его Хаимъ Виталь. Эти два человѣка, имена которыхъ ни одинъ современный хасидъ не произнесетъ безъ глубочайшаго благоговѣнія, довели религіозный мистицизмъ до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости... Саббатай-Цеви сдѣлался, спустя 80 лѣтъ послѣ смерти Лурье, самымъ ревностнымъ адептомъ его мистической системы; искаженныя понятія этой си-

стемы о Мессіи составляли для Саббатая непреложныя истины... Сущность этихъ каббалистико-мессіаническихъ ученій мы изложимъ дальше, когда дойдемъ до изложенія теоретическихъ принциповъ Саббатая Цеви и его послѣдователей. Здѣсь же, чтобы не растянуть слишкомъ введенія къ нашему очерку, мы должны предполагать, что читателямъ извѣстны многія стороны дѣятельности этихъ отцовъ хасидизма, Лурье и Виталя, такъ много напакостившихъ юдаизму, что недаромъ оставили по себѣ долговѣчную память въ еврейскомъ народѣ.

Въ первой половинѣ XVII вѣка мессіаническая пропаганда опять дѣлается злобой дня. Даже наиболѣе трезвые еврейскіе умы и многіе ученые христіане увлекаются этимъ мессіянскимъ повѣтріемъ. Извѣстный Манассе-бенъ-Израиль, великій ученый, горячій еврейскій патріотъ и—на бѣду—каббалистъ, въ своемъ «адресѣ» къ Кромвелю (1654 г.), гдѣ онъ проситъ о разрѣшеніи евреямъ жить въ Англіи,—выставляетъ на видъ то обстоятельство, что евреи воспользуются этимъ разрѣшеніемъ лишь для самаго кратковременнаго пребыванія на англійской территоріи. Вотъ что онъ говоритъ: «...Мнѣніе многихъ христіанъ и мое собственное мнѣніе сходятся въ томъ, что составляетъ предметъ вѣры для насъ всѣхъ, а именно въ томъ, что время возвращенія нашего народа въ свою родную землю очень близко» *... Въ своей знаменитой книгѣ «Надежда Израиля» (Mikwe Israel), Манассе, какъ нѣкогда Абарбанель, старается поднимать упавшій народный духъ и ободряетъ своихъ единовѣрцевъ надеждой на близкое пришествіе Мессіи. Многіе христіане писали тогда о близкомъ возрожденіи еврейскаго народа. Особенно замѣчательны книги двухъ ученыхъ христіанъ, друзей Манассе-бенъ-Израиля: голландца Генриха Іессе: «О близкой славѣ Іегуды и Израиля» и книга богемскаго доктора медицины и алхимика, Паулуса Фельгенгауера, озаглавленная «Bonum Nuncium Israeli» (добрая вѣсть Израилю) **. Въ книгѣ Фельгенгауера евреямъ предвѣщается

* *Grätz*, X, 117 etc; Ibid. *Note 3*, p. XXX.

** Напечат. въ Амстердамѣ, въ 1655 г.

близкое пришествіе Мессіи и возрожденіе. Несомнѣнные признаки мессіанскаго времени авторъ видитъ въ необыкновенныхъ событіяхъ, волновавшихъ тогда европейскій міръ, какъ тридцатилѣтняя война, англійская революція 1649 г., ужасное избіеніе евреевъ въ Польшѣ казаками, частое появленіе кометъ etc. Книгу свою Фельгенгауеръ посвящаетъ другу своему Менассе-бенъ-Израилю, который въ своемъ отвѣтѣ выражаетъ твердую свою увѣренность въ скоромъ осуществленіи всѣхъ этихъ предсказаній.

Что особенно располагало многихъ христіанъ къ этимъ мессіянскимъ бѣднякамъ, это—приближеніе апокалиптическаго 1666 года, долженствующаго (по заключеніямъ изъ пророчества Даніила и апокалипсиса Іоанна) ознаменовать собою наступленіе «Пятой Монархіи» и переходъ власти Христовой въ руки Святыхъ *. Въ это время появлялось много книгъ и ходило множество устныхъ толковъ о томъ, что въ 1666 году Христосъ снова снизойдетъ на землю и передастъ власть свою «Святымъ»; евреи также будутъ возвращены изъ изгнанія въ обѣтованную землю и, убѣдившись въ божественности и величіи Христа, пристанутъ къ христіанамъ и сольются съ ними, какъ братья, въ одной вѣрѣ; по другимъ предсказаніямъ, для евреевъ придетъ отдѣльный Мессія, у котораго будетъ полное согласіе съ Мессіею христіанскимъ **.

Евреевъ же въ это время волновали не эти апокалиптическія предсказанія, а нѣчто для нихъ болѣе авторитетное. Священная книга «Зогаръ», на основаніи разныхъ каббалистическихъ комбинацій, назначила сроки пришествія Мессіи на 1648 годъ. Съ напряженіемъ и радостнымъ волненіемъ ждали евреи этого года; многіе даже бросали свои дѣла.

А между тѣмъ въ событіяхъ, способныхъ электризовать это напряженное народное настроеніе, недостатка не было. Страшная рѣзня евреевъ въ 1648—49 годахъ въ Польшѣ, бѣдствія

---

* *Даніилъ*, VII, 18; Апокалипсисъ *Іоанна*, гл. 20 и 21.

** Любопытныя подробности объ этомъ см. *Grätz*, X, 89 etc.

евреевъ во время тридцатилѣтней войны, частыя и кровавыя ауто-да-фе, устраивавшіяся въ Испаніи королемъ Филиппомъ IV, —все это располагало къ самой горячей, безумной вѣрѣ въ близость мессіянской эпохи.

Въ это время всеобщихъ напряженныхъ ожиданій, въ малоазійскомъ городѣ Смирнѣ явился человѣкъ, который выдавалъ себя за Мессію. Этого человѣка звали Саббатаемъ Цеви.

II.

Въ Смирнѣ жилъ бѣдный испанскій еврей Мордохай Цеви. У него было три сына, изъ которыхъ младшаго звали Саббатаемъ.

Саббатай Цеви родился 9-го аба 1626 года, въ Смирнѣ *. Воспитаніе онъ получилъ строго традиціонное. Съ раннихъ лѣтъ началъ онъ изучать Талмудъ въ школѣ смирненскаго раввина, великаго талмудиста, Іосифа Искафы. Здѣсь же мальчику сообщались первоначальныя свѣдѣнія по каббалѣ, которая въ то время была въ такой большой модѣ, что сдѣлалась однимъ изъ элементовъ школьнаго воспитанія. Мечтательный отъ природы и склонный къ религіозному экстазу, Саббатай не обнаружилъ особеннаго расположенія къ сухой казуистикѣ Талмуда и раввинской литературы; зато съ необыкновеннымъ жаромъ предался онъ изученію каббалы и чтенію мистическихъ книгъ, наводнившихъ въ то время еврейскую литературу. Шестнадцати лѣтъ онъ оставилъ талмудическую школу

* Совпаденіе дня рожденія Саббатая съ днемъ великаго поста по поводу разрушенія Іерусалима, послужило основаніемъ легенды о чудесахъ, сопровождавшихъ это рожденіе и какъ-бы предвѣщавшихъ необыкновенную будущность, ждущую ребенка. Историческая критика, конечно, отвергла эти нелѣпые разсказы, и новѣйшіе біографы даже не упоминаютъ объ этой легендѣ. Намъ кажется, что совершенное игнорированіе этого преданія несправедливо. Отбрасывая фантастическую часть его, нельзя не признать достовѣрными самый фактъ, что упомянутое совпаденіе произвело глубокое впечатлѣніе на суевѣрную среду, окружавшую Саббатая, и предрасположило ее ожидать отъ него чего-то необыкновеннаго. Намъ лично извѣстенъ случай, имѣвшій мѣсто въ одномъ провинціальномъ городѣ лѣтъ 10 тому, когда рожденіе мальчика въ день 9-го аба породило массу нелѣпыхъ толковъ о его мессіанскомъ назначеніи...

Искафы и сталъ заниматься самъ, безъ руководства учителя. Дни и ночи просиживалъ юноша за каббалистическими книгами въ уединенной комнатѣ въ домѣ родителей. Онъ усвоилъ себѣ весь «Зогаръ», эту библію мистицизма, и безсчисленные къ нему комментаріи; особенное впечатлѣніе произвела на него каббалистическая система Исаака Лурье, отца *практической каббалы* или хасидизма. Луріанская система полагаетъ всю вѣру, всю религіозную жизнь человѣка въ аскетизмѣ, молитвѣ и постахъ, въ совершеніи безсчисленныхъ мистическихъ обрядовъ и омовеній, вызывающихъ религіозную экзальтацію. Идеаломъ жизни книжнаго человѣка эта система считаетъ исключительное посвященіе себя такой жизни. Саббатай вполнѣ слѣдовалъ этому идеалу. Часто подвергалъ онъ себя бичеваніямъ, дабы умерщвленіемъ плоти достигнуть требуемой степени экзальтаціи, когда становится возможнымъ полное духовное общеніе человѣка съ таинственнымъ міромъ духовъ... По обычаю, Саббатая женили на 18-мъ году. Но юный аскетъ, такъ упорно избѣгалъ всякаго сближенія съ своей супругой, что родственники послѣдней заставили его дать ей законный разводъ, что онъ охотно и сдѣлалъ. Былъ ли этотъ странный поступокъ слѣдствіемъ стремленія къ эксцентричности, или аскетическая жизнь дѣйствительно способствовала позднему развитію въ немъ инстинкта, такъ рано и интенсивно проявляющагося въ жителяхъ Азіи—трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ, поступокъ этотъ обратилъ на Саббатая вниманіе окружающихъ... Та-же исторія повторилась и послѣ втораго брака Саббатая.

Отшельническій образъ жизни Саббатая пріобрѣлъ ему славу каббалиста между его смирненскими единовѣрцами. Полное пониманіе «Зогара» даже въ то каббалистическое время считалось доступнымъ только одареннымъ свыше. Около Саббатая толпились его любознательные сверстники, которыхъ онъ посвящалъ въ тайны каббалы. Двадцати лѣтъ онъ уже былъ главою одного небольшого кружка молодыхъ людей. Часто выходилъ онъ съ ними за городъ, въ чистое поле, и здѣсь ра-

скрывалъ онъ имъ тайны неизвѣстнаго міра, тайны незримыхъ духовъ, переполняющихъ собою всю земную атмосферу и видимыхъ только глазу, вооруженному всѣми снарядами каббалы; говорилъ онъ имъ здѣсь о мистическихъ соотношеніяхъ между душами, о переселеніи душъ, о злыхъ духахъ, часто вселяющихся въ людей и о способахъ ихъ изгнанія, о Мессіи и будущей жизни,—словомъ раскрывалъ имъ всѣ тайны Луріянской каббалы. Красивая фигура Саббатая, его симпатичный мелодическій голосъ, наконецъ энтузіазмъ, съ которымъ онъ говорилъ о такихъ вещахъ—все это очаровывало его слушателей и внушало имъ уваженіе къ юному проповѣднику, проникшему въ тайны божества. Часто пѣлъ онъ передъ ними религіозные гимны Лурьевскаго сочиненія, — и таинственная чудная мелодія ихъ покоряла сердца. Саббатай не могъ не замѣтить вліянія, производимаго имъ на окружающихъ, и оно льстило его самолюбію, внушая ему преувеличенныя понятія о его силахъ.

Нѣкоторыя случайныя внѣшнія обстоятельства явились какъ-бы для того, чтобы дать извѣстное направленіе смутнымъ стремленіямъ, волновавшимъ душу молодого каббалиста. Смирна съ начала XVII столѣтія изъ незначительнаго порта превратилась въ крупный промышленный центръ, гдѣ сосредоточились главныя торговыя сношенія между Европой и Азіей. Случилось это по поводу войны, возникшей въ то время (послѣ смерти султана Мурада IV) между Турціей и Венеціянской республикой. Военное положеніе Константинополя заставило европейскихъ купцовъ перевести свои торговыя фирмы изъ турецкой столицы въ Смирну. Торговля въ Смирнѣ оживилась; ожили и евреи смирненскіе. Евреи, всегда проявлявшіе свои рѣдкіе способности въ роли торговыхъ агентовъ и посредниковъ, сдѣлались вскорѣ и здѣсь душою торговли. Всѣ торговыя обороты велись при ихъ посредствѣ. Многіе въ короткое время наживали большія состоянія. Отецъ Саббатая, Мордохай Цеви, также увидѣлъ лучшіе дни. Онъ сдѣлался агентомъ одного большого англійскаго торговаго дома, велъ свое дѣло

добросовѣстно и сколотилъ капиталецъ. Простоватый отецъ приписывалъ такъ неожиданно повалившееся къ нему счастье исключительно благочестію своего сына Саббатая и заслугамъ его передъ Богомъ. Родители поэтому прониклись къ нему уваженіемъ и принялись разглашать о его святомъ образѣ жизни.

Мы уже говорили выше о напряженномъ настроеніи, въ которомъ находились евреи передъ 1648 годомъ, также о волненіи въ христіанскомъ мірѣ по поводу приближенія апокалиптическаго 1666 года. Въ англійскомъ торговомъ домѣ, гдѣ работалъ Мордохай Цеви, послѣднему приходилось частенько слушать оживленные толки о «Пятой Монархіи», о «тысячелѣтнемъ царствѣ» и о вторичномъ пришествіи на землю Христа, которое должно сопровождаться возвращеніемъ евреевъ въ Палестину.

Эти новости дня Мордохай сообщалъ и своимъ домочадцамъ. Никого изъ нихъ эти толки такъ не волновали, какъ Саббатая. Съ страстнымъ любопытствомъ прислушивался онъ къ этимъ таинственнымъ толкамъ, обдумывалъ и взвѣшивалъ все слышанное въ тиши своего уединенія и все болѣе проникался мыслью, что все это—безсомнѣнные предвѣстники наступающаго мессіянскаго времени. Давно уже, среди туманныхъ мистическихъ образовъ, экзальтированное воображеніе юноши бродило около этихъ чудныхъ идеаловъ времени возрожденія Израиля, давно уже велъ онъ тотъ строго-аскетическій образъ жизни, который, по увѣренію Лурье, можетъ возвысить человѣка до великой роли Мессіи... И въ умѣ молодого мистика зароились разные мысли и планы. Онъ такъ много думалъ о Мессіи, такъ часто изливался въ горючихъ слезахъ, читая молитвы о возрожденіи «опустѣвшаго Сіона», такъ упорно удалялся отъ всѣхъ жизненныхъ интересовъ, отдаваясь власти этой *одной* страстной думы, что онъ скоро какъ-бы сросся съ этой идеей. Онъ сталъ воображать себя какъ-бы средоточіемъ этихъ грандіозныхъ событій, волнующихъ всѣ умы и предчувствуемыхъ даже непосвященными; все болѣе сходя съ

почвы дѣйствительности на фантастическую, Саббатаю начало казаться, что все это броженіе происходитъ не только *вокругъ* него, но и *ради* него, что ему, Саббатаю, суждено быть виновникомъ готовящихся міровыхъ переворотовъ... И въ самомъ дѣлѣ, кому болѣе приличествуетъ такая великая роль, чѣмъ ему, проникшему въ глубь каббалы и выработавшему въ себѣ идеалъ Мессіи, по рецепту Исаака Лурье? Крайне ограниченный кругозоръ, честолюбіе и стремленіе къ необыкновенному— все это способствовало такому дерзкому самомнѣнію...

Саббатай Цеви не принадлежитъ къ числу натуръ активныхъ, которыхъ жажда *дѣла* подвигаетъ на все, которые чувствуютъ въ себѣ необычайную, всесокрушающую силу воли, и безстрашно идутъ на проломъ, потому что «руки чешутся». Это скорѣе—натура пассивная, которая не въ силахъ совладать съ поражающими ее внѣшними впечатлѣніями; интенсивность внутренняго убѣжденія у такихъ натуръ несоразмѣрна съ количествомъ активной силы, сила побужденія не пропорціональна силѣ и способности выполненія. Это особенно замѣчается у людей, доводящихъ себя искусственно до чрезвычайной экзальтаціи, ибо внутреннюю побудительную силу они неестественно напрягаютъ и увеличиваютъ, между тѣмъ какъ силу экзекутивную они не только не увеличиваютъ, но даже ослабляютъ ненормальною жизнью. Саббатай Цеви—это экзальтированный мистикъ, слѣпо вѣрившій въ мистико-мессіянскія формулы, которыя онъ считалъ осуществленными въ себѣ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ «смиренныхъ смѣльчаковъ» (какъ выражается Грецъ), которые мнятъ себя призванными перестраивать все міровое зданіе по теоріямъ, созданнымъ ими въ мирномъ уединеніи, и которымъ это нерѣдко удается, если къ тому встрѣчаются благопріятныя обстоятельства. Исторіи религій знакомы такіе примѣры...

Сущность новѣйшей каббалы состоитъ въ мистическомъ отвлеченіи мессіянской идеи. Пришествіе Мессіи, согласно Луріанской системѣ, имѣетъ цѣлью не только политическое, но

и духовное возрожденіе Израиля. Каббала учитъ, что послѣ грѣхопаденія къ чисто-божественнымъ элементамъ души (nizuzot) примѣшались элементы не чистые, демоническія (kelipot), и даже само божество представляетъ собою нѣчто хаотическое, несовершенное... Эта ненормальность продолжится пока наступитъ моментъ выдѣленія божественныхъ элементовъ души изъ примѣшанныхъ къ нимъ демоническихъ, послѣ чего и будетъ реставрировано само божество. Когда это «выдѣленіе» будетъ всеобщее (каббалисты и аскеты могутъ добиться и этого очищенія души путемъ отрѣшенія отъ плоти и экзальтаціи), тогда наступитъ новый міровой порядокъ (olam ha'tikun). Кульминаціоннымъ пунктомъ этого возрожденія будетъ пришествіе Мессіи, т. е. человѣка, который вслѣдствіе продолжительнаго мистическаго упражненія выработалъ въ себѣ самую чистую, божественную душу...

До мозга костей проникнутый этимъ каббалистическимъ ученіемъ, руководствуясь имъ на практикѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, Саббатай возомнилъ, что онъ уже достигъ полнаго духовнаго очищенія и выработалъ въ себѣ требуемый идеалъ Мессіи. Недостаетъ только практическаго осуществленія предназначенной ему великой миссіи. А между тѣмъ все во внѣшнемъ мірѣ такъ и взывало: наступило царство мессіянское! И Саббатай приступилъ къ дѣлу.

Онъ рѣшился ковать желѣзо, пока горячо. Въ 1648 году, когда евреи съ лихорадочнымъ напряженіемъ ожидали мессіянскаго года (см. выше, гл. I), Саббатай впервые открылся. Онъ сталъ заявлять своимъ ученикамъ, что къ нему по ночамъ являются видѣнія, слышатся таинственные голоса, которые возвѣщаютъ ему о его мессіянскомъ призваніи и велятъ вѣщать о томъ Израилю. Чтобы демонстрировать свою миссію смиренскимъ евреямъ, Саббатай выбралъ довольно оригинальное средство. Отправляя однажды богослуженіе въ синагогѣ, онъ умышленно произнесъ полное, четырехбуквенное названіе Бога (tetragrammaton—יהוה), что строго возбраняется тал-

мудомъ и каббалою *. Учиняя этотъ подвигъ, Саббатай хотѣлъ показать, что Мессія уже пришелъ и это запрещеніе, eo ipso, теряетъ свою силу.

Такое открытое «богохульство» возмутило людей благочестивыхъ. Раввины Смирны, во главѣ которыхъ стоялъ бывшій учитель Саббатая, престарѣлый Іосифъ Искафа, послали къ нему на квартиру двухъ раввинскихъ помощниковъ съ требованіемъ — публично отречься отъ своихъ святотатственныхъ словъ. Но Саббатай возразилъ, что никакого онъ богохульства не учинилъ, произнося запрещенную формулу, такъ какъ запрещеніе теряетъ силу съ пришествіемъ Мессіи, а Мессія уже явился въ его, Саббатая, лицѣ. Тогда раввины, опасаясь серьезныхъ послѣдствій отъ его пропаганды, предали синагогальному отлученію его и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ. Больше того, они объявили, что преступленіе Саббатая (произнесеніе запрещенной формулы) должно, согласно талмуду, наказываться смертью; но этого законнаго приговора не могли привести въ исполненіе, боясь турецкой администраціи. Тайнымъ же образомъ они совѣтовали его убить. Замѣтивъ, что ему здѣсь грозитъ опасность, Саббатай, съ нѣкоторыми своими учениками-единомышленниками, оставилъ Смирну и удалился въ Константинополь (1651 г).

Раввины думали, что уничтожили зло въ самомъ зародышѣ, когда выжили Саббатая изъ Смирны. Но Саббатай и не думалъ унывать. Преслѣдованія не только не ослабили, но много усилили его самоувѣренность, внушили ему чувство собственнаго достоинства. Идея *страждущаго* Мессіи была сильно развита среди евреевъ, особенно каббалистовъ. ученія которыхъ

---

* По талмуду буквальное произнесеніе этого имени («Іегова») искони запрещалось и, при существованіи храма, разрѣшалось только разъ въ году первосвященнику (въ день Всепрощенія). Всегда же слѣдуетъ произносить это слово—*Адонай*. Буквальное произнесеніе опять будетъ разрѣшено лишь по пришествіи Мессіи. По символическому толкованію каббалы, это объясняется тѣмъ, что реставрація настоящаго имени Бога можетъ послѣдовать только тогда, когда будутъ реставрированы разстроенные элементы самого божества, т. е. по пришествіи Мессіи (см. выше).

въ значительной степени подверглись вліянію христіанской догматики. Эти преслѣдованія, думалось Саббатаю, должны составить неизбѣжный фазисъ въ его мессіянской карьерѣ; они служатъ признакомъ подлинности его назначенія. Ученики Саббатая, во главѣ которыхъ стоялъ Моисей Пинейро, человѣкъ извѣстный своей каббалистической ученостью и который по возрасту годился бы въ отцы Саббатаю,—вѣрили въ Саббатая искренне и ждали отъ него великихъ дѣлъ. Въ столицѣ Турціи Саббатай жилъ довольно комфортно. Богатство отца давало ему возможность жить матеріально совершенно независимо, и ему не приходилось унижать свое достоинство попрошайничаньемъ и зависимостью отъ сильныхъ, что было бы гибельно для его дѣла и подорвало бы всякое къ нему довѣріе.

Въ Константинополѣ была въ то время самая многочисленная, послѣ амстердамской, еврейская община. Почти вся она состояла изъ потомковъ испанскихъ евреевъ, спасшихся въ Константинополь послѣ изгнанія евреевъ изъ Испаніи (1492). Эта община представляла разнокалиберный сбродъ раввинистовъ, каббалистовъ, ловкихъ гешефтмахеровъ, ханжей и цадиковъ-чудодѣевъ *. Преобладающимъ элементомъ были каббалисты. Въ такой темной средѣ Саббатаю не особенно трудно было отыскать приверженцевъ. Но онъ, съ свойственной ему робостью, сначала держался въ тѣни, воздерживался отъ всякой пропаганды, выжидая удобнаго случая. Такой случай вскорѣ ему представился.

Въ Константинополѣ Саббатай познакомился съ однимъ еврейскимъ проповѣдникомъ, Авраамомъ Яхини, пользовавшимся въ обществѣ славой ученаго и писателя. Это былъ чудакъ-авантюристъ, настоящій pauvre diable; жилъ, какъ «божій человѣкъ», подачками, умѣлъ подлизываться къ каждому и въ средствахъ былъ крайне неразборчивъ. Онъ занимался собираніемъ древнихъ рукописей и памятниковъ, которые продавалъ любителямъ древностей, причемъ не пренебрегалъ под-

* О евреяхъ въ Турціи см. подр. *Grätz*, Geschichte B. IX, Cap. 9—11.

дѣлками и часто выдавалъ свои собственныя издѣлія за искомую археологическую рѣдкость. Въ народѣ Яхини пользовался популярностью какъ проповѣдникъ-экзегетъ. Сблизившись съ Саббатаемъ Цеви и выпытавъ у него о его завѣтныхъ мессіянскихъ стремленіяхъ, Яхини вздумалъ разыгрывать роль апокрифическаго пророка Мессіи и убѣдить самого Саббатая въ дѣйствительности его миссіи. Онъ открылъ Саббатаю, что и ему, Яхини, часто являются видѣнія, предвѣщающія близость мессіянской эпохи, и однажды доставилъ Саббатаю древнюю, писанную на пергаментѣ, рукопись, которую будто бы нашелъ въ одной пещерѣ. Въ этомъ манускриптѣ, среди прочей мистической болтовни, двусмысленныхъ и непонятныхъ выраженій, говорилось: «Я, Авраамъ, сидѣлъ 40 лѣтъ въ пещерѣ и дивился, что еще не настало время чудесъ... Тогда раздался таинственный гласъ: «Вотъ родится сынъ у Мордохая Цеви, въ лѣто отъ сотворенія міра 5386-е (1626) и будетъ нареченъ Саббатаемъ. Онъ силою укротитъ ужаснаго крокодила. Онъ—истинный Мессія, царствіе его во вѣки вѣковъ, и нѣтъ избавителя кромѣ него. Встань на ноги твои и внемли!.. И я дивлюся сему великому зрѣлищу... и напала на меня дремота. И узрѣлъ я человѣка на вершинѣ горы... и услышалъ: «Сынъ мой, я тебѣ открываю то, чего не знаютъ и ангелы небесные. Запиши на память все, что видишь, и спрячь писанное въ глиняный сосудъ, дабы хранилось это долгое время... Въ это время Израиль долго будетъ служить ложнымъ богамъ; и, когда *онъ* (Мессія) придетъ, возстанутъ на него нечестивые, сатана и вся армія его: то будутъ главы и мудрецы вѣка; но онъ совершитъ чудесныя и страшныя дѣла и пожертвуетъ собою во имя Божіе». Эта таинственная рукопись произвела на Саббатая потрясающее впечатлѣніе. Въ ней каббалистически и намеками на разныя слова и буквы Писанія доказывалось его мессіянское назначеніе! Наконецъ — эти страшныя зрѣлища въ пещерѣ... Саббатай не допускалъ и мысли, что рукопись могла быть подложная. Во-первыхъ, онъ *хотѣлъ* вѣрить тому, что въ ней сказано; кромѣ того, самый

подлогъ сдѣланъ чрезвычайно искусною рукою. Эта маленькая рукопись сдѣлалась впослѣдствіи источникомъ безчисленныхъ мистификацій въ рукахъ саббатіанцевъ.

Не смотря на все это, Саббатай не рѣшился еще открыто дѣйствовать въ такомъ крупномъ политическомъ центрѣ, какъ Константинополь, подъ носомъ у турецкаго правительства. Онъ удалился въ Салоники, городъ, издавна славившійся своими каббалистическими школами. Здѣсь онъ началъ свою пропаганду. Слишкомъ мало геройской отваги и трезвости взгляда было у него, чтобы вести агитацію политическую; но у него хватало мужества заявлять о себѣ разными мистическими выходками, разными каббалистическими вольностями и символическими обрядами, служащими, по общему повѣрью, признаками мессіянской эпохи. Саббатай опять сталъ выговаривать при богослуженіи запрещенное названіе Бога. Однажды призвалъ онъ всѣхъ своихъ послѣдователей, устроилъ торжественный праздникъ и велѣлъ принести свитокъ Торы, который держалъ на рукахъ; по каббалистической символистикѣ, это означало, что Тора, дщерь Бога, выходитъ замужъ за Мессію, сына Божія. Отпраздновавъ свою мистическую свадьбу съ Торой, Саббатай продолжалъ свои странности и вербовалъ себѣ послѣдователей среди темныхъ салоникскихъ евреевъ. Но салоникскіе раввины, возмущенные этимъ богохульствомъ и узнавъ, что Саббатай уже отлученъ отъ синагоги въ Смирнѣ, приказали ему убраться немедленно изъ города. Саббатай счелъ нужнымъ поскорѣе отретироваться и, оставивъ тайно Салоники, отправился въ Морею, гдѣ на нѣкоторое время нашелъ убѣжище у своихъ родственниковъ. Отсюда онъ отправился въ Аѳины, гдѣ была тогда небольшая еврейская община, но встрѣченный враждебно, какъ отлученный отъ синагоги, покинулъ Аѳины и удалился въ столицу Египта, Каиръ.

Здѣсь счастье начало улыбаться ему. Въ Каирѣ жилъ тогда богатый и высокопоставленный еврей Рафаилъ Іосифъ Хелеби, сборщикъ акциза и начальникъ монетнаго двора въ Египтѣ. Какъ человѣкъ офиціальный, Хелеби носилъ почетный ти-

тулъ Сарафа-баши. Хелеби славился своей необыкновенной благотворительностью и щедростью. Не смотря на свое высокое положеніе при египетскомъ дворѣ, Хелеби былъ человѣкъ строго ортодоксальный, нѣсколько суевѣрный и съ сильной мистической закваской. Онъ часто проводилъ дни въ посту и молитвѣ; подъ своимъ роскошнымъ чиновничьимъ мундиромъ онъ носилъ рубище, въ знакъ траура по священной землѣ, подвергая себя синагогальнымъ бичеваніямъ для очищенія души,—словомъ, велъ себя совершенно по мистическому рецепту, предписанному Лурье, Виталемъ и братіей. Духовникомъ у него былъ Самуилъ Виталь, сынъ извѣстнаго каббалиста. Двери его дома были гостепріимно раскрыты всѣмъ; за его столомъ обѣдало ежедневно 50 талмудистовъ и каббалистовъ, которыхъ онъ совершенно обезпечилъ, дабы они могли посвящать себя исключительно «ученію». Быть въ Каирѣ и не побывать въ домѣ Хелеби—для сколько нибудь свѣдущаго каббалиста было просто немыслимо. Попалъ въ домъ этого мецената и Саббатай Цеви, который нашелъ здѣсь самый радушный пріемъ со стороны хозяина и всей его ученой свиты. Познакомившись ближе съ Хелеби, Саббатай сталъ посвящать его мало по малу въ свои мессіянскіе планы, зная какъ выгодно имѣть на своей сторонѣ такого вліятельнаго попопулярнаго человѣка,—и, разумѣется, встрѣтилъ со стороны легковѣрнаго Хелеби только сочувствіе и поощреніе.

Это было въ 1663 году. До апокалиптико-мессіянскаго 1666 года, котораго ожидали съ одинаковымъ напряженіемъ какъ евреи, такъ и христіане, осталось всего три года. Надо было энергичнѣе повести дѣло. Саббатай теперь уже былъ не юношей, а зрѣлымъ 37-лѣтнимъ мужемъ, искушеннымъ долголѣтнимъ опытомъ и порядочно поскитавшимся по бѣлу свѣту. Онъ уже успѣлъ войти въ свою роль и изучить ее до мелкихъ подробностей. Теперь онъ рѣшился пользоваться всякими средствами для скорѣйшаго достиженія своей цѣли. Въ 1663 году онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ.

Іерусалимская еврейская община находилась всегда (какъ

и въ наши дни) въ самомъ жалкомъ положеніи, нравственномъ и матеріальномъ. Іерусалимъ былъ центромъ невѣжества, фанатизма и ханжества; каббалистическая эпидемія тамъ свирѣпствовала болѣе чѣмъ гдѣ либо. Живя дармоѣдами насчетъ пожертвованій европейскихъ евреевъ, іерусалимскіе евреи выдѣляли изъ себя самые безнравственные элементы. Саббатай Цеви не замедлилъ поудить рыбу въ этой мутной водѣ. Для этого онъ пользовался своими обыкновенными способами — заявлять о себѣ предварительно, какъ о святомъ и чудодѣѣ. Все время свое проводилъ онъ въ уединеніи, изучая каббалу и посвящая въ ея тайны желающихъ; часто проводилъ онъ цѣлыя ночи на священныхъ гробницахъ; среди глубокой ночной тишины, на этихъ развалинахъ раздавались его молитвы, сопровождавшіяся страшными рыданіями. Часто пѣлъ онъ передъ своими слушателями псалмы и священные гимны Лурье, иногда говорилъ совершенно непонятныя вещи, что заставляло слушателей считать это тайнами тайнъ, недоступными пониманію смертнаго. Этими странностями онъ увлекалъ за собою толпу и вербовалъ приверженцевъ. Ходя по улицѣ, онъ раздавалъ маленькимъ дѣтямъ лакомства, зная, что за дѣтьми побѣгутъ за нимъ и матери.

Случай далъ Саббатаю возможность нѣсколько популярничать. Въ Іерусалимѣ евреи въ то время ужасно бѣдствовали. Ежегодный сборъ пожертвованій въ Европѣ былъ тогда сравнительно ничтожный для іерусалимцевъ, такъ какъ большая часть собранныхъ денегъ пошла въ пользу польскихъ евреевъ, раззоренныхъ только-что дикою ордою Хмѣльницкаго. Все способное къ работѣ и сколько нибудь честное покинуло Іерусалимъ; остались завзятые лѣнтяи и дармоѣды. Вотъ этотъ-то жалкій сбродъ необыкновенно обрадовался пріѣзду Саббатая Цеви. Замѣтивъ его святой образъ жизни и наслышавшись о его необычайной учености и смѣлыхъ притязаніяхъ, также о знакомствѣ его съ вліятельнымъ Хелеби, представители іерусалимскихъ евреевъ обратились къ нему съ просьбою — ходатайствовать передъ Хелеби объ облегченіи ихъ участи по-

средствомъ крупнаго денежнаго пожертвованія. Саббатай обрадовался съ своей стороны этому удобному случаю пріобрѣсти популярность въ качествѣ спасителя «священнаго города» — и обѣщалъ имъ свое горячее содѣйствіе.

Пробывъ короткое время въ Іерусалимѣ, Саббатай Цеви отправился вторично для исполненія возложеннаго на него порученія. Сторонники и глашатаи Саббатая разсказывали чудеса объ этомъ путешествіи. Распускались слухи о чудодѣйствіяхъ, совершенныхъ Саббатаемъ во время опаснаго плаванія по морю при сильной бурѣ и т. п. Все это, конечно, были выдумки; Саббатай ѣздилъ сухимъ путемъ, а распустилъ слухъ, что ѣдетъ моремъ. Прибывши въ Каиръ, онъ изложилъ Хелеби просьбу іерусалимскихъ евреевъ и получилъ отъ него въ ихъ пользу громадную сумму денегъ.

Въ жизни Саббатая Цеви не обошлось и безъ романтическихъ приключеній. Во время ужасной рѣзни евреевъ въ Украйнѣ, въ 1648 году, поляки нашли одну еврейскую шестилѣтнюю дѣвочку, брошенную родителями во время суматохи, и, окрестивъ, отдали въ католическій монастырь. Ея отецъ, польскій раввинъ, былъ убитъ вмѣстѣ съ женою во время рѣзни, а старшій братъ ея убѣжалъ въ Амстердамъ. Монахини сжалились надъ несчастной сироткой и воспитывали ее при монастырѣ. Какъ не свыклась Сара—такъ звали дѣвочку—съ монастырскою жизнью, въ ея душѣ не изгладились еще впечатлѣнія, полученныя ею въ дѣтствѣ въ домѣ родителей. Какое-то инстинктивное отвращеніе чувствовала она къ новой религіи, къ чуждому образу жизни, и страстно тосковала по той ранней жизни, которая рисовалась смутно въ ея воспоминаніяхъ... Она искала способа какъ-бы вырваться изъ монастыря, въ которомъ уже пробыла 10 лѣтъ. Однажды, въ полночь, Сара выскочила черезъ монастырское окно и тихонько пробралась за городъ, на еврейское кладбище. Утромъ слѣдующаго дня, евреи, по случаю похоронъ, нашли на кладбищѣ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, безъ платья, въ одной только рубахѣ. Спрошенная, кто она и откуда, Сара разсказала свою печаль-

ную исторію. Она дочь евреевъ, заключена въ монастырь вотъ уже 10 лѣтъ, страстно желаетъ вернуться въ лоно іудаизма; прошлою ночью, когда она спала, явился къ ней духъ ея умершаго отца, схватилъ ее и принесъ на это кладбище. Послѣднее, конечно, умная дѣвчонка придумала для пущаго эффекта. Евреи ея показаніямъ вполнѣ повѣрили, укрыли ее сначала у себя; но, опасаясь обыска и строгой кары, вскорѣ отправили ее въ Амстердамъ, гдѣ она нашла своего спасшагося брата. Эта перемѣнчивость судьбы имѣла самое сильное вліяніе на весь умственный складъ Сары: и безъ того натура восторженная, она теперь сдѣлалась крайне экзальтированною и не соглашалась выйти замужъ, твердя безпрестанно, что ей суждено выйти замужъ за еврейскаго Мессію, который вскорѣ явится. Изъ Амстердама Сара попала во Франкфуртъ и отсюда въ Ливорно, гдѣ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые лѣтописцы, она предалась разврату. При всемъ томъ она не переставала твердить свое, что ее гдѣ-то ждетъ Мессія. Много тогда толковали про эту странную дѣвушку, и толки эти дошли до Саббатая, жившаго тогда въ Каирѣ. Саббатаю пришло въ голову воспользоваться этимъ прекраснымъ случаемъ — еще разъ заявить о себѣ. Онъ открылся своимъ ученикамъ, что и ему свыше указано во снѣ, что одна дѣвушка изъ Польши будетъ его женой. Немедленно отправилъ онъ за нею нарочныхъ, которые и привезли ее въ Каиръ.

Своей красотой, умомъ и страстнымъ темпераментомъ Сара произвела пріятное впечатлѣніе на Саббатая: онъ рѣшилъ на ней жениться. Съ своей стороны Сара нашла въ Саббатаѣ еврейскаго Мессію, за котораго ей суждено свыше выйти замужъ. Некрасивое прошлое Сары не служило въ глазахъ Саббатая и его свиты препятствіемъ къ женитьбѣ на ней. Это даже истолковывалось къ лучшему: ссылались на примѣръ пророка Осіи, которому Богъ приказалъ взять себя въ жены блудницу.

Свадьба Саббатая съ Сарой была отпразднована съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ въ домѣ Рафаила Хелеби, который

былъ внѣ себя отъ радости по поводу такой чести. Съ этого времени Хелеби отдалъ всѣ свои богатства въ распоряженіе Саббатая, въ котораго искренно вѣрилъ какъ въ Мессію, и сдѣлался самымъ ревностнымъ его сподвижникомъ. Примѣръ такого вліятельнаго лица много подѣйствовалъ на массу. Контингентъ послѣдователей Саббатая все увеличивался. Современники говорили: Саббатай пріѣхалъ въ Каиръ простымъ агентомъ (отъ іерусалимскихъ евреевъ) и выѣхалъ Мессіею. Дѣйствительно, съ этого времени (1665 г.) начинается открытая и бурная агитація со стороны Саббатая, число его приверженцевъ быстро ростетъ. Около этого времени Саббатай съ своей женою отправились въ палестинскій городъ Газу, гдѣ онъ нашелъ себѣ самаго дѣятельнаго сотрудника и глашатая въ лицѣ извѣстнаго Натана Газатскаго, принявшаго на себя роль мессіянскаго предтечи.

Здѣсь кончается первый періодъ мессіянской дѣятельности Саббатая: періодъ робкихъ попытокъ, *теоретической* пропаганды и *приготовленій*. Начинается второй періодъ—исключительно *практической* пропаганды, періодъ торжества саббатіанской агитаціи.

С. Дубновъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Богъ.

Въ обители святой стоялъ онъ у порога,
У ногъ его лежалъ поверженный кумиръ,
И сердцемъ онъ своимъ искалъ иного Бога,
Иную жизнь себѣ, иной блаженный міръ.

Лучъ солнца золотилъ кумира образъ блѣдный;
А въ немъ пылала грудь, и мысли къ небесамъ
Просились чередой, какъ хлѣба проситъ бѣдный;
Онъ здѣсь искалъ любви, блаженство видя тамъ.

И долго онъ еще стоялъ предъ павшимъ богомъ,
Бездыханнымъ, какъ трупъ, и въ размышленьи строгомъ
Бросалъ вокругъ свой взоръ, какъ тѣнь бѣжитъ межъ скалъ.

И видитъ только онъ померкнувшія стѣны,
Ни міра новаго, ни новой перемѣны
Онъ больше не хотѣлъ, онъ Бога лишь искалъ.

В. Бегакъ.

Одесса.

ДЯДЯ МОИСЕЙ.

Картина нравовъ въ одномъ дѣйствіи.

Соч. Г. Миллера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Моисей Мендельсонъ.
Самуилъ Гольдгеймъ, его двоюродный братъ.
Симонъ Элканъ, ростовщикъ.
Генрихъ Блюме.
Эсѳирь, его жена.
Самуилъ, ихъ сынъ (5-ти лѣтъ).

Мѣсто дѣйствія—Берлинъ.—Время—1785 г.

Театръ представляетъ комнату состоятельнаго горожанина, убранную во вкусѣ прошлаго вѣка. На-лѣво большой письменный столъ и передъ нимъ кресло; на право окно, достигающее до земли, у окна стоитъ стулъ и скамеечка для ногъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эсѳирь (сидитъ у окна съ работой). **Самуилъ** (у ея ногъ на скамеечкѣ).

Эсѳирь.

Ну, теперь ты уже знаешь это, не собьешься болѣе?

Самуилъ.

О, знаю чудесно! выслушай только, мама: „ты меня не знаешь, дѣдушка, вѣдь меня зовутъ Самуилъ, какъ и тебя“. *(механически повторяетъ эту фразу еще раза два).*

Эсѳирь.

Хорошо, хорошо! Молодецъ Самуилъ!

Самуилъ.

Стало быть, я получу сахаръ?

Эсопръ.

Ну, ужъ для этого ты долженъ подождать пока дядя Моисей вернется домой.

Самуилъ.

Дядя Мойсей такой добрый, онъ всегда носитъ сахаръ въ карманѣ.

Эсопръ.

Дядя Моисей добрый и безъ этого, не только потому, что всегда носитъ сахаръ въ карманѣ.

Самуилъ.

Но вѣдь у него сахаръ въ карманѣ всегда, значитъ онъ и добрый всегда.

Эсопръ.

Противъ подобной логики нечего возражать... Ахъ, какъ долго онъ не возвращается! Ужъ два часа ожидаю я его съ нетерпѣніемъ, страхъ и неизвѣстность не даютъ мнѣ покоя, и напрасно я стараюсь прогнать докучливыя мысли болтовней этого ребенка.

Самуилъ.

Мамаша, отчего мы не выходимъ гулять? Солнце такъ весело свѣтитъ и мнѣ такъ хочется поиграть съ другими дѣтьми.

Эсопръ.

Погоди, дитя мое, намъ пока еще нельзя.

Самуилъ.

Когда-же, наконецъ, можно будетъ? Когда мы ѣхали по большой, большущей водѣ, мнѣ тоже нельзя было выходить. Ахъ, а тутъ бѣгаютъ лошадки и собачки, посмотри только мамаша! Пойдемъ-же, пожалуйста.

Эсопръ *(посадивъ его къ себѣ на колѣни, взволнованнымъ голосомъ).*

Самуилъ, вѣришь ты, что твоя мама тебя любитъ?

Самуилъ. *(ласкаясь).*

Ахъ, да, милая, милая мама!

Эсопръ.

Такъ будь-же умницей и не огорчай меня твоими просьбами и вопросами. Скоро, быть можетъ даже завтра, кончится наша неволя и тогда

ты будешь на свободѣ веселиться и прыгать сколько душѣ угодно. Если Богъ будетъ милостивъ ко мнѣ, если онъ не отвернулъ своего лица отъ моихъ горячихъ слезъ, то и твоя мама будетъ веселиться и прыгать съ тобою.

Самуилъ *(спрыгивая на полъ).*

Завтра, завтра! Ахъ, миленькая мама! Завтра ты купишь мнѣ также лошадку, верховую лошадку, лошадка стоитъ десять талеровъ! *(прыгаетъ по сценѣ до дверей, въ которыхъ сталкивается съ входящимъ Моисеемъ Мендельсономъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе и **Мендельсонъ**, (съ дѣтскою игрушкой въ рукахъ).

Мендельсонъ.

Такъ, такъ! Это еще что? Караулъ, караулъ! Не сваливайте съ ногъ стараго Моисея! Нечего сказать, хорошъ порядокъ въ домѣ, когда подъ ногами путается подобная мелюзга. Плутишка! *(грозитъ ему палкой).*

Самуилъ.

Ого, дядя Мойсей, я не боюсь, вѣдь ты не ударишь!

Эсѳирь.

Самуилъ!

Мендельсонъ.

Оставь его, Эсѳирь, пусть онъ говоритъ все, что чувствуетъ. Истина, истина—золотая трава! Предоставьте каждому лакомиться ею до тѣхъ поръ, пока не испортитъ себѣ на ней желудка. Это вѣдь не заставляетъ себя ждать.

Эсѳирь.

Ахъ, дорогой другъ, я едва смѣю спросить, въ какомъ положеніи наше дѣло?

Мендельсонъ.

Надѣйся, Эсѳирь, надѣйся! Взгляни туда, на небо, тамъ пылаетъ вѣчный огонь разума, и человѣку не нужно быть Прометеемъ, чтобы

его похитить; онъ достается даромъ, каждому въ свой часъ. Жди, пока и твой пробьетъ.

Эсоиръ.

Но когда-же, когда?

Мендельсонъ.

Если того захочетъ Господь — еще и сегодня. Послѣ я поговорю еще съ тобою объ этомъ, а теперь дай мнѣ покончить съ этимъ маленькимъ плутомъ. Поди-ка сюда, исполинъ Голіаѳъ.

Самуилъ.

Меня зовутъ Самуилъ, а не Голіаѳъ. Ты сказалъ, что всегда должно говорить правду: кто лжетъ тотъ не получаетъ сахару. Гопъ, гопъ, теперь, стало быть, тебѣ не дадутъ сахару!

Мендельсонъ.

Наказаніе жестокое, но вполнѣ заслуженное; а чтобы я его еще болѣе почуствовалъ — ты долженъ съѣсть передъ самымъ моимъ носомъ вотъ это (*даетъ ему кусокъ сахару*).

Самуилъ.

Болѣе ты мнѣ ничего не принесъ?

Мендельсонъ.

Сперва я долженъ узнать, чему ты научился со вчерашняго дня. Скажи-ка мнѣ какъ называется первая буква въ нѣмецкой азбукѣ?

Самуилъ.

А.

Мендельсонъ.

Почему?

Самуилъ.

Der Affe gar possirlich ist
Zumal wenn er vom Apfel frisst!

Мендельсонъ.

Да, это причина..., да, совершенно вѣрно! Spinoza redivivus! Такъ (*даетъ ему лошадку и кнутикъ*).

Самуилъ (*подпрыгивая*).

Ахъ, лошадка! Мамаша, бѣлая лошадка, посмотри-же—бѣлая лошадка! Гопъ, гопъ, галопъ! (*Прыгаетъ верхомъ по сценѣ и когда*

онъ приближается къ Мендельсону, тотъ загораживаетъ ему дорогу).

Менделесонъ.

Стой! Здѣсь шлагбаумъ, здѣсь должно платить пошлины.

Самуилъ.

А если нѣтъ денегъ, что тогда дѣлаютъ?

Мендельсонъ.

Идутъ подъ арестъ.

Самуилъ.

Нѣтъ, перепрыгиваютъ, и былъ таковъ *(перепрыгиваетъ и убѣгаетъ).*

Мендельсонъ.

Ахъ ты, плутишка! *(вскакивая).* Но когда жандармы пускаются въ погоню? *(хочетъ за нимъ погнаться).*

Самуилъ.

Тогда бѣгутъ быстрѣе и удираютъ. Ты, дядя, не годишься въ жандармы, у тебя для этого слишкомъ кривыя ноги! *(скрывается въ смежную комнату, захлопывая за собою дверь).*

ЯВЛЕНІЕ 3.

Мендельсонъ и Эсѳирь.

Мендельсонъ.

И ему дались мои ноги!

Эсѳирь.

Онъ ужасный сорванецъ!

Мендельсонъ.

Пусть его, Эсѳирь, онъ правъ. Съ моими ногами государства не создашь... Но что за бѣда? Таскаться на парады мнѣ не нужно, а танцовать... Одинъ только разъ танцовалъ я минуэтъ на одной знатной свадьбѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ. Это было тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Парижа. Говорили-же тогда всѣ набожные евреи, что еслибъ Давидъ такимъ образомъ танцовалъ передъ кивотомъ завѣта Господня,—весь Израиль возопилъ-бы: „О, горе!“

Эсопръ.

Вы въ веселомъ настроеніи духа, — это оживляетъ мой упавшій духъ. Говорили вы съ моимъ мужемъ?

Мендельсонъ.

Только мимоходомъ; цѣлый день я былъ на ногахъ по дѣламъ брата Самуила, поэтому усталъ и ты дай мнѣ отдохнуть.

Эсопръ.

Вы такъ добры! Чѣмъ только я, слабая женщина, съумѣю вамъ когда либо отплатить за это!...

Мендельсонъ.

Отплатить? отплатить! Это также одно изъ тѣхъ отвратительныхъ словъ, которыя у людей вѣчно на языкѣ и которыя вы произносите, не обращая ровно никакого вниманія на ихъ значеніе и смыслъ, и такъ-же бѣгло, какъ говорите: доброе утро или, счастливой дороги! Отплатить! Не значитъ-ли это украсть у меня сладкую отраду исполненнаго долга? Св. писаніе приказываетъ тебѣ за зло платить добромъ, чѣмъ-же ты хочешь платить за добро? И развѣ дѣлать добро заслуга, а не долгъ?

Эсопръ.

Ахъ, дядя, я не умѣю философствовать, я говорю лишь отъ глубоко тронутаго сердца, и моя обязанность...

Мендельсонъ.

Не философствовать—въ этомъ ты права. Отъ этого суроваго дерева и самой Евѣ не удалось бы полакомиться яблочкомъ. Твоя обязанность—умѣть сварить твоему мужу хорошій супъ, любить твоихъ дѣтей и слушаться твоихъ старшихъ; любить ихъ ты не должна.

Эсопръ.

У меня только одинъ старшій, и это мой мужъ, а его я люблю безгранично.

Мендельсонъ.

Безгранично, —конечно, ибо эта любовь перешла всѣ мѣры и границы.

Эсопръ.

Дядя!

Мендельсонъ.

Я долженъ разъ на всегда поговорить съ тобою объ этомъ, потому что, если Господь мнѣ придетъ на помощь, — я надѣюсь сегодня еще положить конецъ всей этой катастрофѣ. Садись сюда и пусть ни одно мое слово не оскорбляетъ тебя; вѣдь ты знаешь, что у стараго Моисея только голова желѣзная, а сердце... Ну, что-жъ, дѣлать, — я въ этомъ не виноватъ; должно быть на это есть анатомическія причины. — Ты полюбила, и эту любовь поставила выше долга, или, вѣрнѣе, свою любовь ты сочла долгомъ. Изъ-за нея ты покинула домъ твоихъ родителей и пошла за любимымъ человѣкомъ въ далекія страны...

Эсопръ.

Ахъ, отчего вы затронули эти воспоминанія?

Мендельсонъ.

Я долженъ, долженъ это сдѣлать для того, чтобы ты отнеслась справедливо къ твоему отцу. Ты была его единственное дитя, и ты лишила его всего.

Эсопръ.

Но виновата-ли я въ этомъ, когда онъ такъ упорно противился моему браку съ Генрихомъ? Генрихъ былъ всѣми уважаемый и состоятельный человѣкъ.

Мендельсонъ.

Но онъ былъ христіанинъ — и въ этомъ заключается все.

Эсопръ.

И въ этомъ заключается все? Тоже и для васъ, дядя?

Мендельсонъ.

Для меня — ничто. Въ области мысли не существуетъ классификаціи вѣрованій; но мы живемъ не въ области мысли. Для твоего отца въ этомъ заключалось в с е. Неужели ты полагаешь, что если твою душу мои уроки и воспитаніе очистили отъ той отвратительной грязи, которая вѣковымъ слоемъ наросла и на нашихъ братьяхъ, — то и всюду эта грязь также уничтожается божественной молніею разума? Какъ ты ошибаешься! Побѣда надъ о д н и м ъ, освобожденіе о д н о г о отъ варварства глубоко вкоренившихся безсмысленныхъ предразсудковъ есть уже

задача, исполненіе которой хватитъ на половину жизни человѣческой. Единственное, что даетъ намъ еще возможность жить и дѣйствовать — это именно увѣренность въ конечной побѣдѣ вѣчнаго свѣта, сознаніе, что ты малѣйшій камень въ пирамидѣ, которую воздвигаютъ милліоны умовъ изъ рода въ родъ, сосудъ, который умирающій передаетъ новонарождающемуся, цементъ, составленный изъ сока нашего мозга и крови нашихъ ощущеній, винтикъ и инструментъ для уничтоженія всякихъ наростовъ, однимъ словомъ, одинъ изъ краеугольныхъ камней въ пантеонѣ свѣта!

Эсопръ.

Но кого-же такія мысли и такой примѣръ не обратятъ въ свободомыслящаго?

Мендельсонъ.

Я уже говорилъ тебѣ, что вы женщины не должны философствовать; но свободно чувствовать обязаны, потому что любовь ваше назначеніе, а любовь не должна знать предразсудковъ. Потому-то я и взялся за твое воспитаніе; но, какъ оказалось, на свою пагубу!

Эсопръ.

Какимъ образомъ?

Мендельсонъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ его сдѣлались опустѣлый домъ и разбитая жизнь.

Эсопръ.

Вы терзаете меня!

Мендельсонъ.

Молчать я не имѣю права; я долженъ защищать твоего отца въ такой же степени, въ какой обвиняю его. Послѣ того какъ ты лишила его дочери и обрекла его старость на безотрадное одиночество — ты нанесла ему еще и послѣдній ударъ — сдѣлалась христіанкой!

Эсопръ.

Сжальтесь, дядя!

Мендельсонъ.

А ты сжалилась надъ нимъ? Я далекъ отъ того, чтобы изъ за твоего поступка бросать въ тебя камнемъ. Но скажи откровенно, — при-

няла ты христіанство изъ убѣжденія? Нѣтъ! Ты бросила вѣру твоихъ отцевъ только для того, чтобы придать законную форму твоей любви. Въ этомъ твоя вина, потому что задача каждаго изъ насъ заключается въ томъ, чтобы всѣ мы, каждый въ своемъ кругу, который расширяется, постепенно восходя отъ отдѣльнаго члена къ семейству, отъ семейства — къ народу, отъ народа къ человѣчеству, — чтобы каждый, говорю я, старался, и словомъ, и дѣломъ, содѣйствовать его облагороженію. Религія, эта потребность нравственнаго человѣка, есть плащъ, данный разнымъ народамъ въ различныхъ цвѣтахъ и формахъ, для того, чтобы они этимъ плащемъ прикрывали наготу своего земнаго несовершенства. Пусть каждый чиститъ свой плащъ до тѣхъ поръ, пока всѣ они станутъ совсѣмъ похожи другъ на друга и въ концѣ концевъ соткутся въ одно общее лучезарное покрывало свѣта! А развѣ ты можешь вычистить пятна на твоемъ плащѣ, когда ты выбросила его? Нѣтъ! Посмотри на меня: благодаря силѣ духа—я стою выше узкаго понятія объ опредѣленномъ вѣроисповѣданіи, а между тѣмъ никакая сила міра не была достаточно мощна, чтобы заставить меня измѣнить моей религіи; ни набожно-наивныя просьбы Лафатера, ни діалектика Зульцера, ни даже позорное оскорбленіе правительства, когда оно вычеркнуло мое имя изъ списка академиковъ;—ничто не могло поколебать мое убѣжденіе. Я философъ и еврей. Какъ философъ, я принадлежу моею дѣятельностью всему человѣчеству, какъ еврей—той отдѣльной части этого человѣчества, которую зовутъ „еврействомъ". Быть полезнымъ еврейству, очищать его отъ ржавчины и грязи тысячелѣтнихъ привычекъ, поднять его на ту духовную высоту, которая подобаетъ ему по его способностямъ—вотъ задача моей жизни; и отъ этой задачи я не отступлюсь на зло всѣмъ моимъ врагамъ, большинство которыхъ увеличивается въ средѣ этого-же еврейства. Но могъ бы ли я достигнуть всего этого, будучи ренегатомъ? Никогда! Вѣрятъ-ли ученію ренегата? Никогда! Только еврей можетъ наставлять еврея. Какъ ошибочно думаютъ иновѣрцы въ своемъ увлеченіи прозелитизмомъ! Ренегатство искони не только не подкапывало того дѣла, съ которымъ оно вступало въ борьбу.

но еще болѣе укрѣпляло его. Тайна обращенія заключается въ иномъ. Не вода крещенія пробуждаетъ зародышъ хорошаго и не она уничтожаетъ сѣмена дурного... Думайте безукоризненно, живите безукоризненно. — вотъ въ чемъ заключается истинная духовная миссія человѣка!

Эсоиръ.

Значитъ, я въ вашихъ глазахъ достойна презрѣнія?

Мендельсонъ.

Презрѣнія? Фи, гадкое слово! Всю жизнь я проповѣдую любовь и примиреніе, и я-же сталъ бы негодовать на тебя, тебя, которую я качалъ на моихъ колѣнахъ!? То, что я высказалъ тебѣ здѣсь — мой долгъ относительно той, которая нѣкогда была еврейкою, и твоего несчастнаго отца. Теперь довольно объ этомъ. Поговоримъ просто какъ люди, какъ истинно практическіе люди. По смерти своей жены, твой отецъ почти съ лихорадочнымъ жаромъ пустился въ биржевыя спекуляціи; его страсть къ пріобрѣтенію, всегда возмущавшая меня, — росла изо дня въ день. Случилось то, что и должно было случиться при подобномъ ходѣ дѣла: разсчеты измѣнили ему, онъ раззоренъ, если еще сегодня или завтра ему не будетъ оказана помощь.

Эсоиръ.

Великій Боже! Все, что мы имѣемъ...

Мендельсонъ.

Предоставь только мнѣ дѣйствовать. Очень прискорбно, что всю мою надежду на примиреніе я основываю именно на скверной страсти корыстолюбія, но Господь проститъ насъ, ежели и мы выступимъ сегодня въ роли іезуитовъ и предоставимъ цѣли оправдывать средства. Я пригласилъ сегодня къ себѣ самаго жестокаго изъ его кредиторовъ, Симона Элкана, неумолимаго и ни на что не податливаго еврея, котораго должно еще сегодня удовлетворить. Поэтому оставь меня теперь. Твой мужъ скоро возвратится и пройдетъ въ твою комнату черезъ черную лѣстницу, чтобы не встрѣтиться какъ нибудь съ твоимъ отцомъ; пусть онъ послѣ этого уже не уходитъ и ждетъ моего знака, чтобы появиться.

Эсопръ.

О, благородный, честный человѣкъ! Какъ мнѣ...

Мендельсонъ.

Молчи! Ужъ не желаешь-ли опять благодарить или отплатить? Не сердиться на меня. Ступай къ себѣ и поцѣлуй твоего мужа; — онъ тебя развлечетъ получше, нежели старый, хромой Моисей *(провожаетъ ее до боковыхъ дверей. Эсопръ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Мендельсонъ *(приближаясь къ окну)*.

Доброе старое солнце, вѣчное море свѣта, — и ты также начинаешь клониться къ закату, подобно тому, какъ закатываются силы и бодрость стараго Моисея! И снова погружаешь ты лучи въ прохладную глубину моря, и снова отвращаешь ихъ отъ пестраго базара житейской суеты, съ котораго каждый уноситъ съ собою на ложе сна иную мысль, иное блаженство, иное горе. Стану-ли я когда нибудь ближе къ твоему пламени, увижу-ли я золотой источникъ, гдѣ ты берешь начало, соединюсь-ли съ тобою въ безпредѣльномъ пространствѣ, переставши быть существомъ и однако возвысившись надъ всѣми существами, обратившись въ ничто, и въ то же время образуя все! Для чего, бѣдный путникъ бродишь ты по прямымъ и кривымъ, широкимъ и узкимъ дорогамъ: для чего пробиваешься сквозь терновникъ, вырываешь деревья, очищаешь дорогу отъ скалъ, перекидываешь мосты черезъ бурные потоки? для чего истребляешь гадовъ, встрѣчающихся тебѣ по пути, уничтожаешь сорныя травы? Вѣдь всѣ дороги ведутъ къ одной и той-же цѣли: къ крѣпко-на-крѣпко запертымъ воротамъ! И будь твой черепъ переполненъ всякими знаніями, ты все-таки не пробьешься сквозь эту преграду. *(Вздохнувъ и приближаясь къ письменному столу)*. Но дѣлать нечего! Останемся, значитъ, лучше на землѣ и въ границахъ обыкновеннаго. *(Взявъ книгу)*. „Якоби, Объ ученіи Спинозы". Эта ненавистная книга безпрестанно попадается мнѣ подъ руку. Обязаны-ли мы защищать честь умершаго? Лессингъ, дорогой, незабвенный другъ! На тебя въ этой книгѣ дѣлаютъ незаслуженныя нападки и ты

смотришь съ неба и спрашиваешь: „неужели не найдется ни одного пера для моей защиты“? Да, Эфраимъ! То будетъ мое перо! Я погружу его въ гнѣвъ и правду и сотру имъ всѣ пятна съ твоей свѣтлой памяти. Еще разъ призову я на помощь всю силу старой энергіи! И пусть это будетъ лебединой пѣснью Моисея Мендельсона! (*Садится и пишетъ*). „Моисей Мендельсонъ къ друзьямъ Лессинга“. (*Стучатся въ дверь*). Досадная помѣха! Войдите!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Мендельсонъ и Симонъ Элканъ.

Элканъ.

Доброе утро, господинъ Мендельсонъ.

Мендельсонъ.

Доброе утро, господинъ Элканъ. (*Въ сторону*). Болѣе грубо проза не могла ворваться сюда. (*Громко*). Господинъ Элканъ, я просилъ васъ посѣтить меня, чтобы еще разъ переговорить съ вами касательно дѣлъ моего брата. Не угодно-ли присѣсть?

Элканъ.

Благодарю, но мы будемъ только напрасно время терять; я больше не хочу переговоровъ. Ровно въ полдень, говоритъ законъ, истекаетъ срокъ векселя, а теперь у насъ уже давно полдень прошелъ. Завтра суббота, въ воскресенье не позволяютъ христіане сажать въ долговое, стало быть потеря цѣлыхъ двухъ дней, нѣтъ, я не могу. Пускай дяденька Самуилъ не дѣлаетъ такихъ штукъ на биржѣ, коли денегъ не хватаетъ.

Мендельсонъ.

На какую сумму эти векселя?

Элканъ.

На сорокъ тысячъ талеровъ. Шутка сказать! Цѣлое состояніе!.. И чтобъ я его выпустилъ изъ рукъ?

Мендельсонъ.

Мой братъ выдалъ эти векселя, когда его дѣла стали уже хромать

и онъ съ отчаянія пускался на все... И такъ, сколько же вы ему дѣйствительно дали подъ эти векселя?

Элканъ.

Сколько? Развѣ моё дѣло, сколько я ему далъ? Здѣсь ясно написано „сорокъ тысячъ талеровъ"... Элканъ предусмотрительный человѣкъ; до понедѣльника господинъ Самуилъ можетъ скрыться,—вотъ я и взялъ съ собой судебнаго пристава съ исполнительнымъ листомъ. Если г. Гольдгеймъ черезъ часъ не заплатитъ, то онъ будетъ уже шабашовать въ долговомъ отдѣленіи.

Мендельсонъ.

И это называется любовь къ ближнему между единовѣрцами?

Элканъ.

Позвольте, наибольшая любовь къ ближнему, когда я этому ближнему плачу по моему векселю. Но, можетъ быть, вы за него заплатите?

Мендельсонъ.

Сорокъ тысячъ талеровъ! Этого я не могу! То, что я пріобрѣлъ принадлежатъ моимъ пяти дѣтямъ. Собственно я философъ и мнѣ ничего не нужно; но я не хочу, чтобы мои дѣти прошли туже школу бѣдности, что и я. Я пріобрѣталъ для того, чтобъ они могли независимо учиться и работать, чтобъ они помогали мнѣ основать фамилію, которая впослѣдствіи, съ помощью Божьей, работала бы для утѣшенія и для славы человѣчества.

Элканъ.

Этимъ вы однако не освободите Самуила отъ долгового отдѣленія.

Мендельсонъ.

Ну, хорошо, я покрою часть долга, я вамъ дамъ десять тысячъ талеровъ, а остальную сумму вы разсрочите моему брату на полъ-года.

Элканъ.

Господинъ Мендельсонъ, что мнѣ вамъ сказать; вы ученый человѣкъ, вы большое свѣтило въ Израилѣ, но вы не купецъ.

Мендельсонъ.

Ошибаетесь, почтенѣйшій, я проводилъ жизнь не только за книгами, я служилъ у Борандса на шелковой фабрикѣ, сперва простымъ

надсмотрщикомъ, а потомъ сталъ и компаньономъ. Какъ видите, я прошелъ свой коммерческій курсъ и понимаю толкъ въ этомъ дѣлѣ. Поэтому,—примите мое предложеніе.

Элканъ.

Ждать полъ-года тридцати тысячъ талеровъ, — тридцать тысячъ! Чего не продѣлаешь съ этими деньгами въ полъ-года? Много, очень много можно сдѣлать. Все это нужно принять въ разсчетъ. Вѣдь не могу-же я потерять то, что заработалъ бы за это время.

Мендельсонъ.

Безъ предисловій, опредѣлите размѣръ процентовъ. Отъ васъ ничего не хотятъ даромъ.

Элканъ.

Ну-съ, такъ уплатите мнѣ эти десять тысячъ, а новый вексель мы напишемъ на полъ года. Вы поставите вашъ почтенный бланкъ, и сумма будетъ... ну вмѣсто тридцати,—сорокъ тысячъ. Вѣдьне могу-же я терять...

Мендельсонъ. *(вспыльчиво).*

Это значитъ намѣренно раззорить меня или его, и это возмутительное предложеніе вы смѣете дѣлать мнѣ прямо въ глаза!

Элканъ.

Зачѣмъ вы кричите? Вы видите, я говорилъ вамъ, что вы не купецъ, и этому вы не учились.

Мендельсонъ. *(гнѣвно).*

Да, конечно, этому я не учился, — я не учился спекулировать на несчастіе другаго и хладнокровно подготовлять гибель моему ближнему. Вы, вы кровопійцы,—одни являетесь исполнителями проклятія, тяготѣющаго надъ нами, и предаете наше истино-честное имя на ненависть и позоръ! Вы скверная заноза въ нашемъ тѣлѣ. Нашъ народъ — народъ торговый, это правда, оттого онъ и имѣетъ задачей — преимущественно передъ другими народами, высоко и честно держать знамя торговли, этого главнаго основанія международныхъ сношеній; вы-же, лихоимныя души, позорите торговлю, а съ нею и еврейство.

Элканъ.

Вы, вѣроятно, полагаете, что христіане не занимаются ростовщичествомъ?—Скажите пожалуйста! Вамъ, кажется, вѣрно, что ваши упреки меня очень огорчатъ? Нисколько! Вся община знаетъ, какого вы о насъ мнѣнія; написали-же вы большую книгу,—называется она Іерусалимъ, — гдѣ издѣваетесь надъ всѣми евреями и нашею религіей. Еслибъ послушались васъ, то черезъ сто лѣтъ въ Берлинѣ не было-бъ ни одной синагоги.

Мендельсонъ.

О, близорукіе люди, мелкія души, думающія, что вся религія только въ кадишѣ и молитвенныхъ ремняхъ! Неужели вѣка промелкнули безслѣдно для вашей внутренней жизни, неужели „Море небохимъ" осталось для васъ книгой за семью печатями, ужели Маймонидъ, Ловъ, Акоста, Спиноза работали напрасно, и золото ихъ ученія не нашло къ вамъ доступа сквозь золото вашихъ сундуковъ? Благодаря такимъ людямъ какъ вы, никогда вашъ народъ не выбьеться изъ облюбленной вами грязи. Мы-же будемъ работать, трудиться безъ отдыха; мы сыщемъ себѣ апостоловъ, которые въ свою очередь найдутъ себѣ своихъ, неутомимо будемъ мы отряхать пыль съ нашей религіи, до тѣхъ поръ, пока снова не обнаружится первоначальный цвѣтъ ея, и не пройдетъ и ста лѣтъ, какъ на мѣстѣ маленькой синагоги, въ которой вы совершаете богослуженіе почти украдкой, воздвигнется великолѣпный золотой храмъ, въ которомъ еврей свободно будетъ взывать къ Богу и который явится гордымъ представителемъ разума и вѣротерпимости!

Элканъ.

Много денегъ, я думаю, потребуется для этого.

Мендельсонъ.

Дай только Богъ, чтобъ снова явился пророкъ, который, подобно назаренину, изгонитъ васъ изъ храма!

Элканъ.

Ну, чтобы этого со мною не приключилось теперь-же, я лучше уберусь. Ужъ я вижу, что съ вами дѣла не сдѣлаешь. Я подожду часъ съ моимъ судебнымъ приставомъ и исполнительнымъ листомъ. Быть можетъ,

вы найдете средство, быть можетъ всѣ эти господа философы, которыхъ вы сейчасъ поименовали, дадутъ вамъ денегъ! Видите, господинъ Мендельсонъ, со всѣмъ вашимъ краснорѣчіемъ и ученостью вы не можете заплатить по маленькому векселю; какой-же мнѣ прокъ отъ учености?.. Нѣтъ, наличныя деньги мнѣ милѣе (*уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мендельсонъ.

О, еслибы вы могли чувствовать, какъ больно, когда безпрестанно ударяешь только о камни!... Когда-же наконецъ явится Моисей, который вызоветъ источникъ жизни въ этихъ людяхъ? Я начинаю отчаяваться... Успокойся, старый глупецъ! Неужели ты на столько честолюбивъ, что одинъ надѣешься быть понятъ современниками? Только въ потомствѣ созрѣютъ твои сѣмена, а созрѣютъ они непремѣнно, должны созрѣть, надъ родникомъ свѣта не могутъ вѣчно тяготѣть мрачныя, зловѣщія тучи!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мендельсонъ и Гольдгеймъ.

Гольдгеймъ.

Все кончено! Случилось то, что я предсказывалъ: Элканъ въ передней съ судебнымъ приставомъ, срокъ истекаетъ черезъ нѣсколько минутъ. Напрасно я бѣгалъ отъ одного къ другому: люди, которыхъ я столько одолжалъ, не даютъ мнѣ ни гроша... Все кончено! Самуилъ Гольдгеймъ, тридцать лѣтъ стоявшій честно на своемъ посту, упалъ и на потѣху своимъ врагамъ пойдетъ въ долговую тюрму. Но пускай! Быть можетъ, это будетъ уже послѣднимъ испытаніемъ.

Мендельсонъ.

Ужели ты малодушно унываешь передъ несчастіемъ, которое ты самъ себѣ создалъ? Кто же велѣлъ тебѣ въ слѣпомъ безуміи ставить на карту все твое благопріобрѣтенное достояніе? Развѣ ты не былъ богатымъ человѣкомъ, развѣ ты чувствовалъ недостатокъ въ удобствахъ

жизни? Зачѣмъ же ты палъ жертвой корыстолюбія, тѣмъ болѣе, что тебѣ не для кого было работать?

Гольдгеймъ.

Не для кого?.. Зачѣмъ ты напоминаешь мнѣ объ этомъ? Да, въ томъ то и дѣло, что какъ только не осталось у меня никого въ мірѣ, я сталъ жить ради денегъ,—только ради денегъ. Я хотѣлъ пріобрѣсти милліоны, чтобъ потомъ раздать ихъ пріютамъ и бѣднымъ. То-то была бы радость для нѣкоторыхъ людей, еслибъ стало извѣстно, что Гольдгеймъ умеръ, умеръ богатымъ человѣкомъ, и мой христіанинъ, мой почтенный зять—христіанинъ, въ Америкѣ уже разсчитывалъ бы, какъ онъ погрѣетъ руки около еврейскаго мамона! Какъ-же, сейчасъ! Нѣтъ-съ, господа, ни одного гроша не получили бы вы,—вы, обманувшіе, предавшіе меня!

Мендельсонъ.

Если у тебя подобныя мысли, то судьба поступила совершенно справедливо, отнявъ твои деньги... Фи! Лучше бы я не слышалъ твоихъ мерзкихъ словъ! Приписываю ихъ только твоему возбужденному состоянію! Садись и приди въ себя. *(Въ сторону)* Я долженъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, какъ оно мнѣ ни непріятно: Элканъ вынуждаетъ менякъ тому. (*Громко*) Тебѣ не слѣдуетъ еще унывать, я нашелъ путь къ тоему спасенію.

Гольдгеймъ.

Возможно-ли? Моисей!.. о! я зналъ, что если кто нибудь можетъ еще мнѣ помочь, то это ты, одинъ ты! Говори, какимъ образомъ? Минуты вѣдь сочтены.

Мендельсонъ.

Я встрѣтился случайно съ старымъ другомъ, который долго жилъ въ новомъ свѣтѣ и тамъ разбогатѣлъ. Ему-то я разсказалъ о постигшей тебя участи, причемъ упомянулъ, что ты уже лишился рѣшительно всякой надежды на спасеніе; это его тронуло, и онъ согласенъ дать тебѣ сорокъ тысячъ талеровъ на пять лѣтъ и по пяти процентовъ, такъ что ты будешь имѣть время вернуть потерянное.

Гольдгеймъ.

Не сонъ ли это? Чужой... чужой спасаетъ меня въ величайшемъ моемъ несчастіи!... Моисей, оставь твои злыя шутки. А я, дуракъ, повѣрилъ!.. Гдѣ же этотъ незнакомецъ? Вѣроятно на лунѣ!

Мендельсонъ.

Не совсѣмъ такъ далеко,—онъ въ моей библіотекѣ, и я тебѣ сейчасъ пришлю его.

Гольдгеймъ.

Неужели-же въ самомъ дѣлѣ на землѣ еще существуютъ благородство и безкорыстіе?

Мендельсонъ.

Да, еще существуютъ, и мудрое Провидѣніе исполняетъ на подобныхъ тебѣ людяхъ то, чего вы сами никогда не дѣлали! Самуилъ, чудная игра случая спасаетъ тебя отъ позора и возвращаетъ тебѣ твое честное имя. Пусть это сцѣпленіе обстоятельствъ наполнитъ твою душу теплой благодарностью; вглядись попристальнѣе въ самого себя, спустись поглубже въ свое сердце и вырви оттуда давнюю, закоренѣлую злобу съ ея гнилыми корнями. Вѣчная воля Провидѣнія иногда непосредственно вмѣшивается въ наши мелкія обыденныя дѣла, и горе тому, кто вздумаетъ противиться ей! Она проявляетъ свое вмѣшательство только одинъ разъ, и чего не спасаетъ, то разбиваетъ въ дребезги. Я иду и пришлю тебѣ моего пріятеля.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гольдгеймъ.

Что значатъ эти загадочныя слова? И отчего это мнѣ стало отъ нихъ такъ неловко? Всю эту исторію я готовъ бы былъ принять за нѣчто сказочное, за сонъ, еслибъ не сознавалъ, что я существую и еслибъ безвыходность моего положенія не дѣлала меня даже слишкомъ бодрствующимъ... Нѣтъ, тутъ что-то не ладно, тутъ кроется какая-то тайна, какая-то странная тайна!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гольдгеймъ и **Генрихъ** (*входитъ съ правой стороны*).

Генрихъ.

Я имѣю честь говорить съ господиномъ Самуиломъ Гольдгеймомъ?

Гольдгеймъ.

Это мое имя. Позвольте узнать въ свою очередь...

Генрихъ.

Меня зовутъ Вальтеръ, я пріѣхалъ изъ Англіи и здѣсь всего восемь дней.

Гольдгеймъ (*про себя*).

Этотъ голосъ мнѣ знакомъ. Онъ звучитъ отдаленнымъ воспоминаніемъ.

Генрихъ.

Мы перейдемъ прямо къ дѣлу, такъ какъ время не терпитъ. Благородный Мендельсонъ, мой высокоуважаемый другъ, разсказалъ мнѣ о вашемъ положеніи и, вѣроятно, сообщилъ вамъ, что я готовъ вамъ помочь. Вы нуждаетесь въ сорока тысячахъ талеровъ — вотъ они въ англійскихъ кредитныхъ бумагахъ (*кладетъ на столъ деньги*). Удовлетворите сперва вашихъ кредиторовъ, а остальное, касающееся собственно нашихъ съ вами условій, мы устроимъ завтра или послѣ завтра.

Гольдгеймъ (*всматриваясь съ него пристально, про себя*).

Изъ этого загорѣлаго лица смотрятъ на меня тоже знакомые глаза; но я не могу вспомнить, и мое сердце бьется совсѣмъ не радостно... (*Громко*). Позвольте, господинъ Вальтеръ, одно слово! Вы совершаете теперь великое, благородное дѣло, вы спасаете меня отъ величайшаго несчастія! Но вѣдь рѣшительно невозможно, чтобы вы, человѣкъ совершенно мнѣ чужой, приносили эту жертву безъ всякаго личнаго интереса! Здѣсь что нибудь да кроется, у васъ непремѣнно должно быть какое нибудь условіе; назовите мнѣ его теперь, пока еще не поздно, и пока я могу еще не согласиться. Я, простите, купецъ, я долженъ знать всѣ подробности дѣла.

Генрихъ (*мягко*).

Мои условія чрезвычайно просты. Я не желаю ни процентовъ, ни подписи, ни обезпеченія, ни залога; я хочу только одного обѣщанія.

Гольдгеймъ (*про себя*).

Недовѣріе ростетъ во мнѣ съ каждой минутой! (*Громко*). Какого-же?

Генрихъ.

Обѣщанія простить каждому, кто вамъ когда-либо причинилъ горе.

Гольдгеймъ.

А,—вотъ оно что! Теперь все выясняется. Каждому? Быть можетъ, и Генриху Блюму?

Генрихъ (*бросаясь на колѣни*).

Да, и ему,—ему прежде всѣхъ!

Гольдгеймъ.

И такъ, я не ошибся! Десять лѣтъ скорби и гнѣва не были въ состояніи изгнать изъ моей памяти этотъ взглядъ и этотъ голосъ! Похититель моего ребенка, убійца моего счастія — прочь отъ меня! Для того-ли вы переплыли океанъ, чтобы насладиться моимъ несчастіемъ, чтобы деньгами купить у меня гнѣвъ мой? Нѣтъ, этотъ гнѣвъ моя собственность, онъ сросся со мною за эти десять лѣтъ, онъ мнѣ священъ, и я не продамъ его ни за какія деньги!

Генрихъ (*порывисто*).

Ради Бога,—сжальтесь! не отворачивайтесь отъ кающагося! Неустанно работалъ я для моей семьи и разбогатѣлъ, Господь въ своей милости посылаетъ мнѣ теперь возможность изгладить мой давнишній проступокъ,—позвольте-же мнѣ помочь вамъ.

Гольдгеймъ.

Деньги, деньги за десять лѣтъ страданія! Я люблю деньги, но мою ненависть люблю еще болѣе. Прочь, христіанское отродье! Лучше просить на улицѣ милостыню, чѣмъ быть вамъ обязаннымъ хоть однимъ грошемъ! (*подходя къ двери*). Господинъ приставъ, срокъ кончился, исполняйте вашу обязанность и арестуйте меня.

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе. **Моисей и Эсѳирь.**

Эсѳирь (*стремительно входя*).

Никогда! Батюшка, сжальтесь надъ вашими дѣтьми, не наказывайте насъ такъ ужасно! *(падаетъ къ его ногамъ).*

Гольдгеймъ.

Эсѳирь!! Всесильный Боже! Неужели нынѣшнему дню суждено по частямъ разбивать мою сѣдую голову?... Чего ты хочешь отъ меня, мучительный призракъ, жестокое воспоминаніе, принявшее только образъ живого существа....

Эсѳирь.

Сжальтесь, батюшка, сжальтесь!

Гольдгеймъ.

А ты сжалилась надо мной? Въ то время какъ я, одинокій и покинутый, плакалъ въ моей комнатѣ, ты блаженствовала въ объятіяхъ твоего христіанина; звуки его поцѣлуевъ заглушали для тебя предсмертные стоны твоей матери! Ты порвала нашу кровную связь — прочь отъ меня! Дочь я вырвалъ изъ моего сердца, а христіанкѣ посылаю мое...

Мендельсонъ (*громовымъ голосомъ*).

Остановись, несчастный! Или ты хочешь, чтобъ молнія Іеговы поразила тебя среди твоихъ прегрѣшеній? Ненависть и вѣчно ненависть, упорная злоба вашего сухого сердца, — вотъ онъ, тотъ Агасферъ, который не даетъ успокоиться нашему народу, потому что покой только тамъ, гдѣ царствуютъ кротость и примиреніе!

Гольдгеймъ.

Око за око, зубъ за зубъ!

Мендельсонъ.

И любовь за любовь, милость за раскаяніе! И твой часъ, Самуилъ, тоже пробьетъ, и твои дѣла положатся на вѣсы, и будешь ты въ трепетѣ ударять себя въ грудь и взывать: „Господи, будь мнѣ милосердымъ судіей!“ Какъ-же хватаетъ у васъ смѣлости съ подобнымъ серд-

цемъ явиться на судъ Всевышняго! Вы требуете милости къ себѣ и не знаете ее къ другому!... Вы кричите о необходимости вѣротерпимости, а сами такъ далеки отъ нея!... Знайте-же, колесо времени раздавитъ то слѣпое упорство, которое вы называете истинною вѣрой, и свободомыслящимъ евреямъ достанется въ будущемъ богатое наслѣдство! (*Дѣвушка приноситъ двѣ свѣчи и ставитъ ихъ на столъ*). Ужели ты хочешь быть въ числѣ этихъ раздавленныхъ? Самуилъ, ты былъ товарищемъ моего дѣтства и другомъ моей юности; если ты не можешь мыслить со мною одинаково, то чувствуй также, какъ я. (*Подводитъ его къ окну*). Взгляни на небо, — видишь, первая звѣзда взошла и возвѣщаетъ наступленіе святой субботы. Неужели ты хочешь встрѣтить день Господа ненавистью?

Гольдгеймъ (*потрясенный*).

Моисей!

Мендельсонъ.

Надъ деревьями царствуетъ покой, вся природа дышетъ тишиною и примиреніемъ, а ты!? Эта звѣзда на небѣ—глазъ твоей жены, нѣжный взглядъ твоей Леи, устремляющійся на насъ и проливающій лучъ утѣшенія въ больную душу своей дочери!... Но если ты никакъ не можешь разбить панцырь, покрывающій твою грудь, если голосъ раскаявающейся вины не проникаетъ въ твой слухъ,—то останься-же каменнымъ утесомъ, коснѣй въ твоемъ безуміи и, перенося мщеніе на третье и четвертое поколѣніе,—оттолкни отъ себя и невинность, прокляни и твоего внука! (*Подходитъ къ боковой двери и возвращается съ Самуиломъ*).

Гольдгеймъ.

Что я вижу? Великій Боже!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе и **Самуилъ.**

Мендельсонъ.

Подымитесь на него, вы, невинные дѣтскіе глаза, вы, непосредствен-

ное отраженіе Господа! Спроси его, сынъ мой, что есть у него для тебя: благословеніе или проклятіе?

Самуилъ.

Развѣ ты меня не знаешь, дѣдушка? Вѣдь меня зовутъ Самуилъ, какъ и тебя.

Гольдгеймъ.

Самуилъ,—какъ и меня... (*силится овладѣть собою, но не выдерживаетъ и плачетъ*). Самуилъ, — какъ и меня... (*поднимаетъ ребенка и цѣлуетъ его*). Моя плоть, моя кровь! Да, Моисей, благородный человѣкъ, ты правъ; та звѣзда—теплый взглядъ Леи; онъ растопилъ десятилѣтнюю ледяную кору, и мое сердце снова бьется съ прежней живостью (*спускаетъ ребенка на землю и раскрываетъ объятія*). Эсѳирь, милая, дорогая дочь!

Эсѳирь.

Отецъ! О, Боже, не дай мнѣ умереть отъ радости (*бросается въ его объятія*).

Гольдгеймъ (*сдержаннѣе, но мягко*).

Христіанинъ,—сынъ! Въ мои объятія! прошлое—умерло!

(*Генрихъ обнимаетъ его. Элканъ вошелъ съ приставомъ за нѣсколько минутъ, такъ что слышалъ послѣднія слова*).

Элканъ.

Но настоящее живо. Срокъ истекъ, г. приставъ!...

Мендельсонъ.

Замолчите! (*указывая на столъ*). Вотъ ваши деньги.

Элканъ.

Какъ, вы платите? Это совсѣмъ другое дѣло! (*подбѣгаетъ къ столу*).

Мендельсонъ.

Стой! Не трогать! Суббота уже наступила, — ты забылъ это, набожный человѣкъ?

Элканъ.

Ахъ, чортъ возьми!

Мендельсонъ.

Г. приставъ, возьмите деньги къ себѣ и положите вексель на

столъ. (*Смѣясь*) Вотъ, мой благородный Элканъ, придется вамъ прождать до понедѣльника!

Элканъ.

Что-жъ дѣлать, когда у меня такое доброе сердце! Это оно всему виновато!

Мендельсонъ.

А теперь, нечистый духъ, исчезни и не заражай болѣе воздуха въ этомъ мѣстѣ мира!

(*Элканъ съ приставомъ уходятъ*).

Мендельсонъ.

Ну, Самуилъ, что скажешь?...

Гольдгеймъ.

Мой домъ болѣе не одинокъ, я снова съ моими дѣтьми.

Мендельсонъ.

Благодарю тебя! Это зрѣлище да будетъ вечерней зарей въ земномъ странствованіи Моисея Мендельсона!

Подъ сѣнь склонитесь просвѣщенья,
Таите истину въ груди—
И снисшлетъ вамъ Провидѣнье
И свѣта царство, и любви!

(*Картина*).

Занавѣсъ падаетъ.

Перев: **Л. Шварцъ**.

РАЗНЫЯ ТЕЧЕНІЯ.

(ПОВѢСТЬ).

I.

Торопливые звуки вокзальнаго колокола возвѣстили, наконецъ, о выходѣ поѣзда съ послѣдней станціи. Публика всѣхъ трехъ классовъ заволновалась и повалила на дебаркадеръ. Взоры всѣхъ устремились теперь на гладкое полотно дороги, убѣгавшей вдаль и казавшейся длинной, нескончаемой лентой. Но, кромѣ сверкавшихъ на солнцѣ рельсовъ, ничего не было видно. Оживившаяся было на минуту публика снова какъ бы упала духомъ и потянулась назадъ. Ожиданіе, видно, надоѣло этой разнокалиберной толпѣ, у которой всякое терпѣніе истощилось въ ожиданіи поѣзда. Нѣсколько поодаль отъ другихъ и въ неменьшемъ ожиданіи стояла маленькая группа, состоявшая изъ мужчины и двухъ женщинъ. Младшая изъ женщинъ, еще очень молоденькая дѣвушка, подавшись почти на край дебаркадера, съ такимъ усердіемъ лорнировала дорогу, по которой долженъ былъ придти поѣздъ, что поневолѣ вызвала протестъ старшей, которая, не замѣчая того, что сама дѣлала тоже, стала урезонивать свою сосѣдку, чтобы она отошла немного въ сторону.

— Да отойди же, ради Бога; упасть что ли хочешь? Все равно еще поѣзда не видать.

— Нѣтъ, мама, видно... И гибкій станъ молодой дѣвушки еще сильнѣе подался впередъ.

— Это тебѣ показалось, Лида, еще цѣлыхъ пятнадцать минутъ осталось, точно въ досадѣ проговорилъ мужчина.

Но пронзительный свистъ, раздавшійся въ это мгновеніе въ воздухѣ, заставилъ всѣхъ встрепенуться.

— А что, а что! съ торжествующимъ лицемъ воскликнула дѣвушка и еще съ бо́льшимъ усердіемъ стала лорнировать.

— Теперь, другое дѣло! сказалъ, какъ бы сконфузившись, мужчина и тоже подался нѣсколько впередъ.

Поѣздъ, дѣйствительно, показался и сталъ видимъ для всѣхъ. Публика снова заволновалась и на этотъ разъ еще больше чѣмъ прежде. Трепетное ожиданіе охватило всѣхъ присутствующихъ, даже тѣхъ, кто никого не ожидалъ и для кого медленно подходившій поѣздъ ничего особеннаго не приносилъ.

Еще одинъ оглушительный свистъ, еще нѣсколько клубовъ густого сѣраго пара, и все вдругъ утихло; поѣздъ сталъ медленно, точно подкрадываясь, приближаться къ вокзалу. Изъ раскрытыхъ оконъ вагоновъ стали показываться оживленныя лица пассажировъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! вскрикнула дѣвушка и бросилась впередъ по направленію еще двигавшихся по инерціи вагоновъ.

— Гдѣ, гдѣ? И мать и отецъ, не дождавшись отвѣта, бросились вслѣдъ за дочерью. Но нахлынувшая толпа оттѣснила ихъ назадъ. Произошло маленькое смятеніе, неизбѣжное при столкновеніи встрѣчающихъ съ пріѣзжающими. Изъ окна вагона, кто-то высунувшись, усердно махалъ шляпой и посылалъ воздушные поцѣлуи. Это былъ еще довольно юный субъектъ съ едва пробившимся пушкомъ на подбородкѣ и сверкающими отъ радости глазами. Еще минута и, казалось, онъ выпрыгнетъ въ окно; такимъ нетерпѣніемъ дышало его молодое, красивое лицо. Позади его, и тоже высунувши голову, стоялъ другой юноша, такой же молодой какъ и первый, но съ лицомъ нѣсколько усталымъ и блѣднымъ. Въ его движеніяхъ не было той здоровой порывистости, какъ у его това-

рища, но по нервнымъ вздрагиваніямъ его тонкихъ губъ, по его безпокойному взгляду, не трудно было замѣтить, что онъ съ неменьшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ его товарищъ, ждетъ чего-то, или кого-то.

— Вотъ они, скорѣе! воскликнулъ первый и бросился къ дверямъ вагона. Товарищъ его еще разъ бросилъ взглядъ на сновавшую передъ вагонами толпу, но, не замѣтивъ въ ней того, кого онъ ждалъ, поспѣшилъ вслѣдъ за первымъ.

— Павелъ! Лида! прозвенѣло въ его ушахъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ своего товарища въ объятіяхъ молодой дѣвушки, но не на долго, потому что въ эту минуту къ нимъ подбѣжали еще двое и немилосердно стали рвать его каждый къ себѣ.

Молодой человѣкъ счелъ своимъ долгомъ нѣсколько отретироваться въ сторону и выждать, пока эта трогательная, хотя въ глазахъ посторонняго и нѣсколько смѣшная сцена, не придетъ къ концу.

Когда первый моментъ свиданія прошелъ, всѣ четверо, какъ бы сговорившись, повернулись къ нему.

— Что же ты стоишь букой? весело проговорилъ Павелъ. Подойди! Это мой товарищъ и лучшій другъ, порывисто прибавилъ онъ, обратившись къ матери и сестрѣ.

Легкая краска выступила на блѣдномъ лицѣ молодого человѣка. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и поклонился дамамъ.

— Мы очень рады съ вами познакомиться, проговорила госпожа Смирнова, дружески протянувъ молодому человѣку руку.—Товарищъ моего сына для меня также дорогъ какъ и онъ самъ.

Молодой человѣкъ еще больше покраснѣлъ и смутился, чему въ особенности еще способствовалъ упорный взглядъ Лиды, который онъ чувствовалъ на себѣ, хотя не поднималъ на нее глазъ.

— А васъ никто не встрѣтилъ? съ участіемъ продолжала госпожа Смирнова.

— Я думалъ... Я ждалъ своего дядю... уже нѣсколько справившись, проговорилъ молодой человѣкъ.

— А кто вашъ дядя, позвольте спросить? спросилъ въ свою очередь Смирновъ-отецъ.

— Докторъ Ватманъ.

— Докторъ Ватманъ? почти въ одинъ голосъ закричали всѣ трое,—да мы его видѣли.

— Гдѣ, гдѣ? проговорилъ встревоженно молодой человѣкъ.

— Онъ сидѣлъ въ залѣ перваго класса... Пойдемте со мною, я помогу вамъ розыскать его, проговорила Лида и проворно стала проталкиваться сквозь толпу.

Молодой человѣкъ быстро послѣдовалъ за нею. Но въ эту минуту въ дверяхъ показалась высокая и нѣсколько сгорбленная фигура доктора. Увидѣвъ своего племянника въ сопровожденіи молодой дѣвушки, онъ остановился и спокойная улыбка проскользнула по его лицу. Можно было думать, что для него безразлично, кого бы онъ ни встрѣтилъ, до того безмятежно было выраженіе его лица.

Молодой человѣкъ бросился къ нему и горячо обнялъ его.

— А я уже потерялъ надежду встрѣтить тебя здѣсь, проговорилъ онъ, бросивъ благодарный взглядъ на сопровождавшую его дѣвушку.

— Я давно уже здѣсь жду, сказалъ докторъ.

— Почему же ты не вышелъ на платформу? Если бы не... И онъ еще разъ посмотрѣлъ на Лиду.

— Я уже давно видѣлъ тебя, но не хотѣлъ тебѣ мѣшать...

— Помилуй!.. И молодой человѣкъ покраснѣлъ.

— Теперь я вамъ уже не нужна, весело проговорила Лида и убѣжала, оставивъ наединѣ дядю и племянника.

— Ты знакомъ съ этимъ семействомъ? торопливо спросилъ молодой человѣкъ, когда Лида скрылась.

— Нѣтъ, не знакомъ.

— Какъ же они тебя знаютъ?

— Доктора въ городѣ всѣ знаютъ и онъ всѣхъ знаетъ, сказалъ, усмѣхнувшись, докторъ.

— Слѣдовательно ты ихъ знаешь?

— Да.

Молодой человѣкъ замолчалъ.

Когда они вышли на подъѣздъ, Смирновы усаживались въ экипажъ.

— Смотри же, сегодня ко мнѣ непремѣнно, закричалъ ему изъ экипажа молодой Смирновъ.

— Къ намъ... поправила его Лида,—ты теперь не одинъ.

Экипажъ тронулся при общемъ смѣхѣ сидѣвшихъ въ немъ.

Молодой человѣкъ еще нѣсколько мгновеній слѣдилъ за удалявшимся экипажемъ. Какое-то пріятное, сладостное чувство охватило на мгновеніе все его существо. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Повсюду пробивалась жизнь, молодая, свѣжая, согрѣваемая мягкими лучами майскаго солнца.

— Какъ тутъ хорошо! проговорилъ онъ, когда они отъѣхали отъ вокзала, и со всѣмъ пыломъ молодости еще разъ обнялъ своего дядю. Мягкая, снисходительная улыбка заиграла на спокойномъ лицѣ доктора. На глазахъ у него навернулись слезы. Но онъ скрылъ ихъ отъ своего племянника.

II.

Докторъ Ватманъ занималъ небольшую, но уютную квартиру въ самомъ центрѣ города. Семьи у него не было, но жители городка К*** помнили, какъ, лѣтъ съ пятнадцать назадъ, къ нимъ пріѣхалъ молодой врачъ съ красавицей женою. Поселившись въ этомъ городѣ, молодая чета зажила тихой и скромной жизнью; они не заводили знакомствъ, рѣдко гдѣ бывали и никто у нихъ не бывалъ, кромѣ больныхъ, которые очень полюбили доктора за его ласковое обращеніе и постоянную готовность помочь ближнему. Но не прошло и года, какъ молодая женщина умерла отъ родовъ. Докторъ Ватманъ, который и раньше почти не бывалъ въ обществѣ, теперь совер-

шенно прекратилъ съ нимъ всякія сношенія, заперся въ своемъ маленькомъ домикѣ и даже больныхъ пересталъ принимать. Что дѣлалъ докторъ въ своемъ добровольномъ заточеніи, никто не зналъ, но видавшіе его не замѣчали въ немъ никакой особенной перемѣны. Лице его по прежнему дышало гордымъ спокойствіемъ, привѣтливая, задушевная улыбка по прежнему играла на его губахъ. Глядя на него, никто бы не сказалъ, что этотъ человѣкъ сильно страдаетъ нравственно. Что стоило ему сохранять это наружное спокойствіе въ то время, когда въ груди бушевала буря,—это зналъ только онъ одинъ; но онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы дѣлиться съ кѣмъ-либо своимъ внутреннимъ міромъ, онъ слишкомъ цѣнилъ свое нравственное горе, чтобы позволить другому коснуться его. Такъ прошло много времени. Но когда острый періодъ того нравственнаго состоянія, въ которомъ онъ находился до тѣхъ поръ, прошелъ, докторъ вдругъ измѣнилъ свой образъ жизни. Прежде всего онъ опять сталъ принимать больныхъ, потомъ возобновилъ знакомство съ обществомъ, даже сдѣлалъ нѣкоторые визиты, какъ будто онъ только что пріѣхалъ. Такую неожиданную перемѣну въ образѣ жизни доктора многіе толковали различнымъ образомъ. Одни объясняли это капризомъ, желаніемъ наполнить чѣмъ нибудь жизнь, другіе говорили, что докторъ вѣроятно уже успѣлъ забыть свою потерю и собирается замѣнить ее. На сколько ошибались первые, доказывало то разочарованіе, которое испытало общество вскорѣ послѣ появленія доктора въ его средѣ. Мужчины не нашли въ немъ партнера въ преферансъ, потому что онъ не игралъ ни въ какую игру, женщины не видѣли въ немъ пріятнаго кавалера, потому что онъ въ ихъ обществѣ больше молчалъ, чѣмъ говорилъ, что́ однако не мѣшало многимъ женскимъ сердцамъ вздыхать по красивомъ, хотя скучномъ докторѣ. Что же касается тѣхъ, которые настойчиво утверждали, что докторъ начинаетъ измѣнять памяти своей красавицы жены, то они еще болѣе ошибались чѣмъ первые. Годы проходили за годами, густые черные волосы доктора

стали уже рѣдѣть, на гладкомъ высокомъ лбу начали появляться уже довольно замѣтныя морщинки, а докторъ и не думалъ о новой подругѣ жизни. «Человѣкъ разъ рождается, разъ умираетъ и разъ долженъ любить»—отвѣчалъ онъ обыкновенно на вопросы. почему онъ не женится вторично.

— Но неужели въ вашемъ сердцѣ былъ такой маленькій запасъ этого чувства, что онъ сразу истощился? шутливо спросилъ его однажды одинъ изъ его знакомыхъ.

Докторъ сурово посмотрѣлъ на него и, проведя рукою по лбу, сказалъ:

— Юноша вначалѣ любитъ свою возлюбленную, затѣмъ эта любовь переходитъ на дѣтей; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы чувство любви въ немъ изсякло.

— Значитъ вы любите?

— Люблю.

— Кого же?

— Дѣтей.

Допрашивавшій доктора сталъ въ тупикъ. Онъ не зналъ, какъ понять этотъ лаконическій отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно, что докторъ никогда не цѣлуетъ и не ласкаетъ дѣтей и послѣднія его дичатся. Докторъ это замѣтилъ и поспѣшилъ замять разговоръ. Съ тѣхъ поръ никто не приставалъ къ нему съ подобными вопросами, хотя долго не могли понять, что онъ этимъ хотѣлъ сказать; но за то привыкли его видѣть вездѣ, гдѣ только кто нибудь нуждался въ его помощи. Онъ въ одно и тоже время былъ и врачемъ, и общественнымъ дѣятелемъ, судьею и адвокатомъ, педагогомъ и литераторомъ. Общественныя дѣла поглощали все его время, и большею частью въ ущербъ собственнымъ интересамъ и собственному спокойствію. Но онъ никогда на это не жаловался, никогда ни отъ чего не отказывался, сохраняя всегда невозмутимое спокойствіе духа... Да, онъ любилъ, любилъ всею душою тѣхъ взрослыхъ дѣтей, которыя зачастую больше нуждаются въ уходѣ, чѣмъ настоящія дѣти. Была ли теперь полна его жизнь, жаждало-ли его сердце иной любви, чѣмъ та, которую онъ

черпалъ въ окружающей средѣ, трудно сказать: его лицо никогда не выдавало его внутренней думы.

Лѣтъ за пять до начала нашего разсказа къ нему пріѣхалъ его племянникъ, юноша лѣтъ восемнадцати, только что окончившій гимназію и полный тѣхъ розовыхъ надеждъ и туманныхъ, но радостныхъ представленій, которыми обыкновенно характеризуется переходный періодъ отъ гимназической къ университетской жизни. Дядя и племяникъ давно не видались и тѣмъ радостнѣе была встрѣча.

— Я къ тебѣ не на долго, объявилъ юноша послѣ первыхъ привѣтствій.

— Почему такъ?

— Нужно спѣшить.

— Вѣдь лекціи еще когда начнутся! попробовалъ его урезонивать дядя.

— Что лекціи... небрежно проговорилъ юноша, и, тутъ же замѣтивъ на письменномъ столѣ небольшую книжку въ изящномъ переплетѣ, взялъ ее въ руки, посмотрѣлъ и тотчасъ же съ усмѣшкой отбросилъ.

— Какой же ты идеалистъ, дядя! проговорилъ онъ, стараясь придать своему голосу, какъ можно болѣе серьезный тонъ: пора бы дать отставку романтикамъ.

— Ты это про Шиллера говоришь? спросилъ хладнокровно Ватманъ.

— А то про кого же? Сантиментальности однѣ, и больше ничего.

— Кѣмъ же его замѣнить? съ тѣмъ же спокойствіемъ въ голосѣ спросилъ Ватманъ.

Юноша слегка покраснѣлъ.

— Кѣмъ?... повторилъ онъ;—мало-ли кѣмъ, только не сладкими поэтами, конечно. Мало ли кого можно читать? Ну, хоть бы, напримѣръ, Писарева. И онъ съ гордостью посмотрѣлъ на своего дядю, желая ему показать, что онъ отсталъ отъ вѣка.

Ватманъ снисходительно улыбнулся.

— Я Писарева читалъ, сказалъ онъ спокойно.—Но что общаго имѣетъ Писаревъ съ Шиллеромъ?

— Какъ? воскликнулъ молодой Ватманъ,—развѣ можно въ одно и тоже время быть фантазеромъ и реальнымъ мыслителемъ? И торжествующая улыбка заиграла на красивомъ лицѣ юноши.

Это было въ ту пору семидесятыхъ годовъ, когда отрицательное направленіе, съ Писаревымъ во главѣ, царило еще въ обществѣ и среди учащейся молодежи, въ особенности гимназистовъ старшихъ классовъ. Кто не читалъ Писарева, кто не исповѣдывалъ его идей, тотъ не считался человѣкомъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій не существовали вовсе: но за то существовали «Физіологическія Письма» Фохта, «Анатомія человѣка» Бока и т. п. книги, и не смотря на то, что онѣ были довольно скучны для шестнадцати и семнадцатилѣтнихъ молодыхъ людей, въ тайнѣ проливавшихъ слезы надъ «Хижиною дяди Тома», но ни за что не желавшихъ въ этомъ сознаться.

Молодой Ватманъ былъ рьянымъ приверженцемъ этого направленія. Благодаря своей пылкой, способной быстро воспламеняться, натурѣ, онъ игралъ самую выдающуюся роль среди своихъ товарищей, которые, не смотря на строгое запрещеніе Писарева поклоняться авторитетамъ, все таки поклонялись ему и считали его авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ.

Юноша это чувствовалъ, но не зазнавался и, напротивъ, старался всѣми силами пріобрѣтать какъ можно больше знаній, чтобы заслуженно считаться коноводомъ своего класса. Онъ себя считалъ мыслителемъ, философомъ, способнымъ разрѣшать міровые вопросы. У него уже былъ свой собственный, выработанный взглядъ на жизнь, этимъ взглядомъ онъ приводилъ въ восхищеніе своихъ товарищей.

— Я не того мнѣнія, прибавилъ онъ, видя что дядя только улыбается, но не возражаетъ ему.

— Я не оспариваю твоего мнѣнія, снисходительно про-

изнесъ докторъ,—но я думаю, что авторъ «Разбойниковъ» и «Донъ Карлоса» тоже достоинъ вниманія.

— Да что такое «Донъ Карлосъ», что такое Карлъ Мооръ? раскраснѣвшись ораторствовалъ юноша.—Что они сдѣлали путнаго? Что въ ихъ высокопарныхъ фразахъ и возвышенныхъ стремленіяхъ? Облегчили ли они участь хоть одного несчастнаго? Теперь не время высокихъ фразъ и нѣжныхъ изліяній; если мы хотимъ быть полезны, если мы желаемъ спасти несчастный народъ, то намъ нужно...

— Ты про какой народъ говоришь? вдругъ перебилъ его Ватманъ, который, не смотря на всю незрѣлость сужденій своего племянника, слушалъ его съ возрастающимъ интересомъ.

Юноша въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него.

— Какъ про какой? Про тотъ, который насъ поитъ и кормитъ, который перенесъ на своихъ плечахъ тяжелое иго рабства, а теперь изнемогаетъ отъ нищеты и невѣжества. Развѣ не нашъ долгъ?...

— А я думалъ, что ты говоришь про свой родной народъ, который тоже находится въ нищетѣ и невѣжествѣ, спокойно проговорилъ докторъ.

— Развѣ мой народъ не...

— Ты развѣ не знаешь кто ты?

— Я еврей... по рожденію, нерѣшительно отвѣчалъ онъ, и какъ-то робко взглянулъ на дядю.

— Только по рожденію? переспросилъ его докторъ.

Юноша хотѣлъ что то сказать, но не успѣлъ, потому что въ эту минуту въ комнату вошелъ незнакомый ему человѣкъ. Замѣтивъ его, гость какъ то сконфузился и, неловко поклонившись, опустился на первый попавшійся стулъ.

— Здравствуйте, мой другъ, мягко привѣтствовалъ его докторъ;—что вы тамъ усѣлись, поближе къ намъ; это мой племянникъ.

Тотъ, котораго докторъ назвалъ другомъ, еще болѣе сконфузился, привсталъ и, отвѣсивъ вторично поклонъ молодому

Ватману, неопредѣленно и точно пугливо сталъ его осматривать. Это продолжалось нѣсколько мгновеній, пока докторъ не придвинулъ ему кресло возлѣ себя и заговорилъ съ нимъ о чемъ то. Молодой Ватманъ воспользовался удобной минутой, чтобы разглядѣть незнакомца.

Это былъ человѣкъ невысокого роста и неопредѣленнаго возраста. Ему въ одно и тоже время можно было дать и двадцать пять, и сорокъ лѣтъ. Глядя на его сутуловатую, сгорбленную фигуру, на тонкую сухую шею, на морщинистый лобъ, можно было его принять за старика; но стоило только посмотрѣть на его глаза, вѣчно полузакрытые, но свѣтящіеся какимъ то особеннымъ огнемъ, на складъ его тонкихъ губъ, постоянно вздрагивающихъ, на тонкій овалъ подвижного лица съ особенной игрой мускуловъ, чтобы предъ вами очутился юноша, воодушевленный, мечтательный, полный жизни. Одѣтъ онъ былъ по европейски, но все лежало на немъ неуклюже, точно не на него было шито, начиная съ чернаго сюртука, покрытаго пухомъ, и кончая сапогами, рыжими и запыленными. Красивымъ конечно никто бы не назвалъ этого человѣка съ рѣзко типичными чертами, безпорядочно растущей бородкой и неуклюжей таліей, но чѣмъ то симпатичнымъ, мягкимъ дышало отъ этой нервной, конфузливой фигуры, и чѣмъ болѣе вы смотрѣли на него, тѣмъ легче становилось у васъ на душѣ.

Такъ иногда полевой цвѣтокъ, облитый мягкимъ лучомъ утренняго солнца, успокоиваетъ больную душу страдальца. Точно такое же ощущеніе испыталъ и молодой Ватманъ. Незнакомецъ ему сразу понравился, хотя его внутренно смѣшилъ его нѣсколько комичный видъ, и ему стоило не малыхъ усилій, чтобы оставаться серьезнымъ.

Разговоръ между докторомъ и незнакомцемъ между тѣмъ продолжался и становился все серьезнѣе и серьезнѣе. Онъ касался вопросовъ еврейской общины города. Молодого Ватмана эти вопросы ничуть не интересовали и, чтобы чѣмъ нибудь заняться, онъ взялъ первую попавшуюся книгу и сталъ ее

перелистывать. Онъ бы съ удовольствіемъ ушелъ, предоставивъ имъ полную свободу говорить, о чемъ они хотятъ; но это было неловко, и онъ терпѣливо продолжалъ сидѣть, отъ времени до времени улавливая отдѣльныя слова, отдѣльныя фразы и мысли неинтереснаго для него разговора.

— И дядя далеко не ушелъ, думалъ онъ, перелистывая книгу, но прислушиваясь къ горячему спору этихъ двухъ, совсѣмъ не похожихъ другъ на друга людей. Но онъ находилъ для дяди оправданіе въ его возрастѣ, въ томъ, что онъ жилъ при другихъ условіяхъ, воспитывался подъ вліяніемъ другихъ идей. Мудрено ли, что дядя держится еще этого обветшалаго зданія, наивно думая, что онъ удержитъ отъ паденія его гнилыя стѣны? Его насильно вѣдь заставляли жить въ этомъ зданіи... Въ его время еще люди дѣлились на евреевъ, русскихъ, поляковъ и т. п., и каждый крѣпко держался своихъ, видя въ человѣкѣ другой національности своего личнаго врага. Старое, дряхлое время... И въ гордомъ сознаніи своего превосходства, превосходства его времени, юноша всталъ и выпрямился, какъ будто вызывая кого то на бой.

Въ это время докторъ уже прощался съ незнакомцемъ; тотъ, отвѣсивъ такой же неуклюжій поклонъ, какъ и при входѣ, неловко скрылся за дверью, зацѣпивъ рукавомъ ручку.

— Кто этотъ чудакъ? спросилъ юноша, какъ только двери закрылись.

— Его зовутъ Розенвальдъ. Онъ учитель въ здѣшней еврейской школѣ. Золотое сердце! И докторъ задумался.

Племянникъ посмотрѣлъ на дядю, и какое-то особенное чувство охватило его. Онъ приблизился къ нему и обнялъ его.

— Какое у тебя доброе лицо, дядя, сказалъ онъ, всматриваясь въ красивыя, строго правильныя черты доктора.—Но почему ваша доброта не для всѣхъ доступна?

Докторъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на племянника.

— Развѣ я сдѣлалъ кому нибудь зло? испуганно проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, вы меня не поняли, отвѣчалъ, покраснѣвъ, юно-

ша; я не обвиняю васъ, конечно; это результатъ тѣхъ условій, при которыхъ вы жили... Но все же таки...

— Но все же таки?... повторилъ за нимъ докторъ.

— Почему васъ интересуютъ только дѣла вашей общины, дѣла вашихъ единовѣрцевъ? рѣшился наконецъ произнести юноша;—развѣ люди не всѣ равны? Мы должны думать о всѣхъ людяхъ, мы должны помогать тѣмъ, кто больше всего нуждается въ насъ въ данную минуту, но не исключительно тому или другому.

Докторъ нѣсколько мгновеній въ задумчивости слушалъ своего племянника.

— Ты правъ, мой другъ, сказалъ онъ наконецъ,—всѣ люди одинаковы, и не должно дѣлать различія между ними, но какъ же быть, когда эти люди сами создаютъ эти различія...

— Гдѣ же эти различія? Ихъ теперь нѣтъ и не должно быть! съ жаромъ воскликнулъ юноша.

Докторъ иронически усмѣхнулся. Онъ только что собрался отвѣтить своему племяннику, но въ эту минуту вошелъ слуга и объявилъ, что его зовутъ къ больному.

Докторъ поспѣшно всталъ.

— Вотъ тутъ мы не дѣлаемъ различій... сказалъ онъ, улыбнувшись, и вышелъ.

Прошли пять лѣтъ и прошли не даромъ, какъ для дяди, такъ, въ особенности, и для племянника. Каждый изъ нихъ взялъ съ жизни, сколько могъ и сколько позволяли посторонія условія.

И вотъ они опять встрѣтились въ томъ же кабинетѣ, гдѣ пять лѣтъ тому назадъ не докончили начатаго разговора.

III.

— Ну, вотъ ты и опять здѣсь, привѣтливо проговорилъ докторъ, войдя въ кабинетъ и положивъ шляпу на столъ. — Теперь дай на тебя посмотрѣть. И онъ приблизился къ молодому человѣку и пристально взглянулъ ему въ лицо.

Адольфъ—такъ звали молодого Ватмана—представлялъ изъ себя высокаго, стройнаго юношу съ едва пробивавшимся пушкомъ на подбородкѣ. Правильныя, красивыя черты лица его не имѣли ничего типичнаго и ничѣмъ не выдавали его семитическаго происхожденія. Только узкій разрѣзъ глазъ, темныхъ и задумчивыхъ, да очертаніе тонкихъ губъ, выражавшее болѣе упорства, чѣмъ силы воли, больше природной мягкости, чѣмъ сантиментальной доброты, могли, пожалуй, остановить на себѣ вниманіе опытнаго наблюдателя и заставить признать въ немъ сына несчастной, но и въ несчастіи великой расы. Онъ носилъ длинные вьющіеся волосы, которые очень шли къ его блѣдному лицу и прямому, почти женскому лбу; нервная натура молодого человѣка сказывалась во всемъ: въ легкомъ подергиваніи губъ, въ безпрестанномъ вспыхиваніи и замираніи глазъ, скрываемыхъ дрожащими рѣсницами, и въ вздрагиваніи тонкихъ, просвѣчивающихся ноздрей.

Осмотръ длился нѣсколько мгновеній.

— Здоровъ ли ты? спросилъ наконецъ докторъ, тономъ, полнымъ любви и счастія.

— Совершенно, весело воскликнулъ молодой человѣкъ;—я еще никогда себя такъ хорошо не чувствовалъ какъ теперь, какъ вотъ здѣсь. И легкая краска почему-то выступила у него на лицѣ; онъ опустилъ глаза.

— Все же таки тебѣ нужно хорошенько отдохнуть, главное бросить книжки и ни о чемъ не думать, ничего не дѣлать.

Молодой человѣкъ снисходительоо улыбнулся.

— Если бы это было возможно!.. произнесъ онъ тихо.

— Почему же невозможно?

— Да такъ; не въ такое время мы живемъ, чтобы отдыхать и ни о чемъ не думать, нехотя проговорилъ онъ. И, какъ бы желая перемѣнить разговоръ, вдругъ спросилъ:

— Ну какъ же ты, дядя, поживаешь? Все съ больными возишься?

— Что же мнѣ больше дѣлать?

— А дѣла общественныя?

— Есть таки достаточно.

Молодой человѣкъ украдкой улыбнулся. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но удержался; видно было, что онъ щадитъ слабости старика и относится къ нимъ снисходительно.

— А кстати, что Розенвальдъ дѣлаетъ?

— Все по старому: ребятишекъ учитъ.

— Чудакъ!

Оба замолчали. Разговоръ не клеился. Докторъ не хотѣлъ тревожить усталаго отъ дороги племянника, а племянникъ видимо избѣгалъ разговора, гдѣ приходилось высказывать свои убѣжденія. Онъ теперь умѣлъ владѣть собою и сдерживать свои порывы.

— Ты послѣ обѣда пойдешь отдохнуть, сказалъ докторъ.

— Ни за что!

— Вѣдь ты усталъ съ дороги.

— Нисколько. А ты отдыхаешь послѣ обѣда?

— Нѣтъ.

— Что же ты дѣлаешь?

— Что придется.

— Ну, отлично, я тебѣ мѣшать не буду. Я сейчасъ же послѣ обѣда уйду къ Смирнову. Я ему обѣщалъ, прибавилъ онъ черезъ минуту съ видомъ провинившагося школьника.

Ватманъ ничего не сказалъ, только внутренно улыбнулся.

Обѣдъ прошелъ въ довольно оживленной бесѣдѣ, преимущественно семейнаго, интимнаго характера. Всплыли наружу старыя воспоминанія, тѣ и другія выдающіяся событія, касавшіяся ихъ семьи, тѣхъ или другихъ ея членовъ. Отца у молодого Ватмана не было; онъ умеръ, когда ему было лѣтъ двѣнадцать, но успѣлъ оставить въ мальчикѣ неизгладимые слѣды. Онъ былъ купцомъ, но отличался прямымъ характеромъ и чрезвычайной честностью, рѣдкими качествами среди комерческаго міра. Онъ былъ набоженъ, но не фанатикъ, и всею душою былъ преданъ своему народу. Между обоими братьями было мало наружнаго сходства. Докторъ от-

личался величавымъ спокойствіемъ, сосредоточеннымъ и гордымъ взглядомъ, никогда не выходилъ изъ себя и терпѣливо выслушивалъ всякаго, кто бы къ нему ни приходилъ и что бы ему ни разсказывали. Братъ же его отличался быстрымъ, порывистымъ характеромъ, сильною впечатлительностью и богатою фантазіею. Послѣднія черты всецѣло перешли и къ сыну. Мать Адольфа была женщина довольно простая, но умная отъ природы и, какъ всѣ еврейскія женщины, отличалась вѣрностью мужу при его жизни. Но вскорѣ послѣ его смерти она вторично вышла замужъ, чего сынъ ея, не смотря на любовь къ ней, долго не могъ ей простить. За то совершенно иначе смотрѣлъ на это докторъ, и хотя онъ самъ остался вѣренъ памяти своей жены, но ни однимъ словомъ не упрекнулъ эту женщину. И когда Адольфъ въ первый разъ пріѣхалъ къ нему, онъ завелъ съ нимъ нарочно разговоръ объ этомъ и просилъ его относиться къ поступку матери не какъ ангелъ, а какъ человѣкъ.

— Нашъ народъ именно потому и сохранился до сихъ поръ, не смотря на всѣ превратности судьбы, сказалъ онъ въ заключеніе,—что онъ въ своей повседневной жизни строго придерживается раціональнаго міровоззрѣнія и не отступаетъ отъ законовъ природы. Твоя мать была еще молода и потому она должна была выйти замужъ; она дочь трезваго народа.

Юноша не нашелъ, что на это возразить, и промолчалъ. Но съ этого момента онъ сталъ совершенно другими глазами смотрѣть на поступокъ своей матери. Когда теперь зашелъ о ней разговоръ, онъ, мимоходомъ, далъ замѣтить дядѣ, что давно измѣнилъ свое мнѣніе о ея поступкѣ.

Ватманъ улыбнулся.

— Съ возрастомъ мы начинаемъ трезвѣе смотрѣть на вещи, проговорилъ онъ, вставъ изъ-за стола.

Адольфъ тоже всталъ и тотчасъ же пошелъ въ свою комнату, чтобы перемѣнить дорожное платье. Но на этотъ разъ, и какъ-то незамѣтно для самого себя, онъ провозился за своимъ туалетомъ гораздо дольше, чѣмъ это было въ его привычкахъ.

IV.

Смирновы занимали довольно большой домъ на одной изъ лучшихъ улицъ города. Смирновъ не былъ богатъ, но служа на довольно видномъ постѣ, умѣлъ извлекать изъ него пользу. Онъ не былъ взяточникомъ въ тривіальномъ смыслѣ этого слова, но никогда не отказывался отъ благодарности своихъ кліентовъ, причемъ такъ обставлялъ дѣла, что всѣ считали его благороднымъ, неподкупнымъ человѣкомъ. Онъ былъ либералъ и философъ и принадлежалъ къ партіи «недовольныхъ». Была ли такая партія въ городѣ К***, въ чемъ собственно состояла ея программа—объ этомъ ни одинъ историческій документъ не повѣствуетъ; но объ этомъ во всеуслышаніе кричалъ Петръ Сергѣевичъ, а еще больше Анна Николаевна, во всѣхъ отношеніяхъ прелестная дама. Единственный ея недостатокъ состоялъ въ томъ, что она уже была черезчуръ либеральна, или даже радикальна, и этимъ приносила много хлопотъ мужу. Она, напримѣръ, любила читать запрещенныя книжки, и хотя это дѣлала подъ семью замками и тотчасъ же бросала въ огонь прочитанное, дрожа при малѣйшемъ шорохѣ, при малѣйшемъ стукѣ въ дверь, но это все таки наводило страхъ на Петра Сергѣевича и онъ дулся на нее каждый разъ, когда она выходила изъ своей спальни торжествующая и гордая сознаніемъ собственнаго достоинства.

— Что, совершила ауто-да-фе? иронически спрашивалъ ее при этомъ мужъ, на минуту отрываясь отъ дѣловыхъ бумагъ.

— Слушай только, что я тебѣ скажу, мой другъ... Вѣдь это просто...

— И слушать, матушка, не хочу... Пусть себѣ тамъ дѣлаютъ, что имъ угодно...

— Какой же ты трусъ, фи! А еще либеральничаешь...

— А ты небось, не трусиха... покажи свои ручки... дрожатъ... И онъ опять уткнулъ носъ въ свои бумаги.

— Это не трусость, а благоразуміе...

Это же благоразуміе заставляло ее не давать Лидочкѣ тѣхъ

запрещенныхъ плодовъ, которые она сама съ такимъ удовольствіемъ вкушала. «Что перевариваетъ зрѣлый человѣкъ, то вредно ребенку», утѣшала она себя, чувствуя, что поступаетъ эгоистично въ отношеніи къ дочери. За то она позволяла дочери читать все, что вздумается, начиная съ *Лорда-Апостола* кн. Мещерскаго и кончая *Папа*—Зола. Впрочемъ Лида и не спрашивала позволенія; это было не въ ея натурѣ. Гордая и своенравная, она развивалась самостоятельно и, несмотря на всѣ попеченія и наставленія, не поддавалась никакому обуздыванію. Самостоятельный характеръ ея сначала выражался въ дѣтскихъ шалостяхъ, въ оригинальныхъ выходкахъ, которыя сильно безпокоили родителей. Но съ возрастомъ, въ особенности послѣ отъѣзда брата Павла въ университетъ, она вдругъ измѣнилась, бросила шалости и стала прилежно учиться. Родители не могли надивиться такой перемѣнѣ въ шалуньѣ дочери, совсѣмъ не подозрѣвая, что она предъ отъѣздомъ брата дала ему слово быть умницей-дѣвочкой, за что выговорила себѣ право писать ему отдѣльно отъ матери и получать отъ него отдѣльныя письма. Лида твердо держала слово и была аккуратна въ письмахъ. Сначала эти посланія носили чисто дѣтскій характеръ. Въ нихъ повѣствовалось о томъ, какъ она забросила всѣ игрушки, какъ прилежно готовитъ уроки и получаетъ хорошіе баллы и т. п. Съ теченіемъ времени однако письма эти становились все содержательнѣе и интереснѣе. Братъ ея, поддѣлываясь сначала подъ тонъ ея писемъ, бесѣдовалъ съ нею о такихъ предметахъ, которые, по его мнѣнію, могли интересовать дѣтскій умъ. Но мало по малу онъ отбросилъ этотъ тонъ и сталъ съ нею бесѣдовать о вопросахъ, интересующихъ его самого. Ея мнѣнія и отвѣты приводили его въ восторгъ. Переписка между братомъ и сестрою приняла наконецъ серьезный характеръ. Онъ ей сообщалъ всѣ выдающіяся событія университетской жизни, всѣ вопросы дня, волновавшіе молодые умы студентовъ, онъ совѣтовался съ нею, спрашивалъ ея мнѣнія по тому или другому вопросу, по тому или другому поступку его товарищей. Она знала его товари-

щей, его друзей, она знала и Ватмана. Вотъ какъ братъ ей въ первый разъ писалъ о немъ:

«Представь себѣ университетскую аудиторію, биткомъ набитую народомъ. Стоятъ на скамьяхъ, на столахъ, на подоконникахъ. Я, какъ новичекъ, тоже стою, притаивъ дыханіе и жду, что будетъ. А дѣло было крайне интересное: заподозрили одного студента въ шпіонствѣ, и теперь долженъ былъ обсуждаться вопросъ о виновности или невиновности его. Вышелъ тотъ, кто указалъ на этого бѣдняка, и сталъ его изобличать. Онъ говорилъ сущую ерунду, но она понравилась толпѣ, и всѣ ему стали аплодировать. Вдругъ, откуда ни возьмись, вскочилъ на каѳедру юный студентикъ—(прочтя это слово Лида не могла удержаться отъ улыбки—вѣдь и ея братъ былъ въ ея глазахъ тоже не болѣе, какъ юный студентикъ),—быстрымъ движеніемъ столкнулъ оратора и давай убѣждать слушателей въ невиновности обвиняемаго, въ отсутствіи всякихъ доказательствъ и всей безнравственности такого обвиненія. Онъ говорилъ такъ хорошо, съ такимъ увлеченіемъ и убѣдительностью, что вызвалъ цѣлую бурю рукоплесканій. Я хлопалъ до изнеможенія. Вдругъ одинъ изъ стоявшихъ около меня студентовъ, крикнулъ: «Что вы его, братцы, слушаете, да вѣдь онъ жидъ... Вонъ его!..» Мгновенно воцарилось глубокое молчаніе. Ораторъ сильно поблѣднѣлъ, но, сдѣлавъ надъ собою усиліе, произнесъ твердымъ голосомъ: «Правда, я жидъ; но во мнѣ течетъ кровь вашего Спасителя, а Онъ велѣлъ быть снисходительнымъ даже къ завѣдомо грѣшнымъ». Эти слова произвели такой эффектъ, что всѣ бросились пожимать руку оратору. Многіе стали требовать, чтобы выгнали того, который закричалъ: «жидъ». Явился еще ораторъ, принявшійся клеймить позоромъ тѣхъ, которые еще настолько невѣжественны, что дѣлаютъ различіе между евреемъ и неевреемъ.

«И въ самомъ дѣлѣ, какъ это пошло. Ставить различіе между людьми только изъ-за того, что одинъ носитъ кличку еврей, другой православный... Я послѣдній подошелъ къ оратору, крѣпко пожалъ ему руку и просилъ позволеніе назвать

его своимъ другомъ. Его фамилія Ватманъ. Еслибы ты его увидѣла, то навѣрное бы въ него влюбилась».

Въ отвѣтномъ письмѣ Лиды, она, между прочимъ, полушутя, полусерьезно писала: «Скажи твоему новому другу, что я его люблю».

Въ другомъ письмѣ молодой Смирновъ говорилъ своей сестрѣ:

«Ты не можешь себѣ представить, какъ мы съ Ватманомъ подружились. Это геніальный человѣкъ и ему предстоитъ великая будущность. Хотя я и до сихъ поръ былъ хорошаго мнѣнія о евреяхъ, — ты вѣдь помнишь, какъ я по этому поводу не разъ ссорился съ мамой и папой—но теперь я положительно на ихъ сторонѣ. Впрочемъ, кто теперь говоритъ о національностяхъ? Это какой-то анахронизмъ въ наше время. Съ тѣхъ поръ, какъ случился въ университетѣ скандалъ, о которомъ я тебѣ писалъ, мы всѣ на студенческой сходкѣ рѣшили, (мнѣніе твоего брата имѣло не послѣднее значеніе), чтобы слова: еврей, православный, католикъ не существовали въ нашемъ лексиконѣ, а каждаго, кто обмолвится словомъ: жидъ, не допускать на студенческія сходки, (я даже предложилъ совсѣмъ его исключить, но послѣ взялъ назадъ свое предложеніе, такъ какъ это уже слишкомъ). Ватманъ при рѣшеніи этого вопроса держалъ себя съ тактомъ, не вмѣшивался въ пренія и предоставилъ говорить другимъ. Когда же вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, онъ взошелъ на кафедру и сталъ развивать мысль о назначеніи человѣка и его обязанностяхъ въ отношеніи къ низшей братіи—понимаешь, на что я намекаю?...

«Я не могу тебѣ передать все то, что онъ говорилъ, но, повторяю, онъ геніальный человѣкъ. И какъ онъ любитъ народъ! Мама, которая кичится либеральными взглядами и гуманными чувствами, краснѣла бы, слушая его».

Такими и т. п. письмами бомбардировалъ молодой студентъ свою сестру. Въ рѣдкомъ письмѣ не было имени Ватмана. Онъ былъ героемъ дня, лучшимъ ораторомъ, выдающейся личностью на всѣхъ сходкахъ, депутатомъ, посредникомъ между

студентами и начальствомъ и во всѣхъ этихъ роляхъ выказывалъ блестящія способности, по увѣренію корреспондента Лиды.

Такимъ образомъ Лида знала Ватмана больше, чѣмъ зналъ онъ себя самъ и чѣмъ зналъ его ея братъ, который боготворилъ его. Если даже не все, что о немъ братъ пишетъ, вѣрно, разсуждала она, то все-таки что нибудь въ немъ есть. И она горѣла нетерпѣніемъ увидѣть этого молодого героя студенческихъ сходокъ, такъ какъ братъ ей писалъ, что Ватманъ намѣренъ лѣто провести у нихъ въ городѣ, у своего дяди.

И вотъ этотъ молодой герой здѣсь, она сама видѣла его, говорила съ нимъ. И, сидя теперь на верандѣ, выходившей въ тѣнистый садъ и обросшей плющемъ и дикимъ виноградомъ, она думала о томъ впечатлѣніи, которое на нее произвелъ Ватманъ при встрѣчѣ на вокзалѣ. Мать уже успѣла высказать о немъ свое мнѣніе, отецъ, конечно, согласился съ мнѣніемъ матери. Когда Павелъ присталъ къ сестрѣ, чтобы и она высказалась о его товарищѣ, она замѣтила:

— Я пока не могу сказать о немъ ничего, кромѣ того, что знаю изъ твоихъ писемъ.

— Однако, долженъ же былъ онъ произвести на тебя какое нибудь впечатлѣніе, приставалъ къ ней братъ.—Вѣдь, вотъ мама и папа также видѣли его въ первый разъ, однако высказались.

— Что же, и я выскажусь, если хочешь: онъ на меня произвелъ впечатлѣніе стыдливаго юноши, не утратившаго еще способности краснѣть; больше ничего.

— Браво, дочка, браво! загоготалъ Петръ Сергѣевичъ, но грозный взглядъ жены остановилъ его.

— Чего ты гогочешь? произнесла она обиженно:—твоя дочка просто не имѣетъ того тонкаго чутья, которое сразу отличаетъ людей выдающихся отъ ординарныхъ. Не правда ли, Пава?

— Сущая правда. Ты не обижайся, Лидочка, но это правда, нѣжно обратился онъ къ сестрѣ.

— И не думала обижаться, хладнокровно проговорила Лида.

Въ эту минуту лакей доложилъ, что кто-то спрашиваетъ молодаго барина...

— Это Ватманъ! вскрикнулъ Павелъ и бросился ему на встрѣчу. Лида тоже кинулась за братомъ, но мать ее остановила, замѣтивъ, что она уже взрослая и что такъ не принято въ свѣтѣ. Неизвѣстно, послушалась ли бы Лида увѣщаній матери, но она осталась, потому что Павелъ съ Ватманомъ были уже на верандѣ.

Ватманъ неловко поклонился и что-то пробормоталъ на привѣтствіе Анны Николаевны; на Лиду же онъ почти не обратилъ вниманія. Онъ чувствовалъ себя крайне неловко въ обществѣ дамъ, въ которомъ ему почти никогда не приходилось бывать. Однако неловкость эта скоро прошла, благодаря пріятной болтовнѣ Анны Николаевны, которая съ перваго же раза обдала молодого человѣка горячей струею провинціальнаго либерализма, отъ которой его даже въ потъ бросило. Петръ Сергѣевичъ тоже счелъ нужнымъ показать себя, упомянулъ о «партіи недовольныхъ», къ которой онъ принадлежитъ и, предоставивъ затѣмъ остальное докончить женѣ, ушелъ на зовъ своего секретаря, извинившись, что не можетъ продолжать пріятной бесѣды въ обществѣ свѣжихъ силъ... Ватману почти не приходилось говорить. У Анны Николаевны было столько матеріала, ея голосовой аппаратъ былъ такъ хорошо приспособленъ, что только и оставалось, что закрыть глаза и слушать. Лида не проронила ни одного слова. Казалось, она внимательно слѣдитъ за разговоромъ, но на самомъ дѣлѣ она наблюдала сидѣвшаго недалеко отъ нея Ватмана. Какъ тонкій психологъ, она не пропускала ни одного движенія, ни одной складки на блѣдномъ лицѣ молодого человѣка, стараясь по нимъ отгадать его внутренній міръ. Одна она успѣла замѣтить, что его тяготитъ положеніе, въ которое онъ попалъ, и она вдругъ почувствовала къ нему состраданіе. Она восполь-

зовалась приходомъ знакомой дамы, явившейся поздравить «съ гостемъ» и быстро подошла къ Ватману:

— Вы любите цвѣты? спросила она, смотря ему прямо въ глаза.

Это было такъ неожиданно для молодого человѣка, что онъ растерялся и не зналъ, что отвѣчать.

— Что же вы мнѣ не отвѣчаете? разсмѣялась Лида,—я васъ спрашиваю, любите ли вы цвѣты?

— Люблю.

— Ну такъ, пойдемте, я вамъ покажу мой цвѣтникъ. И она его такъ быстро увлекла за собою, что Ватманъ не успѣлъ опомниться. Павелъ остался занимать гостью.

— Вы думаете, что я въ самомъ дѣлѣ хотѣла васъ познакомить съ моими цвѣтами? проговорила она, когда они отошли на довольно порядочное разстояніе отъ веранды.

Ватманъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на молодую дѣвушку.

— Что же вы на меня такъ странно смотрите? Я просто пожалѣла васъ и хотѣла освободить отъ надоѣвшей вамъ бесѣды... И она звонко разсмѣялась, выказавъ при этомъ два ряда ослѣпительно бѣлыхъ, точно жемчужины, зубовъ.

Ватманъ не зналъ, что сказать.

— Что же вы молчите? я развѣ ошиблась? говорите правду.

— Я всегда говорю правду, сказалъ спокойно Ватманъ;— вы не ошиблись; но во всякомъ случаѣ странно...

— Что странно?

— А то, что вы хотите казаться оригинальной.

Лида въ свою очередь посмотрѣла на молодого человѣка.

— Вы думаете, что я разыгрываю роль!

— Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ показалось.

— Какъ же васъ убѣдить въ противномъ?

— Время само убѣдитъ, сказалъ Ватманъ. Но ему тотчасъ же стало жаль, почему онъ это сказалъ. Какъ онъ ни былъ откровененъ, но онъ инстиктивно чувствовалъ, что въ дан-

номъ случаѣ откровенность съ его стороны была нарушеніемъ простыхъ приличій.

— Вы меня извините, проговорилъ онъ какъ можно мягче,— я привыкъ въ средѣ товарищей всегда быть откровеннымъ и говорить то, что думаю. Можетъ быть...

— Эта черта въ васъ мнѣ очень нравится, и ваша откровенность меня ничуть не обидѣла, весело сказала Лида.—Я думаю, что и ваши товарищи за это васъ любятъ.

— Я это дѣлаю не заботясь, будутъ ли меня любить или нѣтъ; напротивъ, многимъ это очень не нравится.

— А вы съ братомъ моимъ очень дружны? вдругъ спросила Лида.

— Вы, кажется, это знаете.

— И вы относитесь къ нему, какъ учитель къ ученику?

Ватманъ вспыхнулъ.

— Вы это откуда взяли? спросилъ онъ.

— Да это и слѣпой бы замѣтилъ.

— Вы меня видите въ первый разъ.

— Это ничего не значитъ.

— Я отношусь къ нему, какъ товарищъ къ товарищу.

— Конечно, вы сами этого не замѣчаете. Да это и естественно: вы сильнѣе его.

— Я своихъ силъ еще нигдѣ не пробовалъ, едва слышно и весь покраснѣвъ, проговорилъ Ватманъ.

Лида искоса посмотрѣла на него и незамѣтно улыбнулась.

Наступила пауза.—Они медленно шли впередъ по узкой, тѣнистой аллеѣ сада. Золотистые лучи заходящаго солнца косо подали на нихъ сквозь густую листву деревьевъ. Въ саду розливалась пріятная прохлада наступающаго вечера; масса мошекъ летала въ воздухѣ, купаясь въ его золотистой пыли; отъ времени до времени показывались разноцвѣтныя бабочки, быстро махая своими пестрыми крылушками. Ватманъ посмотрѣлъ на свою спутницу, и непонятное, незнакомое ему чувство охватило его вдругъ. Ему стало неловко среди этой торжественной тишины сада.

— Гдѣ же вашъ цвѣтникъ? спросилъ онъ наконецъ, желая освободиться отъ внезапно нахлынувшихъ ощущеній.

— А вы таки любите цвѣты?

— Отчего же ихъ не любить? И, спустя минуту, онъ прибавилъ:—Было время, когда я отрицалъ все прекрасное въ природѣ, находя его излишнею роскошью.

— А теперь?

— Теперь? Теперь я другаго мнѣнія.

— Что же васъ заставило перемѣнить свой взглядъ? спросила она и, не дождавшись отвѣта, продолжала:—Скажите, вы на долго къ намъ?

— Не знаю, какъ придется. А что?

— Такъ спрашиваю. Что вы будете тутъ дѣлать?

— Ничего. Дядя совѣтуетъ мнѣ отдохнуть и набраться силъ для предстоящей борьбы... отвѣчалъ онъ и улыбнулся.

— А вы намѣреваетесь бороться?

— Безъ этого нельзя. Это принципъ нашего существованія.

Въ эту минуту они подошли къ цвѣтнику съ оригинально разбросанными клумбами и газонами. Небольшіе бархатные коврики съ разноцвѣтными узорами изъ цвѣтовъ были разсыпаны по землѣ чьею то искусной рукой; то здѣсь, то тамъ, высоко поднявъ головку, красовался гордый тюльпанъ, возлѣ него, точно заалѣвшаяся красавица, улыбалась пышная роза; тутъ же прятались бѣлая лилія и скромныя незабудки. Лида быстро нагнулась, сорвала небольшой цвѣтокъ съ пунсовыми бархатными лепестками и подала его Ватману.

— Смотрите, обращайтесь съ нимъ нѣжно, а то онъ быстро завянетъ, сказала она, смѣясь.—А теперь пойдемте домой. Догоняйте! И она пустилась бѣжать по узкой дорожкѣ.

V.

Ватманъ возвратился домой поздно. Онъ прямо прошелъ въ свою комнату и, не зажигая свѣчи, сталъ раздѣваться.

Была лунная ночь, и въ окно его комнаты падалъ блѣдный серебристый свѣтъ. Молодой человѣкъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ восторженномъ состояніи. Онъ былъ далекъ отъ мысли, что красивая, изящная головка Лиды всецѣло виною его теперешняго настроенія; по крайней мѣрѣ онъ не хотѣлъ сознаваться въ этомъ; для него, аскета, смотрящаго трезво на жизнь, проповѣдующаго господство разума надъ чувствомъ, было совѣстно сознаться въ томъ, что эта своеобразная дѣвушка съ тонкимъ станомъ и большими черными глазами произвела на него такое сильное впечатлѣніе. И все таки она не выходила у него изъ головы, и ея образъ безпрестанно мелькалъ предъ его глазами. Онъ старался думать о другомъ; сталъ перебирать въ своей памяти различные выдающіеся эпизоды изъ собственной жизни и жизни своего дяди. Эта послѣдняя ему всегда казалась чѣмъ то загадочнымъ и онъ не разъ пытался отгадать ея тайну; но ему это никогда не удавалось, потому ли, что онъ не такъ брался за разрѣшеніе этого вопроса, или потому, что зналъ только внѣшнюю ея сторону. Онъ и на этотъ разъ не могъ проникнуть въ эту тайну, но уже совсѣмъ по другой причинѣ. На этотъ разъ виновницею была Лида, образъ которой не кстати врывался въ водоворотъ его мыслей и давалъ имъ совершенно другое направленіе.

— Догоняйте! слышался ему ея крикъ; и онъ бросился ее догонять. Долго бѣжалъ онъ за нею по узкой дорожкѣ, но какъ ни старался, все отставалъ. Наконецъ, когда, выбившись изъ силъ, онъ хотѣлъ уже остановиться, она вдругъ обернула къ нему свое смѣющееся личико и сказала: Какой же вы слабенькій! развѣ такъ бѣгаютъ? На-те, держите! И, точно волшебница, она распустила вдругъ свои роскошные шелковистые волосы, которые всю ее закрыли до самихъ пятокъ.

— Вы теперь совсѣмъ скрылись отъ меня, сказалъ онъ жалобнымъ тономъ.

— Развѣ мои волосы не свѣтятся? Дайте руку! И онъ вдругъ почувствовалъ прикосновеніе маленькой бархатной ручки.

Онъ весь вздрогнулъ, точно электрическая искра пробѣжала по всему его тѣлу.

Когда онъ открылъ глаза, предъ нимъ кто-то стоялъ. Ватманъ быстро всталъ, но со сна не разглядѣлъ, кто это.

— Мнѣ докторъ сказалъ, что вы пріѣхали, и мнѣ хотѣлось васъ видѣть. Извините, я вамъ кажется, помѣшалъ спать... Я Розенвальдъ, робко произнесъ незнакомецъ.

Слово «Розенвальдъ» отрезвило наконецъ Ватмана.

— Ахъ, Розенвальдъ! какъ это я васъ не узналъ! Да садитесь пожалуйста, что вы стоите! Надѣюсь, при васъ можно одѣваться,

Розенвальдъ опустился на первый попавшійся стулъ и молча сталъ смотрѣть по сторонамъ. Онъ видимо конфузился и не зналъ, съ чего начать разговоръ. Онъ почти не измѣнился за эти пять лѣтъ. Таже сгорбленная, сухощавая фигурка, тоже подвижное, какъ бы запуганное лицо, таже всклокоченная бородка. И костюмъ его, видно, остался тотъ же, что пять лѣтъ тому назадъ, такъ что, глядя на мѣшкообразный сюртукъ, складками сидѣвшій на его сутуловатыхъ плечахъ, нельзя было сказать, чтобы онъ особенно занимался своею наружностью. Одна маленькая перемѣна была впрочемъ въ его наружности: онъ теперь носилъ большіе очки въ стальной оправѣ.

Но и очки не въ состояніи были скрыть то особенное выраженіе его небольшихъ карихъ глазъ, которые придавали его лицу не то задумчивый, не то заботливый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушный видъ.

— Ну, какъ же вы поживаете, Розенвальдъ? заговорилъ Ватманъ, доканчивая свой туалетъ.—Пять лѣтъ, какъ мы съ вами не видались.

— Да, пять лѣтъ, проговорилъ, какъ бы очнувшись, Розенвальдъ.

— Какъ же вамъ жилось это время?

— Такъ себѣ.

— Не особенно, значитъ, хорошо?

— Жаловаться грѣхъ.

— Вы развѣ набожный человѣкъ? спросилъ, посмотрѣвъ на него Ватманъ.

— Развѣ для этого нужно быть набожнымъ! улыбнувшись, проговорилъ тихо Розенвальдъ.

— Я думаю.

— Нѣтъ, нужно только понимать жизнь.

Ватманъ вторично посмотрѣлъ на него.—И этотъ человѣкъ думаетъ, что понимаетъ жизнь! мелькнуло у него въ головѣ.

— Какъ же вы понимаете жизнь? спросилъ онъ, но тотчасъ же спохватился и проговорилъ:—Вы все еще учительствуете!

— Да, учительствую.

— Скучное ремесло, неправда-ли?

— Какъ можно! проговорилъ, оживившись вдругъ, Розенвальдъ.—Развѣ учить другихъ можетъ когда нибудь наскучить? Къ тому же нашъ народъ до сихъ поръ такъ плохо училъ своихъ дѣтей, что было бы грѣшно отказываться отъ этого ремесла.

— Вы думаете, что у евреевъ чувствуется недостатокъ въ учителяхъ? спросилъ Ватманъ.

— Да, я въ этомъ увѣренъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, произнесъ Розенвальдъ. Видно было, что разговоръ этотъ ему по душѣ.

— Да вѣдь почти всѣ еврейскія дѣти учатся въ казенныхъ заведеніяхъ? сказалъ Ватманъ.

— Это тѣмъ болѣе доказываетъ мою мысль, произнесъ Розенвальдъ.

— Я васъ не понимаю; если государство въ такихъ широкихъ размѣрахъ даетъ образованіе еврейскимъ дѣтямъ, то..

— А вотъ я вамъ объясню, перебилъ его Розенвальдъ:— Давая образованіе еврейскимъ дѣтямъ, государство въ то же время стремится къ ихъ полному обрусенію. Евреи, падкіе вообще на образованіе, поддаются на эту удочку, совсѣмъ не понимая, что въ этомъ кроется ихъ собственная гибель.

— Какого же рода гибель? спросилъ, усмѣхнувшись, Ватманъ.

— Какъ, какого рода гибель? Развѣ вы не понимаете, что отрывая все больше и больше молодыхъ силъ, давая имъ такое направленіе, которое дѣлаетъ ихъ чуждыми ихъ народу, государство убиваетъ систематически еврейскій народъ? Посмотрите на нашихъ молодыхъ людей съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, — привставъ и сверкая глазами, продолжалъ онъ:—что общаго они имѣютъ съ еврействомъ, что, кромѣ неудобной для нихъ клички, связываетъ ихъ съ роднымъ народомъ? А вѣдь эта сила, будь она иначе направлена, моглабы вдохнуть жизнь забитому, придавленному и угнетенному народу.

— Но вѣдь эти молодые люди, эта сила,—перебилъ его Ватманъ,—не бросаютъ же свои знанія на вѣтеръ, вѣдь они что нибудь дѣлаютъ, служатъ же кому нибудь, или нѣтъ? Не скажете же вы,—продолжалъ онъ далѣе,—что евреи должны имѣть спеціально для нихъ приготовленныхъ врачей, юристовъ, инженеровъ? Вѣдь вы не потребуете, чтобы для евреевъ была создана другая наука, чѣмъ та, которая существуетъ для всѣхъ? Евреи должны жить общей жизнью съ тѣмъ народомъ, среди котораго они живутъ, частицу котораго они волею-неволею составляютъ. Ихъ стремленія должны быть солидарны съ его стремленіями, они не должны идти въ разрѣзъ съ нимъ, потому что они сами по себѣ не живутъ жизнью особи, индивидуума, не составляютъ цѣлого, а только одинъ изъ органовъ этой особи. Поэтому, чѣмъ больше молодыхъ силъ изъ евреевъ будутъ натурализоваться, чѣмъ больше, такъ сказать, они утратятъ специфически еврейскаго и пріобрѣтутъ общенароднаго, или вѣрнѣе, общечеловѣческаго, тѣмъ скорѣе они достигнутъ исторической цѣли.

— Вы не правы, восхликнулъ Розенвальдъ, котораго всего передергивало отъ словъ Ватмана, такъ что видно было, что ему стоило большихъ усилій дослушать его до конца;—вы не правы, повторилъ онъ.—Еврейскій народъ вовсе не созданъ для того,

чтобы затеряться въ общей массѣ, онъ вовсе не для того переносилъ въ теченіи столькихъ столѣтій самыя неслыханныя мученія, чтобы затѣмъ войти въ составъ того или другаго народа, который, можетъ быть духовно стоитъ гораздо ниже его. Вы ошибаетесь, говоря, что евреи не составляютъ цѣлаго, не живутъ жизнью индивидуума. Напротивъ, кто живетъ болѣе полною, болѣе гармоничной жизнью? Нравственные и соціальные идеалы ихъ извѣстны всему міру. А развѣ не въ возвышенности и въ гармоничности этихъ идеаловъ состоитъ индивидуальность народа? Правда, у насъ нѣтъ политической самостоятельности, у насъ нѣтъ собственной территоріи. Но развѣ территорія дѣлаетъ народъ народомъ? Развѣ человѣкъ безъ собственности перестаетъ быть человѣкомъ, развѣ узникъ, лишенный свободы, перестаетъ жить своимъ собственнымъ міромъ? Нѣтъ, наша историческая миссія вовсе не въ томъ состоитъ, чтобы прислуживать другому—мы для этого еще слишкомъ горды; а въ томъ, чтобы осуществлять собственные идеалы. Мы живемъ и имѣемъ право на жизнь, потому что мы не хуже, если не лучше, другихъ.... И Розенвальдъ какъ-то внезапно притихъ, точно онъ испугался своихъ собственныхъ словъ, своихъ собственныхъ мыслей, которыя вырвались у него помимо его воли.

Ватманъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Онъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы эта невзрачная, сгорбленная фигурка съ запуганнымъ видомъ преслѣдуемаго зайца, могла чувствовать съ такой силой, съ такой энергіей, чтобы его слабый, едва слышный голосъ могъ звучать такъ громко, такъ убѣдительно. Онъ невольно ощутилъ влеченіе къ этому человѣку, въ которомъ было столько неподдѣльнаго, искренняго чувства.

— Я не зналъ, что вы такой отчаянный патріотъ, проговорилъ онъ мягко, какъ бы извиняясь.

— Я люблю свой народъ всѣми фибрами своей души, произнесъ едва слышно Розенвальдъ.

— И только свой народъ? спросилъ Ватманъ.

— Нѣтъ, я вообще люблю ближняго и теоретически тоже

признаю, что не слѣдуетъ дѣлать различія, а все таки я свой народъ люблю больше.

— Это естественно съ эгоистической точки зрѣнія, замѣтилъ Ватманъ.

— Нѣтъ, не потому; я его люблю, какъ несчастнаго, какъ мученика, который незаслуженно терпитъ...

— Вы думаете, незаслуженно? спросилъ Ватманъ.

— А вы развѣ сомнѣваетесь? Враги евреевъ преслѣдуютъ ихъ за то, что они сила и сила крупная, съ которой нужно считаться. Все, что ни выдумывали и ни выдумываютъ на евреевъ, едва ли можетъ остановить на себѣ вниманіе серьезнаго и справедливаго человѣка. Конечно, и на солнцѣ есть пятна. Но почему же эти пятна замѣчаются только на евреяхъ, почему только о нихъ кричатъ, на нихъ указываютъ, какъ на то зло, отъ котораго все человѣчество страдаетъ?

Розенвальдъ замолчалъ и задумчиво поникъ головою. Задумался и Ватманъ. По воспитанію и складу идей онъ имѣлъ такъ мало общаго съ тѣмъ народомъ, изъ котораго онъ вышелъ, что никогда и не думалъ о его судьбѣ. Занятый болѣе сложными и болѣе общими вопросами, онъ всегда игнорировалъ еврейскій вопросъ, смотря на него, какъ на частный, мало интересный, или интересный настолько, насколько онъ имѣетъ связь съ общимъ. Уладится главное, уладятся и частности, думалъ онъ обыкновенно. Слова этого фанатика Розенвальда навели его на невеселыя мысли. Онъ почувствовалъ себя какъ-то нехорошо. Еще вчера онъ былъ такъ счастливъ, такъ веселъ, съ такими розовыми надеждами смотрѣлъ въ глаза будущему, былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, въ торжествѣ своихъ идей, а теперь... Онъ даже злобно посмотрѣлъ на Розенвальда, какъ на виновника его теперешняго настроенія.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ доктора.

— Ахъ, докторъ пріѣхалъ,—очнулся Розенвальдъ и вскочилъ съ своего мѣста; — нужно къ нему. Но на порогѣ онъ остановился:—А у меня къ вамъ просьба.

— Сдѣлайте одолженіе, я все готовъ для васъ сдѣлать. И Ватманъ говорилъ правду.

— У васъ, вѣроятно, много хорошихъ книгъ, а я...

— Любите хорошія книги, докончилъ за него Ватманъ;— моя маленькая библіотека къ вашимъ услугамъ. И онъ подвелъ его къ шкафу, гдѣ, въ несовсѣмъ живописномъ порядкѣ, была разбросана масса книгъ научнаго содержанія.

У Розенвальда глаза забѣгали отъ этого богатства знакомыхъ и незнакомыхъ именъ, выставленныхъ на обложкахъ.

На порогѣ появился докторъ.

— Ты не давай ему книгъ, онъ ихъ всѣ проглотитъ, шутливо сказалъ онъ, указывая на Розенвальда.

Всѣ трое разсмѣялись.

VI.

Весь этотъ день Ватманъ провелъ дома. Нѣсколько разъ онъ порывался къ Сирновымъ, но почему-то не рѣшался.—Не слишкомъ ли часто будетъ, урезонивалъ онъ себя;—да «чего я тамъ не видалъ! Павелъ придетъ ко мнѣ, если ему нужно». Лиду онъ намѣренно игнорировалъ, хотя въ тайнѣ души сознавалъ, что она именно и тянетъ его. Къ вечеру онъ однако не вытерпѣлъ и все-таки отправился. Но, подойдя къ ихъ дому, онъ вдругъ повернулся и пошелъ въ противоположную сторону. Онъ хотѣлъ побороть въ себѣ то нѣчто, которое влекло его къ Смирновымъ. Но ему тутъ же стало стыдно своей слабости. Чего я боюсь! стыдилъ онъ себя,—вѣдь это ребячество. И онъ снова повернулъ и быстрыми, рѣшительными шагами направился къ дому.

На порогѣ его встрѣтилъ Павелъ:

— А я, братъ, шелъ къ тебѣ: чего ты цѣлый день не показывался; я ужъ думалъ что ты захворалъ.

— Былъ занятъ, коротко отвѣчалъ Ватманъ.

— А мы вотъ затѣваемъ катанье на лодкахъ, знаешь, по итальянски, съ музыкой и пѣснями; провинціальные санти-

менты, прибавилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто не сочувствовалъ этимъ затѣямъ.

На верандѣ онъ нашелъ нѣсколько молодыхъ людей и барышень, съ которыми Анна Николаевна его тотчасъ же перезнакомила. Лиды между ними не было. Но она тотчасъ же явилась и, завидя Ватмана, издали крикнула ему:

— А что мой цвѣтокъ?

— Завялъ, какъ могъ хладнокровнѣе проговорилъ Ватманъ, но въ то же самое время почувствовалъ, какъ сердце у него странно забилось.

Лида надула губки.

— Вы злой, сказала она и отошла отъ него.

Ватманъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Какъ и вчера, ему и теперь стало жаль, зачѣмъ онъ ей причинилъ непріятность. Если вчера у него и было тайное желаніе сказать ей колкость, то сегодня онъ и въ мысляхъ этого не имѣлъ; онъ просто сказалъ правду, потому что цвѣтокъ дѣйствительно завялъ, несмотря на его стараніе поддержать его существованіе.

Общество стало собираться. Анна Николаевна пошла подъ руку съ однимъ изъ молодыхъ людей, который, какъ это успѣлъ замѣтить Ватманъ, не спускалъ глазъ съ Лиды; несмотря на то, что онъ казался весьма довольнымъ, ведя подъ руку почтенную даму, тонкій наблюдатель могъ бы прочесть на его лицѣ нѣчто другое.

Павелъ взялъ подъ руку молоденькую блондинку съ плутовскими глазками. Одинъ молодой человѣкъ подошелъ къ Лидѣ и предложилъ ей руку, но она отказалась. Кавалеръ надулся и пошелъ одинъ. Для Ватмана не хватило дамы, чему онъ былъ очень радъ.

— Ты остался безъ дамы? обернулся къ нему, весь сіяя отъ счастья, Павелъ;—возьми сестру, она, кажется, свободна.

— Хотите? сказала Лида.

Ватманъ весь покраснѣлъ.—Я съ удовольствіемъ, пробормоталъ онъ и подалъ Лидѣ руку.

— Я нарочно отказала тому господину, сказала она, ука-

зывая глазами на ушедшаго впередъ молодого человѣка; я думала, что вы сами подойдете ко мнѣ.

Ватману стало неловко; онъ не зналъ, что сказать.

— Я мало бывалъ въ обществѣ и не знаю обычаевъ, проговорилъ онъ въ свое оправданіе.

— Я не въ видѣ укора. Мнѣ просто хотѣлось съ вами побесѣдовать, но вы, кажется, сегодня не въ духѣ. Это было сказано такъ просто, съ такой неподдѣльной прямотой и дѣтской наивностью, что Ватманъ почувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо вблизи этой дѣвушки.

— Это мое обычное настроеніе, сказалъ онъ.

— Это васъ не рекомендуетъ. Посмотрите на Павла, какъ онъ сіяетъ, указала она на брата и потомъ вдругъ спросила: Какъ вы думаете, долго онъ будетъ бороться?

— То есть, какъ? спросилъ, не понявъ вопроса, Ватманъ.

— Вы вчера говорили о какой-то борьбѣ... ну, я и спрашиваю, долго ли онъ будетъ бороться?

— Есть различнаго рода борьба, сказалъ уклончиво Ватманъ.—Если съ этой хорошенькой блондинкой, то не долго.

— Однако вы умѣете шутить, сказала, смѣясь, Лида.—Я не объ этой борьбѣ говорю.

— О какой же?

— Ну, хоть о той, о которой вы упомянули вчера, говоря о себѣ.

— Я шутилъ.

— Я вамъ не вѣрю.

— Какъ знаете.

— А мнѣ кажется, что братъ начинаетъ опускать крылья.

Ватманъ весь превратился въ слухъ.

— Я понимаю борьбу такъ, сказала она послѣ минутной задумчивости:—нужно идти впередъ и не дѣлать компромисовъ, не смотря на всевозможные соблазны. Но разъ я соглашаюсь на компромисъ—все пропало; потому что за первымъ послѣдуетъ второй и т. д. Вотъ, посмотрите на этихъ господъ, продолжала она, указывая на молодыхъ людей,—развѣ они, бу-

дучи на университетской скамьѣ, не воображали себя героями, способными ворочать горами; вѣроятно, они въ свое время говорили тоже, что Павелъ мнѣ не разъ писалъ въ своихъ письмахъ; но потомъ все это забыли, а теперь остались только жалкія фразы...

— Развѣ Павелъ?... тревожно перебилъ ее Ватманъ.

— Ничего еще такого не сдѣлалъ, не пугайтесь; но у меня есть нѣкоторые симптомы, по которымъ я узнаю...

У Ватмана отлегло отъ сердца.

— Вы говорите, какъ многоопытный человѣкъ, сказалъ онъ не безъ нѣкоторой ироніи въ голосѣ. — Гдѣ вы взяли столько опыта?

Лида только посмотрѣла на него.

— Вы думаете, что я не права? спросила она.

Ватманъ промолчалъ.

— Вѣдь, вотъ, не скажу я тоже самое про васъ, продолжала она.

— Вы меня не знаете.

— Нѣтъ, не оттого. У васъ другая кровь течетъ; вы не нашей расы.

— Я не признаю расовыхъ различій, сказалъ Ватманъ.

— А все таки это различіе существуетъ.

Авангардъ между тѣмъ былъ уже на берегу рѣки. Кто-то изъ молодыхъ людей крикнулъ имъ, чтобы они шли скорѣе.

— Въ другой разъ окончимъ, а теперь прибавимъ шагу.

Ватманъ послѣдовалъ за нею.

Высокій скалистый берегъ круто спускался къ рѣкѣ. Рѣка была не широкая, но глубокая и быстро текла по каменистому руслу, живописно извиваясь среди холмистыхъ береговъ, безропотно слѣдовавшихъ за ея привольнымъ теченіемъ. Противоположный берегъ былъ весь покрытъ лѣсомъ, и заходящее солнце освѣщало его своими пурпуровыми лучами. Вечеръ обѣщалъ быть чуднымъ. Воздухъ былъ чистъ и пропитанъ ласкающею душу нѣгой. Четыре лодки, мѣрно качаясь на зеркальной поверхности воды, ждали пассажировъ. Началось усаживаніе.

— Кому гдѣ? крикнулъ Павелъ, вскочивъ въ ближайшую лодку.

— Гдѣ попало, кокетливо предложила хорошенькая блондинка.

— Идетъ! поддержала ее большая часть общества, и многіе бросились къ лодкамъ.

— Несогласенъ, крикнулъ Павелъ,—я въ такомъ случаѣ рискую потерять свою даму. И онъ бросилъ на нее многозначительный взглядъ.

— Ловкому предпочтеніе! вскричала молоденькая плутовка и вскочила въ одну изъ лодокъ. Нѣсколько кавалеровъ бросились вслѣдъ за нею. Лодка, въ которой стоялъ Павелъ, находилась шагахъ въ десяти отъ той, куда прыгнула молодая дѣвушка. Сдѣлать такой отчаянный прыжокъ—значило прямо упасть въ воду. Одно мгновеніе Павелъ стоялъ въ недоумѣніи, затѣмъ ловкимъ маневромъ повернулъ лодку, сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и очутился возлѣ блондинки.

Раздалось громкое радостное браво.

— Теперь усаживайтесь, какъ хотите, крикнулъ онъ и, сдѣлавъ нѣсколько взмаховъ веслами, отчалилъ отъ берега.

Ватманъ и Лида попали въ общество двухъ чопорныхъ барышень и того молодого человѣка, который убѣжалъ впередъ, разсерженный отказомъ Лиды.

Когда всѣ усѣлись, кто-то скомандовалъ, и лодки отчалили при дружномъ взмахѣ веселъ.

— Злой рокъ подшутилъ надъ вами, иронически шепнулъ Лидѣ обиженный ею молодой человѣкъ, когда она взялась за руль.

— Почему? спросила, недоумѣвая, Лида.

— Потому что, будь я одинъ, вы, конечно, не сидѣли бы въ этой лодкѣ.

— Вы глупости говорите, Долинскій, гребите лучше какъ слѣдуетъ; вы безобразно подымаете весла.

— Гребите вы, если вамъ не нравится, обидѣлся Долинскій.

— Хорошо. Ватманъ! Будете мнѣ помогать?

— Охотно, отвѣтилъ онъ.

— Развѣ вы умѣете? обратился къ нему, иронически улыбаясь, Долинскій.

— А вы почему думали, что я не умѣю? спросилъ Ватманъ.

— Такъ... Изъ вашихъ рѣдко кто умѣетъ грести и стрѣлять...

— Изъ какихъ это «вашихъ»? рѣзко спросилъ Ватманъ, устремивъ на него холодный, пристальный взглядъ.

Долинскій поблѣднѣлъ и струсилъ.

— Я хотѣлъ сказать... пробормоталъ онъ едва слышно.

— Если на вашемъ языкѣ есть еще «ваши и наши», презрительно произнесъ Ватманъ,—то вамъ не мѣшаетъ знать, что наши умѣли бороться съ бурными волнами непривѣтливаго моря уже тогда, когда ваши еще не думали даже родиться на свѣтъ божій.

И онъ сильно ударилъ веслами по водѣ; лодка быстро помчалась.

Гондольеръ молодой...

раздался между тѣмъ пріятный теноръ Павла.

Гондольеръ молодой...

вторили другіе.

И мягкіе, ласкающіе звуки нѣжной пѣсни далеко отдавались въ воздухѣ.

Въ лодкѣ, гдѣ сидѣлъ Ватманъ, царствовала гробовая тишина. Лида гребла молча, и какъ-то особенно налегая на весла. Казалось, она на нихъ хотѣла вымѣстить всю злобу, которая кипѣла въ ея груди. Чопорныя барышни хмурились; Долинскій сидѣлъ съ опущенными глазами, не смѣя поднять ихъ, какъ провинившійся школьникъ. Только лицо Ватмана осталось по прежнему холоднымъ и серьезнымъ. Онъ по прежнему гребъ сильно и мѣрно, отчеканивая каждый взмахъ весла, которое какъ ножемъ рѣзало зеркальную поверхность рѣки. Никто бы не сказалъ, глядя на него, что только за минуту предъ тѣмъ цѣлая буря клокотала въ его груди.

Переднія лодки причалили между тѣмъ къ небольшому

островку. Веселое общество расположилось пить чай. Когда вышли на берегъ, Лида подошла къ Долинскому.

— Вашъ поступокъ достоинъ презрѣнія, сказала она ему тихимъ, но твердымъ голосомъ.

Долинскій весь поблѣднѣлъ.

— Лидія Петровна! вы слишкомъ много себѣ позволяете, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Не больше, чѣмъ вы заслужили, сказала она и быстро отвернулась отъ него.

Долинскій побѣжалъ за нею.

— Да скажите же на милость, что я такое сдѣлалъ? приставалъ онъ къ ней.

— Вы развѣ не понимаете всей пошлости своего поступка? въ сердцахъ проговорила Лида.

— Гдѣ же тутъ пошлость? Я развѣ не правду сказалъ? Вольно же обижаться, прибавилъ онъ, ехидно улыбнувшись.

Лида бросила на него взглядъ, полный презрѣнія.

— Хотите, я извинюсь предъ нимъ, произнесъ онъ съ той же улыбкой.

— Вы отъ этого лучше не станете. И она отошла отъ него.

Маленькій, пустынный островокъ вдругъ ожилъ. Веселое общество безцеремонно расположилось на мягкой душистой травѣ. Со всѣхъ сторонъ слышался молодой смѣхъ и веселый говоръ. Анна Николаевна расположилась у самовара, хорошенькая блондинка взялась приготовить закуску, а одна изъ чопорныхъ барышень-откупоривать бутылки. Молодые люди въ свою очередь не оставались бѣзъ дѣла. Долинскому было поручено смотрѣть за самоваромъ и подбрасывать уголья.

— Вамъ поручили поддерживать священный огонь, подобно древнимъ весталкамъ, съострилъ по этому поводу Павелъ.

— Который однако не меня грѣетъ, отвѣтилъ Долинскій и злобно посмотрѣлъ на Лиду.

— Потому что вы не умѣете съ нимъ обращаться, сказала хорошенькая блондинка.

Всѣ разсмѣялись, а Долинскій насупился.

— Конечно не всѣ такъ искусны, какъ Павелъ Петровичъ, проговорилъ онъ, саркастически улыбаясь.

— Тѣмъ болѣе это поразительно, что у него въ рукахъ не уголь, а вода, (Павлу было поручено мыть посуду), замѣтилъ Карцевъ, кавалеръ Анны Николаевны, красивый брюнетъ съ большими выразительными глазами.

Послѣдовалъ новый взрывъ хохота; никто не раскусилъ тайнаго смысла шутки; больше всѣхъ, смѣялась блондинка. Лида съ сожалѣніемъ посмотрѣла на свою подругу и, бросивъ затѣмъ на Корцева взглядъ, полный укора, встала и направилась къ противоположному берегу островка.

Тамъ стоялъ Ватманъ. Ему было поручено составить букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ для поднесенія достойнѣйшей изъ дамъ.

Ему это порученіе пришлось по душѣ, такъ какъ ему хотѣлось быть подальше отъ шумнаго общества, шутки котораго вовсе не располагали его къ веселью. Намекъ, нечаянно брошенный Долинскимъ, вызвалъ въ немъ цѣлую бурю разнородныхъ чувствъ.

— Неужели всѣ такъ? думалъ онъ. Неужели эта преграда, отдѣляющая «нашихъ отъ вашихъ» никогда не падетъ? Неужели перемирія никогда не будетъ? Почему? И онъ сталъ задумчиво смотрѣть на открывавшійся предъ нимъ величественный видъ. Гладкая поверхность рѣки попрежнему отливала розоватымъ свѣтомъ. Отовсюду надвигались легкія тѣни, которыя длинными полосами покрывали окрестность. Послѣдній лучъ солнца блеснулъ надъ темнымъ лѣсомъ и затѣмъ какъ то разомъ погасъ. Небо до сихъ поръ розовое вдругъ потемнѣло на мгновеніе. Въ воздухѣ роспространилась пріятная вечерняя свѣжесть. Наступали сумерки.

— Неправда-ли хорошо? раздалось надъ самымъ ухомъ Ватмана. Онъ вздрогнулъ и обернулся. Возлѣ него стояла Лида.

Нѣсколько мгновеній они оба молчали.

— Зачѣмъ вы удалились отъ общества? спросила наконецъ Лида тономъ, полнымъ участія.

Ватманъ не сразу отвѣтилъ. Нѣсколько мгновеній онъ пытливо всматривался въ красивыя, дышавшія молодостью и энергіей, черты молодой дѣвушки.

— Я чувствую, что я чужой въ этомъ обществѣ, вырвалось у него наконецъ. Но онъ тотчасъ же спохватился; по выраженію его лица можно было замѣтить, что онъ сожалѣетъ о невольно вырвавшейся фразѣ.

Лида посмотрѣла на него.

— Вы несправедливы, сказала она съ укоромъ въ голосѣ.— Неужели вы считаете чужими и насъ, меня съ братомъ, прибавила она, ударяя на послѣднія слова.

Нѣжный, мелодичный голосъ Лиды подѣйствовалъ успокоительныъ образомъ на его возбужденные нервы; онъ чувствовалъ, что подъ его вліяніемъ онъ становится добрѣе, снисходительнѣе. Онъ съ благодарностью взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Вы добрая дѣвушка, произнесъ онъ едва слышно и протянулъ ей руку.

Она крѣпко пожала ее. Нѣсколько мгновеній простояли они въ такомъ состояніи. Оба были счастливы.

— Однако пойдемте, встрепенулась Лида.—Слышите, они собираются въ обратный путь.—И они оба, какъ счастливыя дѣти, пустились бѣгомъ по мягкой, покрытой росой травѣ. Въ эту минуту все было забыто, и Ватманъ готовъ былъ расцѣловать перваго встрѣчнаго. Увидя Долинскаго, онъ подбѣжалъ къ нему.

— Мы опять съ вами въ одной лодкѣ, не такъ ли? дружески предложилъ онъ.

Долинскій какъ то странно посмотрѣлъ на него.

— Если вамъ угодно... сухо произнесъ онъ.—Впрочемъ, захочетъ ли Лидія Петровна? прибавилъ онъ язвительно.

Въ другое время, можетъ быть, Ватманъ обратилъ бы вниманіе на эту иронію, но теперь онъ былъ слишкомъ счастливъ для того, чтобы остановиться на такой мелочи, да онъ и не

понялъ ироніи; напротивъ, тонъ Долинскаго казался ему даже очень дружественнымъ.

— Не захочетъ? Пойдемте, мы ее попросимъ. И онъ увлекъ съ собою Долинскаго, не смотря на сопротивленіе послѣдняго.

Взошла луна и освѣтила рѣку блѣднымъ свѣтомъ. Все вокругъ приняло какой то фантастическій, мечтательный характеръ: и крутые берега, и лѣсъ, и, маленькій зеленый островокъ, и люди, сновавшіе по немъ, точно блѣдныя привидѣнія.

Общество стало собираться въ обратный путь. Маленькая флотилія подъ энергической командой Павла скоро была готова, всѣ усѣлись въ порядкѣ, гребцы взялись за весла, рулевые за тонкія бичевки.

— Разъ, два, три, дружно! крикнулъ Павелъ и ударилъ веслами по водѣ.

— Разъ, два, три, дружно! раздалось гдѣ то въ глубинѣ лѣса.

Флотилія тронулась при общемъ хохотѣ, среди котораго только и слышны были крѣпкіе взмахи нѣсколькихъ паръ веселъ.

Кто то пробовалъ затянуть пѣсню, но никто не поддержалъ пѣвца.

— Теперь приличествуетъ торжественное молчаніе, сказала Анна Николаевна.

И при лунѣ томное мечтаніе...

продекламировалъ Павелъ.

Всѣ расхохотались. Дѣйствительно, что то тихое, мечтательное проникало въ душу каждаго.

С. Я.

(Продолженіе будетъ).

* * *

Остатки стѣнъ, разбитыя колонны,
Обросшія травой со всѣхъ сторонъ...
Могила тутъ! Здѣсь міръ похороненный!..
Взгляни, узнай, Израиль, свой Сіонъ!..

И также, какъ Іерусалимъ забытый,
Ужъ далеко, у океана водъ,
Живетъ народъ разсѣянный, разбитый...
Взгляни, узнай, Израиль, свой народъ!..

Надъ Мертвымъ моремъ тучи собралися.
Дрожитъ отъ грома весь небесный сводъ.
Плачъ вѣтра, стонъ изъ бездны—пронеслися!..
Израиль, знай, такъ стонетъ твой народъ!..

В. Жуковскій.

С.-Петербургъ.

ПОПЫТКИ РЕЛИГІОЗНОЙ РЕФОРМЫ У ЕВРЕЕВЪ.

(По поводу книги „Евреи-Реформаторы“ Эм. Бенъ-Сіона. Спб., 1882 г).

I.

О новыхъ религіозныхъ сектахъ: «Библейское Братство» и «Новый Израиль», объявившихся на югѣ Россіи прошлою весною въ горячее время погромовъ, уже было позабыли, но въ послѣднее время какъ-то опять о нихъ вспомнили по причинѣ воздвигнутаго представителями одесскаго еврейскаго общества преслѣдованія противъ учителя Прилукера, глашатая секты «Новый-Израиль», а теперь приходится снова о нихъ говорить вслѣдствіе появившейся въ защиту новаго ученія особой книги подъ заглавіемъ «Евреи-Реформаторы», нѣкоего Эммануила Бенъ-Сіона, (очевидно псевдонима). За исключеніемъ нѣкоторыхъ мимолетныхъ газетныхъ статей, извѣстившихъ о появленіи новой секты, книга г. Бенъ-Сіона первая трактуетъ съ нѣкоторою подробностію какъ о причинахъ, вызвавшихъ это явленіе, такъ и о содержаніи и цѣли новаго ученія. Авторъ книги, не принадлежа къ иниціаторамъ реформы, но сочувствуя ей и готовый присоединиться къ ней, подвергаетъ анализу выставленную сектантами программу, и хотя она не во всѣхъ пунктахъ встрѣчаетъ его одобреніе, онъ тѣмъ не менѣе объявляетъ себя солидарнымъ съ проповѣдуемымъ сектою ученіемъ, старается защищать всѣ ея положенія и, видя въ ней дѣйствительное средство къ разрѣшенію рокового еврейскаго вопроса, рекомендуетъ ее правительству къ немедленному утвержденію, а еврейскую молодежь призываетъ присоединиться къ сектѣ и къ дальнѣйшей въ ея пользу пропагандѣ.

Намъ пріятно констатировать прежде всего, что въ лицѣ ав-

тора разсматриваемой книги мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ по видимому компетентнымъ, серьезнымъ и добросовѣстнымъ. Г. Бенъ-Сіонъ, человѣкъ съ основательнымъ образованіемъ, хорошо знакомъ съ еврейскою богословскою литературой и съ еврейскою жизнію. Теоретически онъ весьма логично и правильно разсуждаетъ о религіозномъ и соціальномъ бытѣ евреевъ, даетъ вѣрное освѣщеніе и оцѣнку талмуда, этого родника и первоисточника всего міровоззрѣнія современнаго еврейства, доказываетъ до очевидности несостоятельность образовавшагося подъ этимъ міровоззрѣніемъ склада еврейской жизни и весьма послѣдовательно и основательно приходитъ къ заключенію о настоятельной необходимости въ безотлагательной реформѣ всего еврейскаго міросозерцанія и быта. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ, мы съ нимъ согласны и готовы ихъ подписать; расходимся же мы съ нимъ съ момента его перехода на практическую почву, когда онъ вообще усматриваетъ въ религіозной реформѣ радикальное средство къ окончательному разрѣшенію еврейскаго вопроса и панацею для евреевъ противъ всѣхъ невзгодъ и гоненій и когда онъ спеціально принимаетъ во всемъ ея объемѣ программу объявившейся секты, программу, которая, по нашему мнѣнію, составлена весьма неудовлетворительно и не можетъ быть принята въ руководство при проведеніи желанной нами всѣми реформы.

Исходя изъ того мнѣнія, что сказавшаяся у насъ въ послѣднее время въ такихъ грубыхъ формахъ ненависть коренного населенія къ евреямъ происходитъ не отъ экономическихъ и юридическихъ причинъ, какъ полагаютъ другіе, а исключительно отъ причинъ исповѣдныхъ, въ силу обособленной и своеобразной жизни евреевъ, рѣзко расходящейся съ жизнію окружающаго ихъ остальнаго населенія, авторъ счелъ нужнымъ прежде всего познакомить читателя съ тѣми элементами, изъ которыхъ сложилось эта своеобразная жизнь евреевъ и отъ которыхъ она получила свою особую, индивидуальную окраску. Въ небольшомъ конспектѣ онъ даетъ довольно вѣрную характеристику талмуда, исторію его происхожденія, его содержаніе и ученіе, его отношеніе къ Моисееву уставу и его вліяніе на образованіе національнаго характера и міровоззрѣнія евреевъ. Въ сжатыхъ, но мѣткихъ и вѣрныхъ чертахъ, авторъ живописуетъ неприглядную физіономію еврейской жизни, сложившейся подъ давленіемъ ригористическихъ законовъ талмуда.

Онъ рисуетъ напр. катавасію, происходящую въ домѣ правовѣрнаго еврея при наступленіи праздника пасхи, обставленнаго раввинами массою стѣснительныхъ правилъ и предписаній, построенныхъ, какъ колоссъ на глиняныхъ ногахъ, на весьма шаткомъ толкованіи одного стиха въ текстѣ Пятикнижія и своею численною тяжестію буквально задавливающихъ еврея; указываетъ на несостоятельность талмудической теоріи о *кошеръ* и *трефъ*, отдѣлившей еврейское племя китайскою стѣною отъ остального человѣчества; даетъ понятіе о двухъ главныхъ составныхъ частяхъ талмуда, *галахъ* (законодательная часть) и *агадъ* (легендарная), приводитъ образцы той и другой части, причемъ соглашается, что въ агадѣ есть прекрасныя высокопоэтичныя мѣста съ глубоко-этическимъ и назидательнымъ смысломъ, которыя однакожъ теряются въ массѣ «нелѣпыхъ миѳовъ, безсмысленныхъ фантастическихъ разсказовъ, внушающихъ въ душу вѣрующаго читателя глубокое суевѣріе и хаотическія понятія о міровыхъ вопросахъ и дѣйствительной жизни" *. Авторъ добросовѣстно признаетъ, что евреи „не употребляютъ христіанской крови" и что у нихъ не существуетъ противузаконно организованнаго кагала (стр. 57). Добросовѣстность автора доходитъ даже до самообвиненія. Онъ сознается въ «историческомъ преступленіи» евреевъ предъ христіанскимъ міромъ, въ «убійствѣ всемірно-историческаго значенія», совершенномъ нашими, давнимъ давно истлѣвшими, предками и «до сихъ поръ наполняющемъ сердца милліоновъ христіанъ религіозною злобою и желаніемъ мстить мучителямъ и убійцамъ Христа», —самообвиненіе, скажемъ мимоходомъ, являющееся по меньшей мѣрѣ довольно страннымъ въ устахъ еврейскаго реформатора, ищущаго примиренія съ христіанскимъ міромъ, въ особенности если противупоставить этому легкомысленному сознанію серьезныя научныя изслѣдованія объ этомъ вопросѣ авторитетныхъ ученыхъ, по которымъ судъ надъ Христомъ творился не евреями-талмудистами, а членами давно

* Талмудическое названіе небеснаго свода ווילון авторомъ не вѣрно передается не имѣющимъ смысла словомъ «Віолинъ» (стр. 51). Это просто латинское слово velum, занавѣсъ.

исчезнувшей секты саддукеевъ, не признававшей талмудическаго ученія *.

Такимъ образомъ, не отрицая достоинствъ талмуда и даже того обстоятельства, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его проглядываетъ духъ реформы, авторъ приходитъ однако къ заключенію, что ученіе талмуда принесло евреямъ великій вредъ. Вредъ этотъ состоитъ, по мнѣнію автора, *во-первыхъ*, въ громадномъ количествѣ оградительныхъ и ограничительныхъ постановленій, введенныхъ талмудомъ и послѣдующими раввинами, дѣлающихъ въ настоящее время для еврея физически невозможнымъ жить согласно его закону и религіи (стр. 54); *во-вторыхъ*, во множествѣ неблаговидныхъ и враждебныхъ постановленій талмуда относительно иновѣрцевъ, постановленій, по нынѣ относимыхъ невѣжественною массою евреевъ ко всѣмъ неевреямъ вообще, хотя на самомъ дѣлѣ, талмудъ могъ только имѣть въ виду однихъ язычниковъ; *въ третьихъ*, въ тѣхъ несбыточныхъ надеждахъ, которыя талмудъ поддерживаетъ въ сердцахъ евреевъ относительно пришествія Мессіи, возвращенія въ Палестину и реставраціи іерусалимскаго храма; *въ четвертыхъ*, въ самомнѣніи евреевъ, основанномъ на талмудическомъ представленіи о томъ, что весь свѣтъ созданъ для евреевъ и ради ихъ, и наконецъ, *въ пятыхъ*, въ спеціальныхъ предписаніяхъ талмуда, породившихъ обособленность евреевъ отъ другихъ народовъ и положившихъ глубокую пропасть между евреями и христіанами, что и служитъ неисчерпаемымъ источникомъ взаимной ненависти, озлобленій и разныхъ бѣдствій, прежде всего—для самихъ же евреевъ.

Этому зловредному духу талмудизма, которымъ насквозь пропитана вся жизнь еврейской массы, слѣдуетъ, по мнѣнію автора, приписать исключительно всѣ невзгоды, постигавшія евреевъ со времени іерусалимскаго погрома подъ господствомъ римлянъ вплоть до балтскаго погрома во время господства у насъ „народной политики". Естественно, что для устраненія недуга слѣдуетъ искоренить породившее его зло, и намъ остается только дезинфицировать станъ израилевъ отъ заразительныхъ міазмовъ талмудизма, и все будетъ обстоять благополучно. Такое дезинфекціонное

* См. статью «Тайная вечеря» профессора Хвольсона въ журналѣ „Христіанская Бесѣда" за 1876 годъ.

средство авторъ усматриваетъ въ программѣ объявившихся на югѣ Россіи реформаторовъ еврейской религіи, къ которымъ Бенъ-Сіонъ присоединяется всѣмъ сердцемъ и всею душою, но не знаемъ, всѣмъ-ли также своимъ достояніемъ.

II.

Реформаторы еврейской религіи появились прошлою весною одновременно въ двухъ мѣстахъ: «Библейское братство» въ Елисаветградѣ и «Новый Израиль» въ Одессѣ. Выступая съ различными программами и находясь, очевидно, въ разной степени развитія, обѣ секты сходятся въ одномъ пунктѣ: въ необходимости упразднить талмудъ. Заявленіе, съ которымъ обратилось къ публикѣ «Библейское братство», уже формою своего изложенія и своею безсодержательностію доказываетъ, что оно исходитъ отъ людей, не созрѣвшихъ до сознанія важности предпринимаемаго ими шага, которые сами невѣруютъ въ свое призваніе и расчитываютъ скорѣе на минутный ракетный эфектъ, чѣмъ на прочное и продолжительное дѣйствіе. Драпируясь въ высокопарныя образныя фразы пророкъ «братчиковъ» повѣствуетъ своимъ слушателямъ объ эффектности наружной обстановки, въ которую облекались древніе законодатели для вящшей внушительности. „Готама, основатель буддизма, говоритъ свою первую рѣчь народу подъ тѣнью дерева, одѣтый въ саванъ невольницы; Моисей даетъ евреямъ десять заповѣдей подъ вулканическимъ изверженіемъ Синаа; Іисусъ при страшныхъ мученіяхъ на крестѣ молится за своихъ палачей; Могаметъ доводитъ себя до мозговой иллюзіи»... Главнаго однако не узнаемъ, а именно: какова декоративная наружность новоявленнаго пророка и до какого мозговаго состоянія довелъ онъ себя, чтобы сильнѣе дѣйствовать на насъ при новомъ своемъ откровеніи? Послѣ этого вычурнаго вступленія, библеецъ ударяется въ отвлеченную философію и городитъ какую-то нескладицу о развитіи религіозной идеи вообще, издѣвается надъ совершаемою евреемъ благодарственною молитвою за то, что Богъ не создалъ его рабомъ или женщиною, очевидно не понимая настоящаго смысла этой молитвы, основанной на томъ, что для рабовъ и женщинъ, по ученію раввиновъ, не обязательно исполненіе заповѣдей, каковое исполненіе, опять по ихъ же по-

нятіямъ, составляетъ верхъ блаженства и главное призваніе человѣка на землѣ. На сколько чопоренъ и трескучъ слогъ этого новаго откровенія, на столько пуста и безсодержательна его фактическая часть. Она состоитъ въ отрицаніи всѣхъ догматовъ вѣры, не исключая и безсмертія души, всѣхъ внѣшнихъ признаковъ религіи, не исключая и молитвы. Еврею дѣлается упрекъ, что между прочими вѣрованіями онъ вѣритъ также въ загробную жизнь (стр. 75). «Мы же, библейцы, говорится тамъ дальше елейно, совершенно другаго понятія о религіи. По нашему, она составляетъ совокупность всего, что есть въ человѣкѣ хорошаго, возвышеннаго. Наша нравственность есть наша религія... Богъ, сумма высшаго разума, чистѣйшая истина и святѣйшая справедливость, не требуетъ никакихъ внѣшнихъ, никому не нужныхъ, формъ и обрядовъ. Ему не могутъ быть также угодны наши молитвы, написанныя на непонятномъ для большинства языкѣ. Можно быть честнымъ человѣкомъ безъ шаблонной молитвы; если кому угодно молиться, т. е. исповѣдываться предъ своей совѣстію, излить накопленную горечь предъ своей душою (!), то онъ можетъ это сдѣлать не иначе, какъ по вдохновенію и притомъ на понятномъ языкѣ»... Все это прекрасно сказано, но вмѣстѣ съ тѣмъ это не болѣе и не менѣе, какъ отрицаніе всякой положительной религіи и можетъ быть направлено по адресу не однихъ только евреевъ. Раціоналистическій догматъ «моя нравственность—это моя религія», еще не принятъ ни однимъ народомъ, и даже въ атеистической французской республикѣ, отнявшей у идеи о государственности всякій исповѣдный характеръ, министру духовныхъ дѣлъ не удалось провести эту идею въ сенатѣ и до сихъ поръ тамъ церковь не отдѣлена отъ государства. Это основная идея партіи такъ называемыхъ Confessionslose, но она пока только и можетъ быть идеею одной партіи, но не цѣлаго народа или государства.

И авторъ книги «Евреи Реформаторы» повидимому не удовлетворяется раціоналистическою догматикою, сулимою библейцами евреямъ взамѣнъ ихъ самой положительной религіи. Онъ цитируетъ блѣдную тѣнь Духовнаго Братства видимо только для того, чтобы она не обидѣлась и не покраснѣла; посылаетъ ей въ угоду нѣсколько крѣпкихъ словъ по адресу скудоумаго „общества“, которое не въ состояніи понимать такихъ высокихъ истинъ, и затѣмъ окончательно оставляетъ ее, чтобы пообстоятельнѣе заняться

другою сектой „Новый Израиль“, программа которой стоитъ на болѣе фактической почвѣ и даетъ болѣе твердую точку опоры для проведенія реформаторскихъ стремленій.

III.

Программа, выставленная «Новымъ Израилемъ», содержитъ въ себѣ цѣлую profession de foi и состоитъ изъ слѣдующихъ 15 параграфовъ, передаваемыхъ нами съ нѣкоторыми незначительными сокращеніями:

1) Каждый изъ членовъ секты „Новый Израиль“ признаетъ великій вредъ, истекающій изъ толкованія бывшими вавилонскими и іерусалимскими раввинами Моисеева закона, *глубоко презираетъ* это толкованіе и признаетъ за святое только Пятикнижіе Моисея въ буквальномъ его смыслѣ.

2) „Новый Израиль“, считая первымъ рабочимъ днемъ понедѣльникъ и не желая идти въ разрѣзъ съ христіанскою жизнію, желаетъ перенести субботній день на воскресенье, что совершенно согласно со смысломъ 2-й гл. книги Бытія и 4-й заповѣди, гдѣ ясно сказано: шесть дней работай и дѣлай дѣла свои, а день седьмой суббота Господу Богу Твоему.

3) Основываясь на одномъ стихѣ „Второзаконія“, гдѣ Моисей ясно предоставляетъ послѣдующимъ поколѣніямъ измѣненіе религіозныхъ постановленій согласно съ духомъ времени, „Новый Израиль“ отмѣняетъ обрядъ обрѣзанія младенцевъ, признавая его наслѣдіемъ варварскихъ временъ, опаснымъ и гибельнымъ для только что появившагося на свѣтъ слабаго и нѣжнаго существа, взамѣнъ этого, на восьмой день послѣ рожденія младенца, читается соотвѣтственнаго содержанія краткая молитва, посредствомъ которой новорожденный принимается въ лоно „Новаго Израиля“. Отмѣна этого обряда согласна и съ духомъ пророка Іезекіиля, понимавшаго его въ моральномъ смыслѣ, что ясно выражается словами пророка: „Обрѣжьте наросты вашего сердца“.

4) Отмѣняются многія еврейскія молитвы и составляются новыя въ духѣ „Новаго Израиля“ на древнееврейскомъ языкѣ, но безъ всякой примѣси средневѣковой еврейской поэзіи и піитики.

5) Называетъ свой молитвенный домъ: „Церковь Новаго Израиля“ съ отличительнымъ изображеніемъ на куполѣ „Магенъ-Давида“.

6) Отмѣняется установленное у евреевъ-талмудистовъ обязательное писаніе торы на пергаментныхъ свиткахъ и одинаково почитается святынею тора напечатанная...

7) Предоставляется право каждому сектанту и сектанткѣ самимъ рѣзать птицъ и животныхъ, а также признается за кошерное и мясо животныхъ, убитыхъ христіанами.

8) Празднуются всѣ еврейскіе историческіе и религіозные праздники, какъ-то: Пасха, Пятидесятница, Новый годъ, Судный день, Кущи, за исклю-

ченіемъ дней, прибавленныхъ къ этимъ праздникамъ талмудистами; празднуются также и историческіе полупраздники Ханука и Пуримъ.

9) Каждый членъ „Новаго Израиля“ считаетъ русскій языкъ своимъ роднымъ и обязывается употреблять его въ домашней и повседневной жизни.

10) Свято почитаются всѣми членами „Новаго Израиля“ всѣ гражданскіе и уголовные законы Россійской имперіи; члены взаимно другъ за друга ручаются не уклоняться и честно исполнить первую гражданскую обязанность—воинскую повинность.

11) Воспрещается членамъ секты, подъ какимъ бы то ни было видомъ, заниматься ростовщичествомъ и содержаніемъ домовъ терпимости.

12) На все вышеизложенное исходатайствовать правительственное разрѣшеніе, по полученіи котораго немедленно приступить къ окончательной организаціи секты.

13) Со дня утвержденія правительствомъ „Новаго Израиля“, члены его впродолженіе перваго года будутъ называть каждаго новорожденнаго и новорожденную Александромъ и Александрою, по имени Августѣйшаго Монарха.

14) Исходатайствовать предъ правительствомъ „Новому Израилю“ *полныя права гражданства*, оказаніе содѣйствія при распространеніи этой секты и разрѣшеніе смѣшанныхъ браковъ между членами „Новаго Израиля“ и христіанами. Смѣшанные браки желательны, во-первыхъ, въ виду *благотворнаго ихъ вліянія на потомство*, во-вторыхъ, въ виду того, что въ послѣднее время сожительство между христіанами и евреями и безъ того значительно развилось, почти во всѣхъ случаяхъ сопровождаясь большимъ несчастіемъ для обѣихъ сторонъ и для ихъ потомства.

и 15) „Новый Израиль“, какъ не солидарный съ евреями талмудистами, намѣренъ также исходатайствовать дозволеніе носить внѣшній отличительный значекъ.

Проведеніемъ въ жизнь этой программы основатели «Новаго Израиля», какъ они объясняютъ, желаютъ достигнуть двухъ цѣлей: во-первыхъ, произвести въ современномъ еврействѣ такія реформы, которыя облегчили бы сближеніе между евреями и христіанами въ самомъ ближайшемъ будущемъ; во-вторыхъ, посредствомъ внутренняго перерожденія и направленія дѣятельности къ болѣе производительному и полезному труду, стать сынами отечества и полными гражданами Россіи.

Сразу замѣтно, что программа «Новаго Израиля» составляетъ уже реакцію противъ программы «Духовнаго Библейскаго Братства». «Новый Израиль» не довольствуется философскою догмою: «моя нравственность — это моя религія»; онъ не поучаетъ, что «Богъ не требуетъ никакихъ внѣшнихъ формъ и обрядовъ». «Новый Израиль» стоитъ на реальной почвѣ, занимается, какъ

увидимъ, даже черезчуръ, вопросами, составляющими внѣшнее выраженіе религіи, допускаетъ молитву даже на непонятномъ для большинства языкѣ. Нельзя отрицать въ программѣ «Новаго Израиля» практическаго смысла; въ ней есть хорошія мѣста и безусловно полезныя предначертанія, которыя могутъ повести только къ благу ихъ послѣдователей; но другой вопросъ: можетъ ли эта программа, вся какъ она есть, служить дѣйствительнымъ основаніемъ для желанной и необходимой реформы нашего еврейства?

Всѣ правила, или, какъ они ихъ величаютъ, религіозные догмы «Новыхъ Израильтянъ» можно раздѣлить на двѣ категоріи: на правила религіозныя (§ 1—8) и на соціально-политическія (9—12). Противъ такихъ требованій, какъ усвоеніе себѣ отечественнаго языка, стремленіе стать истинными сынами отечества, аккуратное отбываніе воинской повинности и исполненіе другихъ государственныхъ повинностей и законовъ, воздержаніе отъ предосудительныхъ занятій, никто конечно спорить не станетъ. Это — исконное желаніе и стремленіе всѣхъ лучшихъ русскихъ евреевъ, и, дай Богъ, чтобы эти хорошія начала дѣйствительно стали у нашихъ евреевъ религіозными догмами. Внѣ же этихъ общеизвѣстныхъ и общепризнанныхъ истинъ, которыя собственно ничего общаго съ религіозной реформой не имѣютъ, изъ остальныхъ требованій программы не всѣ одинаково могутъ быть признаны справедливыми, настоятельно необходимыми и соотвѣтствующими искомой цѣли.

Не будемъ придираться къ болѣе чѣмъ неприличному и вовсе ненужному выраженію «глубокаго презрѣнія» къ талмуду (§ I), ученіе котораго мы можемъ признавать въ настоящее время для насъ вреднымъ и отвергать, но къ которому мы не должны относиться дерзко и презрительно въ виду услугъ, которыя онъ оказалъ еврейскому народу въ прошломъ и той пользы, которую онъ, какъ увидимъ ниже, при раціональномъ пользованіи имъ, можетъ намъ принести еще въ настоящемъ; не станемъ указывать на неприличіе § 13-го, имѣющаго характеръ заискиванія и задабриванія правительства за испрашиваемыя милости, хотя такое же предложеніе и было сдѣлано нашими іерусалимскими предками Александру Македонскому, но при другихъ условіяхъ и, во всякомъ случаѣ, съ бо́льшимъ тактомъ; не будемъ указывать также на безтактность и неумѣстность въ религіозно-реформаторской про-

граммѣ ходайства о дарованіи гражданскихъ правъ, придающаго всей этой затѣѣ характеръ корыстной спекуляціи, или на ребяческую вздорность мысли о ношеніи отличительнаго внѣшняго знака, что впрочемъ замѣчено уже и авторомъ книги «Евреи-Реформаторы». Все это имѣетъ для насъ второстепенное значеніе. Насъ главнымъ образомъ интересуетъ вопросъ: справедливы-ли основательны и дѣйствительно цѣлесообразны выставляемыя программою религіозныя реформы?

Авторъ книги, давшей поводъ къ настоящему нашему разсужденію, не принадлежа самъ, повидимому, къ иниціаторамъ новой религіозной секты, принялъ на себя комментированіе и защиту ихъ ученія. Его книга является своего рода талмудомъ къ писанію нашихъ новыхъ законоучителей. Хотя г. Бенъ-Сіонъ талмудъ отвергаетъ и вмѣстѣ съ своими кліентами «глубоко презираетъ» его толкованіе, онъ въ своемъ комментаріи къ заповѣдямъ «Новаго Израиля» не стѣсняется однакожъ прибѣгать къ чисто талмудической софистикѣ, толкуя текстъ Моисеева устава, смотря по потребностямъ, то по его духу и въ самомъ широкомъ смыслѣ, то по точному значенію буквы. Провозглашая себя приверженцами чистаго мозаизма и отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ такія капитальныя основы моисеева ученія, какъ суббота, обрѣзаніе и запрещеніе вступленія въ бракъ съ иновѣрцами, основатели «Новаго Израиля» естественно вошли въ противорѣчіе сами съ собою. Г. Бенъ-Сіонъ старается выпутать ихъ изъ этой дилеммы и прилагаетъ усилія оправдать это потрясеніе основъ Моисеева ученія на основаніи Моисеева же ученія. Такъ, въ оправданіе перенесенія субботы на воскресенье, онъ говоритъ: «Суббота должна намъ напоминать, что міръ не есть «самобытный», а созданъ Богомъ въ шесть дней и вся идея субботы заключается въ празднованіи *седьмаго* дня послѣ *шестидневной* работы» (стр. 89). Этотъ аргументъ не новый. Онъ былъ уже въ употребленіи у заграничныхъ еврейскихъ радикаловъ-реформаторовъ, о чемъ читатель можетъ справиться въ августовской книжкѣ «Восхода» за прошлый годъ въ литературной лѣтописи (стр. 11—12), гдѣ онъ найдетъ и ссылку на талмудъ относительно «странствующаго въ пустынѣ» и мѣсто этого цитата, ускользнувшее, очевидно, отъ автора книги «Евреи-реформаторы», такъ какъ онъ приводитъ этотъ цитатъ безъ указанія источника и не подлинными словами талмуда

(стр. 90 въ прим.). Но это все-таки не болѣе какъ натяжка. Въ древне-еврейскомъ языкѣ дни недѣли не имѣютъ особыхъ названій; они обозначаются числительнымъ порядкомъ: *іомъ-ришонъ*, первый день = воскресенье, *іомъ-шены*, второй день = понедѣльникъ и т. д., слѣдовательно, Библія иначе не могла обозначить день субботы какъ только словами *іомъ-гашвіи*, седьмой день, и никто до сихъ поръ не усумнился, что днемъ отдыха была назначена самымъ Моисеемъ именно суббота. Да и самое названіе «*суббота*», которое есть ничто иное какъ еврейское «*шаббатъ*, (отдыхъ), доказываетъ, что и тѣ, которые празднуютъ воскресенье» признаютъ, что седьмой день недѣли, установленный Библіею для отдыха, есть именно суббота, а не воскресенье. Слѣд., къ какимъ натяжкамъ ни прибѣгай, а перенесеніе субботы на воскресенье есть и остается прямымъ нарушеніемъ Моисеева постановленія. Можно выставить еще доказательство, хотя оно, конечно, для нашихъ опонентовъ не можетъ считаться обязательнымъ, что суббота для евреевъ имѣетъ значеніе праздника не *идейнаго*, а скорѣе *историческаго*. По еврейскому календарю, каждый періодъ изъ 28 лунныхъ лѣтъ составляетъ большой солнечный циклъ (מחזור גדול לחמה), когда спутники солнца, земля и луна, совершивъ полный обходъ вокругъ солнца, возвращаются къ первоначальной точкѣ своего исхода, и четыре времени года начинаютъ повторяться въ прежнемъ порядкѣ дней и часовъ. Тогда начало весны (תקופת ניסן) непремѣнно случается въ среду, соотвѣтствующую библейскому *іомъ-го-рвіи* четвертому дню недѣли, въ который, по I кн. Моисея, 17, небесныя свѣтила впервые начали отправлять свои функціи. На основаніи этого исчисленія, извѣстнаго подъ техническимъ терминомъ תקופת בהרד, выходитъ, что воображаемый отдыхъ Создателя послѣ трудовъ надъ сотвореніемъ міра случился именно въ субботу, такъ что съ этой точки зрѣнія перенесеніе субботы на воскресенье все равно, что перенесенье напр. Пасхи съ 15-го Нисона на другой день, отчего празднованіе этого дня теряетъ свое значеніе.

Если здѣсь проповѣдники «Новаго Израиля» носятся въ пространствѣ за *идеею* библейской заповѣди, то относительно вопроса о смѣшанныхъ бракахъ они крѣпко льнутъ къ буквѣ закона. Моисей неоднократно предостерегаетъ евреевъ отъ вступленія въ бракъ съ другими народами, съ цѣлію сохраненія въ чистотѣ

еврейской національности и еврейскаго культа. Естественно, что Моисей могъ говорить только о народахъ, существовавшихъ въ его время. Нашъ авторъ утверждаетъ, что этотъ запретъ касался лишь семи народовъ, аборигеновъ древняго Ханаана. Онъ ссылается на законъ о военноплѣнницѣ *(5 Моисея XXI, 10—13)*, съ которой еврею разрѣшено вступить въ бракъ. Но взглядъ автора исторически невѣренъ, а ссылка его ничего не доказываетъ. Сожитіе съ военноплѣнницею разрѣшено Моисеемъ послѣ того какъ она отречется отъ своихъ родныхъ и отъ своего народа, на что указываютъ слова: «И будетъ она оплакивать своихъ родителей цѣлый мѣсяцъ», (*тамже*) и послѣ отреченія отъ своей вѣры (см. *Іебамотъ, 47 и 48)*, въ какомъ случаѣ нечего больше опасаться соблазна иновѣрія. Что же касается вопроса, кого имѣлъ Моисей въ виду при запрещеніи евреямъ родниться съ иновѣрцами, то, независимо отъ мнѣнія талмуда, который, конечно, въ настоящемъ случаѣ не судья, мы имѣемъ точныя свѣдѣнія какъ смотрѣли на это запрещеніе духовные руководители еврейскаго народа въ доталмудическія времена въ книгахъ Св. Писанія I Царей XI, 2; Малахіи II, 11; Ездра X и Неемія XIII, 23—27. Вышеизложеннымъ мы хотѣли только доказать несостоятельность доводовъ нашего автора и произвольность его толкованій; нашъ же личный взглядъ на этотъ щекотливый вопросъ мы предоставляемъ себѣ высказать впослѣдствіи. Одно во всякомъ случаѣ можемъ сказать, что уничтоженіе со стороны правительства ограниченія, каково бы оно ни было, никогда не мѣшаетъ....

Гораздо труднѣе для нашего автора распутать вопросъ объ отмѣнѣ обрѣзанія—этого краеугольнаго камня еврейства. Инціаторы новой секты, какъ мы видѣли, дѣлаютъ это весьма просто: они разрубаютъ узелъ, чтобы долго съ нимъ не возиться. Въ § 3 программы читаемъ: «Основываясь на одномъ стихѣ Второзаконія, гдѣ Моисей представляетъ послѣдующимъ поколѣніямъ измѣненіе религіозныхъ постановленій согласно съ духомъ времени, «Новый Израиль» отмѣняетъ обрядъ обрѣзанія...» Стихъ этотъ изъ Второзаконія, объяснимъ мимоходомъ, есть ст. 15 главы XVIII, который гласитъ: «Пророка изъ среды тебя, изъ братьевъ твоихъ, подобнаго мнѣ, воздвигнетъ тебѣ Богъ; его слушайтесь». Основатели секты воздерживаются отъ цитированія полнаго текста стиха изъ скромности, чтобъ о нихъ не сказали, что они уподоб-

ляютъ себя Моисею. Нашего автора вопросъ этотъ сильно озабочиваетъ. Онъ сознаетъ, что обрядъ обрѣзанія есть основной догматъ еврейской религіи (стр. 105), не находитъ въ Моисеевомъ уставѣ ни одного крючка для зацѣпки софистической петли * поэтому совершенно эманципируется отъ Моисея и, становясь на почву гигіеническую, указываетъ на опасность отъ этой операціи, совершаемой въ столь нѣжномъ возрастѣ; но, не умѣя доказать ни дѣйствительности, ни степени этой опасности научными доводами и статистическими данными, онъ довольствуется личнымъ свидѣтельствомъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ дѣти тутъ-же умирали подъ ножемъ оператора и какъ у одной матери умерло подъ рядъ *восемь* человѣкъ дѣтей отъ обрѣзанія, послѣ чего лишь раввинъ разрѣшилъ отсрочку на 3 года. На основаніи этихъ соображеній онъ приходитъ къ заключенію, что обрядъ обрѣзанія, какъ дикій остатокъ варварскихъ временъ, подлежитъ упраздненію. Правда, какъ человѣкъ добросовѣстный, авторъ приводитъ и мнѣніе нѣкоторыхъ врачей, что актъ circumcisio въ нѣкоторомъ отношеніи даже полезенъ, какъ мѣра предохранительная противъ половыхъ болѣзней, но онъ требуетъ, чтобы прежде рѣшенія о сохраненіи этого акта, санитарная полезность его была доказана положительнымъ и неопровержимымъ образомъ.

Мы позволимъ себѣ прежде всего только усумниться въ безошибочности сообщеній автора относительно младенцевъ, умиравшихъ тутъ же подъ ножемъ оператора. Мы имѣли возможность въ теченіи пяти лѣтъ наблюдать за ходомъ смертности еврейскихъ дѣтей здѣсь въ Петербургѣ и, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ умершихъ младенцевъ мужского пола, былъ единственный случай отъ истеченія крови послѣ обрѣзанія, да и то по той причинѣ, что младенца тотчасъ послѣ обрѣзанія перенесли въ другой конецъ города и медицинской помощи не было подано во время. Точно также удивляемся разсказываемому авторомъ факту съ матерью, у которой умерло 8 дѣтей отъ обрѣзанія,—удивляемся въ виду существующа-

* Въ программѣ (§ 3) основатели секты дѣлаютъ попытку заповѣдь объ обрѣзаніи толковать аллегорически, на основаніи словъ пророка Іезекіиля: «Срѣжьте наросты вашего сердца». Эти бѣдные мозаисты очевидно не знаютъ, что аллегорическое это выраженіе находится въ самомъ Пятикнижіи (V М. X, 16), чѣмъ доказывается, что заповѣдь только послужила основаніемъ этому аллегорическому выраженію, но сама не есть аллегорія.

го прямого постановленія, что младенецъ, у котораго два родные брата, или даже одинъ родной, а другой двоюродный, умерли отъ обрѣзанія освобождается отъ этой операціи, какъ принадлежащій къ семьѣ hamophiliae משפחה דרפי דמא (*Іебамотъ*, *64б; Іоре Деа* § *263*). Даже замѣченное малокровіе, hamoporie, освобождаетъ отъ исполненія этого обряда, (*тамъ же*). Какимъ же образомъ могло случиться, что у одной матери умерло отъ обрѣзанія *восемь* человѣкъ дѣтей, когда уже третій долженъ былъ оставаться необрѣзаннымъ? Вообще, дѣйствительная опасность обрѣзанія, въ особенности если она совершается опытнымъ операторомъ, вопросъ еще весьма сомнительный. Если бы обрѣзаніе было такъ смертоносно, какъ оно представляется автору, то доброжелатели евреевъ, отъ Фараона до Суворина, не имѣли бы основанія вопить о несоразмѣрномъ размноженіи ненавистнаго имъ племени, а сирійскіе и римскіе деспоты въ свое время не стали бы запрещать евреямъ обрѣзываться. Мы находимъ для обрѣзанія нѣкоторую аналогію въ общепринятомъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ прививаніи оспы: хотя цѣль, добываемая этими двумя однородными актами различная, но вызываемыя ими явленія одинаковы; оба причиняютъ боль, сопровождаются болѣе или менѣе продолжительнымъ лихорадочнымъ состояніемъ и требуютъ тщательнаго ухода. Мы согласны, что для евреевъ было бы гораздо пріятнѣе, если бы старый Авраамъ въ свое время принялъ бы крещеніе безкровное. Быть можетъ, тоже самое думаютъ и магометане, потомки Измаила. Но разъ это случилось такъ, мы не видимъ правовой возможности освободиться отъ совершенія этого акта для всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ называться евреями. Весь магометанскій міръ, насчитывающій до 900 милл. душъ, принимаетъ обрѣзаніе въ возрастѣ болѣе еще развитомъ, когда страданія оперируемаго болѣе тягостны и для него самого и для его родныхъ; однако не слышно, чтобы они возмущались противъ этого обряда и намѣревались его отмѣнить. Во всякомъ случаѣ, требовать для сохраненія существующаго и вѣками освященнаго обряда доказательства его безвредности, вмѣсто того, чтобы, наоборотъ, раньше рѣшенія объ его отмѣнѣ, констатировать его безсомнѣнную вредность, — это можетъ одна только превратная логика.

Насколько шатки аргументы, которыми реформаторы мотивируютъ отмѣненіе неудобныхъ основныхъ законовъ еврейства, на-

столько неосновательны и нелѣпы нѣкоторыя ихъ нововведенія. Люди, объявляющіе себя стоящими на почвѣ чистаго мозаизма, безусловно отвергающаго всякое символическое изображеніе религіозныхъ идей, рѣшаютъ ставить на своихъ молитвенныхъ домахъ, или, какъ они говорятъ, на ихъ «церквахъ», изображеніе шестигранной звѣзды, извѣстной подъ названіемъ „Магенъ-Давидъ", не подозрѣвая, что это изображеніе никакого внутренняго смысла, никакого научнаго или историческаго значенія не имѣетъ, а есть только каббалистическая фигура, позаимствованная изъ инородческихъ источниковъ весьма сомнительнаго свойства. Ни св. Писаніе, ни талмудъ, объ этой фигурѣ не знаютъ; она впервые появляется въ произведеніяхъ средневѣковыхъ каббалистовъ, къ которымъ она перешла отъ арабовъ, и постановка ея на куполѣ еврейскаго храма божьяго есть несомнѣнное нарушеніе третьей заповѣди. Это доказываетъ самымъ явнымъ образомъ, что наши реформаторы далеко не проникнуты духомъ чистаго мозаизма, а руководятся одною только ребяческою страстью къ подражанію всему христіанскому. На безтактность содержанія 13 и 14 параграфовъ мы намекнули уже выше и съ этимъ согласенъ самъ адвокатъ „Новаго Израиля", авторъ книги «Евреи-Реформаторы». Точно также онъ съ нами согласенъ относительно ношенія внѣшняго знака, установляемаго § 15. Вѣроятно этотъ знакъ не будетъ ни *цицисъ* и ни *тфилинъ*, а опять тотъ-же «Магенъ-Давидъ»

Такимъ образомъ, изъ всей программы «Новаго Израиля» путнаго и цѣлесообразнаго остается весьма немного. Къ этому немногому относится пересмотръ существующихъ молитвъ, въ особенности употребляемыхъ евреями въ славянскихъ земляхъ, изъ которыхъ многія дѣйствительно отличаются безвкусіемъ и просто безграмотностію; но мы мало выиграемъ, если новыя молитвы будутъ составлены сочинителями программы, съ тѣмъ же тактомъ и такою же умѣлостью.

Замѣненіе для употребленія въ синагогахъ писанной на пергаментѣ библіи печатными экземплярами—вещь безвредная, но и не необходимая, такъ какъ изготовленіе пергаментныхъ свитковъ дѣлается на счетъ молитвенныхъ обществъ и не особенно тяжело падаетъ на евреевъ; за то пергаментные свитки имѣютъ за собою характеръ древности и большей святости. Гораздо важнѣе этого—отмѣна талмудическихъ законовъ о пищѣ, которые, помимо

всего, сильно отзываются на экономическомъ бытѣ евреевъ. Смѣло можно утверждать, что страшной нищетою, гнетущею массу еврейскаго народа, на половину она обязана законамъ о каширномъ и трефномъ.

Изложивъ нашъ взглядъ на основные принципы «Новаго Израиля», мы должны еще указать на ошибочность мнѣнія, будто обнаружившійся въ послѣднее время съ такою силою во всѣхъ слояхъ коренного населенія антагонизмъ къ евреямъ всецѣло происходитъ отъ религіозныхъ причинъ и что, слѣдовательно, реформою нашего культа мы освободимся отъ этого антагонизма. Въ Германіи евреи давно уже реформировали и облагородили свой культъ; талмудъ у нихъ давно уже лишился покрова божественности, пересталъ быть альфой и омегой всѣхъ знаній и руководящимъ религіознымъ кодексомъ, и низведенъ на подобающую ему степень предмета археологической науки, интересующаго немногихъ избранныхъ; ихъ храмы божіи въ своей внѣшности ничѣмъ не отличаются отъ христіанскихъ церквей, на многихъ изъ этихъ храмовъ торчитъ даже и желанный „Магенъ-Давидъ"; у нѣкоторыхъ воскресенье замѣняетъ субботу, словомъ, осуществлены всѣ идеалы „Новаго Израиля"; но все это не мѣшало однако Германіи стать родиной новѣйшаго антисемитизма. Въ Венгріи евреи давно уже омадьяровались, въ Галиціи ополячились, и это не препятствовало появленію въ тѣхъ странахъ личностей въ родѣ Источи, Оноди, Меруновича, устройству нейштетинскаго и пресбургскаго погромовъ, не помѣшало даже тому, чтобы сама судебная власть настолько проникласъ предубѣжденіемъ и ненавистью къ евреямъ, что допускаетъ возможность со стороны евреевъ совершенія убійства съ религіозной цѣлью и позволяетъ себѣ при судебномъ слѣдствіи всякую кривду и неправду, какъ это обнаружилось недавно по поводу тисса-эсларскаго дѣла.

Въ противуположность тому, во Франціи, гдѣ евреи не перенесли субботу на воскресенье, не отвергли варварскаго обряда обрѣзанія, не замѣнили пергаментный свитокъ роскошною печатною Библіею, и въ Англіи, гдѣ евреи, наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ, отличаются религіознымъ консерватизмомъ, ни Штекеры, ни Источи, ни Стрѣльниковы, ни пресбургскіе, ни балтскіе погромы не мыслимы. Очевидно, что главное зависитъ не отъ преобразованія евреевъ, а отъ степени развитія мѣстнаго населенія и

присутствія элементовъ справедливости въ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ предержащихъ властей. Тамъ, гдѣ двигательною силою у народной толпы является не «сознаніе», а «инстинктъ», гдѣ главный стимулъ общественной жизни „шкурные интересы", тамъ никакая религіозная реформа не поможетъ и самъ «Магенъ-Давидъ» ничего не сдѣлаетъ.

IV.

Если мы отвергаемъ программу, выставленную «Новымъ Израилемъ», то изъ этого не слѣдуетъ, что мы не желаемъ реформы нашего еврейства и не признаемъ необходимости таковой. Спору нѣтъ, что міровоззрѣніе, сложившееся въ древней Азіи при низкомъ уровнѣ познаній и наукъ, сущій анахронизмъ въ наше время среди культурныхъ народовъ; что законы, писанные тысячи лѣтъ назадъ, при самыхъ первобытныхъ условіяхъ жизни, при совершенномъ отсутствіи критики чистаго разума, не могутъ, безъ надлежащаго измѣненія и принаровленія, служить безупречнымъ руководствомъ въ настоящее время. Если евреи хотятъ жить правильною жизнію, если они хотятъ продолжать занимать мѣсто въ средѣ многочисленныхъ семей человѣческаго рода, то они непремѣнно должны радикально преобразовать свой бытъ, свои нравы, свои устарѣлые обычаи и понятія. Реформа необходима евреямъ не для пріобрѣтенія гражданскихъ правъ, а ради ихъ самихъ. Реформа равно нужна и галиційскимъ евреямъ, представители которыхъ засѣдаютъ въ австрійскомъ парламентѣ, и нашимъ евреямъ, неимѣющимъ права селиться внѣ завѣтной «черты осѣдлости». Но реформа эта должна совершиться не съ низменною цѣлью — достиженія земныхъ благъ, а во имя высшихъ интересовъ человѣчества, для воскрешенья и пробужденія къ новой культурной жизни народа-инвалида, покрытаго глубокими рубцами, но и неувядаемою славой. Реформа должна имѣть цѣлію не обезличеніе и уничтоженіе еврейской національности, а ея освѣженіе и облагороженіе; поэтому она должна состоять не въ общей ломкѣ и въ сокрушеніи основъ, а въ ремонтѣ дефектныхъ, поврежденныхъ мѣстъ. Нѣтъ надобности ломать прочный фундаментъ и крѣпкія стѣны, за то только, что они стары; достаточно перестроить зданіе, пріурочить къ настоящимъ потребностямъ, про-

вести побольше свѣта, устроить лучшую вентиляцію, пожалуй, заново оштукатурить, окрасить и придать болѣе изящный фасадъ. Преобразованіе еврейства должно явиться не какъ нѣчто новое, оторванное отъ своихъ корней, а какъ естественное развитіе сохранившихся въ неиспорченномъ видѣ свѣтлыхъ взглядовъ еврейскаго ученія и лучшихъ задатковъ еврейскаго племени, какъ разумное и осмысленное продолженіе его отнюдь не позорнаго прошлаго и въ тѣсной неразрывной съ нимъ связи.

Талмудъ, какъ законодательный кодексъ, какъ исключительный предметъ занятій и источникъ всѣхъ познаній, какъ руководитель всѣхъ нашихъ помысловъ и поступковъ, какимъ онъ служилъ, а отчасти до сихъ поръ еще служитъ у нашихъ старовѣровъ, безусловно для насъ больше не годится. Держаться въ настоящее время міровоззрѣнія какого нибудь палестинскаго *тачна* *, что весь міръ созданъ только для и ради евреевъ, или какого нибудь вавилонскаго *амора* **, что имущество не еврея — res nullius, настолько же предосудительно и нелѣпо, какъ напр. оставаться въ медицинѣ на степени знанія Самуила Іархинаи, или въ астрономіи на степени знанія рабби Гамліеля, хотя и имѣвшаго тогда уже у себя какую-то карту луннаго глобуса ***. Но не менѣе предосудительно отрицать у этого древнаго энциклопедическаго сборника всякія заслуги и всякое значеніе и относиться къ нему съ «глубокимъ презрѣніемъ». Талмудъ, мы это повторяемъ, не можетъ и не долженъ намъ больше служить путеводною звѣздою въ жизни. Онъ, какъ законодательный кодексъ, устарѣлъ и отжилъ свой вѣкъ; но онъ сослужилъ еврейскому народу свою службу и, при благоразумномъ пользованіи имъ, можетъ и теперь еще приносить намъ пользу. Не будь талмуда, насъ, потомковъ евреевъ побѣжденныхъ римлянами, теперь бы отыскивали по всѣмъ закоулкамъ земного шара, какъ ищутъ и не находятъ потомковъ пропавшихъ десяти колѣнъ. Другой вопросъ, было ли бы большимъ зломъ для человѣчества, еслибы евреевъ не существовало, но разъ обреченный на смерть спасенъ и продолжаетъ жить, онъ не можетъ не относиться съ благодарностью и съ уваженіемъ къ тому,

---

* Учителя Мишны.

** Учителя Гемары.

*** Мишна Рошъ-Гашана II, 8.

кто его спасъ и сохранилъ ему жизнь. При томъ-же, отвергая догматъ непогрѣшимости талмуда, исповѣдуемый нашими старовѣрами, признавая схоластическую его систему толкованія Библіи произвольною и неправильною, и отрицая вмѣстѣ съ тѣмъ обязательность многихъ постановленій, основанныхъ на этихъ толкованіяхъ, мы не можемъ въ тоже время не признавать, что во многомъ въ талмудѣ отражается истый духъ ученія Моисея и пророковъ, что талмудъ, уже по близости времени, является надежнымъ свидѣтелемъ образа жизни, обычаевъ и воззрѣній нашихъ предковъ библейскаго и побиблейскаго времени. Далѣе,—сами учредители «Новаго Израиля» признаютъ необходимость сохраненія древнееврейскаго языка; но кому неизвѣстна важность знанія талмуда, въ особенности Мишны, для основательнаго знанія еврейскаго языка? Въ періодъ Мишны древнееврейскій языкъ сохранилъ еще нѣкоторые признаки жизни, мы и въ Мишнѣ встрѣчаемъ еще очень много формъ и оборотовъ чисто-еврейской рѣчи, коихъ нѣтъ въ Библіи. Чтобы убѣдиться въ важности талмуда для знанія еврейскаго языка, стоитъ только сличить переводъ евангелій Франца Делитша съ такимъ же переводомъ англійскихъ миссіонеровъ, и каждому знатоку еврейскаго языка сразу бросится въ глаза громадное преимущество перевода лейпцигскаго профессора, который, какъ отличный знатокъ талмуда, не задумался внести въ свой переводъ обороты еврейской рѣчи изъ Мишны и талмуда. Какъ на противуположный примѣръ можемъ указать на Гезеніуса, который въ своемъ словарѣ принимаетъ за форму единственнаго числа отъ слова עדשים, чечевицы, окончаніе мужескаго рода עדש, между тѣмъ какъ въ единственномъ числѣ это слово имѣетъ форму женскаго рода עדשה, которая въ библіи не встрѣчается, а имѣется въ Мишнѣ. Наконецъ общеизвѣстно, и самъ авторъ книги «Евреи-реформаторы» это сознаетъ, что талмудъ проникнутъ духомъ реформы Моисеева закона *, и нѣтъ надобности объяснять, какъ важно для реформатора еврейской религіи не хвастать своимъ «глубокимъ презрѣніемъ» къ талмуду, а наоборотъ идти съ нимъ объ руку прикрываться его авторитетомъ и на основаніи талмуда же опровергать и упразднять талмудъ. Талмудъ съ его софистическими толкованіями и щепетильными умозаключеніями не на-

* См. статью М. Л. Лаліенблюма. «Восходъ» 1882 г., кн. I—II.

столько содѣйствовалъ окаменѣнію и заплѣсненію еврейства, сколько *объявленіе о законченности талмуда* (חתימת התלמוד), послѣ чего у послѣдующихъ раввиновъ укоренилось убѣжденіе въ своей некомпетентности отмѣнить что либо изъ постановленій талмуда, не смотря ни на какія измѣненія условій жизни и времени. Не будь талмудъ объявленъ законченнымъ, витающій въ немъ духъ реформы продолжалъ бы свое поступательное движеніе вмѣстѣ съ движеніемъ исторіи и науки, и еврейство не отставало бы на такомъ разстояніи отъ остального человѣчества. Еврейскій реформаторъ, который совершенно отрѣшится отъ талмуда и станетъ на одной только почвѣ Моисеева устава, можетъ очутиться въ болѣе безвыходномъ положеніи, отказываясь воспользоваться тою брешью, которую талмудисты пробили уже въ мозаизмѣ и чрезъ которую евреи проходятъ, нисколько не задумываясь. Доказательствомъ тому—караимы, для которыхъ нѣкоторые Моисеевы законы болѣе тягостны, чѣмъ для раввинистовъ. Реформаторъ, какъ стратегъ, долженъ пользоваться и выгодностью своей собственной позиціи, и невыгодностью позиціи своего противника. Тамъ, гдѣ проведенныя талмудомъ реформы, хоть бы и путемъ неправильныхъ толкованій, совпадаютъ съ нашими видами, мы должны оставаться на почвѣ талмуда; тамъ же, гдѣ путемъ такихъ же произвольныхъ толкованій талмудъ выводитъ заключенія, не подходящія подъ наши виды, мы должны стать на почву моисеева текста въ опроверженіе талмуда. Такъ напр., съ толкованіемъ талмуда словъ «око за око, зубъ за зубъ», въ томъ смыслѣ, что рѣчь идетъ не о дѣйствительной репрессаліи натурою, а о денежномъ вознагражденіи, мы согласимся; съ его же объясненіемъ троекратнаго повторенія стиха «не вари козленка въ молокѣ матери его», не согласимся и будемъ руководствоваться простымъ смысломъ текста, отчего само собою рухнетъ все вавилонское столпотвореніе законовъ о мясномъ и молочномъ.

Хотя хедеры въ ихъ жалкой обстановкѣ, съ ихъ узкою одностороннею программою, и меламды-кривотолки съ ихъ невѣжественнымъ методомъ преподаванія, калѣчащимъ мозгъ и уродующимъ разсудокъ, въ настоящемъ видѣ безусловно вредны и негодны; но мы должны только преобразовать ихъ, а не просто за-

крыть и упразднить, въ виду той несомнѣнной пользы, которую они принесли и могутъ еще принести евреямъ, какъ элементарныя школы для преподаванія закона божія и еврейскаго языка. Благодаря популярности и дешевизнѣ обученія въ этихъ школахъ, у евреевъ искони могло установиться и сохраниться обязательное ученіе, до котораго не добрались еще самые культурные современные народы, и евреи, при всѣхъ гоненіяхъ и угнетеніяхъ, не низошли до той низкой степени умственнаго развитія, на которой находятся низшіе слои другихъ народовъ.

Не менѣе вредны и безсмысленны проповѣди разныхъ маггиговъ * и публичныя чтенія въ разныхъ хевротъ **, гдѣ Библія и другія богословскія книги истолковываются самымъ немилосерднымъ образомъ, чрезъ что питаются и развиваются среди еврейской массы всевозможные предразсудки и самыя невозможныя понятія о жизни и ея явленіяхъ. Но съ другой стороны, учрежденія эти въ высшей степени полезны. Они даютъ пищу пытливому еврейскому уму въ часы досуга и въ дни праздничные и отвлекаютъ еврея отъ кабака и отъ всякаго разврата. Въ нихъ и кроется тайна преобладающей у евреевъ трезвости и чистоты нравовъ. Слѣдовательно, реформатору опять не слѣдуетъ упразднить маггидимъ и хевротъ, а надо дать имъ болѣе подходящіе сюжеты и болѣе здоровую пищу для кормленія своей публики.

Всѣ мы знаемъ въ какомъ пренебреженіи было у евреевъ воспитаніе женщины. Даже изъ той скудной однообразной умственной пищи, которою евреи вскармливали своихъ сыновей, достались ихъ дочерямъ однѣ только крохи. Тѣмъ не менѣе можно ли гдѣ нибудь найти болѣе образцовую жену и мать, чѣмъ еврейка? Гдѣ женская стыдливость, цѣломудріе и супружеская вѣрность сохраняются въ такой идеальной чистотѣ, какъ у евреевъ? Не на этой ли мощной нравственной основѣ зиждутся всѣмъ извѣстное еврейское семейное чувство, согласіе между супругами, привязанность родителей къ дѣтямъ, уваженіе дѣтей къ родителямъ и не въ этой ли образцовой семейной жизни вѣчный мученикъ, еврей, черпаетъ силы для перенесенія всѣхъ невзгодъ и треволненій

---

* Проповѣдниковъ.

** Братствахъ.

жизни внѣшней? Конечно, обязанность реформатора—поднять умственный уровень еврейской женщины, но его же святая обязанность наблюдать, чтобы вмѣстѣ съ поднятіемъ умственнаго уровня не упалъ слишкомъ низко уровень нравственный, не пострадала бы женственность.

Сказаннаго достаточно, чтобы хоть отчасти убѣдиться, что не все въ подлежащемъ ремонтированію зданіи подлежитъ устраненію, что къ реформѣ надо приступить умѣло, осмотрительно, а не съ сокрушительными инстинктами. Мы поэтому и не можемъ согласиться съ программою ни «Духовныхъ Библейцевъ», ни «Новаго Израиля», потому что они именно начинаютъ отъ сотрясенія основъ. Ибо, что значитъ у насъ провозглашеніе принципа смѣшанныхъ браковъ, при существованіи п. 3 ст. 210 устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, по которому дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны быти воспитываемы въ христіанствѣ, если не посягательство на самое существованіе еврейскаго племени? Защитникъ «Новаго Израиля», авторъ разсматриваемой книги, сознаетъ эту горькую истину, но, отъ защиты этого разрушительнаго принципа не отказывается, убаюкиваясь сладкою надеждою, что и при разрѣшеніи смѣшанныхъ браковъ ихъ не много будетъ. Но вѣдь «Новые Израильтяне» видятъ въ этомъ разрѣшеніи капитальнѣйшее средство къ сближенію и намѣрены пропагандировать въ пользу такого сближенія, а между тѣмъ они не могутъ не знать, гдѣ очнется ближайшее поколѣніе тѣхъ, кои поддадутся ихъ пропагандѣ. Если они именно къ этому и стремятся, имъ, конечно, никто препятствовать не можетъ: вольному воля; но спрашивается, къ чему же стулья ломать? На что имъ новыя ходатайства, на что новыя секты и реформы, когда они могутъ достигнуть и желаннаго сближенія, и желанныхъ правъ самымъ кратчайшимъ путемъ, на основаніи существующихъ законовъ? Отпадутъ ли изсохшіе сучья отъ родного ствола часомъ позже, часомъ раньше—не все ли равно? Почти такого же разрушительнаго характера и нѣкоторые другіе догматы, служащіе основаніемъ новому ученію. Можно напр. требовать упраздненія массы мелочныхъ, чисто талмудическихъ предписаній относительно соблюденія святости субботы, но самое перенесеніе субботы есть и остается нарушеніемъ одной изъ основъ мозаизма. Можно и желательно при

обрѣзаніи отмѣнить практикуемое на основаніи талмуда высасываніе крови изъ раны (מציצה); желательно и весьма справедливо было бы сдѣлать для еврейскихъ обществъ обязательнымъ содержаніе опытныхъ хирурговъ для наблюденія за правильнымъ и безопаснымъ совершеніемъ обрѣзанія, какъ содержатъ они нынѣ на общественный счетъ разныхъ «шохтимъ» и „менакримъ“*, но нельзя упразднять самый ветхозавѣтный актъ обрѣзанія. И не предвидимъ мы никакого существеннаго успѣха отъ этого для «Новаго Израиля», и никакой пользы ни для евреевъ, ни для Россіи. Проповѣдуя обезличеніе еврейской національности, нарушеніе первѣйшихъ основъ мозаизма, проповѣдники не могутъ разсчитывать на массу адептовъ. Евреи не древніе язычники, имъ ихъ вѣра слишкомъ дорого стоила, чтобы отказаться отъ нея изъ за какого-нибудь краснаго платка или куска сукна; а что всѣ эти гражданскія права, которыя «Новый Израиль» испрашиваетъ себѣ, какъ призъ за свой удачный бѣгъ, какъ не тотъ же красный платокъ? И что изъ всего этого выйдетъ? На самый лучшій конецъ, изъ этой кукуолки вылупится новая религіозная секта, нѣчто въ родѣ «новой жидовствующей ереси», и кому отъ этого польза будетъ? Злополучный еврейскій вопросъ этимъ не разрѣшится; евреямъ отъ русскихъ, русскимъ отъ евреевъ отъ этого легче не станетъ; правительству нашему достаточно хлопотъ отъ своихъ старыхъ религіозныхъ сектъ, которыми Богъ не обидѣлъ Россію; а сами сектанты... Исходъ подобныхъ сектъ среди евреевъ извѣстенъ изъ исторіи Саббатай-Цеви и франкистовъ, но въ такомъ случаѣ, какъ мы уже спрашивали, къ чему это дальнее обходное движеніе, когда есть прямой извѣстный путь? Не всякому же квартиранту, которому надоѣло жить въ старомъ неудобномъ домѣ, строить себѣ домъ особнякъ, тѣмъ болѣе когда онъ можетъ на дешевыя деньги, безъ особаго напряженія, нанять себѣ болѣе удобное помѣщеніе въ готовомъ уже зданіи.

Но, спрашиваетъ г. Бенъ-Сіонъ въ своей апологіи «Новому Израилю», къ чему такъ упорно отстаивать въ теоріи обряды и догматы, которые на практикѣ многими нарушаются? Есть же уже и теперь между образованными евреями цѣлыя сотни, ко-

---

* Рѣзники и устраняющіе жилы.

торыя состоятъ въ смѣшанномъ бракѣ, дѣтей своихъ не обрѣзываютъ, по субботамъ работаютъ, а по воскресеньямъ отдыхаютъ. Г. Бенъ-Сіонъ приводитъ факты, что даже простые, во всемъ остальномъ правовѣрные евреи, изъ за корыстныхъ цѣлей обходомъ нарушаютъ святость субботы. На это мы можемъ только отвѣтить словами одного французскаго писателя, кажется, Мольера: Il y a bien des choses qu'on fait, mais dont on ne parle pas. Вынужденныя или даже произвольныя отступленія немногихъ или даже многихъ единицъ не составляютъ еще общаго правила, и приведенными г. Бенъ-Сіономъ фактами не оправдывается образованіе новой религіозной секты. Есть много православныхъ, напр. которые ѣдятъ скоромное въ великій постъ, это однакожъ не послужитъ православному духовенству основаніемъ упразднить постъ. Правовѣрный еврей, изъ корыстныхъ интересовъ *тайкомъ* нарушающій субботу, не согласится однако же *публично* признать перенесеніе субботы; тѣ же образованные евреи, которые фактически уже перемѣстили субботу, которые по одной прихоти, безъ основательныхъ причинъ, не совершаютъ надъ своими дѣтьми обряда обрѣзанія, которые живутъ въ законномъ или незаконномъ смѣшанномъ бракѣ, для тѣхъ и программа «Новаго Израиля» уже слишкомъ консервативна. Имъ не надо ни синагогъ, ни церквей; не надо молитвы ни на непонятномъ, ни на понятномъ языкѣ. Для нихъ будетъ стѣснительно самое названіе «Новаго *Израиля*»; они, повѣрьте, и предъ вашимъ «Магенъ-Давидомъ» шапки не скинутъ. Наконецъ, это доказываетъ только, что тому, кто хочетъ реформировать свою жизнь, не нужно для этого, никакихъ новыхъ кличекъ, никакихъ новыхъ догматовъ, и онъ преудобно можетъ это сдѣлать, по извѣстному выраженію, «въ добромъ еврействѣ»....

Реформа евреевъ въ Россіи, если она хочетъ не оставаться достояніемъ одной небольшой секты, въ какомъ случаѣ она безцѣльна, а имѣть шансы современемъ проникать въ народъ, должна держаться возможно умѣренныхъ и благоразумныхъ предѣловъ. Такъ какъ цѣль реформы не упразднить еврейство, а вывести его на торную дорогу, то остается прежде всего повести евреевъ вспять по тому пути, по которому они зашли въ глушь. Для того, чтобы закабалить практическій умъ евреевъ въ особомъ мірѣ фанатическихъ иллюзій, чтобы такое без-

спорно даровитое и любознательное племя, какъ евреи, могло оставаться съ закрытыми глазами въ виду осязательныхъ великихъ результатовъ современныхъ наукъ, потребовалось своеобразное систематическое воспитаніе, созданіе особаго міровоззрѣнія. Реформа должна это воспитаніе и пересозданіе этого міровоззрѣнія взять въ свои руки. Не подрывая престижа обязательности поголовнаго обученія, воспитаніе юношества должно быть поставлено на одинаковомъ разстояніи какъ отъ безвѣрія и индифферентизма, такъ и отъ фанатизма и національнаго самомнѣнія. Въ элементарныхъ еврейскихъ школахъ, которыя, какъ мы уже замѣтили выше, должны быть сохраняемы, но преобразуемы, слѣдуетъ изгнать схоластическое толкованіе преподаваемыхъ предметовъ; книги Св. писанія должны быть толкуемы строго грамматически и логически съ освѣщеніемъ хода историческихъ событій. Съ этого началъ свою преобразовательную дѣятельность и Мендельсонъ. Въ этомъ отношеніи, хотя у насъ кое что уже и сдѣлано, но систему эту слѣдуетъ провести строго и повсюду. Меньше было у насъ обращено вниманіе на занятія въ такъ называемыхъ братствахъ. Для этихъ народныхъ чтеній до сихъ поръ служатъ предметами Библія съ схоластическимъ толкованіемъ, Мидрашъ, энъ-Іаковъ, книги въ родѣ Алшихъ, сеферъ Харедимъ и другая въ этомъ родѣ умственная пища, разжигающая фанатизмъ и усиливающая дурманъ. Ихъ слѣдуетъ замѣнить Библіею съ правильнымъ грамматическимъ толкованіемъ, съ комментаріями Ибнъ-Эзра, Рашбамъ и другихъ «паштонимъ» *, и по возможности научно-критическимъ освѣщеніемъ, чтеніемъ изъ еврейской исторіи, хоть бы напр. книгъ Маккавѣевъ, Іосифа Флавія (въ еврейскомъ переводѣ), историческихъ книгъ рабби Іосифа Кона, и Ибнъ-Верга, даже Юхсинъ, Седеръ-га-доротъ, „Восьми главъ“ и „Путеводителя Заблужденныхъ“, Маймонида, историко-критической книги Маоръ-Энаимъ Азаріи де-Росси, и другихъ философскихъ и научныхъ сочиненій средневѣковыхъ знаменитостей, этико-нравственныхъ книгъ въ родѣ «Мессилатъ Іешаримъ» М. Х. Луцатто, не говоря уже объ историческихъ и критическихъ сочиненіяхъ ученыхъ новѣйшаго времени. Такому же преобразованію и контролю

---

* Комментаторы, держащіеся простого логическаго смысла.

должны быть подвергнуты и проповѣди «маггидимъ». Такимъ путемъ можно просвѣтить туманное и мрачное міровоззрѣніе евреевъ, не заставляя ихъ замѣнить «бетъ-гамидрашъ» клубомъ или кабакомъ, и этимъ путемъ можно исподволь подготовить массу къ воспріятію и религіозной реформы. Мы не беремся дать здѣсь подробную программу этой реформы, не чувствуя себя къ тому призванными и не имѣя на то ни отъ кого полномочія. Нѣкоторые намеки на свойство и предѣлы подобной реформы сдѣланы нами выше. Другія указанія этого рода могутъ состоять въ слѣдующемъ:

Первымъ и главнымъ устоемъ въ основаніи религіозной реформы долженъ быть поставленъ тотъ принципъ, что въ общемъ законъ существуетъ для жизни, а не жизнь для закона, въ противуположность парализующему всякую реформу раввинскому взгляду, что еврей для того только и живетъ, чтобы исполнять обряды и извѣстное число заповѣдей, созидающихъ ему соотвѣтствующее количество ангеловъ-заступниковъ. Рекомендуемый нами принципъ вполнѣ соотвѣтствуетъ духу еврейской религіи. Устами Моисея Богъ говоритъ: „Соблюдайте постановленія и законы Мои, исполняя которые человѣкъ будетъ *жить*» (Ш М. XVIII, 5). На основаніи этого стиха и другаго аналогическаго стиха у пророка Іезекіиля (XX, 25) болѣе свѣтлые умы между талмудистами говорятъ: «Законы Торы не проникнуты духомъ мстительности, а милостью и справедливостью (Майм. Гил. Деотъ). Согласно съ этимъ говоритъ талмудъ: «*Дерехъ эрецъ кодмо летора*», т. е. житейскія нужды имѣютъ преимущество предъ Торою, такъ что если интересы жизни приходятъ въ противурѣчіе съ ученіями вѣры, то послѣднія должны уступить *. Уступка эта, конечно, не должна дойти до искорененія самой вѣры и обезличенія еврейства и коснуться основныхъ началъ нравственности.

Вторымъ главнымъ принципомъ должно быть установленіе въ дѣлахъ вѣры личной отвѣтственности каждаго за себя и уничтоженіе установленнаго талмудомъ кругового поручительства евреевъ за нарушеніе религіозныхъ предписаній. Это круговое поручи-

---

* Сторонники противуположнаго, аскетическаго воззрѣнія къ словамъ «человѣкъ будетъ жить» произвольно прибавляютъ отъ себя слова «въ будущей жизни». См. халдейскій переводъ Онкелоса и комментарій Раши ad locum.

тельство, дѣлающее одного еврея отвѣтственнымъ предъ Богомъ за поступки другаго, вызвало гнетущее давленіе общества на частную жизнь, ставя каждаго еврея подъ строгій надзоръ всѣхъ и каждаго изъ его единовѣрцевъ. Предлагаемый нами принципъ опирается на словахъ Моисея: „Только береги *себя* и храни душу *свою*“ (V М. IV, 9) и пророка: «Сынъ не несетъ вины отца, и отецъ вины сына; правда праведнаго за нимъ самимъ остается и беззаконіе нечестиваго за нимъ самимъ остается» (Іезек. XVIII, 20). Когда это правило проникнетъ въ умы евреевъ, тогда еврей еврею не станетъ смотрѣть въ зубы, что онъ ѣстъ, не станетъ слѣдить за нимъ, носитъ ли онъ платокъ въ субботу или нѣтъ, ходитъ ли онъ въ синагогу, когда приходитъ, какъ и сколько молится и т. п. На этихъ и т. п. общихъ принципахъ реформа, конечно, не остановится. Они должны ей только служить для очищенія горизонта. Приступая къ спеціальнымъ преобразованіямъ, реформа должна тщательно дѣлать различіе между *основами* еврейства, которыя во что бы ни стало должны быть сохраняемы, и ихъ *аксесуарами*, изъ которыхъ слѣдуетъ оставить все разумное, практическое и соотвѣтствующее условіямъ жизни. При обстоятельномъ регулированіи еврейской жизни реформа должна устанавливать различіе между собственною религіею и общею моралью, между катехизисомъ и уголовнымъ уставомъ, провести грань, такъ сказать, между небеснымъ и земнымъ началами, которыя въ ученіи раввиновъ какъ-то сплелись и смѣшались. Въ первыхъ изъ этихъ категорій, т. е. въ дѣлахъ исполненія обрядовъ вѣры, слѣдуетъ предоставить широкую иниціативу вѣрующему и снять съ него опеку. Скажемъ для примѣра. Празднованіе субботняго дня остается, потому что самъ Моисей предписалъ въ этотъ день отдыхать отъ работы; но опредѣлить, что такое работа, отъ которой вѣрующій долженъ въ этотъ день воздержаться, предоставляется каждому на его усмотрѣніе; каждый долженъ самъ знать, что для него составляетъ трудъ, отъ чего онъ долженъ по возможности воздерживаться. Для одного напр. составляетъ трудъ ѣздить въ экипажѣ, для другаго—ходить пѣшкомъ; для одного игра на музыкальномъ инструментѣ—работа, для другаго—удовольствіе и т. п. Точно также, въ Пасху я не долженъ ѣсть квасного, а есть мацу (опрѣсноки). Это принципъ обязательный, но подробное при-

мѣненіе его на практикѣ предоставляется каждому домохозяину и каждой домохозяйкѣ, которые очищаютъ свой домъ отъ квасного и пекутъ себѣ мацу по своему усмотрѣнію. Этимъ способомъ и основная идея будетъ сохранена, и вмѣстѣ съ тѣмъ рухнетъ гора мелочныхъ талмудическихъ предписаній о субботѣ и пасхѣ, такъ сильно гнетущая еврейскую жизнь. Повторяемъ, что мы не намѣрены писать подробную программу и сказанное считаемъ достаточнымъ для уясненія точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на еврейскую религіозную реформу.

Но кому взяться за эту реформу? Авторъ книги «Евреи-реформаторы» останавливается и на этомъ вопросѣ. Онъ не хочетъ предоставить эту работу раввинамъ, потому что раввины же противъ реформы. Пусть такъ; но то обстоятельство, что въ городѣ нѣтъ пирожника, не даетъ права каждому сапожнику взяться за печеніе пироговъ. Во всякомъ случаѣ реформа еврейской религіи не можетъ быть производима горстью невѣжественныхъ новаторовъ, ничего не смыслящихъ въ еврейскомъ богословіи, считающихъ Магенъ-Давидъ святымъ символомъ вѣры, дѣйствующихъ подъ паническимъ страхомъ погромовъ, руководимыхъ ребяческою страстью къ подражаніямъ и гоняющихся за краснымъ платкомъ. Реформа можетъ быть произведена только синодомъ образованныхъ раввиновъ и свѣтски образованныхъ людей, свѣдущихъ въ еврейскомъ богословіи. Если ихъ въ настоящее время у насъ въ достаточномъ числѣ нѣтъ, то они могутъ быть, и непремѣнно будутъ, чрезъ одно—другое поколѣніе. Мы возлагаемъ нашу надежду на поступательное движеніе просвѣщенія среди евреевъ. Кто приметъ въ соображеніе то, что свершилось въ нашемъ еврействѣ въ теченіе одного послѣдняго поколѣнія, тотъ не можетъ считать нашу надежду фикціею. Мы должны всѣми зависящими отъ насъ мѣрами содѣйствовать этому поступательному движенію просвѣщенія, ускорить подготовительную работу реформы. Мы должны очистить и просвѣтить мрачное міровоззрѣніе евреевъ, *произвести революцію въ іешиботахъ*, для того чтобы будущіе раввины явились на свѣтъ съ болѣе ясными и податливыми взглядами. Надо полагать, что и горькіе опыты послѣдняго времени также не останутся безъ всякаго дѣйствія. Quae nocent, docent. Конечно, успѣхъ дѣла много зависитъ и отъ экономическаго положенія евреевъ, потому что, «пустое брюхо къ

ученію глухо» и подъ гнетомъ тяжелыхъ условій жизни нельзя думать о реформѣ, но это уже дѣло отъ насъ независящее. Понятно, что указываемый нами путь нѣсколько медленный и не можетъ удовлетворить горячему темпераменту прыткихъ реформаторовъ, но за то это единственно вѣрный путь, могущій привести къ прочной цѣли.

Н. П.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА

XI.

«The web of our life is of a mingled yarn, good and ill together; our virtues would be proud, if our faults whipped them not; and our crimes would dispair, if they were not cherished by our virtues—" *.

Shakespeare. All's Well That Ends Well.
(Act. I. Scene 3).

Сама даже добродѣтель, повидимому, соткана изъ смѣшанныхъ клѣточекъ, потому что она никогда почти не является въ жизни, не будучи сопровождаема какими-либо дурными спутниками, точно прирожденными ей или срощенными съ нею. Филантропія, безспорно, великая добродѣтель; но столь же, безспорно, велико зло, которое она невольно причиняетъ, какъ и добро, къ которому она добровольно стремится. Быть можетъ, это противорѣчіе свойственно не сущности филантропіи, а лишь способамъ примѣненія ея; благодаря, быть можетъ, тому, что проведеніе ея принциповъ на практикѣ всегда сопряжено съ необходимостью пользоваться помощью и не филантропическихъ факторовъ въ родѣ честолюбія, корыстолюбія, подражанія и многихъ другихъ возвышенныхъ и невозвышенныхъ мотивовъ, имя которыхъ—легіонъ. Таковы свойства и еврейской филантропіи въ Англіи, съ однимъ изъ главныхъ учрежденій которой мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей.

---

* „Ткань нашей жизни состоитъ изъ различныхъ клѣтокъ, дурныхъ и хорошихъ; наши добродѣтели возгородились бы, еслибъ пороки наши не бичевали ихъ, и наши проступки впали бы въ отчаяніе, еслибъ добродѣтели наши не выказали нѣжной снисходительности къ нимъ».

Шекспиръ. Конецъ вѣнчаетъ дѣло. Актъ I. Сц. III.

За послѣднее время до того часто упоминалось въ русско-еврейской прессѣ названіе «jewish Board of Guardians», что многіе въ Россіи, вѣрно, желаютъ знать сущность этого благотворительнаго учрежденія.

Оно основано въ 1858 году подъ именемъ «Board of Guardians for the Relief of the jewish poor» (Совѣтъ пекущихся о воспомоществованіи еврейскимъ бѣднымъ). Цѣль его: «уничтоженіе зла нищеты въ самомъ ея корнѣ путемъ оказыванія существенной помощи въ случаяхъ, гдѣ обнаруживаемая просителями самопомощь (selfhelpfulness) недостаточна, чтобы выручить ихъ изъ бѣды и снова поставить ихъ на ноги». Этимъ страннымъ и одностороннимъ опредѣленіемъ своей цѣли филантропія, которая далеко не всемогуща уже сама по себѣ въ рѣшеніи задачи— уничтожить зло нищеты съ корнемъ, весьма значительно подрѣзала свои крылья въ данномъ случаѣ. Впослѣдствіи, однако, эта первоначальная ошибка, которая произошла отъ царившей въ то время почтенной теоріи о самопомощи вообще, была исправлена тѣмъ необходимымъ дополненіемъ къ цѣли, безъ каждаго осуществленіе послѣдней было бы невозможно даже на половину, а именно: «поставить молодежь, т. е. дѣтей бѣдныхъ, въ такія условія, при которыхъ она имѣла бы возможность пріобрѣтать техническія знанія въ области ремесла и торговли». Ниже увидимъ, какая форма считалась этимъ обществомъ наиболѣе подходящей для достиженія этой второй половины своей программы. Въ настоящее время учрежденіе это насчитываетъ около 1100 постоянныхъ членовъ, т. е. такихъ, которые вносятъ ежегодно суммы въ размѣрѣ отъ 5 шил. до 10 гиней (10 ф ст. 10 шил.), да почти такое же количество временныхъ членовъ, т. е. дающихъ единовременныя пожертвованія, minimum и maximum которыхъ колеблются между 10 шил. и 900 ф. ст. По своему устройству комитетъ состоитъ нынѣ изъ 10 отдѣленій, или спеціальныхъ комитетовъ, самыя названія которыхъ уже характеризуютъ собою родъ дѣятельности каждаго изъ нихъ: a) Главный комитетъ попечителей съ м-ромъ Л. Л. Когеномъ въ качествѣ президента и съ 48 функціонерами, изъ которыхъ только семеро на жалованьи; b) исполнительный комитетъ съ 8 функціонерами, включая и президента; c) медицинскій комитетъ съ 10 функціонерами, въ числѣ которыхъ 2 медика, д-ра А. Ашеръ и М. Дэвисъ; d) контрольный

комитетъ съ 9 активными членами; e) ссудный съ 11; f) эмиграціонный съ 14; g) справочный съ 20; h) промышленный съ 49 — въ составъ этого числа входятъ 11 дамъ; i) мужской комитетъ для поощренія нуждающихся и больныхъ, съ 19, и наконецъ j) дамскій для такой же цѣли съ 10 функціонерками. Эти второстепенные комитеты были заведены не при основаніи и не одновременно, а впослѣдствіи, въ различные періоды времени.

Средства, которыми располагаетъ «Board of Guardians», довольно обширны; источники его доходовъ весьма различны. Кромѣ постоянныхъ годовыхъ взносовъ членовъ, да единовременныхъ, но почти тоже постоянныхъ, регулярныхъ пожертвованій не членами, къ этимъ источникамъ принадлежатъ еще періодическіе сборы въ синагогахъ, пожертвованія по завѣщаніямъ и проценты съ основнаго капитала, нынѣ простирающагося приблизительно на сумму въ 18,000 ф. ст. Сверхъ того доходъ еще значительно увеличивается пожертвованіями вещей, какъ-то: платья, обуви, предметовъ топлива и другихъ родовъ домашняго обихода (одѣялъ, постельнаго бѣлья и пр.) и билетовъ на мѣста въ городскихъ госпиталяхъ, т. е. пожертвованіями весьма существенной важности какъ для нуждающихся, такъ и для кассы въ ихъ пользу. Собственно основной фондъ равняется 7,593 ф. ст. 12 ш. 7 п. Онъ почти неприкосновененъ и хранимъ въ акціяхъ и облигаціяхъ. Остальной капиталъ, приблизительно въ 10,300 ф. ст., находящійся въ рукахъ этого общества, ввѣренъ ему различными другими еврейскими благотворительными учрежденіями и предоставленъ частью въ его полное распоряженіе, частью же для спеціально обозначенныхъ цѣлей. Оба эти капитала не могутъ такимъ образомъ считаться неприкосновенными въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ экстренныхъ случаяхъ часть того или другаго, по взаимному соглашенію различныхъ отдѣленій, изъ которыхъ это общество состоитъ, можетъ употребляться на удовлетвореніе извѣстныхъ нуждъ самаго общества. Что же касается до расходовъ, то они, подобно доходамъ, подраздѣляются на постоянные и случайные. Подъ первыми подразумѣваются случаи непосредственнаго оказыванія помощи нуждающимся Лондона, а также расходы на содержаніе самого общества, простирающіеся на 1,300 фунт. ст. безъ малаго—изъ этой относительно небольшой суммы почти одна половина уходитъ на жалованье 9—10 постояннымъ

служащимъ, а другая половина покрываетъ собою расходы по найму, освѣщенію и отопленію помѣщенія комитетскаго бюро, по печатанію отчетовъ и объявленій и, наконецъ, по почтовымъ издержкамъ и проч.. Къ расходамъ второй категоріи, т. е. случайнымъ, относятся помощь иностранцамъ, перевозка ихъ изъ одного мѣста въ другое и пр. Всего, включая расходы по существованію общества, ежегодно комитетомъ тратится сумма приблизительно въ 11—12,000 ф. ст. Вообще же оборота въ годъ дѣлается тысячъ на 17 ф. ст. и больше, т. е. около 150,000 руб.

Виды помощи, оказываемой комитетомъ, весьма различны при настоящемъ его состояніи. Обыкновенный родъ денежной субсидіи—это выдача въ опредѣленной суммѣ по-мѣсячно и по-недѣльно, колеблющейся между 3 и $3^1/_2$ ф. ст. въ годъ для первыхъ, и между 8 и $8^1/_2$ ф. ст. въ годъ для вторыхъ. Помимо этой формы денежной субсидіи существуетъ еще другая, состоящая въ выдачѣ непеpіодическихъ пособій отъ 1 до 50 фунт. ст., смотря по случаю требованія; наконецъ ссудная форма денежной субсидіи на условіяхъ обратной, обыкновенно по-недѣльной выплаты мелкими суммами. Въ категорію помощи предметами входятъ: отпускъ хлѣба, мяса и другихъ бакалейныхъ товаровъ, уголья, одежды, обуви, постельныхъ принадлежностей и пр., или выдача билетовъ, по которымъ нуждающіеся пріобрѣтаютъ поименованныя вещи безплатно; снабженіе людей ремесленными инструментами, швейными машинами и т. п. принадлежностями для обзаведенія; оказываніе медицинской помощи медикаментами и билетами на мѣста въ больницахъ, и наконецъ выдача аттрибутовъ еврейской религіи, какъ *тефиллинъ* и пр. Сверхъ всѣхъ этихъ родовъ помощи, этимъ комитетомъ въ весьма значительной степени еще практикуются доставка желающимъ эмигрировать даровыхъ билетовъ на проѣздъ, отдача дѣтей бѣдныхъ родителей въ ученіе къ ремесленникамъ и содержаніе мастерской при самомъ комитетѣ, подъ его исключительнымъ надзоромъ и на его средства. «Коренные» во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣютъ преимущество передъ «инородцами».

Считая сказанное достаточнымъ, чтобы дать понятіе о лондонскомъ комитетѣ пекущемся о бѣдныхъ евреяхъ, приступимъ теперь къ нѣсколько болѣе подробному анализу его дѣятельности за послѣдній, 23-ій годъ его существованія, а именно за 1880

по 1881 г., а также къ разбору его вѣтвей, или спеціальныхъ отдѣленій, между которыми существуетъ полнѣйшая гармонія.

Въ продолженіе истекшаго года, отъ 1 января по 31 декабря, комитетомъ получено было 2,629 прошеній о пособіи. Число это заключаетъ въ себѣ 467 коренныхъ, 1088 натурализованныхъ, или такихъ инородцевъ, которые пробыли въ Англіи болѣе 7 лѣтъ (79 нѣмецкихъ, 642 польско-русскихъ, 364 голландскихъ евреевъ да 3 еврея изъ другихъ странъ), и 1074 иностранныхъ евреевъ, или такихъ инородцевъ, которые пробыли здѣсь менѣе 7 лѣтъ (132 нѣмецкихъ, 901 польско-русскихъ, 29 голландскихъ и 12 изъ различныхъ другихъ странъ). Такимъ образомъ на долю польско-русскихъ евреевъ выпадаетъ гораздо больше половины всего числа прошеній, а именно 1543. Такой фактъ, свидѣтельствующій о необходимости для русскихъ подданныхъ, просить подаянія у подданныхъ другихъ странъ — долженъ вызвать краску стыда на лицѣ всякаго мало-мальски благомыслящаго русскаго. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ несостоятельность, чтобы не сказать неспособность, или просто нà просто банкротство русскаго общества, въ рукахъ и въ распоряженіи котораго находятся такія обширныя природныя богатства, на какія Россія могла бы купить всѣ европейскія земли совокупно съ ихъ культурой и цивилизаціей, словомъ со всѣмъ тѣмъ,чтó на нихъ и подъ ними, если-бы только она обладала достаточной для этого энергіей и нужнымъ знаніемъ. Это мнѣніе—не самохвальство шовинистовъ, а холодное признаніе европейскихъ авторитетовъ.

Число прошеній однако еще не означаетъ собою числа лицъ, обратившихся за воспомоществованіемъ въ упомянутый комитетъ; таковыхъ было 8858 (въ предшествовавшемъ году ихъ было 9083, хотя прошеній было меньше, а именно 2588); число выданныхъ субсидій достигаетъ 18,354. Контингентъ получившихъ пособія состоитъ главнымъ образомъ изъ рабочихъ и ремесленниковъ; къ профессіонистамъ высшаго разряда слѣдуетъ отнести 1 дантиста, 1 аптекаря, 1 художника, 2 актеровъ, 5 музыкантовъ, 24 педагоговъ и 2 фотографовъ. По отношенію къ полу число 8858 нуждающихся распадается на 2053 женщинъ и 4857 дѣтей; прочіе же мужчины съ семействами, или безъ оныхъ. Особенно тяжелымъ бременемъ падаютъ на общество женщины, покинутыя своими мужьями (151) и вдовы (351). Не безъ-

интересенъ фактъ, что въ числѣ дѣтей 4 были незаконнорожденные. Наконецъ, группу просителей слѣдуетъ еще разбить на старыхъ или постоянныхъ и на новыхъ. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ 984; изъ этого числа 392 лицамъ оказана была помощь только къ эмиграціи. Вовсе въ помощи отказано было за весь 1881 г. 249-и человѣкамъ; а такихъ, которые воспользовались субсидіей въ 1880 г., но въ 1881 г. болѣе не обращались за этимъ къ комитету, было 943. Хотя это число немногимъ только разнится отъ числа, такъ сказать, отпавшихъ въ теченіе прошлаго года, и хотя въ этомъ году число лицъ, которымъ отказано въ помощи почти вдвое больше чѣмъ въ прошломъ году (243 и 147), однако это не мѣшаетъ лондонскому обществу приписать относительные успѣхи усовершенствованію системы оказыванія помощи, благодаря которому получавшіе пособія могли устроиться настолько независимо, чтобы впослѣдствіи не нуждаться болѣе въ кассѣ для бѣдныхъ.

Среднимъ числомъ помощь, оказанная изъ дѣйствительныхъ * фондовъ «Board of Guardians» достигаетъ суммы въ 2 ф. ст. 3 ш. $3^1/_2$ п. на всякое прошеніе — мы говоримъ *прошеніе*, а не *лицо*, ибо подъ одно прошеніе подходятъ иногда нѣсколько лицъ — составивъ такимъ образомъ итогъ въ 5691 ф. ст. 19 ш. 3 п. Не смотря на то, что число коренныхъ просителей почти втрое меньше чѣмъ число иностранныхъ, однако субсидія, полученная первыми, больше чѣмъ въ 3 раза превосходитъ среднимъ числомъ субсидію, выпавшую на долю послѣднихъ, а именно 3 ф. ст. 7 ш. $3^1/_2$ п. противъ 1 ф. ст. 0 ш. $10^1/_4$ п. Эти данныя относятся къ спеціально пособіямъ «Board of Guardians». Вообще же въ этомъ году помощь выдана была на сумму въ 11,269 ф. ст. 18 ш. 2 п., или около $4^1/_2$ ф. ст. на каждую просьбу о пособіи. По формѣ, въ какой выдавали въ настоящемъ году пособія, помощь распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

---

* Дѣйствительные фонды этого общества отличаются отъ номинальныхъ тѣмъ, что послѣдніе могутъ быть употребляемы лишь на удовлетвореніе спеціальныхъ потребностей, для которыхъ они предназначены, какъ напр.: на содержаніе слабосильныхъ отъ старости и пр.

		ф. ст.	ш.	п.
I. Наличными деньгами		4283	1	11
Въ видѣ періодическихъ (мѣсячныхъ и недѣльныхъ) и непеpіодическихъ субсидій .	3546 ф. ст. 17 ш. 11 п.			
Въ видѣ спеціальныхъ субсидій	736 » 4 » 0 »			

Изъ этой послѣдней суммы 613 ф. 14 ш. ушло на эмиграцію, и остальные 122 ф. 10 ш. на поддержку тѣмъ, которые, соблюдая по случаю смерти кого либо изъ близкихъ *траурную недѣлю*, лишены возможности заработковъ.

		ф. ст.	ш.	п.
II. Предметами		1308	5	0
Хлѣбомъ	491 ф. ст. 1 ш. 2 п.			
Мясомъ	169 » 15 » 4 »			
Углемъ и другими мелочами.	350 » 0 » 0 »			
Платьемъ, обувью, постельными принадлежностями и пр.	296 » 9 » 6 »			
Въ видѣ медицинской помощи		324	2	8
III. Инструментами * (швейными машинами и проч.) и расходами по устройству около 80 мальчиковъ въ ученіе и по содержанію мастерской		1319	13	7
IV. Деньгами въ заемъ		1287	2	2
Сверхъ того изъ источниковъ частныхъ лицъ, просившихъ выдавать пособія на ихъ частный счетъ и уплатившихъ затѣмъ эти		2748	11	10
Итого		11269	13	2

Цифра 1,312 ф. ст. 7 п., которую «Board of Guardians» израсходовало на свое собственное существованіе, окажется сравнительно очень скромной, если принять во вниманіе расходы, какіе дѣлаются другими подобными обществами въ Англіи. Возьмемъ для примѣра хоть «Англійско-Іудейскую Ассоціацію». Это бла-

* Инструменты выдаются или въ полную собственность, или на выплату; съ послѣднимъ условіемъ даются лишь вещи дорогія, какъ швейныя машины и т. п.

готворительное общество въ настоящемъ году сдѣлало всего оборотовъ на какихъ-нибудь 2,000 ф. ст., при этомъ цѣлую половину почти (около 900) оно потратило на свой собственный желудокъ, въ видѣ жалованья (525 ф. ст.), печатанія красивыхъ отчетовъ, гдѣ о малыхъ дѣлахъ говорится большими буквами (около 200 ф. ст.) и т. п. «Board of Guardians» же сдѣлало оборотовъ въ этомъ году на 17,588 ф. ст. 14 ш. 1 п., оставивъ въ кассѣ фонда 5,006 ф. ст. 15 ш. 4 п.

А вотъ источники, откуда эта сумма въ 17,588 ф. ст. 14 ш. 1 п. стеклась въ кассу комитета:

	ф. ст.	ш.	п.
По балансу съ прошлаго года осталось . .	1,076	15	1
Сборы въ синагогахъ Лондона	1,373	18	0
Взносы отъ постоянныхъ членовъ.	1,156	0	6
Пожертвованія не-членами.	4,741	0	6
Спеціальныя пожертвованія (на покупку платья, обуви, госпитальныхъ бинтовъ * и пр.).	1,768	14	4
Пожертвованія въ пользу общаго фонда и на храненіе для спеціальныхъ случаевъ . . .	1,475	17	5
Суммы, возвращенныя въ кассу фонда заемщиками денегъ или инструментовъ, или вообще уплаченныя обратно	4,097	13	6
Проценты съ фонда.	474	19	5
Изъ различныхъ другихъ источниковъ. . .	1,424	5	4

Всѣ эти данныя позаимствованы нами изъ оффиціальныхъ отчетовъ за истекшій годъ, недавно опубликованныхъ. Изъ нихъ видно, что это еврейское благотворительное учрежденіе не состоитъ ни въ какой связи ни съ государственно-общественными (General Board of Guardians for the Poor), ни съ общественно-частными, существующими подъ общимъ именемъ „дружескихъ обществъ“ (Friendly Societies), а работаетъ самостоятельно и независимо. Изъ гладкихъ страницъ этихъ же отчетовъ также видно, что оказана была помощь въ наилучшей формѣ и съ желанными

* Въ Лондонѣ, гдѣ существуетъ двѣ спеціально еврейскихъ больницы, или отдѣленія, какъ больница сэра Юліана Гольдсмида и баронессы Л. Ротшильдъ, евреи одинаково допускаются и въ общіе городскіе госпитали; тутъ однако требуется допускной билетъ со стороны одного изъ членовъ. Вотъ пріобрѣтенія таковыхъ-то пропускныхъ билетовъ равнялось суммѣ 110 ф. ст. 17 ш. 9 п.

результатами. Мы впрочемъ ниже еще вернемся къ этому предмету и сообщимъ то, что о дѣятельности „Board of Guardians" говорятъ не красиво отдѣланные отчеты, а народный голосъ. Но прежде покончимъ съ отчетами.

Способъ выдачи пособій производится довольно систематично. Просители призываются для личнаго изложенія дѣла; комитетъ собирается въ полномъ составѣ 2 раза въ недѣлю обязательно; въ случаѣ же экстраординарныхъ требованій засѣданія происходятъ иногда ежедневно (исключая, разумѣется, субботы и праздниковъ, хотя нужда, конечно, религіи и ея обрядовъ вовсе въ соображеніе не принимаетъ). Помимо этого экзамена въ самомъ присутствіи, гдѣ совѣщанія не всегда происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, снаряжается особый, получающій жалованье, чиновникъ для наведенія справокъ о правдивости показаній просящихъ. Длится эта процедура иногда очень долго и продолжительность ея обыкновенно прямо пропорціональна бѣдности нуждающагося, ибо чѣмъ человѣкъ бѣднѣе, тѣмъ меньше его знаютъ и тѣмъ, стало быть, меньше шансовъ на скорый отзывъ объ немъ со стороны сосѣдей; послѣдствіемъ же такого образа дѣйствій, который самъ по себѣ, пожалуй, необходимъ или неизбѣженъ, почти всегда бываетъ то, что нужда тѣмъ временемъ настолько успѣваетъ доконать свой объектъ, что полученная наконецъ милостыня оказывается уже слишкомъ слабой и скудной, слишкомъ запоздалой, чтобы послужить ему въ прокъ. Это тѣмъ вѣрнѣе, что чѣмъ просящій бѣднѣе, тѣмъ и пособіе меньше, и нѣтъ сомнѣнія, что минимумъ субсидій—приблизительно въ 1 ф. ст., выпалъ на долю самыхъ бѣдныхъ, а максимумъ—30 ф. ст. слишкомъ, на долю болѣе состоятельныхъ. Чтобы отдать, однако, полную справедливость дѣятельности этого учрежденія, необходимо замѣтить, что въ дѣйствительно крайнихъ случаяхъ помощь оказывается не только съ большей щедростью, но и съ большей скоростью. Такъ въ первые мѣсяцы 1881 года, когда рѣдкіе для Англіи холода и снѣга легли особенно тяжелымъ бременемъ на бѣдныхъ, пособія выдавались комитетомъ въ обширныхъ размѣрахъ и безъ всякихъ проволочекъ. За январь, февраль и мартъ выдана была почти $^1/_3$ всей годовой помощи. Особенной похвалы за это заслуживаютъ женщины, которыя, принимая вообще усердное участіе въ дѣя-

тельности этого общества, въ данномъ случаѣ дѣйствовали съ особеннымъ рвеніемъ.

По сравненіи этихъ отчетовъ съ отчетами за прошлый годъ оказывается, что средства общества увеличились почти на 2,000 ф. ст.; число же просящихъ на 41. Вообще количество обращающихся за помощью мало колеблется, хотя средства и кругъ дѣйствій комитета прогрессивно возрастали въ теченіи послѣднихъ 7 лѣтъ на цѣлыхъ 50 проц. Въ отчетахъ выражается мнѣніе, что количество нуждающихся евреевъ въ Лондонѣ всегда, вѣроятно, остается приблизительно въ настоящихъ его границахъ—въ размѣрѣ $2^1/_2$ тысячъ слишкомъ случаевъ. Такое признаніе звучитъ нѣсколько странно, если вспомнить, что цѣль общества—подкопаться подъ корень еврейской нищеты и окончательно вырвать его! Невольно при этомъ припоминается сказка о бѣломъ бычкѣ, или анекдотъ о воробьѣ и разбитомъ окошкѣ. Причину этого явленія общество находитъ въ приращеніи народонаселенія Лондона ненормальнымъ путемъ, т. е. въ увеличеніи контингента здѣшнихъ евреевъ путемъ эмиграціи, такъ какъ новые пришельцы изъ другихъ странъ обыкновенно люди бѣднаго класса. Это, конечно, правда. Мы, однако, склонны думать, что число нуждающихся еще возрастаетъ и помимо этого ненормальнаго условія приращенія жителей города, что независимо отъ этого, нищета увеличивается много отъ естественныхъ причинъ, обусловливаемыхъ строемъ общества вообще.

Намъ остается теперь разобрать дѣятельность «Board of Guardians'a» по спеціальнымъ его отдѣленіямъ.

XII.

„Правильное распредѣленіе труда составляетъ лучшую экономію“.

Изъ одной книги.

Однимъ изъ главныхъ условій, обезпечивающихъ относительный успѣхъ общества попеченія о бѣдныхъ, слѣдуетъ признать на разумное раздѣленіе дѣятельности между различными частями этого общества въ видѣ спеціальныхъ комитетовъ или отдѣленій, которыя, находясь подъ контролемъ главнаго комитета и постепенно развиваясь, съ году въ годъ увеличиваются въ своемъ значеніи и расширяются въ своихъ размѣрахъ. Достаточно

поверхностнаго взгляда на спеціальные отчеты каждаго изъ нихъ, чтобы тотчасъ убѣдиться въ плодотворности такой системы: работа каждаго спеціальнаго комитета до того опредѣлена и установлена, что они составляютъ, по формѣ своихъ отправленій, какъ бы отдѣльныя независимыя учрежденія. Функціонерами бываютъ, какъ мы замѣтили выше, мужчины и женщины, и вовсе не необходимо быть для этого непремѣнно членомъ комитетовъ: очень даже охотно принимаются услуги и не-членовъ.

Наиболѣе важнымъ департаментомъ, по мнѣнію общаго комитета, слѣдуетъ считать «ссудный комитетъ», существующій съ 1867 г. въ своей настоящей самостоятельной формѣ; до того же времени ссуда денегъ практиковавшаяся уже съ 1859 г., выдавалась общимъ комитетомъ. Займы выдаются въ размѣрѣ отъ 1 до 10 ф. ст. съ по-недѣльной выплатой въ теченіи 40 недѣль, т. е. $^1/_{40}$ доли всего займа, и исключительно съ цѣлью обзаведенія новаго дѣла, или поправки стараго. При этомъ требуется, понятно, подробное изслѣдованіе обстоятельства дѣла спеціальнымъ слѣдственнымъ чиновникомъ или членомъ простымъ, а въ большинствѣ случаевъ еще требуется чье-либо поручительство. Съ тѣхъ поръ, какъ заведена эта форма оказыванія пособій, ссудъ было выдано слишкомъ 12,427 ф. ст. Вся эта сумма возвращена обратно, исключая только 1 368 ф. ст. т. е. около 3%. Сверхъ того въ распоряженіи этого комитета находится нынѣ сумма въ 2,395 ф. ст. 14 ш. 2 п. подъ именемъ „Элеазарскаго заемнаго фонда“ *. Въ продолженіе истекшаго года было 349 прошеній о ссудѣ денегъ. Изъ этого числа 268 были удовлетворены, а 81 отклонены по различнымъ причинамъ. Къ сожалѣнію, причины отказа не обозначены. Надо полагать, что онѣ главнымъ образомъ лежали въ просителѣ и въ отсутствіи надлежащихъ обезпеченій. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что тѣ, коимъ въ займѣ было отказано, принадлежали къ самымъ крайнимъ бѣднякамъ въ числѣ претендентовъ. Общество это въ случаяхъ неуплаты не пренебрегаетъ всесильной десницей дѣйствительно слѣпой Ѳемиды, забывающей, повидимому, что она богиня справедливости отвлеченной, без-

* Въ 1866 г. нѣкій господинъ сдѣлалъ анонимнымъ образомъ пожертвованіе въ 1,000 ф. ст. въ кассу „B. of G.“ съ исключительной цѣлью выдавать проценты съ этого капитала въ заемъ нуждающимся.

пристрастной, а не узкой, практически полезной,—т. е. заставляетъ поручителей платить долгъ. 268 просителямъ выдано 1,191 ф. ст., около $4^1/_2$ ф. ст. на каждый заемъ. Возвращено 604 ф. ст. 18 ш. или 51%; остальнымъ еще не наступилъ срокъ, а 10%, включая уже 32 ф. ст. 14 ш. 7 п., полученныхъ съ поручителей по 24 случаю неплатежа самыхъ кредиторовъ считаются «злыми», невѣрными; въ 10 случаяхъ изъ этихъ 24 займы остались непокрытыми ни кредиторами, ни поручителями, такъ какъ ни тѣхъ, ни другихъ не могли отыскать. Оборотный капиталъ, находившійся въ распоряженіи «ссуднаго комитета» въ теченіе этого года простирался слишкомъ на 1,400 ф. ст. При заключеніи баланса въ кассѣ всего осталось 129 ф. ст. 7 ш. 6 п. Дѣятельность этого отдѣленія была настолько благотворна, что многіе изъ воспользовавшихся временной помощью въ формѣ ссудъ, способны были устроиться такъ, чтобы впередъ не нуждаться болѣе въ кредитѣ со стороны заемнаго фонда.

Второй спеціальный департаментъ здѣшняго «B. of G.», который, по нашему мнѣнію, несравненно важнѣе въ своей настоящей формѣ дѣятельности, чѣмъ первый, называется „промышленнымъ комитетомъ". Онъ учрежденъ былъ въ 1862 году для болѣе полнаго осуществленія основной программы—искорененія нищеты — и настоящій отчетъ о немъ по числу 20-й. Первоначально цѣль его состояла исключительно въ снабженіи несостоятельныхъ еврейскихъ рабочихъ инструментами. Съ 1877 г. главное его вниманіе обращено на устройство дѣтей—пока еще только мужского пола — бѣдныхъ родителей, отдавая ихъ въ ученіе къ ремесленникамъ. Какъ въ томъ, такъ и въ этомъ случаѣ, получающіе субсидіи обязаны возвращать, путемъ понедѣльной выплаты, израсходованныя на нихъ суммы. При пріемѣ мальчика въ ученіе приходится уплатить иногда до 50 ф. ст. Впрочемъ выдача пособій инструментами скоро, вѣроятно, вовсе выйдетъ изъ круга дѣйствій этого комитета, такъ какъ общепринятая теперь система продажи цѣнныхъ вещей на условіяхъ недѣльной выплаты, система практикуемая сплошь и рядомъ во всей Англіи—(еврейскій ремесленный ком. приписываетъ себѣ иниціативу этой практики)—сдѣлала возможнымъ и для сравнительно бѣдныхъ пріобрѣтеніе нужныхъ инструментовъ помимо помощи со стороны благотворительности. Благодаря этому, въ теченіе истекшаго года

выданы были комитетомъ, только 2 швейныя машины тогда какъ прежде среднимъ числомъ въ годъ отпускалось около 24— всего за 20 лѣтъ своего существованія этимъ отдѣленіемъ «B. of G.» отпущены были 496 шв. маш., изъ которыхъ 334 стали собственностью получателей, уплатившихъ полную стоимость ихъ. Затѣмъ произведено было 5 покупокъ другихъ инструментовъ, пріобрѣтеніе которыхъ обошлось комитету въ 20 ф. ст. 13 ш. 11 п. Главный же расходъ падаетъ на вторую категорію дѣятельности: въ теченіе этого года отдано было въ ученіе къ различнымъ ремесленникамъ 73 мальчика, стоившихъ 681 ф. ст. Всего помощь этого рода обошлась за этотъ годъ въ 745 ф. ст. 5 ш. 5 п. Вообще оборотный капиталъ былъ въ 1,456 ф. ст. 16 ш. 4 п.; изъ этой суммы въ кассѣ осталось къ концу года 523 ф. ст. 6 ш. 10 п., по вычисленіи всѣхъ прочихъ издержекъ. Чтобы нагляднѣе видѣть быстрый прогрессъ въ возрастаніи числа учениковъ, достаточно замѣтить, что въ 1879 г. въ ученіе отданы были 11 мальчиковъ въ 1880 г. 34 м., а въ 1881 г. 73 м. За послѣдній годъ цифра ихъ равняется почти суммѣ всѣхъ учениковъ за всѣ 4 прошлые года, т. е. съ начала открытія этой вѣтви дѣятельности въ 1877 г. Всѣхъ мальчиковъ нынѣ въ ученіи 129; изъ нихъ около 30, т. е около 20% всего числа, отданы въ ученіе къ христіанамъ. Шестеро окончили свое ученіе въ этомъ году и стали самостоятельными рабочими. Предполагаютъ, что норма достигнетъ 100 въ годъ, если этотъ комитетъ будетъ существовать исключительно на средства своего собственнаго фонда, безъ всякой посторонней или добавочной помощи со стороны главнаго комитета; этотъ фондъ состоитъ теперь изъ 2603 ф. ст. 9 ш. 3 п., включая 465 ф. ст., находящихся въ его распоряженіи подъ именемъ «Ротшильдскаго фонда», да 500 ф. ст. вотированныхъ въ его пользу „B. of G.“ въ этомъ году. Эта форма благотворительности должна высоко цѣниться именно потому, что она менѣе всего связана съ унижающимъ человѣческое достоинство условіемъ всякой другой формы филантропіи: тутъ мальчики, работая при сознаніи, что они потраченный на нихъ капиталъ аккуратно выплачиваютъ, развиваютъ въ себѣ чувство самостоятельности, столь важное въ борьбѣ за существованіе при современномъ порядкѣ вещей. Важность этого обстоятельства вполнѣ сознается и самимъ обществомъ.

Какъ часть, или какъ непремѣнное дополненіе къ только что описанному департаменту необходимо отнести отдѣленіе его, которому ввѣрена «*мастерская*». Эта послѣдняя устроена для дѣвушекъ почти одновременно съ преобразованіемъ, введеннымъ въ департаментѣ ремесленномъ. Стремится эта мастерская, подобно промышленному комитету вообще, къ достиженію молодымъ, только что оставившимъ народныя училища и неспособнымъ еще на заработки, дочерямъ бѣдныхъ родителей, возможности собственными руками заработать кусокъ хлѣба. Начато было съ пріученія ихъ къ шитью бѣлья и дамскихъ платьевъ; теперь уже назначена учительница для преподаванія искусства вязанья и вышиванья золотомъ, бисеромъ и проч., такъ какъ эта работа очень хорошо оплачивается. Сверхъ того стараются открывать для нихъ доступъ къ изученію всякаго другаго рода ремеселъ, на какія женщины способны и какія дали бы имъ возможность впослѣдствіи стать независимыми работницами. Среднимъ числомъ ежегодно посѣщается эта мастерская 60 ученицами. Въ истекшемъ году 21 дѣвушка оставили это заведеніе, поступивъ тотчасъ на мѣста, доходъ съ которыхъ вполнѣ обезпечиваетъ за ними самостоятельное существованіе. Въ финансовомъ отношеніи мастерская гораздо бѣднѣе, чѣмъ промышленный комитетъ, такъ какъ, отчасти расходы только покрываются производствомъ рукъ, и она почти исключительно существуетъ на средства доставляемыя пожертвованіями; къ тому еще дѣвушки за свой трудъ въ мастерской получаютъ плату. Оборотнаго капиталу было въ теченіи этого года 1,214 ф. ст. $3^3/_4$ п. За исключеніемъ 260 ф. ст. 10 ш. $10^3/_4$ п. да 100 ф. ст., вотированныхъ главнымъ комитетомъ, всѣ прочія суммы сложились изъ пожертвованій и продажею предметовъ, выработанныхъ въ мастерской. Изъ этой суммы осталось по окончаніи счетовъ къ концу года 72 ф. ст. 5 ш. $10^1/_2$ п. Кромѣ того находится въ «дѣвичьей сберегательной кассѣ», устроенной при этой мастерской, сумма въ 143 ф. ст. Кстати, такого же рода сберегетельную кассу хотѣли устроить при главномъ комитетѣ съ тѣмъ, чтобы *бѣдные* собирали лишніе пенсы (точно у бѣдняка бываетъ лишній грошъ!) на черный день; но попытка не удалась: трехъ мѣсячная проба (будто à priori нельзя было предвидѣть это) доказала несообразность такого предпріятія. Какова именно цѣль этихъ дѣвичьихъ сбереже-

ній—въ отчетахъ не сказано, но изъ того, что сумма ихъ включена въ данныя доходовъ и расходовъ, слѣдуетъ полагать, что они предназначены для самихъ дѣвушекъ при выходѣ изъ ученія. Недавно изобрѣтено было новое средство доходовъ; это средство заключается въ томъ, что произведенія мастерской продаются на спеціально для этого ежегодно устраиваемомъ «базарѣ». Въ 1880 г. продажа принесла 94 ф. ст. Въ 1881 г. базаръ не состоялся, и отложенъ былъ на настоящее лѣто. Въ связи съ этимъ также состоитъ „выставка произведеній учениковъ—ремесленниковъ" (Aprentice's Exhibition). Въ настоящемъ (1882) году выставка эта устроена была въ первый разъ. Она настолько интересна, что не считаемъ себя въ правѣ обойти ее молчаніемъ. Состоялась она, 14-го мая въ зданіи „Еврейской Безплатной Школы". Почти всѣ виды столичнаго производства человѣческихъ рукъ, начиная съ утонченнѣйшихъ издѣлій изъ благородныхъ металловъ предметовъ роскоши и украшенія и предметовъ для научныхъ изслѣдованій, инструментовъ медицинскихъ и проч. и кончая продуктами самаго прозаическаго свойства — сапожными, слесарными и пр., имѣли тутъ своего представителя въ лицѣ какого-либо еврейскаго мальчика. Мѣсто выставки было биткомъ набито народомъ, въ средѣ котораго было много христіанъ. Между присутствовавшими еврейская знать Лондона занимала, конечно, самое первое мѣсто. Цѣль этого предпріятія была двойная: во-первыхъ, показать публикѣ цѣлесообразность такого пріема, какъ для благотворительности, такъ и для ея объектовъ; во-вторыхъ, развить въ мальчикахъ-ученикахъ соревнованіе путемъ раздачи наградъ деньгами и похвальными листами или отзывами. Дѣло увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ. Вещи были раскуплены посѣтителями съ большой охотой. Къ сожалѣнію, нѣтъ еще отчетовъ о томъ, сколько выручили за эти предметы, а также о томъ, какъ велики были награды. Произошла эта выставка по всѣмъ правиламъ искусства: каждый мальчикъ-экспонентъ сидѣлъ около доставленнаго имъ предмета для того, чтобы давать нужныя объясненія тому или другому изъ любопытныхъ посѣтителей. Между произносившими рѣчи были также президентъ «Board of Guardians'a», который выразилъ надежду, что система отдаванія дѣтей въ ученіе къ ремесленникамъ, по всей вѣроятности, скоро будетъ примѣняться и къ дѣвушкамъ бѣдныхъ-евреевъ. Другой

ораторъ предложилъ, чтобы подающимъ надежды юношамъ открытъ былъ доступъ къ усовершенствованію ихъ спеціальностей въ техническихъ институтахъ, что̀ и практикуется уже отчасти, такъ какъ желающіе и теперь могутъ слушать лекціи на техническихъ курсахъ: комитетъ платитъ за право слушанія такихъ лекцій. Еще въ 1874 г. еврейскій комитетъ напалъ на мысль о важности техническаго образованія для дѣтей несостоятельныхъ, т. е. на цѣлые 4 года раньше, чѣмъ къ такому заключенію пришелъ генеральный комитетъ пекущихся о бѣдныхъ Лондона. Вообще это уже третій примѣръ того, какъ инициатива весьма благотворныхъ проектовъ принадлежитъ еврейскимъ попечителямъ о бѣдныхъ. Видно, что предпріимчивый духъ евреевъ на все кладетъ печать утилитаризма, вполнѣ достойнаго подражанія. Мы уже упомянули одинъ фактъ — это введеніе «B. of G'омъ» системы пріобрѣтенія цѣнныхъ вещей путемъ понедѣльной выплаты; другой фактъ — это учрежденіе техническихъ школъ, доступныхъ для бѣдныхъ. Лондонская городская корпорація взялась за эту идею въ 1878 г. и теперь дѣло это настолько подвинулось впередъ, что правительствомъ недавно назначена была экспедиція, въ составъ которой вошелъ и еврей, м-ръ Самуэльсонъ, для изслѣдованія этого предмета на континентѣ. Третій и не менѣе важный по своей благотворительности для бѣднаго населенія гигантской столицы фактъ — это устройство дешевыхъ квартиръ (Lodging Houses). Здѣшніе евреи еще 20 лѣтъ тому назадъ устроили такой домъ, гдѣ бѣдныя еврейскія семейства могли за очень малую плату имѣть относительно удобную квартиру. Нынѣ, впрочемъ, это заведеніе закрывается и потому главнымъ образомъ, что подражаніе еврейскому комитету въ этомъ отношеніи было настолько велико, что развилась теперь система, извѣстная подъ именемъ «Peabody & Waterlow», по которой строятся обширные дома съ многими квартирами для бѣдныхъ за небольшую плату. А такъ какъ евреи, наравнѣ съ другими, могутъ пользоваться этими услугами филантропіи, то нужда въ такомъ спеціально-еврейскомъ домѣ теперь миновала. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ первомъ, изобрѣтательность еврейской филантропіи вполнѣ была вознаграждена, такъ какъ упраздненіе системы выдачи цѣнныхъ инструментовъ и содержанія квартиръ для бѣдныхъ значительно облегчаетъ ея задачу, упрощаетъ ее. Впослѣдствіи, при большемъ

развитіи заведеній для техническаго воспитанія дѣтей въ Англіи вообще, и эти расходы — плата за лекціи изъ кассы еврейскаго комитета — вѣроятно перестанутъ быть необходимостью и ихъ возможно будетъ употребить на что-нибудь другое.

Эмиграціонный комитетъ — (не слѣдуетъ смѣшивать дѣятельность этого комитета съ дѣятельностью «составнаго» или «союзнаго» (Conjoint Com.), образовавшагося въ настоящемъ году изъ членовъ «B. of G.» и «Меншенъ-гоузскаго комитета» по дѣламъ исключительно русско-еврейскихъ бѣглецевъ) — былъ основанъ въ 1879 году въ своей настоящей формѣ; до того же времени этотъ родъ дѣятельности исполнялся общимъ комитетомъ, который и теперь еще часть расходовъ по эмиграціи покрываетъ изъ общаго фонда. Изъ 511 случаевъ эмиграціи, обнимавшихъ 947 душъ, только 156 съ 395 душами совершилась насчетъ эмиграціоннаго комитета. Въ общемъ числѣ ихъ было—414 *польско-русскихъ евреевъ*; прочіе состояли изъ нѣмцевъ, голландцевъ и др. Отправка всѣхъ ихъ въ Австралію, Африку, Америку и Европу обошлась въ 613 ф. ст. 14 ш. благотворительному обществу (спец. эмигр. ком. израсходовалъ только 363 ф. 18 ш. 6 п.), да въ 539 ф. 14 ш. самимъ эмигрировавшимъ, съ которыхъ въ большинствѣ случаевъ требовалось половина путевыхъ издержекъ. Затѣмъ 572 ф. ст. 14 ш. покрыты были пожертвованіями частныхъ лицъ, состоявшихъ обыкновенно въ какой либо родственной или другой связи съ тѣмъ или другимъ изъ эмигрантовъ, и желавшихъ приличнымъ образомъ отдѣлаться отъ непріятныхъ знакомствъ. Всего пособіе для эмиграціи обошлось въ 1,476 ф. ст. 6 ш. 6 п. Помощь этого рода оказывается болѣе охотно холостымъ и молодымъ людямъ, чѣмъ женатымъ. Заботы комитета простираются до того, что имъ прилагаются даже старанія, чтобы еврейскіе пассажиры на пароходахъ могли имѣть кошерный столъ.

Наиболѣе тяжелымъ бременемъ, какъ уже замѣтили, падаютъ на общество жены, покинутыя мужьями, и ихъ дѣти. Въ истекшемъ году было 84 такихъ женщинъ съ 233 дѣтьми. За послѣднее время стали поэтому практиковать такого рода тактику при отправкѣ оставленныхъ женъ и дѣтей въ мѣста жительства ихъ мужей и отцовъ: съ послѣднихъ требуютъ, чтобы они присылали въ комитетъ половину нужныхъ къ отправкѣ ихъ семьи расходовъ.

Что же касается до прочихъ отдѣленій «Board of Guardians», то дѣятельность ихъ чисто вспомогательная: она состоитъ въ упрощеніи, изслѣдованіи и провѣркѣ дѣятельности вышеописанныхъ комитетовъ. Исключеніе составляетъ „медицинскій комитетъ", основанный почти при учрежденіи главнаго комитета. Въ этомъ году медицинскимъ департаментомъ оказана была помощь на 324 ф. ст. 2 ш. 8 п.; число лицъ, воспользовавшихся медицинской помощью въ отчетахъ не указано. По категоріямъ помощь эта заключаетъ въ себѣ: размѣщеніе опасно больныхъ по спеціальнымъ больницамъ Лондона и снабженіе бѣдныхъ докторами и лекарствами и вообще предметами, прописываемыми больнымъ для поправленія, какъ виномъ, молокомъ, повязками и проч. кромѣ того на счетъ этого комитета нѣкоторые больные посылаются на теплыя минеральныя или вообще морскія воды. Деньги на расходы черпаются изъ общей кассы фонда, куда идутъ спеціальные сборы или взносы для этой цѣли, какъ пожертвованія билетовъ на допущеніе въ госпитали и проч. Такихъ билетовъ въ этомъ году вступило на сумму 136 ф. ст.

Обязанность «справочнаго комитета» главнымъ образомъ—опредѣленіе рода помощи и регулированіе періодическихъ субсидій, а также—изслѣдованіе положенія нуждающихся семействъ. Въ виду послѣдняго члены этого департамента рѣшаютъ размѣры пособій и время ихъ выдачи и пріостановки; такъ изъ 256 случаевъ, разсмотрѣнныхъ этимъ комитетомъ 10 найдены были не заслуживающими дальнѣйшей помощи, такъ какъ дѣти выросли настолько, что способны сами работать на семейство. Помимо этого въ кругъ дѣятельности его входитъ также забота о вдовахъ, сиротахъ и старикахъ и старухахъ *. Первыхъ, по возможности, стараются пристроить къ чему-нибудь самостоятельнымъ образомъ, открывъ для нихъ дѣло, или пріискавъ имъ мѣста; неспособныхъ ни къ тому, ни къ другому распредѣляютъ по богадѣльнямъ **.

---

* Прежде тутъ существовало отдѣльное общество для призрѣнія бѣдныхъ старцевъ и старухъ (Aged Dectitute Society), которое въ 1881 г. присоединено было къ «B. of. G.» съ фондомъ въ 303 ф. ст. 6 ш. 6 п. и со всѣми, конечно, обязанностями, состоявшими тогда въ призрѣніи 9 постоянныхъ пенсіонеровъ, и возложенными на справочной комитетъ.

** Изъ имѣющихся здѣсь богоугодныхъ заведеній взиманія заслуживаютъ: Общая еврейская богадѣльня, домъ для вдовъ и наконецъ «Убѣжище баронесы Ротшильдъ».

Дѣло сиротъ болѣе сложное; ихъ надо содержать, воспитать и научить спеціальностямъ, разумѣется, ремесленнаго характера. Часть этой работы нѣсколько облегчается трудами „посѣтительныхъ комитетовъ". Впрочемъ дѣятельность послѣднихъ почти только нравственная, такъ какъ они образуютъ собственно дополненіе къ ссудному и справочному комитетамъ. Въ пользу перваго посѣтительные комитеты дѣйствуютъ тѣмъ, что съ одной стороны справляются насколько просящіе ссудъ и представленные ими поручители достойны довѣрія, а съ другой стороны совѣщаются съ президентами объ ихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ, давая имъ лучшіе, по своему усмотрѣнію, совѣты; для второго они развѣдываютъ о точномъ состояніи нуждающихся, такъ какъ, имѣя своей задачей посѣщеніе бѣдныхъ и больныхъ, они приходятъ въ очень тѣсное соприкосновеніе съ ними и узнаютъ поэтому лучше другихъ дѣйствительныя нужды бѣднаго класса лондонскихъ евреевъ. За 1881 годъ посѣтительнымъ комитетомъ изслѣдованъ былъ 391 случай. Общее мнѣніе ихъ о состояніи здѣшнихъ бѣдныхъ таково: хотя вообще нельзя было замѣтить значительную перемѣну въ немъ, однако въ частности все таки видна бо́льшая опрятность въ образѣ жизни бѣдныхъ евреевъ и можно заключить, что работа другихъ комитетовъ не остается безслѣдною; особенно велика, по мнѣнію навѣщателей, польза, доставляемая ссуднымъ комитетомъ; также замѣтна нѣкоторая перемѣна въ средѣ бѣднаго класса евреевъ относительно упорядоченія ихъ дѣятельности, т. е. движеніе въ сторону предпочтенія физическаго труда непроизводительному, какова мелочная торговля старыми платьями и тому подобнымъ тряпьемъ. Наконецъ посѣтительные комитеты выражаютъ надежду, что мѣсто бросаемыхъ нынѣ домовъ въ старыхъ, тѣсныхъ и нездоровыхъ кварталахъ Лондона займется помѣщеніями болѣе соотвѣтствующими санитарнымъ условіямъ вообще и занятіямъ жильцевъ въ отдѣльности. Сущность послѣдняго комитета, такъ называемаго «Convassing Committee» (слѣдственнаго или какъ мы выше назвали его «контрольнаго») состоитъ лишь въ томъ, чтобы популяризовать общество «Board of Guardions». На его попеченіе возложено изысканіе новыхъ источниковъ доходовъ путемъ увеличенія числа постоянныхъ членовъ и вообще жертвователей. Благодаря стараніямъ его членовъ, которые занимаются собираніемъ членскихъ взносовъ, число подписчиковъ увеличилось въ теченіи

послѣдняго года приблизительно на сто—ихъ всего теперь 1083; также значительно увеличилось число регулярныхъ годовыхъ пожертвованій отъ не-членовъ, но вообще постоянныхъ друзей еврейскаго комитета о бѣдныхъ. Контрольный комитетъ учрежденъ былъ въ 1873 году.

Исполнительный комитетъ особаго отчета вовсе не представляетъ, такъ какъ, состоя изъ членовъ отъ всякаго изъ вышеописанныхъ комитетовъ и исполняя часть работъ каждаго изъ нихъ онъ дѣятельность свою размѣщаетъ въ отчетахъ общихъ и спеціальныхъ.

О дѣятельности «Board of Guardians» въ качествѣ помощника меншенгоузскаго комитета, состоявшей въ выполненіи большей части трудовъ союзнаго комитета (Conjoint Com.), читатели уже знаютъ изъ нашихъ писемъ въ «Хроникѣ». Теперь остановимся на томъ, что объ этомъ обществѣ говоритъ публика и что можно сказать о немъ на основаніи фактовъ, не приведенныхъ, въ самихъ отчетахъ. Темныя пятна, свойственныя спеціально этому еврейскому обществу въ Лондонѣ, настолько порою крупны, что они почти уравновѣшиваютъ добродѣтели. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ, какъ Манчестеръ, Бирмингамъ и пр., гдѣ существуютъ подобныя же благотворительныя заведенія, устроенныя и управляемыя по образцу ихъ матери въ столицѣ, они въ общемъ тождественны съ здѣшнимъ, какъ по своимъ добродѣтелямъ, такъ и по своимъ недостаткамъ. На первомъ планѣ стоитъ крайне неуважительное отношеніе къ „просящимъ помощи". Этотъ порокъ вовсе уже не входитъ, какъ всѣ другіе, въ кругъ общихъ слабостей, присущихъ филантропіи. Неуваженіе къ личности доходитъ иногда до того, что причиняемое имъ нравственное страданіе не можетъ искупиться даже самымъ щедрымъ матеріальнымъ пособіемъ. Но это еще, однако, не самое худшее изъ золъ, и это вовсе не потому, чтобъ оскорбленіе человѣческаго достоинства было само по себѣ не важно; нѣтъ, оно очень важно, но можетъ быть прощено въ силу того аргумента, что оно, молъ, нужно для самого дѣла. Гораздо, поэтому, непростительнѣе *неравное* отношеніе къ «помощи просящимъ»: болѣе крупное, а главное, болѣе скорое пособіе дается тѣмъ, которые почему-то считаются „необыкновенными бѣдными". Если даже согласиться, что чувства у «нѣкогда имущихъ болѣе воспріимчивы и они легче могутъ оби-

жаться, чѣмъ простые нищіе, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что они заслуживаютъ отличія со стороны благотворительности. На самомъ же дѣлѣ далеко еще не доказано, что „обыкновенные“ бѣдные не столь же чувствительны, какъ и „необыкновенные“. Неравенство въ отношеніяхъ обыкновенно обратно пропорціонально бѣдности: чѣмъ больше нужда, тѣмъ меньше вниманія къ ней со стороны пекущихся о бѣдныхъ, если подъ нуждой понимать, какъ это и слѣдуетъ, бѣдность. А казалось бы, что благодѣтели должны бы были дѣйствовать какъ разъ наоборотъ.

Къ этимъ двумъ недостаткамъ присоединяется еще чрезвычайная медлительность въ оказываніи помощи. Послѣдствіемъ безцеремонности и униженія, какимъ подвергаются просители, бываетъ нерѣдко то, что многіе дѣйствительно нуждающіеся или вовсе не прибѣгаютъ къ этому источнику благодати, или прекращаютъ свои ходатайства скоро послѣ начатія его. Иногда послѣдствія еще болѣе печальны. Года два тому назадъ какая-то очень бѣдная, беременная женщина обратилась за помощью. Слишкомъ-ли она часто являлась съ цѣлью ускоренія исполненія своей просьбы, или слишкомъ настоятельны были ея просьбы, но несчастная чѣмъ-то раздражила привратника, который, вышедши изъ терпѣнія, такъ сильно толкнулъ ее, что та упала съ подножекъ и получила ушибы, повлекшіе за собою скорую смерть, почти на мѣстѣ казуса. Что этотъ печальный фактъ не смягчилъ сердца „добрыхъ“, видно изъ того, что недавно произошелъ почти такой же случай; вообще стоитъ въ любой день зайти въ сѣни храма еврейской благотворительности, чтобы тотчасъ убѣдиться, что эти жертвы грубости еще не послужили урокомъ: безцеремонный процессъ выбрасыванія слишкомъ шумныхъ, хотя по всей вѣроятности слишкомъ голодныхъ искателей милостыни, происходитъ ежедневно; при этомъ, конечно, пускаются въ ходъ приправки изъ различныхъ неособенно благозвучныхъ эпитетовъ. Печальнымъ результатомъ неравенства отношенія и вниманія къ бѣднымъ бываетъ очень часто, что дѣйствительная нужда остается или вовсе неудовлетворенной, или только полуудовлетворенной, что порою еще хуже, такъ какъ при совершенномъ отказѣ можно возобновить просьбу. Медленность же ведетъ къ тому, что помощь, которая при скоромъ и своевременномъ оказываніи ея, пошла бы въ прокъ, теряетъ свое значеніе: не всегда и не вездѣ примѣнима пословица «лучше

поздно, чѣмъ никогда». Но вспомнимъ слова Шекспира, что зло должно существовать для добра и успокоимся, если не утѣшимся.

XIII.

Das Angenehme liebt Verschiedenheit,
Die den Genuss veilfach vermehrt;
Das Nützliche in Einheit nur gedeiht,
Die Stärk' und Dauer ihm gewährt.
Старый нѣмецкій афоризмъ.

Было бы ошибочно полагать, что «Board of Guardians»—правда, учрежденіе, обнимающее собою многія вѣтви филантропической дѣятельности — есть единственное благотворительное общество лондонскихъ, или вѣрнѣе, англійскихъ евреевъ. Мы говоримъ «англійскихъ» потому, что столичные евреи, служа во всемъ образцомъ для провинціальныхъ, могутъ дать вѣрное понятіе о всѣхъ евреяхъ Англіи вообще. Но объяснимъ прежде выставленный нами эпиграфъ.

Нисколько не стоя за централизацію въ какой бы то ни было формѣ, такъ какъ она, какъ власть, всегда инстинктивно стремится къ уничтоженію всякаго контроля надъ собою, мы, однако, неоднократно имѣли случай убѣдиться, что очень часто безплодность и неудобства въ благотворительной дѣятельности англійскихъ евреевъ проистекаютъ отъ разнообразія ея формъ, отъ отсутствія единства. Прямымъ послѣдствіемъ бываетъ то, что одно учрежденіе, надѣясь на другое, отсылаетъ туда просящихъ о помощи, а послѣдніе или вовсе никакого толку не добиваются, или же получаютъ желанную субсидію слишкомъ поздно. Другой и весьма важный недостатокъ здѣшней еврейской филантропіи заключается въ томъ, что различныя группы евреевъ имѣютъ свои особыя благотворительныя учрежденія. Это обстоятельство налагаетъ на ищущихъ вспомоществованія обязанность обладать свидѣтельствомъ о принадлежности къ той или другой группѣ, что, разумѣется, вводитъ новое затрудненіе и ограниченіе для нуждающихся. Такъ группа евреевъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ «испанско-португальскихъ», имѣетъ даже отдѣльное самостоятельное „Board of Guardians“.

Неудобство такого порядка вещей недавно было иллюстрировано столь же нагляднымъ, какъ и печальнымъ образомъ. Въ од-

номъ изъ существующихъ въ Англіи общихъ пріютовъ для нищихъ „Workhouses“ куда принимаются и гдѣ содержатся люди всѣхъ половъ и возрастовъ, во всякое время дня и ночи и безъ всякихъ спросовъ «кто? откуда? зачѣмъ?», съ одной лишь обязанностью работать по силѣ возможности и способности—недавно очутились два еврейскихъ мальчика, о вѣроисповѣданіи которыхъ тогда только узнали, когда они отказались отъ извѣстнаго рода пищи, запрещенной еврейскимъ закономъ. Страданія несчастныхъ дѣтей, обрекшихъ себя на добровольную голодовку, заставили наконецъ начальство пріюта обратиться по этому поводу къ общему еврейскому «B. of G». Но дѣти оказались изъ группы испанско-португальской еврейской конгрегаціи, а потому это общее „B. of G.“ обратилось въ свою очередь къ «B. of G.» португальскихъ евреевъ. Пошла переписка — она и по сіе время еще не завершилась—а дѣтямъ тѣмъ временемъ приходилось страдать. Это зло имѣло однако и свою хорошую сторону. Впечатлѣніе, произведенное этимъ фактомъ, можетъ повести къ сліянію обоихъ этихъ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій, такъ какъ теперь вопросъ этотъ занимаетъ уже заинтересованныхъ. Это можетъ въ свою очередь послужить толчкомъ къ общей организаціи еврейской филантропіи въ Англіи. Пока еще полемика между португальскими евреями, считающими себя почему-то *аристократами* получившими отъ прочихъ группъ огульное прозвище «нѣмецкихъ», отличается слишкомъ острымъ характеромъ, чтобы легко и скоро установилось между ними необходимое, разумное и желательное согласіе.

У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ отчетовъ «B. of G.» португальскихъ евреевъ, но надо полагать, что фонды его довольно значительны, такъ какъ эти евреи составляютъ самый богатый классъ въ средѣ англійскихъ евреевъ; сверхъ того, это общество самое старинное и съ наиболѣе установившимися статутами. Форма и сущность, вѣроятно, не многимъ отличаются отъ обще-еврейскаго „B. of G.“.

Изъ другихъ благотворительныхъ заведеній, стоящихъ или вовсе независимо отъ обще-англійской и частно-еврейской филантропіи, или въ нѣкоторой связи съ той или другой, особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:

«Больница и пріютъ для еврейскихъ сиротъ» (Jews' Hospital

and Orphan Asylum)—учрежденіе, существующее уже болѣе 50 лѣтъ, при чемъ до 1876 г. больница и пріютъ составляли два совершенно особыхъ заведенія. Въ настоящее время это соединенное заведеніе можетъ вмѣстить въ себя отъ 220 до 230 дѣтей. Находятся въ немъ теперь 215 сиротъ обоихъ половъ, которымъ, кромѣ одежды, стола и квартиры, даютъ самое тщательное воспитаніе въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ дѣтей обучаютъ рисованію и черченію (мальчиковъ) и шитью и стряпанью (дѣвушекъ). Первые въ большинствѣ случаевъ становятся учениками у ремесленниковъ; вторыя же обыкновенно опредѣляются, по достиженіи годнаго для этого возраста, въ служанки въ еврейскихъ семействахъ. Обходится это чрезвычайно обширное заведеніе, устроенное по всѣмъ требованіямъ современнаго общества: съ просторными, хорошо вентилированными комнатами, съ садомъ—словомъ, со всѣми удобствами, и управляемое съ такимъ умѣньемъ, что нерѣдко вызываетъ удивленіе христіанъ, ежегодно въ 7,000 ф. ст. До сліянія обоихъ этихъ заведеній въ одно, расходы по содержанію одного лишь изъ нихъ (сиротскаго пріюта) съ 152 только дѣтьми составляли не менѣе 6,241 ф. ст. въ годъ. Доходы получаются главнымъ образомъ отъ подписчиковъ и частныхъ пожертвованій; но сверхъ того значительная опора оказывается общимъ еврейскимъ «B. of G.» (въ размѣрѣ 10 ф. въ годъ за каждаго ребенка) и городскими участками, къ которымъ принадлежитъ тотъ или другой сирота (въ размѣрѣ 11 ф. ст. въ годъ за каждаго). Ребенокъ сирота не можетъ по уставу этого пріюта быть принятъ иначе, какъ съ гарантіей отъ «B. of G.» и отъ соотвѣтственнаго прихода, что они обязываются платить совмѣстно 8 ш. 6 п. за пріемыша. Среднимъ числомъ сирота въ недѣлю обходится этому заведенію въ 16 шил. слишкомъ, т. е. почти одна половина расходовъ падаетъ на само заведеніе.

Сироты обоихъ половъ одинаково обучаются по программѣ, вполнѣ соотвѣтствующей той, какая установлена правительствомъ; кромѣ англійскаго языка дѣтямъ преподаются еврейскій языкъ, арифметика, географія и исторія. При происходящихъ ежегодно экзаменахъ также устраивается выставка работъ учащихся, которыхъ вознаграждаютъ книгами, деньгами и проч., смотря по степени отличія и заслугъ. Помѣщается это заведеніе не въ са-

момъ Лондонѣ, а въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него, въ Нижнемъ Норвудѣ, мѣстности съ здоровымъ воздухомъ, лежащей на разстояніи получасовой ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Испанско-португальская конгрегація евреевъ имѣетъ отдѣльный сиротскій пріютъ.

Въ сосѣдствѣ съ описаннымъ заведеніемъ находится другое, въ еще болѣе прекрасной мѣстности, устроенное 10 лѣтъ тому назадъ въ память леди Юдиѳи Монтефіоръ подъ названіемъ «дома для выздоравливающихъ» (Jewich Convalescent Home), т. е. для выздоровѣвшихъ, но нуждающихся еще въ діэтѣ. Это филантропическое заведеніе состоитъ изъ трехъ отдѣленій (мужского, женскаго и дѣтскаго) съ 12 мѣстами каждое. Обыкновенно всѣ почти мѣста заняты; въ настоящее время тамъ находятся 29 душъ (8 мужчинъ, 11 женщинъ и 10 дѣтей). Обыкновенный срокъ для выздоравливающаго 3 недѣли. Содержаніе этого заведенія въ годъ обходится около 1000 ф. ст. За истекшій годъ туда были допущены 235 человѣкъ, стоившихъ 933 ф. ст. 10 ш. 2 п. Не смотря однако на всю популярность этого превосходнаго заведенія, популярность доходящую до того, что многіе любопытные провинціалы, посѣщающіе Лондонъ, съ цѣлью обозрѣть достопримѣчательности великана-города, нарочно отправляются въ Норвудъ, чтобы лично осмотрѣть это образцовое заведеніе, не смотря на все это и на то, что управляется оно не менѣе образцово, однако въ этомъ году оказался дефицитъ въ 220 ф. ст. Но тѣ, кто помнитъ, насколько кошелекъ англійскихъ филантроповъ раскрывался въ теченіе послѣдняго времени чаще, чѣмъ обыкновенно, не станутъ удивляться этому явленію.

Говорятъ о вредномъ, нравственность растлѣвающемъ вліяніи евреевъ. Какъ смѣлы, или недобросовѣстны люди, распространяющіе и поддерживающіе мнѣніе о еврейской тлетворности! Изъ любви къ истинѣ, мы должны признаться, что сами, прежде чѣмъ обстоятельства увлекли насъ въ сторону болѣе подробнаго и точнаго изслѣдованія сущности и характера внутренней и внѣшней жизни еврейскаго народа, далеко не чужды были общихъ предразсудковъ насчетъ этой націи. Но по общему закону, что знаніе измѣняетъ взгляды, и мы, по мѣрѣ того, какъ наше знакомство съ изучаемымъ предметомъ становилось полнѣе, вынуждены были отказаться отъ прежнихъ, поверхностныхъ воззрѣній касательно

евреевъ. Мы смѣло теперь можемъ увѣрять, что стоитъ только взять на себя трудъ изученія, стоитъ только вникнуть въ бытъ евреевъ, и вы безъ сожалѣнія и колебанія оставите свое антисемитическое знамя.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что еврейско-англійской филантропіи принадлежитъ инициатива трехъ, весьма важныхъ для неимущаго класса нововведеній, впослѣдствіи общепринятыхъ и нынѣ съ успѣхомъ практикуемыхъ во всей Англіи. Но все это — почти ничто въ сравненіи съ учрежденіемъ, инициатива и окончательное устройство котораго тоже принадлежатъ англійскимъ евреямъ. Мы говоримъ объ «Институтѣ для глухо-нѣмыхъ» (Institution for the deaf and dumb). Даже тѣ, которые отрицаютъ всякую пользу отъ филантропіи, видя въ ней даже вредъ для человѣчества—что во многихъ отношеніяхъ вѣрно—не могутъ, однако, не согласиться, что такой родъ филантропіи, какъ больницы и дома для душевно-больныхъ, необходимъ и, стало быть, полезенъ.

Въ 1867 году баронесса М. Ротшильдъ основала заведеніе для воспитанія, по германской системѣ, еврейскихъ глухонѣмыхъ. Успѣхъ былъ до того великъ, что учредительница, черезъ 5 лѣтъ, въ 1872 г., рѣшилась распространить благодѣяніе это и на не-евреевъ, и открыто было другое отдѣленіе. Нынѣ въ институтѣ 65 воспитываемыхъ, въ числѣ которыхъ только нѣсколько евреевъ. Многіе пріобрѣли здѣсь такія знанія и настолько усовершенствовали свои способности, что по окончаніи тотчасъ нашли выгодныя занятія. При немъ теперь открыты курсы для приготовленія преподавателей, которыми снабжается большая часть подобныхъ заведеній въ Англіи. Популярность этого института и особенная извѣстность директора его, м-ра Ванъ-Праага (еврея) до того велики, что принцъ Уэльскій предсѣдательствовалъ (въ 1877 г.) на обѣдѣ, данномъ въ честь этого заведенія. Другимъ и, по нашему, еще болѣе важнымъ доказательствомъ успѣшнаго хода дѣлъ въ этомъ заведеніи можетъ послужить то, что когда департаментомъ народнаго просвѣщенія (School-Board) открываются гдѣ либо классы для глухо-нѣмыхъ, въ учителя приглашаются воспитанники этого заведенія.

Изъ самостоятельно-еврейскихъ обществъ, преслѣдующихъ филантропо-религіозныя цѣли, первое мѣсто занимаетъ общество, носящее названіе «Motso Association». Эта, какъ, она сама име-

нуетъ себя «дружелюбная» ассоціація имѣетъ своимъ объектомъ снабжать всѣ еврейскія конгрегаціи не только Лондона и всей Англіи, но даже разсѣянныя по дальнимъ колоніямъ всѣхъ великобританскихъ владѣній въ Азіи, Африкѣ, Австраліи и прочихъ мѣстностяхъ, опрѣсноками, или, какъ ихъ титулуютъ въ Англіи «пасхальнымъ хлѣбомъ» по дешевымъ цѣнамъ, а неимущимъ евреямъ вовсе даромъ. Существуетъ она 42-й годъ; основали ее въ 1840 году. Главная суть этого учрежденія состоитъ въ томъ что бѣдный, рабочій людъ еврейскаго населенія, которому трудно, часто же и невозможно, благодаря англійской системѣ понедѣльной платы за работу, располагать нужной суммой для пріобрѣтенія запаса хлѣба на всю недѣлю, можетъ отъ времени до времени вносить въ кассу общества любую сумму, начиная отъ 6 пенсовъ, и сколотить такимъ образомъ нѣкоторый фондъ для «тяжелаго» праздника — да, именно «тяжелаго», ибо у евреевъ и всякое празднество сопряжено съ гораздо бо̀льшими расходами, чѣмъ у приверженцевъ другихъ религій. Не получая процентовъ, за положенныя ими въ кассу суммы, они имѣютъ за то право получить нужное имъ количество опрѣсноковъ по пониженнымъ цѣнамъ, иногда на 4 — 6 коп. на фунтъ дешевле, что̀ составляетъ, разумѣется, солидное подспорье для скуднаго кармана рабочаго. Остатокъ, если таковой оказывается, отдается сдѣлавшимъ взносы—все равно, члены ли они этой ассоціаціи, или нѣтъ—деньгами, или въ видѣ другихъ пасхальныхъ предметовъ, тоже по удешевленнымъ цѣнамъ. Сверхъ того, временно несостоятельные члены еврейскихъ общинъ (отъ временной безработицы и т. п.) получаютъ какъ опрѣсноки, такъ и другіе предметы, нужные для этого разборчиваго праздника на условіяхъ выплаты. Финансовое состояніе этой «Мотсо-Ассоціаціи» по послѣднему 42-му отчету за 1881—82 г., въ настоящее время довольно хорошее, если сравнить его съ прошлыми отчетами. Въ нынѣшнемъ году въ кассу вступило 6,549 ф. ст.; израсходовано было 6,618 ф. ст. Причину дефицита въ 69 ф. ст. слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ затратѣ на закупку матеріаловъ и производство работъ на нѣсколько лѣтъ впередъ, на усовершенствованіе машинъ (тутъ опрѣсноки пекутъ посредствомъ довольно сложныхъ машинъ). Въ сумму этого дефицита входятъ уже долги съ тѣхъ, которые получили опрѣсноки на условіяхъ выплаты въ будущемъ.

Но и въ этомъ полезномъ дѣлѣ добро точно переплетено со зломъ. Эта ассоціація составляетъ чистую монополію со всѣми ея дурными свойствами: деспотизмомъ, нетерпимостью и проч. Такъ недавно тутъ образовалось частное общество съ такою же цѣлью. Принимая въ соображеніе, что „Motso Ass.“ много издерживаетъ на побочные расходы (жалованье многочисленному штату и пр.) новое общество нашло, что оно въ состояніи будетъ доставлять пасхальный хлѣбъ по еще болѣе низкимъ цѣнамъ. Но нетерпимая старая «ассоціація» сокрушила это юное общество желѣзными лапами своего болѣе сильнаго капитала и не пренебрегла даже такими выходками, какъ заявленіемъ, что съѣстные продукты юнаго общества не приготовляются по всѣмъ, предписаннымъ еврейскимъ закономъ, правиламъ. Заявленіе это поддержано было главнымъ раввиномъ, который вѣрно имѣетъ, если не руку, то палецъ свой и въ этомъ quasi-чисто-филантропическомъ предпріятіи.

Кромѣ описанныхъ обществъ, въ Англіи имѣется еще болѣе 36 разныхъ второстепенныхъ, болѣе или менѣе мелкихъ, но очень интересныхъ благотворительныхъ учрежденій въ пользу евреевъ. Описаніемъ ихъ займемся когда-нибудь послѣ. Теперь же остановимся еще на чрезвычайно важныхъ учрежденіяхъ здѣшнихъ евреевъ; а именно: «Jewich Board of Deputies» и «Jewich Working Man's Club.»

Задачи этихъ двухъ послѣднихъ обществъ нравственно-филантропическаго и болѣе спеціальнаго характера. Не имѣя въ виду, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, оказывать матеріальныя пособія евреямъ, „Еврейскій Совѣтъ Депутатовъ“ поставилъ себѣ цѣлью, улучшить общее положеніе евреевъ въ политически-гражданскомъ отношеніи. Программа этого совѣта еврейскихъ депутатовъ не ограничивается одними лишь англійскими евреями; въ нее также входитъ забота,—подѣйствовать своимъ вліяніемъ и на судьбу менѣе ихъ счастливыхъ потомковъ Израиля, путемъ устраненія тѣхъ ограниченій, какимъ евреи подчинены въ нѣкоторыхъ странахъ. Въ послѣднемъ отношеніи совѣтъ много пользуется услугами „Англо-Іудейской Ассоціаціи“ и „Alliance“, которыя служатъ ему какъ проводники нѣкоторыхъ мѣръ, предпринятыхъ имъ въ такихъ странахъ, гдѣ первыя имѣютъ какія-либо связи.

Еврейскій совѣтъ депутатовъ существуетъ уже очень давно,—съ какихъ именно поръ, намъ, къ сожалѣнію, съ достовѣрностью

неизвѣстно, но помнится, что онъ былъ сформированъ или преобразованъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда впервые поднятъ былъ вопросъ объ избираемости евреевъ въ члены парламента;— теперь онъ также подвергается значительнымъ перемѣнамъ, благодаря, понятно, опять таки антисемитическому движенію въ Европѣ. Въ іюлѣ текущаго года обнародованы были отчеты почти за все время существованія совѣта; отчеты издаются очень рѣдко и неполно, такъ какъ засѣданія бываютъ непостоянныя, лишь по какимъ-нибудь экстреннымъ случаямъ. Изъ этихъ отчетовъ видно, что нынѣ совѣтъ состоитъ изъ 36 депутатовъ, представляющихъ 26 еврейскихъ общинъ и избираемыхъ синагогами каждые три года; ими и покрываются расходы на содержаніе совѣта. Изъ этого числа на столицу выпадаетъ 14 членовъ и только 12 на провинціальныя конгрегаціи, хотя число регистрированныхъ еврейскихъ общинъ въ провинціи (включая Ирландію, Шотландію и Уэльсъ) 44. Другой, не менѣе важный недостатокъ, оказывается въ неправильномъ и крайне неравномъ ношеніи тяжестей контрибуцій со стороны конгрегацій. Такъ, въ Ковентри, городѣ съ чрезвычайно малочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ — въ немъ всего 11 постоянныхъ членовъ — еврейская община обложена налогомъ въ 8 ф. ст. 11 ш. 7 п.,—такою же суммой, какую доставляетъ въ кассу совѣта Бирмингамъ, гдѣ число постоянныхъ членовъ простирается до 418 и гдѣ евреи, среднимъ числомъ, самые зажиточные изъ всѣхъ, обитающихъ въ Англіи. Чтобы исправить эту и многія другія аномаліи предполагается теперь ввести реформы. Для улучшенія финансовъ проектируется взимать со всякаго мужчины по 2 шиллинга въ годъ въ тѣхъ конгрегаціяхъ, гдѣ число членовъ менѣе 100, и этимъ надѣются рѣшить финансовый вопросъ дѣла. Что же касается до расходовъ, то едвали возможно сказать о томъ, каковы они среднимъ числомъ, такъ какъ они совершенно зависятъ отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. За настоящій годъ на цѣли совѣта потребны были 326 ф. ст. 1 ш. 5 п., или 8 ф. ст. 11 ш. 7 п. съ каждой общины.

По послѣднему отчету, дѣятельность совѣта можно раздѣлить на три рода. На первомъ планѣ стоятъ поздравительные адресы: королевѣ послѣ мартовскаго покушенія на жизнь ея особы, и принцу Альбанскому по поводу его бракосочетанія; затѣмъ привѣтственный адресъ представленъ былъ королю голландскому во

время его пребыванія съ визитомъ въ Англіи и адресъ печальнаго свойства препровожденъ былъ въ Америку по поводу дѣйствительно печальной смерти президента Гарфильда; наконецъ приняты были резолюціи для выраженія «ужаса и негодованія» по случаю убійства лорда Фр. Кэвендиша и м-ра Бурка. Не можемъ, однако, удержаться отъ замѣчанія, что всѣ эти и подобные имъ прекрасные поступки могли быть совершены въ сообществѣ и совокупности съ другими дѣйствіями общества. По части религіи совѣтъ принялъ мѣры, чтобы университетскіе экзамены еврейскихъ студентовъ во всѣхъ городахъ, гдѣ живутъ евреи, происходили не по субботамъ, и совѣтъ надѣется на скорый успѣхъ. Самое главное вниманіе совѣта депутатовъ обращено было на состояніе законодательства касательно евреевъ въ другихъ странахъ; съ живымъ и глубокимъ интересомъ слѣдилъ онъ за измѣненіями и за обстоятельствами, способствующими улучшенію быта евреевъ — словомъ, слѣдилъ съ самой тщательной бдительностью за всѣми перипетіями въ положеніи евреевъ на свѣтѣ, ибо это послѣднее собственно и составляетъ primum mobile его существованія. Тутъ дѣйствія его простирались на Россію, Персію, Марокко etc. и по его иниціативѣ памятное дѣло м-ра Левисона, изгнаннаго изъ Россіи, доросло до такихъ широкихъ, хотя почти безрезультатныхъ размѣровъ.

Второй, названный нами «нравственно-филантропическимъ», институтъ гораздо менѣе универсальнаго качества: его плодами наслаждаться могутъ лишь «дѣти Лондона». Характеръ этого учрежденія вполнѣ выясняется его названіемъ «Клуба еврейскихъ рабочихъ». Тутъ за малыя деньги доступны дѣйствительно довольно прекрасныя, душу облагораживающія удовольствія, вкушать которыя пріятно уму, мысли и сердцу. Не охотно гоняясь за прошедшимъ, какъ бы оно ни было сладко, намъ гораздо болѣе по сердцу познакомить читателей съ программой будущихъ прелестей, какія сулитъ этотъ клубъ не однимъ лишь рабочимъ, ибо за мелкую плату (6 пенс. въ недѣлю) всякому открытъ входъ въ храмъ развлеченія, президентомъ котораго состоитъ извѣстный банкиръ м-ръ С. Монтагю, а почетнымъ секретаремъ — м-ръ Ашеръ И. Мейэрсъ, редакторъ «Jewish Chr.». Мы говоримъ о будущемъ рабочаго клуба, потому что онъ въ настоящее время подвергается радикальной реорганизаціи и преобразовывается

въ такую форму, что *пріятное* и *полезное* пойдутъ въ немъ рука объ руку. Читатели простятъ насъ поэтому, что мы здѣсь, совершенно оставляя въ сторонѣ статистическія данныя, такъ какъ цифры болѣе поучительны и важны въ отчетахъ о человѣческихъ страданіяхъ, чѣмъ въ отчетахъ объ ихъ наслажденіяхъ, прямо переходимъ къ сущности института. Комитетъ клуба, стѣны котораго стали слишкомъ тѣсны для его членовъ, рѣшилъ построить новое и собственное зданіе по указаніямъ самаго изысканнаго вкуса, по всѣмъ правиламъ необходимости и комфорта. Въ новомъ помѣщеніи клуба, къ которому недавно присоединился «Юношескій институтъ» будутъ: библіотека съ кафедрой для доцентовъ, которые читаютъ лекціи по всѣмъ предметамъ человѣческаго знанія и искусства, и съ двумя особыми читальнями (одна для взрослыхъ, другая для юношей), общія классныя комнаты, общая концертная и танцовальная залы, билліардная (для взрослыхъ) и рекреаціонная (для юношей), общій буфетъ, двѣ отдѣльныя кофейныя и многія другія отдѣленія, между которыми каширная и дешевая кухня займетъ, естественно, далеко не послѣднее мѣсто. Насколько благополучно обстоятъ финансовыя средства этого многообразнаго клуба, въ которомъ всѣ поименованныя пріятности и полезности заботливо практиковались и до сихъ поръ, (концерты выполняются нерѣдко довольно выдающимися виртуозами), правда, въ болѣе узкихъ размѣрахъ, можно судить изъ того, что въ распоряженіи уполномоченнаго комитета находится вся, нужная для постройки зданія сумма, а именно въ 4,500 ф. ст. слишкомъ. Недостаетъ лишь сравнительно малости на меблировку, но это не послужитъ помѣхой успѣху, котораго мы ему и желаемъ отъ души.

Г.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

БАЛТСКІЙ ПОГРОМЪ.

III.

Дѣло Харитона Дембскаго.

(Засѣданіе отдѣленія Каменецъ-Подольскаго окружн. суда 15 іюня).

Мѣщанинъ Фаликъ Ицковъ Колкманъ, въ прошеніи прокурору каменецподольскаго окружного суда, поданномъ 5-го апрѣля 1882 года, а потомъ и на предварительномъ слѣдствіи, объяснилъ, что, 30-го марта 1882 года, во время производившихся въ Балтѣ безпорядковъ, въ 1 часъ дня, столяръ Дембскій, съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, ворвавшись къ нему на квартиру, стали ломать и выбрасывать его вещи, а его самого бить, причемъ Дембскій желѣзнымъ шкворнемъ сперва ударилъ его по рукѣ и разбилъ палецъ, а потомъ билъ по головѣ. Это объясненіе потерпѣвшаго подтвердили жена его, Гитля Колкманъ, жена купца Идеса Писаревская, мѣщане Гихманъ, Мышанженъ и Мунисъ Гихельманъ. Городовой врачъ Дзенкевичъ, свидѣтельствовавшій Колкмана, нашелъ у него нѣсколько знаковъ отъ ударовъ на головѣ и отнесъ эти поврежденія къ легкимъ, а на указательномъ пальцѣ правой руки—рану съ разорванными краями, отстоящими другъ отъ друга на $^1/_2$ дюйма, длина всей окружности раны около двухъ дюймовъ, и заключилъ, что «судя по глубокому раненію, надо полагать, что такое поврежденіе, послѣ заживанія раны глубокимъ рубцомъ, оставитъ сведеніе пальца и по этимъ послѣдствіямъ можетъ быть отнесена къ увѣчью». Потомъ врачъ Дзенкевичъ показалъ слѣдователю, что поврежденіе пальца зажить скоро не можетъ, для этого нужно четыре или пять недѣль, и если останется сведеніе суставовъ пальца правой руки, то это поврежденіе должно быть отнесено къ тяжкому увѣчью.

Обвиняемый Харитонъ Дембскій, не признавая себя виновнымъ

---

* См. „Восходъ“, кн. VI.

и утверждая, что онъ даже не былъ у дома Писаревскаго, гдѣ квартировалъ Колкманъ, сослался на свидѣтелей Халфина, Кушнирь и казначея Хлѣбкевича; но эти свидѣтели показали только: Халфинъ—что 30-го марта, около двухъ часовъ дня, онъ видѣлъ Дембскаго около своей лавки, по сосѣдству съ домомъ Писаревскаго, гдѣ жилъ Колкманъ; Кушнирь— что онъ видѣлъ у своего дома Дембскаго 0-го марта, утромъ, и Хлѣбкевичъ—что онъ видѣлъ Дембскаго нѣсколько разъ около трехъ часовъ дня.

Выслушавъ заключеніе товарища прокурора палаты и разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, судебная палата нашла, что свидѣтельскими показаніями и медицинскимъ освидѣтельствованіемъ Фалина Колкмана, Дембскій уличается въ буйствѣ и причиненіи Колкману тяжкаго увѣчья. Почему, согласно съ заключеніемъ товарища прокурора, судебная палата опредѣлила: причисляющагося къ крестьянству Харитона Иванова Дембскаго, 40 лѣтъ, предать суду каменецподольскаго окружного суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что, 30-го марта 1882 года, онъ позволилъ себѣ буйство въ домѣ Писаревскаго, въ квартирѣ Колкмана, въ Балтѣ, что предусмотрѣно 38-ю ст. устава о наказ., налаг. миров. суд., и что тогда же и тамъ же, нанося побои тяжелымъ орудіемъ Фалину Колкману, хотя и въ запальчивости, не сознавая, какія могутъ быть послѣдствія его дѣйствій, онъ причинилъ ему тяжкое увѣчье указательнаго пальца правой руки, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1,480-ю ст. уложенія о наказаніяхъ.

Свидѣтельница, жена Колкмана, подробно изложила, какъ происходило дѣло. По ея словамъ, Дембскій, послѣ того, какъ избилъ ея мужа и сбросилъ его съ лѣстницы, бросился въ ту комнату, гдѣ она съ малолѣтними дѣтьми спряталась. Онъ разбилъ дверь, вступилъ въ эту комнату и требовалъ денегъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, ихъ зарѣзать. Они ему вручили бывшіе у нихъ 58 руб. Получивъ эти деньги, Дембскій разбилъ все, что было въ домѣ, взялъ нѣкоторыя вещи и удалился.

Свидѣтельница Писаревская также видѣла, какъ били Колкмана; ея, свидѣтельницы, домъ также разграбленъ. Когда подсудимый Дембскій грозилъ Колкману, что убьетъ его, то стоявшіе тутъ же два солдата съ ружьями сказали: „нѣтъ, этого мы уже не позволимъ; все, что хочешь—можно, но человѣка убить не позволимъ".

Свидѣтели, вызванные по просьбѣ обвиняемаго, удостовѣрили, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что видѣли Дембскаго 30-го марта, въ 10 часовъ утра, въ 12 и въ 3 часа дня противъ дома предводителя дворянства, гдѣ онъ разговаривалъ съ казначеемъ.

Подсудимый, отвергая свою виновность, утверждалъ, что свидѣтели показываютъ противъ него по наущенію Писаревской, пи-

тающей къ нему злобу. Сначала подсудимый объяснилъ эту злобу тѣмъ, что онъ конфисковалъ у нея образа, а потомъ измѣнилъ свое показаніе и утверждалъ, что злоба произошла изъ-за какого-то шкафчика, который Писаревская ему заказала. Писаревская же, на вопросъ сторонъ, дала отвѣты, въ которыхъ отвергала оба эти обстоятельства.

Присяжные засѣдатели признали Дембскаго виновнымъ въ буйствѣ и въ причиненіи Колкману увѣчій, которыя признаны присяжными нетяжелыми. Судъ приговорилъ Дембскаго къ заключенію въ смирительномъ домѣ на шесть мѣсяцевъ.

IV.

Дѣло Ивана Саковскаго, жены его Акулины и зятя ихъ Морозовскаго

(Засѣданіе 16-го іюня).

30-го марта 1882 года, во время происходившихъ въ Балтѣ антиеврейскихъ безпорядковъ, когда толпою разбита была находящаяся на Соборной Улицѣ лавка съ красными товарами, принадлежащая купцу Мотѣ Штуту, онъ подошелъ къ своей лавкѣ и сталъ собирать разбросанные товары. По разсказу Штута, едва успѣлъ онъ внести въ лавку часть товаровъ, какъ вошли мѣщане Петръ Морозовскій и Иванъ Саковскій, которые сначала начали рвать товары, а потомъ бросились къ нему и стали требовать денегъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, побить его. Вслѣдствіе этого, онъ вынулъ бумажникъ и далъ имъ 6 руб. Морозовскій и Саковскій вышли изъ лавки и стали кричать „ура" и звать къ себѣ другихъ, съ тѣмъ, чтобъ разграбить лавку. Въ это время подошла жена Ивана Саковскаго и тоже стала требовать денегъ; Штутъ далъ еще 5 руб., но Саковская сказала, что этого мало и взяла черное пальто его. Потомъ Штутъ убѣжалъ изъ лавки, а спустя нѣсколько дней, узналъ, что похищенное Саковскою пальто его найдено въ саду напротивъ дома Саковскихъ. Въ то время, когда изложенное выше происходило въ лавкѣ Штута, вблизи лавки, въ переулкѣ, находился мѣщанинъ Гершъ Лившицъ, а возлѣ самой лавки Абрамъ и Прасковья Ѳомины, которые, будучи спрошены въ качествѣ свидѣтелей, удостовѣрили: Лившицъ—что когда къ лавкѣ Штута подошло нѣсколько человѣкъ, то изъ числа ихъ Петръ Морозовскій крикнулъ: „здѣсь бери хорошій товаръ", а Иванъ Саковскій началъ разбрасывать товаръ по улицѣ; Абрамъ Ѳоминъ—что когда Штутъ началъ сносить въ лавку свой товаръ, валявшійся на улицѣ, къ нему въ лавку вошли три человѣка съ женщиной, въ сѣрой шали на плечахъ, и стали требовать отъ Штута денегъ, угрожая, въ против-

номъ случаѣ, побить его, послѣ чего Штутъ вынулъ бумажникъ и сказалъ, что отдастъ имъ все, лишь бы не трогали его, а въ предъявленныхъ ему Петрѣ Морозовскомъ, Иванѣ Саковскомъ и женѣ Саковскаго Акулинѣ, онъ призналъ тѣхъ самыхъ личностей, которыя требовали денегъ отъ Штута. Наконецъ, Прасковья Ѳомина, подтвердивъ показаніе мужа ея, добавила, что въ предъявленныхъ ей обвиняемыхъ узнаетъ только Ивана и Акулину Саковскихъ, изъ которыхъ Саковская, по уходѣ Штута, вошла въ лавку, сбросила свой старый платокъ, надѣла на голову новый и начала забирать и уносить съ собою, несмотря на то, что свидѣтельница укоряла ее не брать товара изъ лавки. Спрошенный по указанію потерпѣвшаго, свидѣтель Шаргородскій удостовѣрилъ, что, спустя нѣсколько дней послѣ безпорядковъ, нашелъ въ саду противъ дома Ивана Саковскаго, черное изорванное пальто, оказавшееся принадлежащемъ Мотѣ Штуту, которое и возвратилъ ему. Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ грабежѣ, мѣщане Петръ Морозовскій, Иванъ и Акулина Саковскіе, не признавая себя виновными, показали, что цѣлый день, 30-го марта, находились дома. Но спрошенные, по указанію обвиняемыхъ, свидѣтели Шендля Головацъ, Константинъ Драгомирецкій, Филатъ Кирпичанскій и Абрамъ Головацъ не подтвердили этого, и хотя Шендля Головацъ и показала, что Иванъ Саковскій цѣлый день, 30-го марта, былъ дома, но такое показаніе ея противурѣчитъ показанію свидѣтелей Драгомирецкаго и Абрама Головаца, которые видѣли его въ тотъ же день въ городѣ.

На основаніи изложеннаго, мѣщане Петръ Ивановъ Морозовскій, 19-ти лѣтъ, Иванъ Павловъ Саковскій, 49-ти лѣтъ и Акулина Саковская, 49 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что, 30-го марта 1882 года, посредствомъ угрозъ причинить насильственныя дѣйствія, открыто похитили у балтскаго купца Моти Штута, 11 руб. денегъ и, сверхъ того, первые два Морозовскій и Саковскій въ томъ, что въ то же время произвели въ лавкѣ Штута буйство, выразившееся въ крикахъ «ура» и въ разбрасываніи товаровъ, а Акулина Саковская въ томъ, что открыто похитила въ присутствіи Моти Штута пальто его и въ присутствіи свидѣтельницы Прасковьи Ѳоминой уносила разный товаръ изъ лавки Штута, т. е. въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ въ отношеніи Петра Морозовскаго и Ивана Саковскаго 1,642-й ст. улож. о наказ. и 38-й ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд., а въ отношеніи Акулины Саковской 1,643-й уст. улож. о наказ.

Всѣ подсудимые, на вопросы предсѣдателя о виновности, дали отрицательные отвѣты. Первымъ допрошенъ былъ потерпѣвшій Мотя Штутъ.

Свидѣтель показалъ: когда начались безпорядки, то онъ, Познанскій и другіе свидѣтели отправились къ полиціймейстеру, чтобъ

просить у него защиты. Ихъ встрѣтилъ полковникъ, прогнавшій ихъ домой. Они начали его просить: «что вы насъ гоните? Мы идемъ просить защиты», но полковникъ грозно приказалъ отправиться домой, а защита уже будетъ. Къ 6-ти часамъ, когда уже разгромили дома во 2-й части, онъ, свидѣтель, и Познанскій вновь отправились къ полиціймейстеру и встрѣтили толпу крестьянъ, прибывшихъ изъ селъ. Тогда они узнали, что крестьяне были вызваны по распоряженію исправника. Встрѣтивъ нѣкоторыхъ изъ этихъ крестьянъ, они слышали такой разговоръ: «насъ вызвали, чтобъ евреевъ побить, такъ мы же съ ними разсчитаемся — они хотѣли нашу церковь разрушить». Услышавъ это, они отправились къ исправнику и указали ему того мужика, который произнесъ эти слова. Исправникъ подошелъ, велѣлъ его сначала арестовать, но потомъ немедленно же сдѣлалъ распоряженіе объ освобожденіи его, причемъ приказалъ ему немедленно вернуться домой и болѣе не являться. «Когда, говорилъ свидѣтель, я узналъ, что моя лавка и лавка моей дочери уже разграблены, то отправился туда; я убѣдился, что я теперь уже несчастный человѣкъ; вчера я былъ богатъ, а теперь ничего не имѣю, деже куска хлѣба нѣтъ. Встрѣтилъ я у своей лавки хозяевъ дома, Аврама и Прасковью Ѳоминыхъ. Я началъ плакать предъ ними, чтобъ они что-нибудь спасли, но они говорятъ: «зачѣмъ вы сюда пришли? Только что мы упросили этихъ разбойниковъ, чтобъ они ушли отсюда, а вы теперь пришли—они придутъ, увидятъ васъ и убьютъ. Неужели вамъ товаръ этотъ милѣе вашей жизни?» Несмотря на это, свидѣтель, все таки, началъ подбирать валявшійся на улицѣ, возлѣ лавки, товаръ. По совѣту Ѳоминыхъ, свидѣтель спрятался въ лавкѣ. Осматривая уничтоженный и разорванный товаръ, онъ въ это время услышалъ разговоръ хозяйки дома Ѳоминой съ какимъ-то человѣкомъ, стоявшимъ на улицѣ возлѣ лавки. Она говорила этому человѣку: «какъ вамъ не совѣстно? Вы довольно уже раззорили нашъ домъ, а теперь опять пришли», а онъ отвѣчаетъ: «какъ тебѣ не стыдно; мы тебѣ покажемъ, какъ евреевъ защищать, мы тебя тоже побьемъ; ура, ура, ура!» Съ этими словами онъ вбѣжалъ въ лавку. Свидѣтель въ это время спрятался подъ столъ. Вбѣжавъ въ лавку, человѣкъ этотъ началъ рвать готовое платье, но, замѣтивъ его, свидѣтеля, подскочилъ къ нему; тотъ началъ его цѣловать, обнимать и просить, чтобъ его не били, обѣщалъ ему дать могарычъ. „Сколько же, спрашиваетъ этотъ человѣкъ, ты дашь?“ Я говорю: «дамъ рубль». Услышавъ это, онъ схватилъ свидѣтеля за грудь, прижалъ къ стѣнѣ и кричитъ: «давай 10 рублей». У свидѣтеля же въ карманѣ было только 5 р. и 1 руб. Онъ вынулъ 5 руб., отдалъ ихъ и говоритъ: „больше нѣтъ. Теперь какъ хотите, хоть душу берите“. Онъ ушелъ. Между тѣмъ, хозяинъ на дворѣ стоялъ и разговаривалъ съ мужикомъ,

который вдругъ поднялъ сигналъ: «ура! ура! сюда идите». Свидѣтель подумалъ: «у однихъ онъ отпросился, теперь другіе придутъ и убьютъ его» и онъ, поэтому, предпочелъ выйдти на улицу. Увидѣвъ Саковскаго, давшаго сигналъ толпѣ, онъ началъ его цѣловать и просить не трогать, но въ это время явилась жена Саковскаго и, подступая къ нему, кричитъ: «давай семь карбованцевъ: моя дѣвка у тебя служила и ты ей не заплатилъ». Свидѣтель вынулъ 5 руб. и даетъ ей, но она потребовала еще 2 р., но у свидѣтеля больше не было. Саковская вошла въ лавку, взяла пальто свидѣтеля и, выходя съ нимъ, кричитъ: «это наше, все наше». Свидѣтель началъ плакать, просить; хозяинъ упрашивалъ, но они прижали его къ стѣнѣ, тормошили и кричали: «давай 2 рубля». Свидѣтель, наконецъ, съ помощью хозяина, вырвался и убѣжалъ. За мостомъ его нагнали и начали бить. Только послѣ этого одинъ священникъ пріютилъ его и семью у себя. На другой день свидѣтель узналъ отъ хозяйки дома, Прасковьи Ѳоминой, что послѣ его ухода, въ лавку ворвались Саковскій и жена его. Когда ихъ сначала не пускали, то Саковскій сказалъ хозяйкѣ: „если не уйдешь, то и тебя убьемъ". Явившись на другой день въ лавку, свидѣтель нашелъ пустыя полки, а тѣ куски, которые валялись, были облиты керосиномъ, масломъ и т. д. Между прочимъ, свидѣтель нашелъ сѣрый платокъ, принадлежавшій Саковской. Она оставила старый платокъ и на его мѣсто взяла новый. Свидѣтель показывалъ этотъ платокъ сосѣду Саковскихъ, Шаргородскому, который сейчасъ же призналъ, что этотъ платокъ принадлежитъ Саковской, но просилъ его не выставлять его свидѣтелемъ по этому дѣлу, такъ какъ онъ боится Саковскихъ. 1-го мая былъ произведенъ обыскъ, по просьбѣ свидѣтеля, въ квартирѣ Саковскихъ. Такъ какъ приставъ самъ былъ занятъ и не могъ отправиться для производства обыска, то онъ командировалъ городового и двухъ патрульныхъ; они явились вмѣстѣ съ свидѣтелемъ въ квартиру Саковскихъ, ихъ самихъ не застали дома; дочь ихъ, служившая прежде у свидѣля, встрѣтила ихъ площадной бранью. Свидѣтель просилъ эту дѣвушку передать ея матери, что онъ ничего отъ нихъ не желаетъ, а проситъ только возвратить ему пальто, которое она взяла въ лавкѣ. Въ это время въ комнату влетѣлъ Морозовскій и дрючкомъ началъ бить его, свидѣтеля, городового и патрульныхъ. Немедленно было сообщено объ этомъ приставу, который уже лично поѣхалъ къ Саковскимъ, съ казаками, и арестовалъ ихъ. На другой день какой-то еврей нашелъ недалеко отъ дома Саковскихъ пальто.

На вопросы прокурора, свидѣтель отвѣчалъ: всѣхъ подсудимыхъ онъ отлично замѣтилъ. У одного изъ подсудимыхъ—Саковскаго, лицо было вымазано кровью и онъ кричалъ: «христіанскую кровь жиды пролили».

Подсудимые заявили, что показаніе свидѣтеля Штута ложное и что они совсѣмъ въ лавкѣ Штута не были.

Свидѣтель Аврамъ Ѳоминъ (весьма представительный старикъ 80-ти лѣтъ, съ окладистой большой бородою, раскольникъ) подтвердилъ показаніе предъидущаго свидѣтеля. По его словамъ, Саковскій, къ которому онъ, свидѣтель, обратился съ просьбою не трогать лавку Штута, сказалъ: «что, тебѣ жидовъ жаль, что ихъ защищаешь? И тебя уже пора убить». Саковская забрала товаръ въ шаль и, обращаясь къ толпѣ, кричала: «берите, люди добрые, потому что моя дѣвка тамъ служила и ей не заплатили». Въ лавкѣ Штута толпа побила и исковеркала все. Свидѣтель видѣлъ, какъ Саковскій прижалъ Штута къ стѣнѣ и требовалъ денегъ. Свидѣтель видѣлъ, какъ Саковская, сбросивъ свою старую шаль, взяла себѣ новую, а потомъ стала выбирать товаръ. Подсудимаго Морозовскаго свидѣтель видѣлъ при разгромѣ лавки Штута и слышалъ, какъ онъ требовалъ денегъ отъ Штута.

Предсѣдатель (Саковской). Вы слышали? Вотъ старикъ прямо на васъ указываетъ.—Подсудимая Саковская. Отъ какихъ лѣтъ я живу, никакихъ полицейскихъ не знаю.

Свидѣтель. Это, голубка, ты кричала: «берите, люди добрые».

Предсѣдатель. Свидѣтель! Сколько вамъ лѣтъ? — Свидѣтель. 80 лѣтъ.

Свидѣтельница Прасковья Ѳомина. Когда я увидѣла, что разбиваютъ лавку въ нашемъ домѣ, то я пришла, начала кричать и плакать: «не бейте нашъ домъ». Въ это время явился Саковскій, началъ меня ругать самыми площадными словами и говоритъ: «что, ты жидовъ защищаешь? И тебя убьемъ». Они все разбросали, уничтожили, выбросили изъ лавки товары, а потомъ, когда явился хозяинъ лавки Штутъ, то я ему говорю: «уйди, а то тебя убьютъ». Онъ не послушался и его все-таки побили. Жена Саковскаго держала его за руки, а Саковскій за плечи—къ стѣнѣ прижималъ и говорилъ: „давай гроши, с... с...“ Штутъ плакалъ, просилъ: «голубчики, братья, сколько есть, столько отдамъ», и отдалъ. Саковская сбросила съ себя старый платокъ, взяла новый и говоритъ къ толпѣ: «берите, люди добрые» — и брали. Я говорю: «не трогайте», а онѣ мнѣ: «прочь, не твое дѣло».

На вопросы свидѣтельница отвѣчала, что она Саковскихъ отлично признаетъ. Свидѣтельница видѣла, что лицо у Саковскаго было вымазано кровью.

Свидѣтель Гершъ Лившицъ удостовѣрилъ, что онъ слышалъ, какъ Саковскіе кричали, при разгромѣ лавки Штута: «сюда, хлопцы, здѣсь дешево можно имѣть товаръ».

Свидѣтель Абрамъ Головацъ видѣлъ, 30-го марта, старуху Саковскую, носившую въ фартукѣ товаръ.

Нѣкоторые свидѣтели, вызванные по просьбѣ обвиняемыхъ,

удостовѣрили, что, 30-го марта, они видѣли подсудимыхъ Саковскихъ дома нѣсколько разъ.

Подсудимые упорно отрицали свое участіе въ разгромѣ и ограбленіи лавокъ Штута. Послѣ каждаго показанія, прямо ихъ уличавшаго, Саковская заявила, что на нее показываютъ по злобѣ, и въ свидѣтели призывала Бога, Спасителя и т. д.

Затѣмъ судебное слѣдствіе было окончено и приступлено къ преніямъ.

Товарищъ прокурора г. Компанейцевъ. Гг. присяжные засѣдатели! Вчера вы слышали много о томъ, какъ можно глумиться надъ человѣкомъ, какъ можно лишать его самихъ дорогихъ благъ. Сегодня вы сталкиваетесь со сценами, которыя свидѣтельствуютъ, что нетолько можно ругаться надъ личностью, но и лишить его того, что составляетъ средства къ жизни, имущества. Я думаю, что нѣтъ надобности распространяться о значеніи имущества, о томъ, какая разница между имущимъ человѣкомъ и неимущимъ. Гг. присяжные засѣдатели, если съ человѣкомъ случается какое-нибудь несчастіе, послѣ котораго онъ лишается имущества, то онъ сразу измѣняется. Бываютъ даже случаи, что человѣкъ лишается ума, когда разстается съ послѣднимъ своимъ достояніемъ. И дѣйствительно, какъ трудно перенести такую потерю, трудно разставаться съ тѣмъ, что даетъ средства къ существованію, и притомъ, можетъ быть, послѣднія. А какъ тяжело бываетъ, потерявши состояніе, пріобрѣтать его вновь; кому неизвѣстно, сколько нужно умѣнья и времени, чтобъ возстановить потерянное. Я думаю, что случаи, бывшіе въ Балтѣ, многихъ людей повергли въ несчастное положеніе, изъ котораго будетъ трудно, и очень трудно, и что на это не у всѣхъ хватитъ силъ и умѣнья. Еслибъ еще на помощь приходила благотворительность, еслибъ она была щедрая, но, при отсутствіи ея, подъ этимъ явленіемъ надо призадуматься. Что же мы видимъ въ настоящемъ дѣлѣ? Мы видимъ картину разрушенія, когда все имужество растаскивалось, уничтожалось и когда потерпѣвшій является въ лавку, чтобъ собрать послѣдніе жалкіе остатки отъ разграбленнаго и разрушеннаго имущества, то ему и въ этомъ отказываютъ. Мало того, его подвергаютъ насилію и, въ довершеніе всего, даже послѣднія вещи, подобранныя имъ, летятъ прахомъ. Все это, конечно, грустно, все это пагубно отзывается на обществѣ и я увѣренъ, что вы не будете долго задумываться надъ тѣмъ, какой произнести приговоръ. Нѣтъ надобности также задумываться надъ тѣмъ, что подсудимые дѣйствительные виновники. Правда, существуютъ свидѣтельскія показанія, которыми подсудимые полагали доказать свое alibe, но эти показанія никакого значенія не имѣютъ. Въ дѣлѣ существуютъ такія неопровержимыя и неотразимыя данныя и доказательства, что эти показанія не имѣютъ, повторяю, значенія. Мы ви-

дѣли тутъ очевидцевъ этихъ происшествій, мы слышали о томъ, какъ послѣднее имущество уничтожалось, какъ деньги переходили въ карманы преступниковъ. Плачь, который здѣсь раздается со стороны одной подсудимой, не можетъ васъ остановить. Картина слишкомъ тяжела и теперь раскаяніе слишкомъ позднее. Вы, гг. присяжные, своимъ приговоромъ докажете, что легкой наживѣ не мѣсто въ Россіи, что такимъ путемъ нельзя пріобрѣтать имущества, что пріобрѣтать надо путемъ честнымъ, путемъ труда, а не путемъ грабежа. Все это даетъ мнѣ также право, какъ и по всѣмъ другимъ дѣламъ, требовать отъ васъ обвинительнаго приговора.

Повѣренный гражданскаго истца, присяжный повѣренный Л. А. Куперникъ. Гг. Присяжные засѣдатели! 30-го марта нынѣшняго года, въ Балтѣ происходило очень много такихъ вещей, о которыхъ и страшно и стыдно вспомнить. Многія изъ преступленій, которыя въ то время были совершены, остались неоткрытыми, нѣкоторыя же изъ нихъ уже разсмотрѣны вами и виновнымъ воздано по справедливости. Преступленія, уже разсмотрѣнныя вами, были направлены противъ личности людей: болѣе или менѣе разъяренные, ослѣпленные люди, неспособные дать себѣ отчета въ томъ, что они совершаютъ, а многіе, подъ вліяніемъ выпитаго вина (тоже не купленнаго, а пріобрѣтеннаго преступнымъ путемъ), дѣйствовали слѣпо, безотчетно, поддаваясь инстинкту. Какая, напримѣръ, была надобность нанести Теплицкому удары, отъ которыхъ онъ умеръ? Это были поступки звѣрскіе, это—дикость, злоба, но и тутъ нѣтъ ничего низкаго, постыднаго. Сегодня же мы имѣемъ дѣло съ явленіями совершенно другаго рода, съ такими явленіями, гдѣ человѣкъ, причиняя другому величайшее зло, пользуются тѣмъ, что этотъ другой дрожитъ за свою жизнь, честь и семью, и доставляетъ себѣ барышъ, прибыль, чтобъ получать такія вещи, которыя другимъ путемъ путемъ праведнымъ, онъ не получитъ. Саковская, несмотря на свои почтенныя лѣта, несмотря на то, что она вовсе не блистательная дама, пользуется случаемъ, чтобъ украсить свою особу новою шалью. Въ этомъ явленіи нужно признать присутствіе еще элемента низкаго, воровского, допускающаго, чтобъ при несчастьи другаго доставлять себѣ удобство, роскошь, и строгость общественнаго суда должна быть примѣнима къ такимъ дѣламъ неменѣе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда посягательство простирается на личность или жизнь. Справедливость должна быть оказана всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ, а человѣкъ, который потерялъ свое имущество, пріобрѣтенное потомъ и кровью, въ теченіи долгаго времени, нуждается въ защитѣ точно также, какъ подвергшійся личному нападенію.

Обвиняемые Саковскіе, мужъ и жена, доказывали и доказываютъ, что весь день были дома и не могли быть на мѣстѣ пре-

ступленія, но оказывается, что ихъ же свидѣтели этого не подтверждаютъ. Что же касается свидѣтелей обвиненія, то достаточно посмотрѣть на лица свидѣтелей Ѳоминыхъ, чтобъ сказать, что эти люди честные, что нѣтъ причины, чтобъ они напрасно приписывали подсудимымъ тѣ или другія дѣйствія, если они ихъ дѣйствительно не совершали. Свидѣтели же, выставленные обвиняемыми, вовсе не доказываютъ того, въ подтвержденіе чего ихъ выставили. Далѣе, разбирая показанія свидѣтелей, выставленныхъ подсудимыми, защитникъ пришелъ къ заключенію, что этими показаніями, которыми подсудимые желаютъ доказать, что были, 30-го марта, безотлучно дома, ихъ доводы опровергаются. Если эта ссылка представляетъ неправду, то значитъ, правда то, что говорятъ Ѳомины, что они, видѣли въ лавкѣ Штута, какъ подсудимые буйствовали, безчинствовали. Безчинство заключалось въ томъ, что, путемъ угрозъ и насилія, вымогали деньги; они требовали денегъ, угрожая побить потерпѣвшаго. Мы слышали, какъ Саковская держала Штута за руку, когда Саковскій требовалъ деньги: слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь былъ полнѣйшій грабежъ, пользовались положеніемъ людей беззащитныхъ. Эти люди должны быть признаны виновными и они обязаны вознаградить Штута за его убытки.

Присяжные, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, на вопросъ о виновности подсудимыхъ Саковскихъ, дали утвердительный отвѣтъ, а Петра Морозовскаго признали невиновнымъ. На основаніи этого вердикта состоялась слѣдующая резолюція суда: мѣщанина города Балты, Петра Иванова Морозовскаго, 19-ти лѣтъ, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., признать по суду оправданнымъ; мѣщанина города Балты, Ивана Павлова Саковскаго, 49-ти лѣтъ, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія на три года и три мѣсяца; мѣщанку города Балты, Акулину Григорьеву Саковскую, 49-ти лѣтъ, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ рабочій домъ на 1 годъ и 3 мѣсяца съ замѣною, по 77 и 78 ст. съ послѣдствіями по 48 ст. улож. о наказ. Признать представленный по настоящему дѣлу гражданскій искъ правильнымъ по существу и предоставить повѣренному гражданскаго истца Штута доказывать размѣръ своего иска въ порядкѣ исполнительномъ.

V.

Дѣло Никиты Крыжановскаго.

(*Засѣданіе 16-го іюня*).

30-го марта 1882 года, во время уличныхъ безпорядковъ, происходившихъ въ Балтѣ, направленныхъ противъ имущества евре-

евъ, толпа народа, подойдя къ выходящему на улицу дому мѣщанки Хаи Глузберговой, стала разбивать окна и двери, а потомъ истреблять движимое имущество въ немъ. Впереди всѣхъ, по заявленію Хаи Глузберговой, дѣйствовали мѣщанинъ Никита Крыжановскій, который надѣлъ на себя взятую имъ въ домѣ сумку, съ незначительнымъ количествомъ мелкихъ денегъ, и подойдя къ ней, сказалъ: «вотъ, Хайка, твой саквояжъ». Когда же Хая Глузбергова просила его отдать сумку, то онъ пригрозилъ ей топоромъ и сумки не отдалъ. Все это удостовѣрено показаніями потерпѣвшей и свидѣтелей Берна Беккера, Абрама Фирера, Мордка Гринберга и др. Привлеченный къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемаго, мѣщанинъ Никита Крыжановскій, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что дѣйствительно вынесъ изъ дома Глузберговой сумку, но бросилъ ее на улицѣ. Выслушавъ заключеніе товарища прокурора и принимая во вниманіе, что участіе мѣщанина Крыжановскаго въ уличныхъ безпорядкахъ, направленныхъ противъ евреевъ и сопровождавшихся уничтоженіемъ и поврежденіемъ движимаго ихъ имущества и открытое похищеніе имъ сумки съ небольшимъ количествомъ денегъ у Хаи Глузберговой, достаточно доказано приведенными выше свидѣтельскими показаніями, одесская судебная палата, руководствуясь 201-й, 534-й, ст. уст. угол. суд., опредѣлила: балтскаго мѣщанина Никиту Амвросьева Крыжановскаго, 21-го года, предать суду каменецъ-подольскаго окружного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что, 30-го марта 1882 года, въ Балтѣ принималъ участіе въ уличныхъ безпорядкахъ, направленныхъ противъ движимаго имущества евреевъ, истреблялъ оное и открыто, съ угрозою топоромъ, подвергалъ опасности жизнь потерпѣвшей, похитилъ при этомъ сумку съ незначительнымъ количествомъ денегъ, принадлежащихъ Хаѣ Глузберговой, въ присутствіи сей послѣдней и постороннихъ лицъ. Эти противозаконныя дѣянія соотвѣтствуютъ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 1,629-й ст. улож. о нак. 38-й и 152-й ст. уст. о наказ.

Подсудимый, на вопросъ предсѣдателя о виновности, далъ сначала уклончивый отвѣтъ, но когда предсѣдательствующій ознакомилъ его подробно съ предметомъ обвиненія, предъявленнымъ противъ него по обвинительному акту, то онъ отвѣтилъ, что не признаетъ себя виновнымъ и разсказалъ, что невольно былъ вовлеченъ въ квартиру Глузбергъ въ то время, когда толпа уже разбивала тамъ и уничтожала имущество. Проходя мимо этого дома, онъ былъ замѣченъ нѣкоторыми изъ толпы, участвовавшей въ погромѣ, и ему сказали: «ты зачѣмъ не участвуешь? Ты за жидовъ стоишь?» Тогда онъ зашелъ и все его участіе ограничилось только тѣмъ, что, взявъ стулъ и саквояжъ, выбросилъ ихъ на улицу и затѣмъ ушелъ. Въ виду такого объясненія подсудимаго, приступлено было къ допросу свидѣтелей.

Потерпѣвшая Хая Глузбергъ удостовѣрила, что подсудимый Крыжановскій находился впереди компаніи, разбивавшей лавку. Онъ былъ въ красномъ поясѣ и держалъ въ рукѣ топоръ, которымъ размахивалъ. Свидѣтельница хорошо его знала до безпорядковъ и, замѣтивъ что онъ предводительствуетъ толпою, она подошла къ нему и просила, чтобъ ее не трогали; но Крыжановскій замахнулся на нее топоромъ и сказалъ: «Прочь! Я разобью тебѣ голову». Испугавшись, свидѣтельница убѣжала, стала возлѣ казначейства и наблюдала: она видѣла, что Крыжановскій первый приступилъ къ отбитію замка, послѣ чего толпа ворвалась въ лавку, выкатила бочку вина, двѣ бочки водки, разбили всю мебель, забрали всю одежду, а что не могли забрать — порвали. (*Свидѣтельница плачетъ*). Крестьяне, приглашенные исправникомъ, помогали Крыжановскому. Въ лавкѣ, между прочимъ, былъ оставленъ саквояжъ съ деньгами. Крыжановскій нашелъ его, одѣлъ на себя, вышелъ и кричитъ: „Хайка, смотри, я въ твоемъ саквояжѣ, а ну-ка, посмотри—я тебѣ еще голову размозжу. Я теперь хозяинъ". Это слышали очень многіе, стоявшіе тутъ же. Прежде, говорила свидѣтельница, я была состоятельная женщина, а онъ меня оставилъ нищею.

Свидѣтель Берко Беккеръ также видѣлъ, какъ Крыжановскій, предводительствуя толпою, съ топоромъ въ рукѣ, разломалъ замокъ, выломалъ двери, зашелъ съ другими въ помѣщеніе Глузбергъ, порвалъ перины, разломалъ мебель, а когда вышелъ оттуда, на немъ былъ саквояжъ Хаи Глузбергъ, которой Крыжановскій угрожалъ топоромъ, говоря: «я тебѣ голову размозжу». Свидѣтель видѣлъ, какъ Крыжановскій шелъ впереди толпы; «онъ—говорилъ свидѣтель—былъ предводителемъ».

Другіе свидѣтели также подтвердили обвиненіе.

Товарищъ прокурора, г. Компанейцевъ. Гг. присяжные засѣдатели, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ, говорятъ, больше дровъ—такъ и настоящее дѣло можетъ служить характеристикой преступленій различнаго свойства, совершавшихся въ Балтѣ 29-го и 30-го марта. Мы слышали, что Крыжановскій, вооружившись топоромъ, явился къ Хаѣ Глузбергъ, разбивалъ лавку и, наконецъ, началъ пользоваться принадлежащимъ ей имуществомъ; угрожая топоромъ лишить ее жизни, онъ открыто похитилъ ея саквояжъ. Это лучшее орудіе, топоръ, конечно, должно было остановить потерпѣвшую, она вынуждена была сознать свое ничтожество предъ этимъ страшнымъ орудіемъ, которое сражаетъ и такихъ гигантовъ, какъ вѣковые дубы, и ей ничего болѣе не оставалось, какъ только подчиниться, тѣмъ болѣе, что она женщина. Вотъ, собственно говоря, данныя настоящаго дѣла. У васъ, я полагаю, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это преступленіе дѣйствительно совершено Крыжановскимъ: самъ онъ даже сознается въ томъ.

что былъ участникомъ истребленія имущества Глузбергъ и отрицаетъ только фактъ похищенія. Онъ объясняетъ, что хотя саквояжъ и былъ имъ взятъ, но онъ былъ имъ выброшенъ. Такимъ образомъ, онъ не признаетъ существенныхъ признаковъ, которые заключаются въ такомъ преступленіи, какъ разбой. И хотя онъ отрицаетъ самый фактъ похищенія, но свидѣтельскими показаніями положительно установлено, что этого саквояжа не стало, что онъ исчезъ совершенно и что эта вещь была особенно привлекательна, такъ какъ въ ней заключались деньги. Послѣ всего сказаннаго, обстоятельства дѣла не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что объясненіе подсудимаго не заслуживаетъ вѣроятія и что былъ въ дѣйствительности и фактъ буйства, и фактъ открытаго похищенія, а потому вамъ остается только, какъ и по прежнимъ дѣламъ, констатировать это печальное событіе.

Повѣренный гражданскаго истца, г. Куперникъ, указалъ на то, что преступленіе, въ которомъ обвиняется по настоящему дѣлу подсудимый Крыжановскій, еще болѣе опасно, чѣмъ предъидущія. Тутъ человѣкъ нетолько пользуется беззащитностью другаго человѣка, чтобъ разбивать его домъ и грабить имущество, но уже является на сцену топоръ, которымъ угрожаетъ жизни. Притомъ, подсудимый Крыжановскій является не какимъ-нибудь единичнымъ дѣятелемъ, или единицею въ толпѣ, но онъ, по словамъ свидѣтелей, даже цѣлый полководецъ, онъ направляетъ дѣйствія толпы. Неважно, конечно, то, сколько было денегъ въ похищенномъ подсудимымъ саквояжѣ, а важно то, что онъ напалъ на домъ вооруженною рукою, что онъ грозилъ топоромъ хозяйкѣ дома. Конечно, весьма легко допустить, что угрозы Крыжановскаго въ дѣйствительности не представляли опасности для жизни Глузбергъ и присяжные поступятъ справедливо, если признаютъ, что этой опасности не было. Подсудимый молодъ и, дѣйствительно, жаль обвинить такого молодого человѣка въ такомъ тяжкомъ преступленіи, но что дѣлать, если такіе молодые люди берутъ на себя руководить толпою и толпа ихъ слушаетъ. Крыжановскій не отвергаетъ того, что онъ былъ на мѣстѣ преступленія; онъ только не признаетъ тѣхъ дѣйствій, которыя ему приписываютъ свидѣтели. Но свидѣтели, очевидно, говорятъ правду, и даже люди близкіе Крыжановскому—Подгорецкій, его родственникъ, уличаетъ его. Онъ утверждаетъ, что была большая толпа христіанъ, но евреевъ онъ вовсе не видѣлъ въ это время. Этимъ онъ хочетъ сказать, что евреи-свидѣтели говорятъ неправду, и оказывается, что христіанъ было 8—12 человѣкъ, а что евреевъ не было въ этомъ мѣстѣ. Нужно сказать,—къ счастью, потому, что Крыжановскій съ топоромъ въ рукахъ, въ сопровожденіи толпы, и евреи рядомъ съ ними составляли бы комбинацію, совсѣмъ неудобную. Въ заключеніе г. повѣренный просилъ присяжныхъ засѣдателей отно-

ситься къ настоящему дѣлу съ той же справедливостью, съ которой они отнеслись къ прежнимъ дѣламъ.

Подсудимый, въ своемъ объясненіи, вновь указывалъ на то, что онъ былъ очень пьянъ и его толпа увлекла уже въ разбитую лавку.

Присяжные признали Крыжановскаго виновнымъ и судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

VI.

Дѣло Меркурія Задорожнюка.

(*Засѣданіе 16-го іюня*).

Въ ночь на 1-е апрѣля 1882 года, во время происходившихъ въ мѣстечкѣ Окны, Балтскаго уѣзда, антиеврейскихъ безпорядковъ, изъ запертой конторки въ лавкѣ мѣщанъ Шмуля Фурера и Мотеля Пантуса, по заявленію потерпѣвшихъ отъ преступленія, похищено около 150 руб. По разсказу Шмуля Фурера и Мотеля Пантуса, какъ только они услыхали, что толпа ризбиваетъ еврейскіе дома, бросили свои дома и лавки, и ушли, оставивъ въ запертой на внутренній замокъ конторкѣ около 150 р. кредитными билетами, серебромъ и мѣдью. Когда же безпорядки прекратились, конторка оказалась разбитой на мелкіе куски, которые перемѣшались съ нѣсколькими другими кусками ломанной мебели. Спрошенная, по указанію Фурера, свидѣтельница Фейга Минебергъ удостовѣрила, что, 1-го апрѣля нынѣшняго года, въ то время, когда въ мѣстечкѣ Окнахъ толпа истребляла въ лавкѣ евреевъ Фурера и Пантуса вещи, она видѣла, какъ одинъ изъ толпы, Меркурій Задорожнюкъ, ей предъявленный, вынесъ изъ лавки ящикъ, отошелъ немного отъ лавки и бралъ изъ ящика деньги, которыя звенѣли; деньги онъ клалъ къ себѣ въ карманъ, а ящикъ бросилъ на землю. При этомъ свидѣтельница объяснила, что когда все вышеуказанное происходило, она стояла на балконѣ сосѣдняго съ лавкою Фурера дома, вмѣстѣ съ Анною Альбовской, и что разбивавшіе лавку Фурера имѣли въ рукахъ зажженную свѣчу. Другая свидѣтельница, дворянка Анна Альбовская показала, что она въ то время видѣла также, какъ какой-то человѣкъ выносилъ изъ лавки Фурера ящикъ съ звенѣвшими деньгами и слыхала, какъ люди, разбиравшіе лавку Фурера, называли его Меркуріемъ. Свидѣтель Лейба Фуреръ удостовѣрилъ что когда разорена была лавка его отца, то онъ видѣлъ, какъ Меркурій Задорожнюкъ высыпалъ себѣ въ полу изъ ящика деньги и крикнулъ: «Хлопцы, идите, возьмите!» Меркурій Задорожнюкъ, не призна-

вая себя виновнымъ, объяснилъ, что евреи Хаимъ Симесъ и сестра его Этля Кантерманъ видѣли, что во время разбитія еврейскихъ лавокъ, въ ночь на 1-е апрѣля, до конца бунта, онъ находился возлѣ ихъ лавки, что также извѣстно Антону Жигуну, Кишиневу и Василію Жуковскому. Спрошенные, по ссылкѣ обвиняемаго, Хаимъ-Беръ-Симесъ, Этля Кантерманъ, Филиппъ Кишиневъ, Антонъ Жигунъ и Василій Жуковскій этой ссылки не подтвердили. По опредѣленію одесской судебной палаты, Меркурій Задорожнюкъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, въ ночь на 1 е апрѣля нынѣшняго года, во время еврейскихъ безпорядковъ въ мѣстечкѣ Окны, онъ, изъ лавки мѣщанина Шмуля Фурера, въ присутствіи толпы, разбивавшей ту лавку, а также постороннихъ свидѣтелей, вынесъ ящикъ съ деньгами, который разбилъ а деньги похитилъ, каковое дѣяніе предусмотрѣно 1,643-й ст. улож. о наказ.

Подсудимый, на вопросъ о виновности, отвѣтилъ отрицательно.

Судебное слѣдствіе началось допросомъ потерпѣвшаго, Шмуля Фурера, который самъ не былъ очевидцемъ грабежа, произведеннаго въ его лавкѣ.

Допрошенные на судѣ свидѣтели ничего новаго къ выяснившемуся на предварительномъ слѣдствіи не добавили. Выяснилось только, что погромъ въ Окнахъ, въ ночь на 1-е апрѣля, не уступаетъ, по своей жестокости, погрому, бывшему въ Балтѣ. Одинъ изъ свидѣтелей, житель мѣстечка Окны, между прочимъ разсказалъ, что въ ночь, съ 13-го на 14-е іюня, мѣстечко это подверглось новому разгрому. Среди темной ночи, когда шелъ проливной дождь, толпа набросилась на еврейскіе дома и лавки и разрушала ихъ. Пострадало шесть домовъ, подвергшихся полному разграбленію, а въ 30-ти домахъ выбиты окна. Меркурій Задорожнюкъ постоянно живетъ въ мѣстечкѣ Окнахъ. Его и товарища его, Максима, всѣ боятся. Когда разгромъ въ мѣстечкѣ начался, то кто-то закричалъ: «и Меркурій, и Максимъ работаютъ». Все задрожало, и всѣ уже знали, въ чемъ дѣло. Меркурій Задорожнюкъ предводительствовалъ толпою и кричалъ: „ура! ребята, работайте поодесски, что будетъ людямъ, то будетъ и намъ“.

Свидѣтельница Фейга Минебергъ сама видѣла, какъ Меркурій Задорожнюкъ вынесъ изъ лавки ящикъ, разбилъ его о землю, вынулъ изъ него деньги и пригласилъ также другихъ воспользоваться.

Свидѣтели, вызванные по просьбѣ подсудимаго, не подтвердили его ссылки, и большинство изъ нихъ давали весьма неясныя и неопредѣленныя показанія.

По окончаніи судебнаго слѣдствія, слово было предоставлено товарищу прокурора.

Товарищъ прокурора, г. Компанейцевъ. Не знаю, гг. присяж-

ные засѣдатели, какъ вамъ, но для меня чрезвычайно страннымъ представляется слѣдующее обстоятельство. Вотъ уже пятое дѣло, которое мы разсматриваемъ, и во всѣхъ этихъ дѣлахъ мы слышимъ одно только: невиновенъ, не признаю себя виновнымъ; а между тѣмъ, обвинительные приговоры ваши слѣдуютъ одинъ за другимъ, обвиненіе доказывается обстоятельствами дѣла и свидѣтельскими показаніями. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за странность такая! Что это за непонятное явленіе! Я думаю, мм. гг., что и вамъ это приходило на мысль, и вы сначала тоже затруднялись отвѣтить на этотъ вопросъ. Не свидѣтельствуетъ ли, мм. гг., это о томъ, что эти представители погромовъ—люди закоренѣлые, что они твердо рѣшились идти по избранной тропинкѣ, что въ нихъ нѣтъ и искры раскаянія, которое свидѣтельствовало бы, что этотъ страшный урокъ заставитъ ихъ остепениться, и они не повторятъ болѣе того, что сдѣлали одинъ разъ. Мнѣ, повторяю, это кажется страннымъ, и думаю, что вы также задумывались надъ этимъ вопросомъ. Обратите вниманіе: вѣдь въ настоящемъ дѣлѣ все доказано яснѣе бѣлаго дня. Свидѣтели прямо утверждаютъ, что подсудимый Задорожнюкъ былъ, что онъ дѣйствительно разбилъ ящикъ, что онъ воспользовался находившимися въ ящикѣ деньгами. Одни свидѣтели видѣли его, другіе слышали его имя; словомъ, все ясно, какъ бѣлый день, а между тѣмъ, мы тутъ видимъ опять-таки то же упорное отрицаніе. Но я думаю, мм. гг., въ данномъ дѣлѣ вамъ придется поступить по примѣру прежнихъ — вамъ придется внести въ исторію погромовъ обвинительный приговоръ.

Повѣренный гражданскаго истца, князь Урусовъ. «Гг. присяжные засѣдатели! У подсудимаго Задорожнюка нѣтъ защитника, и поэтому на нашей обязанности лежитъ провѣрить все, что онъ приводитъ въ свою пользу, взвѣсить и оцѣнить всѣ его объясненія и придти къ убѣжденію въ его виновности только тогда, когда мы убѣдимся, что это объясненіе не заслуживаетъ вѣры. Прежде всего, мы, какъ совершенно справедливо замѣтилъ товарищъ прокурора, въ этихъ дѣлахъ о еврейскихъ погромахъ замѣчаемъ слѣдующую общую черту, довольно странную. Всѣ подсудимые, явившіеся на судъ по обвиненію въ участіи въ еврейскихъ погромахъ, доказываютъ свое alibi, т. е. что въ это время ихъ на мѣстѣ преступленія не было: въ подтвержденіе этого они ссылаются на сосѣдей. То же самое дѣлаетъ и Задорожнюкъ. Онъ выставляетъ свидѣтелей въ подтвержденіе того, что, во время разгрома, онъ находился у одной изъ свидѣтельницъ. Начинаемъ разсматривать это свидѣтельское показаніе и оказывается, прежде всего, что Задорожнюкъ, по собственному его объясненію и по объясненіямъ всѣхъ свидѣтелей безъ исключенія, въ ночь на 1-е апрѣля находился въ томъ самомъ мѣстечкѣ. Окны, гдѣ произо-

шелъ погромъ и гдѣ онъ самъ не живетъ. Вовторыхъ, у насъ доказано еще и другое. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ эту самую ночь Задорожнюкъ имѣлъ разговоръ съ одной изъ свидѣтельницъ, Кантерманъ, къ которой онъ зашелъ, закурилъ сигару и ушелъ. Задорожнюкъ говоритъ: «нѣтъ, я не ушелъ, а сидѣлъ я довольно долго и пришелъ я туда не одинъ, а вмѣстѣ съ обходомъ». Спрашиваемъ мы тѣхъ, кто былъ въ обходѣ: былъ ли съ вами Задорожнюкъ? Намъ отвѣчаютъ: свидѣтель Кишиневъ—что Задорожнюкъ не былъ наряженъ въ обходъ, что они застали его на границѣ между селомъ и мѣстечкомъ. «А заходили ли вы, спрашиваемъ мы обходчиковъ, въ хату Кантерманъ?» «Нѣтъ, говорятъ они, мы туда не заходили». Значитъ, Задорожнюкъ здѣсь уже говоритъ неправду. Далѣе, мы видимъ, что Задорожнюкъ ушелъ отъ Кантерманъ въ $11^1/_2$ часовъ ночи, а какъ разъ въ это время начинался погромъ и продолжался до трехъ часовъ, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Задорожнюкъ находился. Еслибъ Задорожнюкъ доказалъ намъ, что онъ во все время разгрома находился въ мѣстечкѣ, то, конечно, пришлось бы сказать, что онъ невиновенъ; еслибъ онъ доказалъ намъ, что онъ хотя былъ въ мѣстечкѣ, но все время сидѣлъ или въ хатѣ, или въ лавкѣ Кантерманъ, что опять-таки пришлось бы сказать, что онъ могъ въ то же время участвовать въ погромѣ и грабить. Но Задорожнюкъ ни того, ни другаго не доказалъ показаніями тѣхъ свидѣтелей, которыхъ онъ выставляетъ, а вѣдь, замѣтьте, гг. присяжные, что эти свидѣтели также изъ мѣстечка Окны, что хотя они говорятъ все, что могутъ, въ его пользу, но этого немного, и изъ этого, все-таки, не складывается убѣжденіе, что Задорожнюкъ не могъ участвовать въ это время. Между тѣмъ, Задорожнюкъ на свободѣ; онъ живетъ въ сосѣдствѣ съ тѣмъ самымъ мѣстечкомъ, гдѣ произошелъ разгромъ, не только въ ночь на 1-е апрѣля, но и въ прошедшее воскресенье. Задорожнюка и товарища его Максима, по словамъ свидѣтеля Понтуса, всѣ боятся. Почему же ихъ боятся? Вѣроятно, есть же какая-нибудь причина, почему нѣкоторыхъ людей боятся цѣлыя мѣстечки, гдѣ страшитъ одинъ крикъ: „Меркурій и Максимъ дѣйствуютъ“. Но если показанія выставленныхъ обвиняемымъ свидѣтелей не доказываютъ его alibi, то они, все-таки, недостаточны, чтобы признать его виновнымъ. Но у насъ есть другія показанія лицъ, бывшихъ очевидцами, и вотъ эти показанія уже совершенно достаточны для признанія его виновности». Разобравъ свидѣтелей обвиненія, князь Урусовъ продолжалъ: «Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, тѣ данныя, на основаніи которыхъ я признаю виновность Задорожнюка по настоящему дѣлу несомнѣнно доказанной. Просить васъ о чемъ-нибудь по этому дѣлу я не считаю для себя въ правѣ. Настоящее дѣло уже пятое. Мнѣ кажется, что если въ самомъ началѣ судебнаго засѣ-

данія, открытаго вчера, могло быть нѣкоторое сомнѣніе, нѣкоторое колебаніе относительно того, какъ вы посмотрите на свою обязанность, если кто-нибудь могъ еще думать, что у васъ относительно этихъ преступленій сложился взглядъ слишкомъ снисходительный, то въ настоящее время мы болѣе не имѣемъ никакого права, сомнѣваться. Вы очень хорошо понимаете, что въ нынѣшній день на насъ всѣхъ лежитъ очень тяжелая обязанность. Тяжело, очень тяжело, обвинять наказывать; пріятнѣе было бы видѣть, чтобъ невинный человѣкъ обнаружился на судѣ—но что дѣлать, если этого нѣтъ, если, цѣлуя крестъ и давши клятву не оправдать виновнаго, вы видите предъ собой однихъ виновныхъ, которые упорно отрицаютъ свою виновность и, приэтомъ, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго признака раскаянія; что же остается дѣлать? Голосъ совѣсти долженъ рѣшить. Дай Богъ только, чтобъ оканчивающаяся сессія была послѣдняя въ этомъ родѣ и чтобъ эти, такъ-называемые, погромы, повторившіеся не далѣе какъ на этихъ дняхъ, прекратились, наконецъ. Для того же, чтобъ прекратить подобныя преступленія, нужна твердая воля; не слѣдуетъ давать разгулу распространяться, иначе среди насъ установятся какія-то разбойничьи шайки, и если эти шайки не будутъ подавлены вашимъ приговоромъ, то придетъ время, когда человѣкъ будетъ предоставленъ собственной самозащитѣ, какъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни начальства, ни власти, ни закона». Указавъ далѣе, на значеніе настоящаго преступленія, князь Урусовъ обратилъ вниманіе на то, что вообще чужая собственность есть вещь очень лакомая, соблазнительная. «Какой запоръ и какой замокъ, сказалъ ораторъ, защититъ васъ отъ грабителя, если онъ убѣжденъ, что, подъ прикрытіемъ темной ночи, онъ можетъ сдѣлать, что хочетъ, и что найдутся пріятели, которые будутъ доказывать его alibi. Вашъ, милостивые государи, приговоръ докажетъ Задорожнюку, что на судѣ присяжныхъ спасаетъ одна только правда, а эти пріемы лжи и хитрости улетучиваются, какъ дымъ».

Присяжные засѣдатели вынесли обвинительный вердиктъ и судъ приговорилъ Задорожнюка къ лишенію всѣхъ особенныхъ и лично присвоенныхъ ему правъ состоянія и отдачѣ въ арестантскія роты на три года.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Jerusalem, Jahrbuch zur Beförderung einer wissenschaftlich genauen Kenntniss des jetztigen u. d. alten Palästina, v. A. M. Lunz. (Іерусалимъ, ежегодное изданіе для распространенія точныхъ научныхъ свѣдѣній о древней и нынѣшней Палестинѣ, изд. А. М. Лунца. Выпускъ I, Вѣна, 1882 г.).

Изданіе это, задуманное еще въ 1880 году, предугадало наступившую скоро затѣмъ потребность въ свѣдѣніяхъ о св. землѣ. Событія послѣдняго времени не на шутку возбудили у нѣкоторой части евреевъ мысль о національномъ возрожденіи и о заселеніи древней своей родины. Какъ въ Румыніи, такъ и у насъ, происходило движеніе въ пользу колонизаціи евреевъ въ Палестину. Правда, первыя попытки не увѣнчались успѣхомъ. Между причинами, вызвавшими неудачу, не послѣднее мѣсто занимаетъ полнѣйшее незнакомство доброхотныхъ піонеровъ съ соціальными, экономическими, почвенными, климатическими и другими условіями древней страны, которую они собирались наново колонизировать. Но горячка еще не прошла и сами враги евреевъ заботятся о томъ, чтобы эта мысль не скоро потухла. Продолжающееся съ упорствомъ враждебное настроеніе противъ евреевъ, мѣстами принимающее видъ дикаго насилія, внушаетъ многимъ опасеніе, что на прочный компромисъ съ нѣкоторыми европейскими народами евреямъ разсчитывать трудно, почему стремленіе въ страну, обладающую до сихъ поръ ветхозавѣтнымъ обаяніемъ, можетъ возобновиться. Въ виду этого, изданіе г. Лунца, кромѣ научнаго значенія, можетъ имѣть еще значеніе чисто практическое.

Ежегодникъ «Іерусалимъ», въ которомъ, кромѣ издателя, участвуютъ еще и другія недюжинныя силы, судя по предлежащему первому выпуску, редижируется съ солиднымъ знаніемъ дѣла. Предлежащій томъ, составляющій изданіе за 1881 г., состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ еврейскаго, 262 страницы, составленнаго самимъ издателемъ, и изъ нѣмецкаго, 196 страницъ, въ которомъ между прочими участвовали такіе знатоки св. земли какъ д-ръ Шварцъ, директоръ сиротскаго дома въ Іерусалимѣ, и К. Шикъ,

архитекторъ, состоящій при австрійскомъ іерусалимскомъ консулатѣ. Еврейскій отдѣлъ книги содержитъ въ себѣ:

а) Довольно подробное изложеніе религіозныхъ и общественныхъ обычаевъ евреевъ въ св. землѣ (стр. 1—70).

б) Описаніе кладбищъ и хронологическое исчисленіе покоящихся въ нѣдрахъ св. земли евреевъ, отъ самыхъ древнихъ началъ библейскаго періода до 1873 года; при этомъ сообщено нѣсколько надгробныхъ надписей (стр. 70—165).

в—г) Описанія путешествія къ св. мѣстамъ двухъ путешественниковъ, отъ 1673 и 1681 гг., напечатанныя съ рукописи. (стр. 166—227).

и д) Проекты и предложенія къ улучшенію быта и поднятія матеріальнаго благостоянія евреевъ, живущихъ въ Палестинѣ. (стр, 227 до конца).

Евреи въ Палестинѣ раздѣляются на двѣ главныя группы, различающіяся языкомъ, богослужебнымъ толкомъ, обычаями и образомъ жизни. На 1) «*Сефардимъ*», т. е. «*испанцы*», потомки выходцевъ изъ Испаніи въ концѣ XV столѣтія. Къ нимъ причисляются также «*Мограбимъ*» т. е. «*западные*», прибывшіе и прибывающіе изъ Африки и другихъ магометанскихъ странъ, лежащихъ на западѣ отъ Палестины, и на 2) «*Ашкеназимъ*», т. е. нѣмцевъ, прибывшихъ изъ Германіи, къ которымъ причисляются и евреи славянскихъ земель и другихъ странъ Европы, сходствующихъ съ ними отчасти языкомъ, ритуаломъ и образомъ жизни. «*Сфардимъ*» считаются коренными жителями страны; главнымъ раввиномъ признаетъ турецкое правительство только избираемаго изъ ихъ среды «Хахамъ-баши». «Сфардимъ» хорошо владѣютъ мѣстнымъ арабскимъ языкомъ, а между собою говорятъ еще испорченнымъ испанскимъ нарѣчіемъ, настолько близкимъ къ испанскому языку, насколько нарѣчіе польско-русскихъ евреевъ близко къ нѣмецкому. Въ религіозной практикѣ они, какъ и наши евреи, руководствуются уставомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Шулханъ-Арухъ», раввина Іосифа Каро (1488—1575), но безъ прибавленій и глоссъ польскаго раввина Иссерлиса, прозваннаго Рамо́ (1525—1573), облаготворившаго своихъ единовѣрцевъ массою новыхъ запрещеній и стѣсненій, обязательности которыхъ «Сфардимъ» для себя не признаютъ. Менѣе фанатичны, «Сфардимъ» доступнѣе привитію общаго образованія и культурныхъ началъ, и всѣ бла-

гія начинанія, предпринятыя въ наше время разными филантропами въ Палестинѣ, встрѣчали всегда сочувствіе у „Сфардимъ". Палестинскіе евреи первой группы отличаются еще тѣмъ, что они болѣе преданы производительному труду и хотя и пользуются для своихъ престарѣлыхъ и неимущихъ пожертвованіями щедрыхъ единовѣрцевъ разныхъ странъ, но распредѣленіе этихъ суммъ (*халука*) происходитъ у нихъ добросовѣстно, безъ тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыя укоренились у «Ашкеназимъ». Всѣхъ «Сфардимъ» считается въ Іерусалимѣ 7,260 душъ, въ томъ числѣ 1,290 «Мограбимъ». По роду занятій они раздѣляются на 1) ученыхъ (хахамимъ), коихъ всего 290 семей, въ томъ числѣ 85 „Мограбимъ", 2) разныхъ промышленниковъ, торговцевъ и ремесленниковъ, и 3) бѣдныхъ и неимущихъ, существующихъ наравнѣ съ „хахамимъ" на счетъ благотворительной кассы. Группа «Ашкеназимъ», къ которой принадлежатъ всѣ русско-польскіе, австро-венгерскіе и отчасти голландскіе евреи, распадается на различныя общины («*Колелимъ*»), смотря по мѣсту ихъ происхожденія: такъ, есть «община виленско-жмудская», къ которой принадлежатъ выходцы изъ виленской и ковенской губерній, также и остзейскаго края; эта община насчитываетъ до 1173 душъ. Гродненскіе, минскіе, бѣлорусскіе (витебской и могилевской губерній), варшавскіе, сувалкскіе, слонимскіе и пинскіе евреи образуютъ отдѣльныя общины. Сверхъ того, есть еще отдѣльныя общины евреевъ тѣхъ же мѣстностей, но принадлежащихъ къ сектѣ Хасидимъ, которыя подраздѣляются на три различныя общины: волынцевъ, карлинцевъ и секты «Хабадъ». Если прибавить еще общины евреевъ австрійскихъ (470 душъ), венгерскихъ (440), румынскихъ (330 душъ) и общину «*Годъ*», состоящую изъ голландскихъ и германскихъ евреевъ и насчитывающую всего только 100 душъ, то будемъ имѣть приблизительное понятіе о той пестрой картинѣ, которую представляетъ собою іерусалимское еврейство.

Въ главѣ объ обрядахъ и обычаяхъ г. Лунцъ представляетъ вкратцѣ, но довольно рельефно, изображеніе всѣхъ церемоній, практикуемыхъ у сефардимъ, начиная отъ религіозныхъ обрядовъ обрѣзанія, выкупа первенца («*Пидіонъ-Габенъ*»), празднованія совершеннолѣтія («*Баръ-Мицва*»), свадьбы, похоронъ, посвященія въ раввинскій санъ, и кончая знахарскими процедурами мнимо

лечебнаго свойства для предохраненія отъ «недобраго глаза», для прогнанія домового и т. п. суевѣріями, отъ которыхъ не свободны и „Сфардимъ". Между религіозными обрядами „Сфардимъ" обращаютъ на себя вниманіе неизвѣстные у нашихъ евреевъ обрядъ и торжество по поводу первой стрижки ребенка и оставленія завѣтныхъ височныхъ локоновъ («*пейсы*»). За то у «Сфардимъ» не совершаютъ въ синагогѣ въ пятницу вечеромъ «освященія субботы надъ бокаломъ вина», («*Киддушъ*»), какъ это практикуется у насъ во всѣхъ синагогахъ. Авторъ объясняетъ, что въ прежнія времена обрядъ этотъ практиковался и у «Сфардимъ» но разъ случилось, что одинъ грекъ подмѣнилъ хранившуюся въ кивотѣ бутылку вина бутылкою крови и донесъ, что они употребляютъ человѣческую кровь при богослуженіи, что̀ вызвало противъ нихъ гоненіе; вслѣдствіе этого они отмѣнили навсегда этотъ обрядъ. Между обрядами, соблюдаемыми «Сфардимъ» въ праздники и полупраздники, есть много отступленій отъ обрядовъ, соблюдаемыхъ нашими евреями по тѣмъ же случаямъ. Изъ числа чисто мѣстныхъ обычаевъ, приводимыхъ авторомъ взаключеніе первой главы, характеренъ для нравовъ тѣхъ мѣстъ запретъ, установленный еще за сто слишкомъ лѣтъ назадъ (въ 1754 г.) и остающійся въ силѣ еще по нынѣ, по которому холостой мужчина отъ 20 до 60 лѣтъ не имѣетъ права жить въ городѣ. Ему предоставляется срокъ четырехъ мѣсячный, въ теченіе котораго онъ долженъ жениться или выселиться. Точно также женщинѣ, моложе 60 лѣтъ, запрещается, въ видахъ огражденія нравственности, входить по торговымъ дѣламъ и для оказанія какой нибудь услуги, въ домъ аравитянина. Слѣдуетъ прибавить, что при каждомъ обрядѣ, выходящемъ изъ ряду обыкновенныхъ, авторъ въ ученыхъ примѣчаніяхъ указываетъ на источникъ его происхожденія, причемъ обнаруживаетъ солидную эрудицію и начитанность въ еврейскихъ богословскихъ книгахъ.

Подробное описаніе священныхъ мѣстъ погребенія разныхъ историческихъ лицъ прошлыхъ тысячелѣтій, во второй главѣ, дѣлается, конечно, на основаніи справокъ въ разныхъ книгахъ и разныхъ устныхъ преданій, на которыя авторъ добросовѣстно указываетъ въ постраничныхъ примѣчаніяхъ, при чемъ, естественно, не всѣ данныя могутъ отличаться одинаковой исторической достовѣрностью. Такъ напр. на основаніи одного изъ сво-

ихъ источниковъ авторъ опредѣляетъ въ Палестинѣ мѣсто погребенія пророка Іоны (стр. 87, № 64), между тѣмъ какъ по другимъ существующимъ преданіямъ гробъ этого пророка находится въ древней Ассиріи, около развалинъ Ниневіи *. Грустно-чарующее впечатлѣніе производитъ на душу еврейскаго читателя чтеніе этой главы, это хожденіе по могиламъ вѣчнаго святаго города! Океаны и части свѣта легли между нимъ и тѣми мѣстами, гдѣ жили и ходили его патріархи и цари, пророки и святые мужи, тысячелѣтія отдѣляютъ его отъ тѣхъ лучезарныхъ временъ, когда всходили эти свѣтила для озаренія человѣчества; здѣсь и время и пространство какъ бы исчезаютъ. Въ этомъ тѣсномъ уголкѣ земного шара сошлись дѣти всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ свѣта, но одного племени. Рядомъ лежатъ патріархъ сѣдой древности и знакомый мой современникъ, выходецъ изъ какого нибудь литовскаго захолустья. Вотъ могила Самуила пророка, и вотъ—ребъ Шмуеля эйшишкера; тутъ покоится прахъ царя Давида, а тутъ прахъ ребъ Дувида салантскаго; вотъ Іуда Маккавей, а вотъ Юдель сборщикъ; вотъ Дебора пророчица, а вотъ Двойра лавочница. Сынъ разбитаго, униженнаго племени чувствуетъ себя возвышеннымъ, возсоединеннымъ со своими великими предками. Неумолимая исторія разлучила ихъ, мать святая земля опять ихъ соединила!

Третья и четвертая главы, имѣющія содержаніемъ путешествія къ св. мѣстамъ двухъ еврейскихъ путешественниковъ, одного флорентинскаго въ 1681 г. и одного кандіотскаго въ 1673 г., представляютъ интересъ только археологическій; но тѣмъ важнѣе практическіе совѣты, даваемые авторомъ въ пятой и послѣдней главѣ еврейскаго отдѣла. Проекты эти основаны очевидно на хорошемъ знаніи мѣстныхъ условій и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Въ Іерусалимѣ существуетъ обычай, что пекутъ хлѣбъ дома; авторъ указываетъ на пользу отъ устройства пекарень. Далѣе онъ говоритъ о необходимости учрежденія артелей и сберегательныхъ кассъ для рабочихъ, принятія мѣръ къ улучшенію земледѣлія и разныхъ мѣстныхъ промышленныхъ производствъ. По его мнѣнію, при устройствѣ нужныхъ мастерскихъ и заводовъ, Палестина могла

* См. напр. Путешествіе Веніамина Тудельскаго.

бы вести значительную вывозную торговлю внутренними издѣліями, какъ-то: разными токарными вещами изъ масличнаго дерева, оливковымъ масломъ, виномъ и спиртомъ, райскими яблоками («эсрогимъ») и другими, употребляемыми у евреевъ, ритуальными предметами въ родѣ: пергаментныхъ свитковъ библіи, филактерій (тфилинъ) и амулетовъ, прибиваемыхъ къ косякамъ дверей (мезузотъ). Авторъ полагаетъ, что въ Іерусалимѣ можно съ пользою устроить ткацкія и бумагопрядильныя фабрики и общества взаимнаго кредита. Отъ указанія на необходимость устройства школъ и контроля надъ общественною кассою онъ воздерживается, чтобъ—гусей не раздразнить. Спрашивается, если гуси играютъ и въ еврейскомъ Іерусалимѣ такую же роль, какъ нѣкогда въ языческомъ Римѣ, то гдѣ гарантія, что и кассы проектируемыхъ имъ кредитныхъ учрежденій не попадутъ въ руки мѣстныхъ кулаковъ и не подвергнутся расхищенію?

Нѣмецкая часть книги содержитъ:

1) Хронологическую таблицу политическихъ событій въ св. землѣ со времени завоеванія ея римлянами до возвращенія Сиріи подъ владычество Турціи помощію западныхъ державъ въ 1841 году.

2) Метеорологическую таблицу за 1880 г.

3) Справочный экономическій листокъ, съ обозначеніемъ базарныхъ дней въ разныхъ городахъ Палестины, употребляемыхъ тамъ мѣръ, вѣсовъ и монетъ, цѣнъ на разные мѣстные продукты, гостинницъ и страннопріимныхъ домовъ разныхъ народовъ и исповѣданій, консульскихъ управленій, благотворительныхъ и богоугодныхъ заведеній и различныхъ религіозныхъ братствъ, существующихъ у іерусалимскихъ евреевъ. (1—32).

4) Подробныя свѣдѣнія о проживающихъ нынѣ въ Іерусалимѣ евреяхъ, ихъ занятіяхъ, съ вѣдомостью о состояніи воспитательныхъ и другихъ общественныхъ учрежденій, основанныхъ различными заграничными благотворителями (32—82). Статья эта составлена двумя отличными знатоками Палестины, пробывшими тамъ долгое время англійскими учеными евреями гг. Монтагю и Ашеръ, вслѣдствіе запроса «Board of Deputies of British Jews» въ 1876 году.

5) Ученое изслѣдованіе о жителяхъ и объемѣ древняго Іерусалима, упомянутаго нами архитектора Шика.

6) Его-же изслѣдованіе о мѣстѣ нахожденіи древней «Рамы», въ которой жилъ и училъ пророкъ Самуилъ.

7) Объ открытіи имъ же, г. Шикомъ, древней надписи въ каменномъ подземномъ сводѣ надъ русломъ библейской рѣчонки «Силоа».

и 8) Вѣдомости о состояніи сиротскаго дома, земледѣльческой школы и другихъ европейскихъ благотворительныхъ учрежденій и различныя статистическія свѣдѣнія о Іерусалимѣ за послѣдній годъ, д-ра Шварца.

Подробное изложеніе содержанія всѣхъ этихъ извѣстій и статей вывело бы насъ за предѣлы нашего обозрѣнія. Изъ сдѣланнаго перечня читатели могутъ себѣ составить понятіе о полезности и высокомъ интересѣ статей, помѣщенныхъ въ I томѣ ежегодника «Іерусалимъ». Остается желать, чтобы труды добросовѣстнаго издателя были по достоинству оцѣнены публикою и чтобы послѣдующіе томы изданія были бы, по меньшей мѣрѣ, не хуже перваго.

Другое сочиненіе, появленіе котораго находится также въ связи съ послѣдними, грустными для евреевъ, событіями,

Синьа́ть ола́мъ ле-а́мъ ола́мъ (Вѣчная ненависть къ вѣчному народу) Н. Соколова. Варшава, 1882 г.

Авторъ задалъ себѣ вопросъ, который у многихъ теперь на душѣ: откуда эта глубокая, неизсякаемая ненависть народовъ къ еврейскому племени? Что́ питаетъ это пагубное чувство въ теченіе тысячелѣтій на зло лучшимъ инстинктамъ человѣческой природы и успѣхамъ цивилизаціи? Какія ея главныя причины и нѣтъ ли средства къ ихъ устраненію? За полученіемъ отвѣта на эти вопросы авторъ отправляется въ дальній путь. Онъ предпринимаетъ обходъ по мрачнымъ подземельямъ средневѣковой исторіи, подымаетъ цѣлый столбъ архивной пыли и, съ фонаремъ въ рукахъ, старается освѣтить и сличить событія и явленія, чтобы найти искомую причину всѣхъ причинъ. Религіозная ненависть, несомнѣнно, играла важную роль въ преслѣдованіи евреевъ, но не можетъ считаться главною и единственною причиною. Сами папы и императоры защищали евреевъ противъ своихъ народовъ. Религіозная ненависть, сама по себѣ противная духу христіанскаго

ученія, не могла бы продержаться съ такою интенсивностію цѣлыя тысячелѣтія, въ особенности въ виду успѣховъ просвѣщенія и современной культуры. Но ей поспѣшили на помощь два другіе сильные рычага: племенная ненависть и экономическая конкурренція, она же—борьба за существованіе. По поговоркѣ: Quisque sibi proximus, или проще, по-русски: своя рубаха ближе къ тѣлу, видя въ еврейскомъ племени чужого, пришельца, «коренные» народы усиливали свою ненависть къ нему при малѣйшемъ его успѣхѣ. Авторъ доказываетъ, что всегда и повсюду гоненія на евреевъ первоначально выходили не изъ высшихъ сферъ предержащихъ и законодательныхъ властей, а изъ низшихъ слоевъ народа, приходившихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ евреями. Какъ только евреи укоренялись и обживались въ данной странѣ и ихъ стараніями торговля и промышленность начинали процвѣтать, коренное населеніе, интересы котораго были этимъ задѣты, поднимало гвалтъ, вызывало противъ евреевъ или систематическое «легальное» преслѣдованіе, или же прибѣгало къ нелегальной самопомощи, къ кулачной расправѣ. Предержащія власти лично относились къ этой травлѣ, большею частію, равнодушно и, какъ истые дипломаты, стараясь извлекать изъ общей передряги побольше выгоды для своей казны, то вступались за евреевъ противъ «коренныхъ», то выступали вмѣстѣ съ послѣдними противъ евреевъ, смотря потому, куда клонили вѣсы ихъ интересовъ. Блестящее исключеніе изъ этого правила составляетъ въ Россіи императрица Елисавета Петровна съ ея приснопамятною резолюціею: «Отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли» *, сдѣланною 16-го декабря 1743 г. въ ущербъ даже интересамъ «коренныхъ». Такое негосударственное отношеніе государственныхъ правителей къ этому роковому вопросу измѣнилось въ послѣднемъ столѣтіи, когда съ восходомъ зари общаго прогресса, эти вершины человѣчества озарились лучами гуманности и истинной государственной мудрости. Во многихъ странахъ западной Европы, изъ законодательныхъ кодексовъ исчезли исключительные законы для евреевъ и началось уравненіе евреевъ въ гражданскихъ правахъ. Даже у насъ, въ послѣднее время Рѣчи

* Авторъ появившейся недавно книги «Евреи-реформаторы» два раза ошибочно приписываетъ эти слова Ивану Грозному (стр. 150).

Посполитой и въ первое время царствованія императора Александра Благословеннаго, убѣдились въ необходимости разъ на всегда урегулировать правовое положеніе евреевъ и ихъ отношеніе къ остальному населенію. Состоялись сперва проектъ Андрея Замойскаго, а затѣмъ уставъ 1804 г. Но до низменныхъ слоевъ населенія благотворные лучи новаго свѣта до сихъ поръ не дошли, и такъ какъ регулирующіе еврейскій вопросъ уставы не закончены и въ народную жизнь не проникли, то естественно, что животные инстинкты народной массы остались несмягченными и при каждомъ столкновеніи вырываются наружу съ разрушительною силою.

Въ этомъ объясненіи автора вѣкового антогонизма къ евреямъ и тѣхъ дикихъ противъ нихъ порывовъ, которыхъ намъ довелось быть свидѣтелями, ничего невѣрнаго нѣтъ, потому что въ нихъ нѣтъ ничего новаго. Авторъ только констатируетъ факты и кодифицируетъ выводы изъ учебника исторіи. Но какъ ни интересно само по себѣ ретроспективное изученіе причинъ извѣстнаго патологическаго явленія, пользы въ такомъ изученіи мало, если изъ него не вытекаетъ указаніе на средства, способныя устранить послѣдствія этихъ причинъ. Для насъ также не важенъ вопросъ: по какимъ причинамъ народы всѣхъ странъ и временъ устраивали травли на евреевъ, — религіознымъ, расовымъ или экономическимъ; для насъ важно узнать: есть ли средство для устраненія послѣдствій этихъ причинъ, и какое оно именно?

Увы, на этотъ капитальный вопросъ книга г. Соколова намъ отвѣта не даетъ, или, вѣрнѣе, даетъ отвѣтъ отрицательный. Констатировавъ, что повсемѣстное притѣсненіе евреевъ со стороны другихъ разновидностей человѣческаго рода всегда было и остается естественнымъ послѣдствіемъ національнаго эгоизма и борьбы за существованіе, авторъ приходитъ къ заключенію, что избавиться отъ этихъ послѣдствій *нѣтъ* средства и что до наступленія того мессіянскаго времени, когда «волкъ будетъ жить съ агнцомъ», когда человѣчество дойдетъ до идеальнаго совершенства, когда перестанутъ дѣйствовать индивидуальныя и національныя страсти,—до того времени будетъ существовать «вѣчная ненависть къ вѣчному народу».

Долгонько ждать, г. Соколовъ!

Изъ сказаннаго уже видно, что разсматриваемая книга стра-

даетъ капитальнымъ недостаткомъ, а именно безцѣльностію, такъ какъ она носитъ характеръ чисто доктринернаго изслѣдованія, практическаго же значенія не имѣетъ. Мы, можетъ быть, поэтому вовсе и не занимались бы произведеніемъ г. Соколова, еслибъ оно не содержало въ себѣ и много дѣльнаго и хорошаго и еслибы мы не были убѣждены, что, на основаніи изложенныхъ въ немъ же данныхъ, можно прійдти къ заключенію не столь пессимистическому и безутѣшительному.

Г. Соколовъ, человѣкъ еще очень молодой, уже теперь недюжинный еврейскій писатель. Въ разсматриваемой книгѣ, которая составляетъ первый самостоятельный его трудъ, онъ обнаруживаетъ богатую начитанность въ произведеніяхъ первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ, ясную систематичность изложенія и здравую логику, — качества, которыя нельзя не цѣнить у людей, воспитанныхъ преимущественно на талмудѣ и схоластикѣ. Слогъ его плавенъ, правиленъ и богатъ, даже до избытка, такъ что мѣстами онъ какъ бы кокетничаетъ цвѣтистостью и рискуетъ стать не вполнѣ понятнымъ. Единственный недостатокъ, замѣченный нами въ этомъ отношеніи въ его книгѣ, это — широковѣщательство, которое у него обще со всѣми неостепенившимися еще еврейскими писателями. Согласитесь, что для темы, съ такимъ животрепещущимъ интересомъ, самая подходящая форма была бы — кроткая брошюра, а не книга въ 212 страницъ компактнаго шрифта. Читатель, который можетъ оказаться именно пострадавшимъ при какомъ нибудь погромѣ или во всякомъ случаѣ подходящимъ кандидатомъ для будущихъ погромовъ, заинтересованный заманчивымъ заглавіемъ книги, горитъ нетерпѣніемъ поскорѣе узнать — за что его поколотили или будутъ колотить. Ему вполнѣ достаточно знать, что его побили и ограбили не по религіозной, а по экономической причинѣ, что его жену или его дочь обезчестили не изъ половой любви къ ней, а изъ національной ненависти къ нему; но ему не зачѣмъ выслушивать длинную рацею и цѣлый психологическій этюдъ на основаніи Шопенгауера, Милля и др., о томъ, что такое индивидуальный и національный эгоизмъ и что такое вѣротерпимость. Это намъ отчасти напоминаетъ того метафизика, который, лежа въ ямѣ, вмѣсто того, чтобы скорѣе ухватиться за поданную ему веревку, стоически резонируетъ: «веревка вещь какая?»

Авторъ предупреждаетъ своихъ читателей, что онъ не пишетъ апологіи или панегирика евреямъ, иначе онъ не писалъ бы свою книгу по еврейски. Онъ увѣряетъ, что объективно излагаетъ факты, и не его вина, если правота евреевъ проявляется сама собою. Но такъ ли оно на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли авторъ объективенъ и безпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ? Не скрываетъ, не умалчиваетъ ли онъ что либо изъ жалости къ своимъ угнетеннымъ братьямъ или изъ боязни предъ этими, все еще сильными, угнетенными? Amicus Aristotelis sed amicus veritatis. Въ отношеніи народовъ и правительствъ къ евреямъ, какъ оно ни упорно и продолжительно въ своей враждебности, мы все-таки замѣчаемъ нѣкоторое поступательное движеніе къ лучшему, къ примиренію. Идеи ли государственности или идеи справедливости взяли верхъ, но каждое правительство почему-то всегда было озабочено еврейскимъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго оно видѣло въ пріученіи евреевъ къ производительному труду, въ привитіи имъ началъ общечеловѣческой культуры, въ возможномъ сближеніи ихъ съ прочимъ населеніемъ государства. Что же сдѣлали евреи съ своей стороны, чтобы пойти на встрѣчу правительству для облегченія ему труда, предпринятаго для ихъ же пользы? Поняли и воспользовались ли они представлявшимися имъ рѣдкими благопріятными моментами? Воспользовались ли наши ближайшіе предки такою благопріятною эпохою, какъ первая половина царствованія Александра I Благословеннаго, чтобы и съ своей стороны честно и искренно содѣйствовать хоть бы напр. пріуроченію еврейскаго быта къ земледѣльческому труду, о чемъ правительство стало тогда хлопотать? Въ царствованіе императора Николая, при управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія графа Уварова, единственнаго, можетъ быть, между русскими государственными людьми, который правильно и добросовѣстно смотрѣлъ на еврейскій вопросъ, рѣшеніе этого послѣдняго усматривали въ привитіи евреямъ общечеловѣческаго просвѣщенія. Поняли ли наши братья значеніе этого момента и этой воистину спасительной мѣры? Намъ всѣмъ памятно, съ какимъ тупымъ и слѣпымъ упорствомъ они противились новымъ школамъ и улучшенію системы воспитанія, такъ что это пользительное лекарство могло быть подаваемо имъ, словно больному ребенку, только въ незначительныхъ дозахъ и въ подслащенномъ видѣ. Скоро ли возвратится

такой счастливый моментъ, какъ шестидесятые годы, эпоха преобразовательной дѣятельности блаженной памяти Царя-Освободителя? Что-же сдѣлали евреи тогда и какъ воспользовались они этимъ золотымъ моментомъ ихъ исторіи? Внутреннія губерніи Россіи распахнулись для извѣстной части еврейской народной массы. Что же? Много ли евреевъ-ремесленниковъ переселилось изъ черты осѣдлости во внутреннія губерніи? Туда попало большею частію множество разночинцевъ и *фиктивныхъ* ремесленниковъ, выселеніе которыхъ такъ сильно огорчало насъ въ послѣднее время, когда благопріятный моментъ минулъ и наступили дни тяжелые. Если бы вожаки еврейскихъ обществъ владѣли малѣйшимъ политическимъ смысломъ, малѣйшимъ понятіемъ о гражданственности, они должны бы были тогда же употреблять всѣ свои силы и средства на устройство переселенческихъ комитетовъ, ремесленныхъ училищъ и т. п. учрежденій. Наше положеніе въ настоящее время, можетъ быть, было бы значительно легче. Но во главѣ еврейскихъ обществъ стояли тогда темные фанатики и раввины-кривотолки, которые не хотѣли и не съумѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ. Мы крѣпки заднимъ умомъ. Мы спохватились теперь,—теперь когда благопріятный моментъ прошелъ, быть можетъ, безвозвратно!

Говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы упрекать нашихъ братьевъ за прошлое, но наоборотъ, для того чтобы доказать, что наше положеніе не такъ еще безнадежно, какъ оно представляется автору. Подобные благопріятные моменты могутъ повториться, пожалуй, раньше назначеннаго авторомъ мессіанскаго срока, и весь вопросъ въ томъ, воспользуемся ли мы уроками прошлаго, чтобы опять не оплошать и самимъ взяться, умѣло и добросовѣстно, за дѣло нашего возрожденія.

Главный недостатокъ книги г. Соколова, составленной безспорно съ благимъ намѣреніемъ и съ солиднымъ знаніемъ дѣла, все-таки тотъ, что онъ изъ богатой своей аргументаціи и собранныхъ въ значительномъ количествѣ данныхъ не дѣлаетъ надлежащихъ выводовъ для назиданія одной и ободренія другой части своей публики. Послѣ утомительнаго чтенія объемистой книги г. Соколова, читатель остается подъ такимъ же щемящимъ душу чувствомъ отчаянія, какъ родственники опасно больного милаго существа—послѣ консиліума врачей, изслѣдовавшихъ исторію болѣзни,

вѣрно поставившихъ діагнозъ и наговорившихъ много латыни, но не прописавшихъ никакого рецепта, признавъ болѣзнь неизлечимою и больного погибшимъ.

Иначе поступилъ авторъ другаго произведенія, посвященнаго тому же самому вопросу. Мы говоримъ о появившейся недавно на нѣмецкомъ языкѣ брошюрѣ

Autoemancipation. Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden. (Самоэмансипація. Воззваніе русскаго еврея къ своимъ единоплеменникамъ). Berlin, 1882.

Безъименный авторъ брошюры приблизительно такого же мнѣнія о современномъ положеніи евреевъ, какъ и г. Соколовъ. Онъ также находитъ, что вражда народовъ къ еврейскому племени не кончится, пока евреи сами не войдутъ въ сонмъ народовъ въ качествѣ самостоятельной независимой націи. Ожидать полнаго разрѣшенія еврейской проблемы отъ полнаго восторжествованія гуманитарныхъ идей онъ считаетъ несбыточной иллюзіей, такъ какъ самое это торжество гуманизма слѣдуетъ отложить до наступленія возвѣщеннаго пророками мессіянскаго времени, т. е. ad calendas graecas. Всякіе же компромиссы евреевъ съ другими народами, всякія ассимиляціи и эмансипаціи, онъ считаетъ палліативами, не захватывающими зла у корня. Но авторъ брошюры стоитъ на болѣе реальной почвѣ. Онъ не успокоивается объявленіемъ положенія паціента безнадежнымъ; онъ все таки предлагаетъ средство, хотя средство самое отчаянное, самое рискованное. Главную причину упорства и продолжительности болѣзни онъ видитъ въ томъ, что евреи, разбитые и разсѣянные по всему земному шару, не имѣютъ на всемъ этомъ пространствѣ ни одного клочка земли, который могли бы назвать своимъ собственнымъ. Въ длинный періодъ жизни въ изгнаніи, подъ чужимъ началомъ, евреи утратили всякое чувство гражданственности, всякое національное сомосознаніе. Они перестали считать себя *націею*, имѣющею право на самобытное существованіе, и другіе народы не считаютъ ихъ таковою. Для нихъ еврейское племя—беззащитное панургово стадо, находящееся внѣ общихъ законовъ, предоставленное на съѣденіе первымъ встрѣчнымъ хищникамъ съ звѣриными инстинктами. Единственный исходъ изъ

этого положенія, по мнѣнію автора, — пріобрѣтеніе въ собственность, гдѣ бы то ни было, небольшой территоріи для водворенія на ней избытка европейскаго еврейства на началахъ хоть бы самой незатѣйливой автономіи. Эту мѣру онъ и рекомендуетъ, какъ послѣднее средство для спасенія безнадежнаго больного. Авторъ не утопистъ. Онъ не скрываетъ отъ себя всѣхъ трудностей осуществленія этого проекта, но его горячій патріотизмъ не останавливается предъ этими трудностями и его практическій умъ считаетъ успѣхъ не немыслимымъ, конечно при приложеніи гигантскихъ силъ и стараній. Чрезвычайное положеніе требуетъ и чрезвычайныхъ мѣръ.

Ни одна еврейская душа не можетъ остаться безъ глубокаго содроганія отъ этого громкаго клича, звучащаго гласомъ призывной трубы дня свѣтопредставленія! «Если не мы за насъ, кто за насъ, а если не теперь, то когда же?!» Дойдетъ ли этотъ трубный звукъ до «безпечныхъ первенствующихъ» нашего народа проникнетъ ли онъ въ ихъ отучнѣвшее сердце и зачерствѣлую душу какая судьба ожидаетъ смѣлый, но во всякомъ случаѣ грандіозный проектъ патріота-анонима—мы предсказать не беремся.

Въ одномъ, во всякомъ случаѣ, ошибается достопочтенный авторъ. Понятіе о гражданственности и чувство національности утеряны евреями не на пути длиннаго изнурительнаго странствованія ихъ среди народовъ; оно было довольно слабо у нихъ въ самомъ началѣ ихъ via dolorosa. Опека злыхъ вотчимовъ и мачихъ, конечно, окончательно заглушила въ нихъ эти благороднѣйшія и высшія ощущенія человѣческой души, но зародышъ денаціонализаціи былъ имъ систематически привитъ послѣдними ихъ родными отцами и наставниками. Эта характерная черта есть главное различіе между библейскимъ и талмудическимъ еврействомъ. Моисей созидаетъ націю, для которой онъ пишетъ законы, талмудъ расширяетъ законъ и старается сохранять существованіе извѣстной кучки людей для его исполненія. Авторы талмуда, конечно, вынужденные обстоятельствами, съ легкимъ сердцемъ махнули рукою на національное существованіе евреевъ, озабочиваясь лишь запечатлѣніемъ въ ихъ душѣ обязательности выполненія обрядовъ вѣры. Проведено было новое міровоззрѣніе, провозглашено новое призваніе, новый raison d'être для евреевъ: *ношеніе религіозной идеи.*

Гдѣ евреямъ дозволено было безпрепятственное выполненіе ихъ «*тарягъ мицвотъ*» (613 предписаній вѣры), тамъ они больше ничего не желали. Это имѣло естественнымъ послѣдствіемъ утрату евреями чувства гражданственности, устраненіе отъ міровой цивилизаціи, отреченіе отъ идеи національности. Если высказанная истина нуждается еще въ доказательствахъ, то достаточно одного слѣдующаго. Избавленіе нѣкотораго количества евреевъ въ не совсѣмъ извѣстный періодъ времени въ одномъ персидскомъ государствѣ,—происшествіе чуть ли совсѣмъ не легедарное, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ критически не изслѣдованное и другими историческими источниками не подтверждаемое, поставлено талмудомъ на степень капитальнаго историческаго событія. Ему посвященъ особый трактатъ (*Мегилла*), оно окружено ореоломъ легендъ, ему придано важное значеніе въ литургіи. Свитокъ Эсѳири помѣщенъ въ канонъ и обязательно читается въ синагогѣ два раза съ особою торжественностію, при особомъ славословіи (брохо), со всѣми щепетильными предосторожностями, какъ чтеніе самаго пятикнижія. Постъ Эсѳири соблюдается до сихъ поръ; праздникъ «пуримъ» самый популярный праздникъ; это нѣчто въ родѣ еврейской масляницы. Событіе этого дня даже драматизировано у евреевъ и разыгрывается доморощенными актерами. Для литургіи въ день «пуримъ» составлены особые гимны, которые до сего дня читаются. Между тѣмъ происшествіе это, если оно когда либо дѣйствительно и случилось, имѣло въ отношеніи къ цѣлому народу значеніе второстепенное. Въ тотъ день была избавлена отъ грозившей ей опасности персидская еврейская колонія, которая, послѣ избавленія, продолжала жить въ рабствѣ у персовъ, и безъ которой еврейское племя не перестало бы существовать, какъ оно не перестало существовать послѣ исчезновенія десяти израильскихъ колѣнъ. Не то мы видимъ относительно праздника Маккавеевъ. Воистину геройскій подвигъ Іуды Маккавея, спасшій самое существованіе еврейской націи, играетъ у насъ далеко не такую важную роль. Книга Асмонеевъ вовсе не вошла въ канонъ и, не сохранись она въ чужихъ источникахъ, объ этомъ доблестномъ подвигѣ и слѣдъ простылъ бы въ исторіи. Талмудъ не посвятилъ этому празднику особаго трактата; о немъ говорится вскользь, какъ бы мимоходомъ, въ другихъ трактатахъ. Праздникъ

этотъ интересуетъ раввиновъ не какъ *національный* праздникъ, какъ день спасенія политической жизни націи, а какъ день, въ который былъ очищенъ и вновь освященъ храмъ для совершенія въ немъ богослуженія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самое названіе этого праздника «Ханука», что значитъ „освященіе".

Міровоззрѣніе это до сихъ поръ господствующее у евреевъ. Заприте вы правовѣрнаго еврея въ тѣсномъ гетто, или, какъ оно теперь называется «чертѣ осѣдлости», но дайте ему его «шохета» * и его «микву» ** и онъ будетъ доволенъ. Возвратите вы ему его Палестину съ Іерусалимомъ во главѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ согласился уменьшить число запрещенныхъ талмудомъ въ субботу главныхъ работъ съ 39 на 38, онъ, будьте увѣрены, на вашу сдѣлку не пойдетъ. Евреи бѣгутъ отъ воинской повинности, не потому только что ихъ не производятъ въ чины, но и потому что не даютъ имъ кошернаго котла. Гдѣ же тутъ можетъ быть рѣчь о гражданскомъ чувствѣ, объ идеѣ національности? Въ послѣднее время обнаружилось среди евреевъ стремленіе въ древнюю ихъ родину, съ плохо скрытою надеждою на возстановленіе хоть въ далекомъ будущемъ нѣкотораго рода національной самостоятельности, и самые выдающіеся раввинскіе корифеи обозвали это движеніе ересью, дьявольскимъ навожденіемъ, потому что оно совершается не по предписанному церемоніалу, по которому Мессія долженъ спуститься съ облаковъ въ видѣ нищаго, сидящаго на ослѣ. И не одни только наши длиннополые, длиннопейсые и длинноухіе раввины такъ разсуждаютъ; разсуждаетъ такъ и раввинъ-докторъ въ родѣ г. Лемана, издателя «Израелита» въ Майнцѣ, который въ передовой статьѣ № 41 его газеты за нынѣшній годъ выступаетъ противъ всякой попытки колонизаціи Палестины и возстановленія еврейской національности путемъ естественнымъ. Но интереснѣе всего видѣть, какъ въ этомъ антинаціоналистическомъ взглядѣ сходятся разныя крайности. Филипсонъ, въ передовой статьѣ 42 своей газеты, по поводу разсматриваемой нами брошюры, признаетъ также всякое *національное* стремленіе *антирелигіознымъ*, и клеймитъ націоналистовъ правда не «еретиками», а «нигилистами». Все это дока-

---

* Рѣзника.

** Ритуальную купальню.

зываетъ, какъ глубоко въ насъ самихъ сидитъ отрицаніе нашей самобытности какъ народа, какъ націи. Если проекту анонимнаго автора когда либо, разумѣется, не при насъ а при нашихъ внукахъ, суждено осуществиться, то будущіе реализаторы его должны имѣть въ виду, что имъ придется считаться еще съ этою трудностью, которая, можетъ быть, не изъ послѣднихъ.

Меваккеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ НА

большую ежедневную политическую, литературную и биржевую газету

„НОВОСТИ“ и БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА.

Газета «НОВОСТИ» выходитъ, *безъ предварительной цензуры*, ежедневно, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, полулистами или въ видѣ прибавленій телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграммы. Форматъ газеты самый большой изъ существующихъ у насъ газетныхъ форматовъ и заключаетъ въ себѣ 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: **въ Петербургѣ:** На 12 мѣс. 9 р., на 11 мѣс. 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 7 р. 50 к., на 8 мѣс. 7 р., на 7 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р., на 4 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. **Въ другихъ городахъ:** На 12 мѣс., 10 р., на 11 мѣс. 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р. 50 к., на 8 мѣс. 8 р., на 7 мѣс. 7 р., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р., на 4 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. **Заграницею:** На 12 мѣс. 18 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 6 р., на 1 мѣс. 2 р. На другіе сроки подписка не принимается.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ, черезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: для иногородныхъ: 4 р. при подпискѣ, 3 р. въ концѣ Марта и 3 р. въ концѣ іюня; для городскихъ: 3 р. при подпискѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня. Разсрочка для неслужащихъ допускается по соглашенію съ конторою. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: *въ С.-Петербургъ, въ контору газеты „Новости“ (Мойка, 90)*.

Въ 1883 году газета «Новости» будетъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

Въ текущемъ году въ «Новостяхъ» принимали участіе слѣдующіе сотрудники: **Алферьевъ**, І. В. **Андреевскій**, И. Е.—**Боборыкинъ**, П. Д.—**Бобровъ**, В. П.—**Бѣловъ**, И. Д.—**Вейнбергъ**, П. И.—**Весинъ**, Л. П.—**Галлеръ**, К. П.—**Головачовъ**, А. А.—**Думашевскій**, А. Б.—**Забѣлинъ**, А. И.—**Ильишъ** Р. Ѳ.—**Коммиссаржевскій**, Ѳ. П. — **Ламанскій**, С. И.—**Лѣсковъ**, Н. С.—**Михневичъ**, В. О.—(Коломенскій кандидъ).—**Никитинъ**, В. Н.—**Нотовичъ**, О. К.—**Песковскій**, М. Л.—**Сементковскій**, Р. И.—**Филипповичъ**, Л. П. и многіе другіе.

Имена еще нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, обѣщавшихъ намъ свое сотрудничество, будутъ объявлены своевременно.

Подписавшимся на газету на 1883 г. предоставляется право пріобрѣсти слѣдующія книги за половину ихъ номинальной стоимости:

	Ном. цѣна.	Со скидк. 50%.
Зажиго-погребенная, ром. Эмара и **Кровавыя ночи**, ром. Мери	2 р. — к.	1 р. — к.
Подъ развалинами Помпеи, историч. ром. Курти.	2 » 50 »	1 » 25 »
Аббатъ, ром. Галеви	— » 50 »	— » 25 »
Анджелла, ром. Шпильгагена	1 » — »	— » 50 »
Мошенники большаго свѣта, ром. Рикуара.	— » 75 »	— » 40 »
Принцесса-акробатка, ром. Бувье	1 » — »	— » 50 »
Лицо и изнанка, ром. Эм. Габоріо и **Сынъ палача**, Ш. Диге	2 » — »	1 » — »

Пересылка на счетъ конторы газеты „Новости“.

Въ книжномъ складѣ при типографіи **А. Е. Ландау.**

(С.-Петербургъ, Офицерская, 17).

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

Еврейская библіотека. Историко-Литературный сборникъ. Т. Т. I—VIII. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к. Выписывающіе всѣ восемь томовъ отъ издателя платятъ съ пересылкою 16 р.
Талмудъ. Соч. библіотекаря британскаго музея. Эм. Дейтша. Изд. второе. Ц. 50 к.
О книгѣ кагала. Соч. И. И. Шепшевскаго. Ц. 50 к.
Евреи и ихъ ученіе объ иновѣрцахъ. Д. И. Флисфедера. Цѣна 1 р. 50 к.
Мендель Гибборъ. Фейгеле Маггидъ. Повѣсти А. Берштейна. Цѣна 1 р.
Очерки прошлаго. Л. О. Леванды. Цѣна 1 р.
Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.
Евреи въ Россіи. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.
Записки еврея. Г. И. Богрова. Ц. 3 р.
— Тоже на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части. Ц. 4 р.
Еврейскій манускриптъ. Г. И. Богрова. Ц. 1 р. 50 к.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Д. И. Флисфедера. Ц, 1 р. 25 к.
О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Соч. проф. Д. Хвольсона. Изд. 2-ое Ц. 1 р. съ пересылкой 1 р. 25 к.
Употребляютъ-ли евреи христіанскую кровь. Проф. Д. Хвольсона. Ц. 20 к.
Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей.—Протоіерея В. Протопопова. Ц. 10 к.
Tragikomisches aus dem Leben. H. Schapir. Ц. 75 к.
Сочиненіе О. А. Рабиновича. Т. I. Цѣна 2 р. 50 к.
Изнанка сербской войны. Записки К. А. Воронича. Ц. 2 р. 50 к.
Карманная книжка военно-полевой хирургіи. О. Гейфельдера. Ц. 2 р.
На встрѣчу. Очерки и стихотворенія Василія Маркова. Ц. 1 р. 75 к.
О биржахъ. Л. Н. Нисселовича. Ц. 1 р.
Кредитъ, банки и денежное обращеніе. И. И. Кауфмана. Цѣна 4 р. 50 к.
Гигіена волосъ. Соч. д-ра Пинкуса. Ц. 40 к.
Европейскіе классики съ примѣчаніями, объяснительною статьей и біографіею. Переводъ подъ редакціей Петра Вейнберга.
Выпускъ I. **Гете.** Ифигенія въ Таврадѣ.
" II. **Шекспиръ.** Коріоланъ.
" III. **Мольеръ.** Скупой.
" IV. **Данте.** Адъ.
" V. **Шиллеръ.** Пѣснь о колоколѣ. Баллады. Лагерь Валленштейна.
" VI. **Шериданъ.** Школа злословія.
" VII. **Софоклъ.** Эдипъ Царь.
" VIII. **Байронъ.** Мазепа. Шильонскій узникъ и др.
Цѣна каждому выпуску. 50 к.
Выписывающіе изъ нашего склада за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ЕВРЕИ ВЪ БАРНОВѢ. Очерки и разсказы К. Э. Француза.
РИЛЬ. Г. В. Гражданское общество.

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Офицерская, 17.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ Недѣльной Хроникой Восхода“ на 1882 г.

	въ Россіи:	за границею.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 „ — „	7 „ — „
На три мѣсяца.	3 „ — „	3 „ 50 „

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Сентября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги, 2 р. Отдѣльные №№ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоватся разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р. за $^1/_2$ страницы 8 руб., за $^1/_4$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—15 коп. за строчку петита, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адресса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель **А. Е. Ландау.**